

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1(4) 2011

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaiic Studies
Урало-алтайские исследования

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (4) 2011

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief

A. V. Dybo

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yu. V. Normanskaja

Executive Editor

V. Yu. Gusev

Editorial Board

G. F. Blagova, P. P. Dambueva, A. I. Kuznecova, O. A. Mudrak, S. A. Myznikov, I. Nikolaeva (Great Britain), F. Sh. Nurieva,
G. C. Pyurbееv, M. Robbeets (Belgium/Germany), I. Ya. Selyutina, R. A. Tadinova, Z. N. Ekba

Advisory Board

V. M. Alpatov, A. E. Anikin, R. G. Ahmet'yanov, M. Bakró-Nagy (Hungary), V. Blažek (Czech Republic), N. I. Egorov,
M. Erdal (Germany), T. M. Garipov, F. G. Hisamitdinova, L. Honti (Hungary), I. V. Kormushin, I. L. Kyzlasov, J. Laakso (Austria),
K. M. Musaev, D. M. Nasilov, I. A. Nevskaya (Germany), T. Riese (Austria), K. Schönig (Germany), N. N. Shirobokova,
E. K. Skribnik (Germany), P. A. Slepcev, M. Stachowski (Poland)

Moscow

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (4) 2011

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор

А. В. Дыбо

Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

Ответственный секретарь

В. Ю. Гусев

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия/Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

CONTENTS

No 1 (4) 2011

E. M. Devyatkina, M. V. Shkapa. Mordovian names for weapons: comparing linguistic and archaeological data.....	7
L. L. Karpova. Degrees of qualitative adjectives in North-Udmurt dialects	24
Yu. V. Normanskaya. Verifying the localization of Turkic ancestral homes based on comparison of linguistic and archaeological data about Turkic weapon system	34
I. M. Nurieva. Udmurt folk song terminology in the context of historical and cultural tradition	57
V. I. Rassadin. Pronouns in Mongolian and Turkic languages	63
P. Rudnev. Why Turkish <i>kendisi</i> is a pronominal	76
B. Khabtagaeva. Yakut elements of Mongolic origin in Evenki	93

ETYMOLOGICAL NOTES

O. A. Teush. New material on Komi loans in the dialects of Russian North (Lena district of Arkhangelsk region)	110
---	-----

REVIEWS

V. Yu. Gusev. Collective monograph "Sketches on phonetics of disappearing Samoyed languages (Enets, Nganasan, Selkup): analysis of distribution and phonemic composition"	120
O. V. Khanina, A. B. Shluinsky. <i>Sorokina I. P.</i> "The Enets Language"	122

A RESEARCHER AND HIS SCIENTIFIC SCHOOL

O. V. Mischenko, O. A. Teush. Ural-Altai problems in the works of Aleksandr K. Matveev: in memory of the researcher	124
---	-----

PERSONALIA

On the anniversary of Dmitri M. Nasilov	139
Lyudmila Vasil'evna Khomich	144
Style sheet.....	150
How to subscribe	153

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (4) 2011

Е. М. Девяткина, М. В. Шапа. Мордовские названия вооружения: сопоставление лингвистических и археологических данных.....	7
Л. Л. Карпова. О степенях качества прилагательных в северно-удмуртских диалектах.....	24
Ю. В. Норманская. Верификация локализации тюркских прародин на основании сопоставления лингвистических и археологических данных о комплексе вооружения тюрков.....	34
И. М. Нуриева. Удмуртская народно-песенная терминология в историческом и культурном контексте традиции.....	57
В. И. Рассадин. Местоимения в монгольских и тюркских языках.....	63
П. Руднев. Почему тур. <i>kendisi</i> — местоименное слово?.....	76
Б. Хабтагаева. Якутские элементы монгольского происхождения в эвенкийском языке.....	93

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О. А. Теуш. Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области).....	110
--	-----

ОБЗОРЫ

В. Ю. Гусев. Коллективная монография «Очерки по фонетике исчезающих самодийских языков (энцы, нганасаны, селькупы): Анализ дистрибуции и фонемный состав».....	120
О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. <i>Сорокина И. П. «Энецкий язык»</i>	122

УЧЕНЫЙ И СОЗДАННОЕ ИМ НАПРАВЛЕНИЕ

О. В. Мищенко, О. А. Теуш. Урало-алтайская проблематика в исследованиях Александра Константиновича Матвеева: Памяти ученого.....	124
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Дмитрия Михайловича Насилова.....	139
Людмила Васильевна Хомич.....	144

Требования к оформлению статей.....	150
Как подписаться.....	153

Мордовские названия вооружения: сопоставление лингвистических и археологических данных¹

Военное дело является одним из важных аспектов изучения истории народа, позволяющим определить межэтнические, экономические, культурные и языковые связи с другими этносами.

Анализ названий комплекса вооружения позволяет прояснить некоторые вопросы, не выясненные археологами при изучении раскопок могильников и городищ древней мордвы.

В археологии одной из первых, затронувших в своих работах освещение комплекса вооружения мордвы, была А. Е. Алихова [Алихова 1959]. Разработками комплекса вооружения мордвы занимались В. Н. Шитов [Шитов 1975, 1977, 1990, 1992, 1994] и А. В. Циркин [Циркин 1984, 1987]. В. Н. Шитов в своих работах освещает вооружение мордвы во II пол. I тысячелетия н.э., отдельно рассматривает мордовские наконечники копий III — нач. XI вв., мечи X—XI вв., найденные на территории Мордовии. А. В. Циркин занимается исследованиями в области древкового оружия и его хронологии.

В работах П. Д. Степанова исследуются воинские захоронения в погребениях Андреевского кургана [Степанов 1964], В. В. Гришаков анализирует погребения с саблями, датированные началом XII в. [Гришаков 1992]. И. Л. Измайлов занимается исследованиями оружия волжских булгар, при этом отмечая заимствование новых форм оружия у мордвы [Измайлов 1991, 1992, 1993]. Некоторые исследователи рассматривают отдельные предметы вооружения из мордовских могильников конца I — нач. II тысячелетия н.э.: это Г. Ф. Корзухина [Корзухина 1950], А. Н. Кирпичников [Кирпичников 1966], А. Ф. Медведев [Медведев 1966].

Достаточно подробно комплекс вооружения мордвы I — нач. II тысячелетия н.э. проанализирован в работах С. В. Святкина [Святкин 2001, 2008]. Автор отмечает, что среди погребального инвентаря значительный процент занимают предметы вооружения и конского снаряжения, представленные наконечниками копий, пик, наконечниками стрел, универсальными и специальными боевыми топорами, саблями, щитами, фрагментами узды и седла, удилами, стремянами и т. д. [Святкин 2001: 3].

Несмотря на то, что имеется много археологических исследований, системный лингвистический анализ названий мордовского оружия фактически не проводился. Лишь несколько терминов описываются в работе Т. М. Шеяновой [Шеянова 1989: 18], где автор делает попытки уточнить происхождение исследуемых слов.

Реконструкция прамордовских, прафинно-угорских и прауральских названий оружия, рефлекс которых сохранились в мордовских языках, и анализ изменений их семантики в современных языках и диалектах позволит сопоставить лингвистические, исторические и археологические данные и уточнить наши знания о древней мордовской культуре.

В дальнейшем в каждом разделе, посвященном определенному виду оружия, слова приводятся в следующем порядке.

I. Исконная прамордовская лексика:

- I.1. исконная прамордовская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФП/ФВ этимологию);
- I.2. слова, которые были заимствованы в период до распада прамордовской общности
  - I.2.a. в ФВ праязык;
  - I.2.b. в прамордовский язык;
- I.3. прамордовские слова — синхронные производные;
- I.4. прамордовские слова без этимологии;
- I.5. русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках.

II. Эрзянские названия оружия:

- II.1. исконная эрзянская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФП/ФВ этимологию);
- II.2. сепаратные заимствования в эрзянский язык
  - II.2.a. из тюркских языков;
  - II.2.b. из русского языка;
- II.3. синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в эрзянском языке;
- II.4. эрзянские слова, этимология которых неизвестна.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00049а.

III. Мокшанские названия оружия:

II.1. исконная мокшанская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФП/ФВ этимологию);

II.2. сепаратные заимствования в мокшанский язык

II.2.a. из тюркских языков;

II.2.b. из русского языка;

II.3. синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в мокшанском языке;

II.4. мокшанские слова, этимология которых неизвестна.

В мордовских языках есть общие и различные для эрзянского и мокшанского языков названия оружия: эрз., мокш. *turmañtavi* (*tuřemañ tavi*) 'воинские принадлежности, воинское снаряжение, оружие' (< *tuřima* + *ieví* 'военное' + 'дела');

эрз. *kedjonks* 'оружие'.

Например (здесь и далее примеры приводятся в орфографии оригинала источника): эрз. *Тонавтыть кедьёнксо парсте леднеме, торосо керямо, сягсо лазомо* [Абрамов 1988: 244] 'Обучают оружием хорошо стрелять, мечом рубить, копьем протыкать'. *Цёратне аноктасть кедьёнкст, тейнесть налт* [Абрамов 1988: 454] 'Мужчины готовили оружие, делали стрелы'. *Кедьсэст ульнесть кедьёнкст, нал* [Абрамов 1988: 55] 'В руках их было оружие, стрелы'.

В современном мокшанском языке слово *iaćata* 'стрела' приобрело дополнительное значение 'оружие', например: мокш. *Ляцematне, алашатне анокт?* 'Оружие, лошади готовы?' [МРВ: 353].

В археологических работах проводились попытки воссоздать графический образ древнемордовского воина с полным комплексом вооружения. На наш взгляд, достаточно четко образ воина представлен в работе С. В. Святкина [Святкин 2008: 48]. Приводим также иллюстрацию к историко-этнографическому очерку «Мордва» [Мордва 2004: 54]:

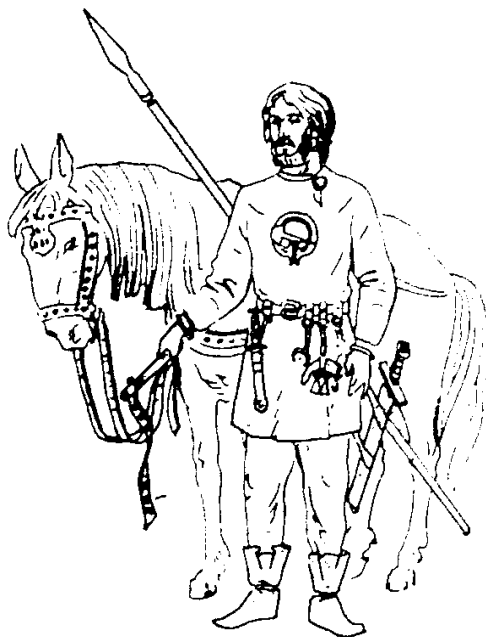

Рис. 1. Древнемордовский воин

Меч и сабля

В мордовских языках отмечено несколько названий мечей и сабель.

I. Исконная прамордовская лексика

I.2. Слова, которые были заимствованы в период до распада прамордовской общности

I.2.a. в ФВ праязык

Эрз. *toro, tora, tor* 'сабля, (уст.) меч, магический меч', мокш. *tor, tora* '(уст.) меч, ритуальный нож на свадьбе, которым дружка отгоняет злых духов' < ФВ *tura (ср. фин. *tuura* 'резец, долото для пробивания дырок во льду') [SSA III: 341] < балт.: литов. *durà* 'лом', латыш. *dūre* [SSA III: 341]. Сравнение ПФ форм с мордовскими предлагается в [Цыганкин 1977: 103].

В настоящее время в разговорной речи данное слово не употребляется, однако является распространённым в фольклорной речи: эрз. *Кепедизе торонтъ, керсемест арси* [Масторава 1994: 149] ‘Поднял меч, задумал их зарубить’. *Седе кеместэ кирдинк торотнень, прянь апак жала ятнэнь тападо* [Масторава 1994: 402] ‘Крепче держите мечи, не жалея головы, рубите врагов’.

1.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках

Эрз., мокш. *тёс* ‘меч’. Например: эрз. *Нартнизь мечест сынъ чевте тикшесэ* [Сияжар 1960: 124] ‘Вытерли мечи они мягкой травой’.

Эрз. *sabía* ‘сабля, шпага’, мокш. *sabía* ‘сабля’. Например, эрз. *Мейле, зярдо лагересь весе энгамсь, Киля саузе ханонь саблянтъ ды лиссь ушов* [УПТМН 1983: 83] ‘Потом, когда лагерь совсем успокоился, Киля взяла саблю хана и вышла наружу’. *Сорнозь саузе сырнень саблянзо* [Сияжар 1960: 27] ‘Дрожа взял его золотую саблю’. *Эрвантъ бокасо сабля кичкере, // Эрвантъ каркс ало кинжал кувтёлды* [Сияжар 1960: 27] ‘У каждого на боку кривая сабля, // У каждого за поясом кинжал блестит’.

Эрз. *palać*, мокш. *palaš* ‘палаш’, *palaška* ‘палаш, сабля’, *palažge* ‘меч, сабля’, совр. лит. эрз., мокш. *palaš* ‘палаш, холодное оружие, подобное сабле’.

II. Эрзянские названия оружия

II.2. Сепаратные заимствования в эрзянском языке

II.2.b. из русского языка

Эрз. *kesak* ‘сабля’. Значение ‘сабля’ у слова *kesak* отмечено в центральном диалекте эрзянского языка в словаре Х. Паасонена [Raasonen: 729] и в западно-шокшанском диалекте (с. Шокша) [Миронов 1936: 90]. В современных мордовских языках *kesak* для обозначения предмета вооружения не употребляется.

Существует гипотеза о заимствовании эрз. *kesak* ‘сабля’ из русск. *кесак ‘тесак’ [Вершинин 2004: 139]. Переход *те > ке* встречается sporadически в разных, в том числе южных, русских диалектах: ср. Терск., Кубан. *кесный* вместо *тесный*; Рост. Яросл., Влад. *кесьма* вместо *тесьма*; Калуж., Дон. *кесто* вместо *тесто* [СРНГ, 13: 190—191].

Русское *тесак* ‘рубящее и колющее холодное оружие с широким и коротким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти’, вероятно, судя по его значению, образовано не от глагола *тесать*, а является тюркским заимствованием: тюрк. *кес-* ‘резать’, *-ак* — продуктивный именной суффикс. Поэтому в эрзянском может быть представлено как тюркское заимствование напрямую, так и через посредство русского языка.

В современных мордовских языках некоторые слова являются устаревшими, либо значение ‘меч’ или ‘сабля’ в них утеряно. Вероятно, данное явление связано с тем, что сабля и меч перестали быть предметами обихода мордвы.

Меч наиболее характерен для древних и раннесредневековых захоронений мордвы. Как отмечает И. М. Петербургский [Петербургский 1978: 132], в мордовских памятниках часты находки вещей сарматского типа. К таким изделиям относят и мечи.

Длительное время однолезвийные мечи сосуществовали с длинными двулезвийными. «С распространением нового вида конского снаряжения (...) эволюция однолезвийной полосы привела к новому виду вооружения — сабле» [Мерперт 1951: 29]. В земли мордвы, по мнению многих исследователей, сабля пришла в VIII—X вв. н.э.

Дубина и палица

В мордовских языках существует несколько названий дубин.

I. Исконная прамордовская лексика

I.1. Исконная прамордовская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФП/ФВ этимологию)

Эрз. *tando* ‘дубинка, палица’, мокш. *tandä* ‘палка, посох’ [Raasonen: 1170]. Например: эрз. *Пижень мандо кедьсэнзэ* [Масторава 1994: 233] ‘Медная дубинка в его руках’. *Сиянь мандо кедьсэнзэ* [Евсеев 1990: 59] ‘В руках у него серебряная дубинка’. Мокш. *Кядьвийсь синди манда, а прявийсь каподи панда* (Посл.) ‘Руки ломают палку, а ум поднимает горы’. В данном случае значение ‘предмет вооружения’ имеет только эрзянское слово, мокшанское слово его утратило.

Соотнесение с мар. *rapdä*, *pondo* ‘стебель’ (< ФП *ponte ‘палка, древко, стебель’; ср. фин. *ponsi* ‘навершие, сила’, мар. К, В *rapdä*, мар. У *pondo* ‘палка, посох, куст, стебель’, мар. В *wondo* ‘куст, стебель’, удм. S, J *pud* ‘стебель низких растений’, удм. MU, G *pud* ‘куст, черенок’, удм. S *bodj*, удм. К *bodä* ‘палка, посох, стебель, трубка’, удм. G *bodj* ‘столб, палка’ [UEW: 734]), предлагаемое в [Вершинин 2004: 47], должно быть отвергнуто ввиду необоснованности предположения о нерегулярных переходах: ФП *p > морд. *t* и ФП *o > морд. *a*.

Можно предложить сравнение мордовских форм с нен. *ma* ‘молоток, молот’ [Терещенко 1965: 213], энец. *manubo* ‘молоток, кузнечный молот’ [Helinski 2007a], нган. *miə* ‘молот’ [Костеркина и др. 2001: 288], сельк. кет. *makka* ‘молот’, которые являются рефлексами ПУ **majV* ‘молот, дубина’. Суффикс *-dol/-da* встречается в мордовских языках: ср. эрз., мокш. *vaća* ‘голод’ и эрз., мокш. *vaćədo* ‘то же’ [Raasonen: 2506]; эрз. *valdo*, мокш. *valda* ‘свет, светлый’ и фин. *vaalea, valea* ‘светлый’; эрз., мокш. *keñde* ‘войлок’ и коми, удм. *gin* ‘то же’ (сближение предлагается в [Цыганкин 1977: 32]).

I.2. Слова, которые были заимствованы в период до распада прамордовской общности

I.2.b. в прамордовский язык

Наиболее употребительным в современных мордовских языках является эрз. *ćotmar* ‘булава, дубина’, мокш. *ćotmar, ćokmar, ćokmar’* ‘палка, дорожная палка с набалдашником, цеп’ < тат. *чукмар* ‘булава, палица, кистень’ [Raasonen: 188].

Например: эрз. *Мекс тынь сыде Монь саеме торо ды цётмар марто теке салыця-майтниця мельга?* [Од Вейсэньлув: 173] ‘Почему вы пришли брать Меня, как вора-убийцу, с мечом и дубинкой?’ *Тумонь цётмарокс якить мокинаст* [Сияжар 1960: 10] ‘Дубовой дубиной ходят его кулаки’. *Эйтэст вейкенень каишь цётмарсо* [Сияжар 1960: 101] ‘Одному из них дал дубиной’.

эрз. <i>Керясть саблясо, лазность пикасо,</i>	‘Рубили саблей, протыкали пикой,
<i>Тумонь цётмарсо аволь вейке маетьсть;</i>	Дубовой дубинкой не одного убили;
<i>Чувто прятнестэ налтонь цярахман</i>	С макушек деревьев град стрел
<i>Кирви ёндолокс ливтясь лангозост</i> [Сияжар 1960: 117].	Огненной молнией летел на них’.

Слово, по-видимому, было заимствовано в прамордовский язык, поскольку маловероятно сепаратное развитие кластера **qm > tm*, которое произошло в обоих мордовских языках.

I.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках

Эрз., мокш. *dubina, dubinka* ‘дубина’;

эрз. *rićaga*, мокш. *rićaga* ‘дубина’. Например, диал. (с. Андреевка Атяшевского р-на респ. Мордовия) эрз. *каямс рыцягасо* ‘ударить дубиной’.

Эрз. *rićaga*, мокш. *rićaga* ‘дубина’ < русск. *ручаг* ‘палка, дубинка’ (Яросл., Горьк.) [СРНГ, 35: 277].

Переход *č > ć* встречается и в других заимствованиях из русского языка: ср. морд. мокш. диал. *čara* ‘чара’ < русск. *чара* [Raasonen: 161]; морд. эрз. диал. *četverk, četvér, četvər* ‘четверг’ < русск. *четверг* [Raasonen: 168]; эрз. *palać*, мокш. *paloć* ‘палач’ < русск. *палач* [Raasonen: 1512].

В мордовских языках вставка гласного *a* в конце слова характерна для заимствований из русского языка [Цыганкин 1979: 79; Имайкина 2008: 285]: ср. мокш. диал. *pora* ‘бор’ < русск. *бор* [Raasonen: 1753], *polaza* ‘полоз’ < русск. *полоз* [Raasonen: 1737], *polga* ‘полк’ < русск. *полк* [Raasonen: 1734]; эрз. *žerđa* ‘жердь’ < русск. *жердь*, *boka* ‘бок’ < русск. *бок*, *stoga* ‘стог’ < русск. *стог*.

III. Мокшанские названия оружия

III.2. Сепаратные заимствования в мокшанский язык

III.2.b. из русского языка

Мокш. *bajdäk, pajdäk* ‘палка, дубинка’ < русск. *байдик* ‘палка, посох’ [Raasonen: 1503]; см. также [СРНГ, 2: 54]. Например: мокш. *Ну, кли, аляй, изень ту мялезт, тифтть кишинь байдек кузнецть кядьста, и туян коза няихть сельмоне, — корхтай алянцты цёрац* [УПТМН 1966: 46] ‘Ну, отец, коли я тебе не угодил, пусть скуёт мне кузнец железную палицу, и я пойду, куда глаза глядят, — говорит отцу сын’. *Кафкть яфодсь богатырьсь байдеконц мархта, и вейхкса прянза куйть илядсть* [УПТМН 1966: 47] ‘Махнул два раза богатырь своей палкой и отрубил головы змею’. *Горохин сязозе кишинь байдеконц и лиссь каршезонза* [УПТМН 1966: 79] ‘Горохин взял железную палку и вышел против него’.

Наличие в мордовских языках рефлексов общих названий дубины говорит о применении данного вида оружия ещё в прамордовское время. Реконструкция названия **majV* ‘молот, дубина’ для прауральского языка (> эрз. *mando*, мокш. *mandä*) говорит об использовании ударного холодного оружия еще в прауральское время — до IV тыс. до н.э. Заимствование новых названий дубинки из татарского языка (эрз. *ćotmar*, мокш. *ćotmar, ćokmar, ćokmar’*) и из русских диалектов (эрз. *rićaga*, мокш. *rićaga*; мокш. *bajdäk, pajdäk*) даёт нам основание предполагать использование различных типов дубинок в I и II тысячелетиях н.э.

На основании фольклорных данных можно предположить, что дубинки были изготовлены из различных материалов: в эрзянском языке слово *mando* описывало дубинку, изготавливаемую из металла, а *ćotmar* — дубовую. Это хорошо соответствует и истории этих слов. Как было показано выше, эрз. *mando*, мокш. *mandä* является рефлексом ПУ **majV*, рефлекссы которого имеют значение ‘молот’ в самодийских языках, то есть можно предполагать, что слово **majV* и на ПУ уровне описывало оружие (молот, дубинку), изготовленное из металла. А эрз. *ćotmar* и мокш. *ćotmar, ćokmar, ćokmar’* заимствованы

из тюркских языков, в которых, видимо, эти слова описывали дубину, изготовленную из дерева, поскольку она не обнаружена в древних могильниках.

Насколько нам известно, дубины и палицы в мордовских захоронениях не представлены. Лингвистические данные, напротив, дают основание говорить о достаточном распространении дубин в комплексе вооружения древней мордвы. Отсутствие дубины в могильниках можно объяснить такими факторами, как плохая сохранность материала или тем, что дубина не относилась к престижным видам вооружения, которые включали в погребальные комплексы.

Топор

В мордовских языках имеется одно название топора.

1. Исконная прамордовская лексика

1.2. Слова, которые были заимствованы в период до распада прамордовской общности

1.2.а. в ФВ праязык

Эрз. *užeře, užeř, vížiř, užiřa*, мокш. *užər, užərä* ‘топор’. Например: эрз. *Tede башка, эрванть каркс экисэ ульнесь узере* [Абрамов 1988: 456] ‘Кроме того, у каждого на поясе был топор’.

Эрз. *užeře, užeř, vížiř, užiřa*, мокш. *užər, užərä* ‘топор’ < ФВ **wasóra* ‘молот, топор’ [UEW: 815]: ср. фин. *vasara* ‘молот’, эст. *vasar* ‘молот’, саам. **vēcēre* [Lehtiranta 1989: 1367] (саам. N *vēcčer ~ vēcžer-æčč-*, саам. L *viehtjēr ~ vāhtjēr, miehtjēr*, саам. T, Kld *vieččer*, саам. Not *viehčer* ‘молот’) < ПИИ **važra-*: ср. скр. *vājra-* ‘дубинка Индры’, авест. *vazra* ‘дубинка, в первую очередь — оружие Митры’ [Walde-Pokorny: 1, 246].

Саам. *ē* является рефлексом ПУ/ФУ/ФП/ФВ **ä* в **ä*-основах, где ФВ ударение падает на второй слог, или ПУ/ФУ/ФП/ФВ **e* в **ä*- и **e*-основах [Норманская 2008]. На материале этимологий [UEW] есть лишь еще один пример, когда ПУ **a* > саам. *ē*: ПУ **waske* ‘вид металла; возможно, медь’ > фин. *vaski* ‘металл; медь, бронза’, саам. **vēškē* [Lehtiranta 1989: 1380] (саам. N *vai'ke -ik-* ‘медь’, саам. L *vei'hkē* ‘латунь’, саам. T *vieške*, саам. Kld *vieišk*, саам. Not *viaišk* ‘медь’) [UEW: 560]. Возможно, здесь мы имеем дело с нестандартными фонетическими соответствиями, которые иногда наблюдаются в заимствованиях.

Морд. *ž* — результат регулярного озвончения *š* в интервокальном положении, ср.: ПУ **aše-* ‘класть’ > эрз., мокш. *ežem*, эрз. *ižim, ažem*, мокш. *jāžem* ‘место; лавка у стены в мордовской избе’ [UEW: 18]; ФУ **kišV (*küšV)* > эрз. *kožav*, мокш. *kožä* ‘богатый’ [UEW: 162]; ФУ **šuša* ‘глист’ > эрз. *šužal*, мокш. *šežal* ‘то же’ [UEW: 492]; ФВ **küše* ‘спрашивать’ > эрз. *kevšće-, kevšće-*, мокш. *kížefte-* ‘то же’ [UEW: 680] и др.

Морд. *u* — рефлекс безударного ФВ **a* [Норманская 2008], ср.: ФВ **ajta* ‘конструкция типа амбара, стоящая на сваях’ > фин. *aitta*, эрз. *uíoto*, мокш. *uíam* [Paasonen: 2492]; ФП **jaksä ~ *joksa* ‘уничтожать, развязывать, раздевать’ [UEW: 630] > фин. *jaksä-* ‘мочь’, *jakso* ‘период’, эрз. *jukše- ~ ukše-*, мокш. *juksä-* [Paasonen: 541]; ФВ **parma* ‘овод’ [UEW: 724] > фин. *parma*, фин. диал. *parma* ‘слепень’, эрз. *promo*, *puromo*, мокш. *purom* ‘овод’ [Paasonen: 1852] и др.

Выпадение начального *v* является чертой отдельных эрзянских диалектов [Цыганкин 1979: 87].

По имеющимся археологическим данным, топор как вид оружия является наиболее часто встречающейся находкой в погребениях древней и средневековой мордвы. Исходя из этого факта, можно предположить, что топор являлся неотъемлемой частью в комплексе вооружения мордовского воина.

Хочется отметить развитие собственных форм топорика-чекана у древней мордвы. Археологами отмечается его появление в погребениях II пол. VII в. Как отмечает С. В. Святкин, для погребений мордовских могильников XII—XIII вв. боевые топорики-чеканы не характерны, верхней хронологической рамкой их бытования считается сер. XI в. [Святкин 2001: 39].

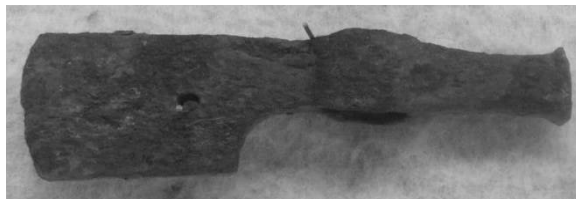

Рис. 2. Боевой топор-чекан (II пол. I тыс. н.э.).
Мордовский Республиканский объединенный краеведческий
музей имени И. Д. Воронина

Копье

В мордовских языках встречаются следующие названия копий.

1. Исконная прамордовская лексика

1.1. Исконная прамордовская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФП/ФВ этимологию)

Эрз. *šalgo, šalgä*, мокш. *šalgä, šalga* ‘копье’. Например: эрз. *Кининь сялгсонть лазомонзо* [Масторава 1994: 166] ‘Железным копьем его проткнуть’. *Сетнень, конат кенерькинесть лисеме ведьстэнтъ, керизь торосо, лазнызь сялгсо* [Абрамов 1988: 212] ‘Тех, которые успели выйти из воды, порубили мечом, проткнули копьем’. *Тень пингстэ нолдыть ансяк сялго, конантень кемекстэзь пишти петь ды поки пель* [Мордвась 2006: 113] ‘Вместе с тем пускают только копье, куда закрепляют острый наконечник и большой нож’.

Эрз. *šalgo, šalgä*, мокш. *šalgä, šalga* ‘палочка, жало, тонкая рыба кость, кончик колоса, щетинка, игла (хвойных деревьев)’ [Paasonen: 2086], в современном языке также ‘копье’ [Четвергов 1994: 180] < ФУ *šalkV (*šalkV [UEW: 460]) ‘кусок древесины (палка, ствол, щепка)’: ср. фин. *salko* ‘длинная жердь’; саам. *šōlkōj [Lehtiranta 1989: 193] (саам. *N čuolgo, čuigu(m)* ‘рычаг, лом; жердь, с помощью которой во время подледной рыбалки заталкивали сеть под лед’, саам. *L tjuolkōi, tjuolkun* ‘жердь, с помощью которой во время подледной рыбалки заталкивали сеть под лед’, саам. *I čuālgui* ‘штопальная игла’); коми *S žal*, коми *P žav*, коми *PO žal* ‘похожие на сосновую лучину щепки; клепка сосуда’; хант. *V saḡəl*, хант. *DN saḡət*, хант. *O saḡəl* ‘щепка, планка, сосновая лучина, доска’; манс. *TJ sejlā*, манс. *KU, P sajlā*, манс. *So sāyla*, манс. *K seilā*, манс. *P sil*, манс. *LM silā*, манс. *N sa'ilā* ‘осколок, кол, еловый сучок’; венг. *szál* ‘нить, волокно, кусок’, *szálka* ‘осколок’, *szálfa* ‘строевой лес, ствол’.

Представляется необычным развитие ФУ *š > коми *ž* в коми *S žal*, коми *P žav*, коми *PO žal*. Обычно коми *ž* является рефлексом ФУ *č. По-видимому, в данном случае следует реконструировать ФУ *č, который позволит вывести остальные рефлексy и объяснит коми *ž*.

Озвончение *k* в ФВ *lk регулярно для мордовских языков [Цыганкин 1979: 90—91]: ФУ *jalka ‘нога, ступня’ > эрз. *jalgo*, мокш. *jalga* ‘пешком’ [UEW: 88]; ПУ *tulka ‘перо, крыло’ > эрз., мокш. *tolga* ‘перо’ [UEW: 535]; ФВ *olke ‘солома’ > эрз. *olgo* ‘соломинка’ [UEW: 717].

В коми данный кластер теряет *k* и, соответственно, подобно одиночному *l*, дает *l* в коми *S, PO* и *v* в коми *P*: ПУ **kulke-* ‘двигаться, идти’ > коми *S kilal-*, коми *P kivan-* ‘плыть вниз по течению’, коми *S kijlt-*, коми *P kijvt-* ‘то же’, коми *PO kolt-* ‘плыть по поверхности воды’ [UEW: 198]; ФП *pālkā ‘большой палец руки’ > коми *S, PO pel*, коми *P pev* [UEW: 363]; ПУ *tulka ‘перо, крыло’ > коми *Le til*, коми *P tiv*, коми *PO tol* ‘перо; маховое перо’ [UEW: 535].

В манс. ПУ **-lk-* имеет три варианта развития в зависимости от ПУг гласного:

I. Манс. *TJ, TCH, KU, KM, KO, P, LU -jl-*, манс. *LO, SO -yl-* после ПУг *ē (по реконструкции, предложенной в [Живлов]):

ФУ *šalkV ‘шест, палка, ствол’ [UEW: 460] > ПУг *sēyla [Живлов] > манс. *TJ sejlā*, манс. *KU, P sajlā*, манс. *So sāyla*, манс. *K seilā*, манс. *P sil*, манс. *LM silā*, манс. *N sa'ilā* ‘осколок, кол, еловый сучок’ [UEW: 460];

ФУ *walka ‘спускаться’ [UEW: 554] > ПУг *wēylV [Живлов] > манс. *TJ wejl-* ‘спускаться’, манс. *KO, P wojl-*, манс. *LO wāyl-* ‘слезать’ [UEW: 554], манс. *TCH wajl-* (соответствует *wejl-* в [UEW]), манс. *KM, KO wājl-, wēlt-*, манс. *LU wajl-, wēlt-*, манс. *So wāyl-, wāylt-* ‘то же’ [Живлов];

ФУ *lolkV ‘часть тела (ступня, кисть руки, лапа)’ [UEW: 865] > ПУг *lēyla [Живлов] > манс. *TJ lejəl*, манс. *KU lāl (lajl-)*, манс. *P lēl (lajl-)*, манс. *So lāyəl* ‘ступня’ [UEW: 865], манс. *TCH lajəl*, манс. *KM, KO lēl ~ lājəl*, манс. *LU lēl ~ lajəl* ‘то же’ [Живлов].

II. ПУ **-lk-* > манс. *TJ, TCH -wl-*, манс. *KU, KM, KO, P, VS, LU, LM, LO, So -yl-* после прочих ПУг гласных переднего ряда:

ФУ *mälke (*mālye) ‘грудь’ [UEW: 267] > ПУг *māylä [Живлов] > манс. *TJ mawəl*, манс. *KU māyl*, манс. *P mayl*, манс. *So māyl* [UEW: 267], манс. *TCH mawl*, манс. *KM māyl*, манс. *VN, VS māyl* ‘то же’ [Живлов];

ФУ *šilkV (*šülkV) ‘летать, парить’ [UEW: 500] > ПУг **šiyV-* [Живлов] > манс. *TJ täwl-*, манс. *KU, So tiyl-* [UEW: 500], *TCH täwl-*, манс. *KM, KO, LM, LO tiyl-* ‘то же’ [Живлов];

ФУ *tälkV (*tāwde) ‘полный’ [UEW: 518] > ПУг *tāylä [Живлов] > манс. *TJ täwl*, манс. *KU tājäl*, манс. *P taylə*, манс. *So tāyl* [UEW: 518], манс. *TCH täwl*, манс. *KM, KO tājäl*, манс. *VN täwla*, манс. *LU tayl*, манс. *LO tāyl* ‘полный’ [Живлов].

III. ПУ **-lk-* > манс. **-wəl-* (по реконструкции в [Живлов]) после непередних ПУг гласных:

ПУ *tulka ‘перо, крыло’ [UEW: 535] > ПУг *toylj [Живлов] > манс. *TJ tōl*, манс. *KU, P towl*, манс. *So towəl* ‘крыло’ [UEW: 535]; манс. *KM, KO, VN, LM towl-, VS tawl* ‘крыло’ [Живлов];

ФУ *alka ‘край (передний или задний), начало, начинать’ [UEW: 6] > ПУГ *aylV (~ *ā-*) > манс. ТЈ *awəl*, манс. КУ *owl*, манс. Со *ɔwl* [UEW: 6]; манс. ТСН *awl*, манс. КМ, VN, VS КМ *ōl*, манс. Р *ōl* ~ *owlət*, манс. LU *ōl* ~ *aylt*, манс. LO *ōwl* ‘начало, конец’.

1.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках

Эрз. *koŕija*, мокш. *koŕja* ‘копье’. Например: эрз. *охотникень копия* ‘копье охотника’, *ёртомс копия* ‘метать копье’.

В словарях мордовских языков название пики не зафиксировано, однако оно встречается в фольклоре: эрз., мокш. *rika* ‘пика’. Например: эрз. *Тедэ мейле ногойтне ёртнизь пикаст-сабляст ды ношкстаст паксястонть* [УПТМН 1983: 51] ‘Побросали ногойцы пики и сабли, бросились бежать с поля’. *Вирьсэнть чувтнэде зяро арасельть, зяро пикаст сынст перька вандолдыть* [Сияжар 1960: 21] ‘В лесу деревьев столько не было, сколько пик вокруг них блестело’.

По данным археологии, копия встречаются в самых ранних мордовских захоронениях, что соответствует исконному происхождению названия копия: эрз. *šalgo, šalgā*, мокш. *šalgā, šalga* ‘копье’. Начиная с X в. появляются наконечники копий с узким стержневидным пером, они классифицируются по сечению пера: сечение может быть в виде ромба, квадрата, круга. Это развитие форм и назначения наконечников копий в комплексе вооружения древнемордовского воина говорит о популярности и универсальности копия как вида оружия и охоты.

Лук

I. Исконная прамордовская лексика

I.4. Прамордовские слова без этимологии

Эрз. *čirke*, уст. эрз. *lednima-čirke* ‘лук’, эрз. *čirkiine* ‘лук’.

В современных мордовских языках слово *čirke* имеет значение ‘дуга’: 1) ‘принадлежность конской упряжи’ и 2) ‘часть окружности, круга или другой кривой линии’.

В значении ‘лук’ встречаем слово эрз., мокш. *nalčirke* (*nal* + *čirke* ‘стрела’ + ‘дуга’). Например: эрз. *Тумонь налчирьке кирди кедьсэнэ* [Масторава 1994: 101] ‘Дубовый лук держит он в руках’.

эрз. *А пшти торосо а керявить сынь,*

‘Ни острым мечом не порубить их,

А налчирькесэ а ледневить тенст [Масторава 1994: 404]. Ни луком не расстрелять их’.

II. Эрзянские названия оружия

II.2. Сепаратные заимствования в эрзянский язык

II.2.a. из тюркских языков

Эрз. *šitav, šitav* ~ *šitaŭ* ‘лук; вид пращи’, эрз. *šita* ‘колчан’.

Можно предположить заимствование из славянских языков: ср. русск. *сайдак, саадак* ‘тул лука, колчан со стрелами и луком’, др.-русс. *савдакъ* (первая фиксация в «Домострое») (> мар. *šovyđák* ‘колчан для стрел’) < каз., чагат., алт. *sadak* ‘то же’ [Радлов 1962, 4: 383], балкар. *sadaq, sadaŭ* ‘стрелка’ [KSz, 15: 249] < ОТю *saydaq ‘лук, колчан’. Фонетически развитие безударного слав. *a* > *u/i* является регулярным и совпадает с развитием ФВ *a в безударной позиции [Норманская 2008]. Переход ауслатного -*k* > морд. -*v* также регулярный. Необъяснимой остается анлаутная палатализация *s* > *š*.

Похожие фонетически слова со схожей семантикой встречаются на большей части территории Евразии в тюркских, славянских, финно-угорских (см. выше) и балтийских (лит. *saidōkas* ‘лук, колчан’ [Fraenkel 1965: 755]) языках: вероятно, мы имеем дело с «бродячим словом».

III. Мокшанские названия оружия

III.2. Сепаратные заимствования в мокшанский язык

III.2.b. из русского языка

Мокш. *luk* ‘дуга, лук’. В современных мордовских языках данное слово не употребляется.

Различные варианты названий лука в мордовских языках говорят о популярности этого вида оружия у древней мордвы. По археологическим данным также можно заключить, что в I тысячелетии н.э. лук был одним из самых распространенных видов оружия — несмотря на отсутствие фрагментов лука, в раскопках захоронений обнаруживается большое количество наконечников стрел. Например, в раскопках Армиевского могильника (захоронения датируются VI—VII вв. н.э.) найдено определенное количество наконечников стрел, и лишь в одном погребении (№ 177) обнаружены следы лука в виде изогнутого углубления в грунте, содержавшего незначительные остатки древесной трухи [Полесских 1979: 43]. Поэтому мы не знаем, каким был древнемордовский лук. Возможно, он состоял из цельного куска дерева, либо изготавливался из различных деревянных частей, которые с малой долей вероятности могли сохраниться в земле.

В словаре устаревших терминов эрзянского языка даётся следующее определение мордовского лука: «Согнутая в дугу палка толщиной с палец. Длина — 4—5 сажений. Загибается-закрепляется сделанным из кишки ремешком, жилой» [Четвергов 1994: 179].

Колчан

I. Исконная прамордовская лексика

I.2. Слова, которые были заимствованы в период до распада прамордовской общности

I.2.b. в прамордовский язык

Эрз. *šita* ‘колчан’. См. выше этимологию слова *šutav* ‘лук; вид пращи’.

I.4. Прамордовские слова без этимологии

Эрз., мокш. *tukdih* ‘колчан’.

I.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках

Наиболее употребительным является эрз., мокш. *kolčan* ‘колчан’. Например:

эрз. *Кавол алонзо содозь колчансонть* ‘В подвешенном под мышкой колчане
Валдо толгельнекс кувтелдсть налтонзо Светлым огоньком сверкали стрелы’.
[Сияжар 1960: 145].

II. Эрзянские названия оружия

II.3. Синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в эрзянском языке

Эрз. *judma* ‘колчан’.

Эрз., мокш. *judma* ‘начевка’ (Mulde ‘корыто, лохань’) [Raasonen: 556], а также ‘колчан’ [Четвергов 1994: 46] (возможно, из *nal judma* букв. ‘корыто для стрел’) является производным от *juvodoms* ‘веять, отделять зерно от мякины’, которое, в свою очередь, производно от *juv* ‘мякина’ [Raasonen: 555]; эрз., мокш. *juv* < ФВ *jüwä ‘зерно’ < ФП *jewä ‘то же’ [UEW: 633].

Эрз. *nalkundo* ‘колчан’ (*nal* + *kundo* ‘стрела’ + ‘крышка, покрытие’, букв. ‘то, чем накрывают стрелы’).

В настоящее время в мордовских могильниках I тысячелетия н.э. обнаружено небольшое количество предметов, относящихся к элементам колчанной фурнитуры: несколько фрагментов колчаных петель и крючьев из железа, костяных накладок — петель для подвешивания налучий (см. подробнее [Иванов 1952]).

Данные находки можно отнести ко времени обширных торговых контактов мордвы с булгарами в X—XI вв. н.э. — они имеют много общего с подобными находками в болгарских памятниках. Таким образом, предложенная нами гипотеза о заимствовании названия колчана *šita* из тюркских языков подтверждается и археологическими находками.

В мордовских языках, как было показано выше, присутствует несколько названий колчанов: эрз. *judma*, эрз. *nalkundo*, эрз., мокш. *tukdih*, эрз. *šita*. Возможно, данные слова могли обозначать различные модели колчана. Небольшое количество находок колчанов в мордовских захоронениях объясняется тем, что колчаны были изготовлены из органических материалов, и поэтому не сохранились до наших дней.

Стрелы

I. Исконная прамордовская лексика

I.1. Исконная прамордовская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФП/ФВ этимологию)

Эрз., мокш. *nal* ‘стрела’. В современных мордовских языках это слово широкоупотребительно. Например: эрз. *Толонь налсо тон ледят* [Масторава 1994: 185] ‘Огненной стрелой ты стреляешь’. *Торост ды налост ношккалгавтсынзе* [Масторава 1994: 404] ‘Мечи и стрелы их затупит’. *Налтнэ таго ливтясть ёност виев церахманокс* [Абрамов 1988: 407] ‘Стрелы снова летели в их сторону сильным градом’.

Примечательно, что в современном мокшанском языке *nal* используется для обозначения не только стрелы, но и лука [Щанкина 1993: 314]. *Nal* также употребляется в качестве составной части сложных слов, например: эрз., мокш. *nalp’ra* (*nal* + *p’ra* ‘стрела’ + ‘голова’), эрз. *nalge* (*nal* + *pe* ‘стрела’ + ‘конец’), эрз. *naloi pe* (*nal* + *pe* ‘стрела’ + ‘конец’) ‘наконечник’.

Например:

эрз. *Налчирькенть тон, цёра, венстика,* ‘Лук ты, парень, протяни-ка,
Налонтъ пенть, аля, тон аравтыка Наконечник стрелы ты, парень, поставь-ка’.
[Масторава 1994: 101].

Эрз., мокш. *nal* ‘стрела’ [Paasonen: 1312] < ПУ **ńele* (**ńōle*) ‘стрела’ [UEW: 317]: фин. *nuoli* ‘стрела’; эст. *nool* ‘стрела, лук’; саам. **ńōle* ‘стрела’ [Lehtiranta 1989: 789] (саам. N *njuollâ*, саам. L *njuolla*, саам. Kld *ńūll*, саам. Not *ńuoll*); мар. С *nōlō* ‘костяной наконечник для стрелы’, *nōl-pikš* ‘стрела с костяным наконечником’; удм. S *ńil*, *ńel*, *ńel* ‘плоская стрела’, удм. J *ńow* ‘стрела’; коми S *ńil* ‘то же’, коми P *ńey*, коми PO *ńul* ‘то же’; хант. V, O *ńal*, хант. DN *ńot* ‘то же’; манс. TJ, манс. P *ńēl*, манс. KU, So *ńāl* ‘то же’; венг. *nyil* ‘то же’; ПС **ńelj*: нен. Т -ни в туни ‘ружье, винтовка, берданка’ (ту ‘огонь’) [Терещенко 1965: 676], нен. О -ńñi в тñññi ‘ружье’, -не в ньне ‘черкан’, -ńñ? в тñññ? ‘самострел (ловушка)’ (ниñ- ‘лук’), нен. Л -ńñ в тñññ ‘самострел (ловушка)’, нен. P -ńñ в тñññ [Janhunen 1977: 108]; энец. -ny в тууну, туунij? ‘ружье’ [Хелимский 2007], -ńij в тññij ‘винтовка’ (? < нен.) [Janhunen 1977: 108]; сельк. -ńñ в -k̄āš̄ńñ ‘стрела, которой стреляют птиц’, -ńēG в k̄āš̄ńēG, -ńjG в t̄uōš̄ńjG ‘железная стрела’ [Janhunen 1977: 108]; МТК **ńej*, **nej* ‘стрела’ (мат. *nei* ‘стрела’, *nej* ‘копейцо у стрелы; пуля’, тайг. *ńeimä* (форма посессива, ед. ч.), карагас. *nei*, *nei* ‘долотчатые’ [Helimski 1997: 315—316]); камас. *ńā*, *ńā* ‘пуля’ [Donner 1944: 44, 47]; койб. *ne* ‘копейцо у стрелы, пуля’ [Janhunen 1977: 108].

Мар. *nōlō* имеет начальный *n*-: такой же рефлекс встречается в ПУ **ńačkV* ‘мокрый, сырой’ > мар. К, В *načkā*, мар. U *nočko* ‘мокрый, дождливый’, мар. В *nočko* ‘мокрый’ [UEW: 311]; ПУ **ńele* (**ńēle*) ‘глотать’ > мар. К, В *nelā-*, мар. U, В *nela-* ‘то же’ [UEW: 316]; ПУ **ńola* ‘лизать’ > мар. К, В *nelā-*, мар. U, В *nule* ‘то же’ [UEW: 321]; ПУ **ńulK* ‘белая пихта’ > мар. V *nūlyo*, мар. U, В *nulyo* ‘то же’ [UEW: 321] и др. Что касается вокализма мар. *nōlō*, аналогичный рефлекс (ПУ **e(ō)* > мар. *ō*) находим только в приведенном выше ПУ **ńerkV* (**ńōrkV*) > мар. К, В *nōryā*, мар. U, В *nōryō* ‘хрящ’ [UEW: 317], что делает данное сопоставление не вполне надежным.

В удмуртском представлено стандартное развитие ПУ гласного первого слога: ср. ФУ **đeme* (**đōme*) ‘черемуха’ > удм. S *ļem*, удм. K *lōm* ‘то же’, G *ļem-pu* ‘куст черемухи’ [UEW: 65] и др.

Вокалические соответствия в самодийских когнатах по [Janhunen 1977: 108] и [UEW] являются уникальными, в частности, камас. *a*, МТК *e* не соответствуют нен. и энец. *i*², что делает данное сближение на прасамодийском уровне не вполне надежным.

1.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках

Эрз., мокш. *strela* ‘стрела’.

II. Эрзянские названия оружия

II.3. Синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в эрзянском языке

Эрз. *šuvtalge* ‘стрела’ < *šutav* ‘лук, вид пращи’ (с выпадением заударного слога) и *tolga* ‘перо’ (букв. ‘перо лука’).

III. Мокшанские названия оружия

III.3. Синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в мокшанском языке

Мокш. *lācāma* ‘стрела, выстрел’.

Ср. эрз. *lādems*, *lādims*, *lādāms*, мокш. *lādāms* ‘косить, стрелять’, *lācems*, **lēcāms* ‘стрелять’, мокш. *lācāma* ‘стрела’ [Paasonen: 1095].

В [Цыганкин 1977: 49] мордовские слова рассматриваются как рефлексy ФУ **lewe* ‘бросать, стрелять’: ср. фин. *lyö-* ‘бить, колотить’; эст. *löö-* ‘бить, толкать, жалить (о змее)’; мар. К, В, U *lüe-*, мар. В *lūje-* ‘стрелять’; коми S *lij-*, коми P *vij-* ‘стрелять, бросать’, коми PO *li-* ‘стрелять’; венг. *lő-*, *löv-* (*lövök*, диал. *lőj-*, *lū-*, *li-*) ‘стрелять; (диал.) бить, рубить’ [UEW: 247].

Отнесение мордовских слов к данному корню сомнительно, поскольку ФУ **-ewe* > морд. *ev*: ср. ФВ **tewe* ‘работать’ > эрз. *tev*, *täv*, мокш. *tev* ‘работа, вещь’ [UEW: 796]; ФУ **sewe* (**seye*) ‘есть’ > эрз. *ševe-*, *säwi-*, мокш. *ševe-*, *šive-* ‘съесть, потреблять’ [UEW: 440]. Но поскольку в этом корне сочетание **-ewe-* представлено в инлаутной позиции, а других примеров на его рефлексацию в этой позиции в [UEW] нет, то, возможно, не следует отклонять это сближение.

Наличие в мордовских языках нескольких названий стрелы, вероятно, обусловлено разнообразием данного типа оружия у древней мордвы. Данный факт подтверждается археологическими находками.

Наиболее распространённым и широкоупотребительным является эрз., мокш. *nal*, которое, в свою очередь, может быть производящим словом (например: эрз., мокш. *nalge*), составной частью сложного слова или словосочетания (эрз. *nalp̄ra*, *nalon̄ p̄e* ‘наконечник’). Менее употребительными являются эрз., мокш. *strela*, эрз. *šuvtalge*, мокш. *lācāma*.

² Вероятно, поэтому в [Janhunen 1977: 108] восстанавливается ПС **e*¹ — неоднозначно реконструируемый *e*-образный звук.

Самострел

II. Эрзянские названия оружия

II.2. Сепаратные заимствования в эрзянский язык

II.2.b. из русского языка

В словаре Х. Паасонена встречаем эрз., мокш. *doga* ‘дуга, самострел’, эрз. *dogaña* ‘самострел, тетива самострела’, мокш. *tuga ~ doga, duga* ‘дуга, самострел’ < русск. *дуга* [Paasonen: 319].

В современных мордовских языках данные слова в значении ‘самострел’ не употребляются. В некоторых диалектах они сохранились в значении ‘дуга’.

В археологических раскопках комплект элементов самострела отсутствует. Археологические данные подтверждаются лингвистическими — в мордовских языках зафиксировано лишь одно название самострела, которое является сравнительно поздним заимствованием из русского.

Праща

В мордовских языках представлено несколько различных названий пращи. Все эти названия подразумевают веревочную пращу, ручное боевое оружие для метания камней.

I. Исконная прамордовская лексика

I.2. Слова, которые были заимствованы в период до распада прамордовской общности

I.2.b. в прамордовский язык

В словаре Х. Паасонена отмечено эрз. слово *šutav, šita* ‘вид пращи, подобной бичу, для метания стрелы’. В современных мордовских языках эти слова в данном значении не употребляются. Возможен современный вариант эрз. *šutav* ‘лук для стрельбы’ [ЭРС: 589], эрз, мокш. *šutav* ‘стрела’ [Феоктистов 1971: 279]. В эрзянском языке отмечено устаревшее слово *šita* ‘колчан’ [Четвергов 1994: 179—180].

I.3. Прамордовские слова — синхронные производные

В мордовских языках уст. *ivnoma, ivnuta* ‘праща’ образовано от эрз. *ivnoms, ivnomks, unoms, ivnims, ivnams*, мокш. *inams, ivnams, ivnəms* ‘гремять (о колоколах), шуметь (о лесе), жужжать (о насекомых)’ [Paasonen: 2496].

II. Эрзянские названия оружия

II.3. Синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в эрзянском языке

В словаре Х. Паасонена отмечено слово эрз. *burnuta* ‘верёвочная праща’ [Paasonen: 151] (ср. эрз., мокш. *vurnoma, vurnuta* ‘праща’ [Святкин 2001: 147]). В современных мордовских языках значение ‘праща’ утеряно. В настоящее время в эрзянском языке это слово не употребляется, в мокшанском имеет иное значение: мокш. *burnuta* ‘детская игрушка из косточки с двумя просверленными отверстиями, через которые продеваются нитки’ [МРВ: 94].

Данное слово образовано посредством словообразовательного суффикса *-ma* (ПУ *-*m*) [ОФУЯ 1974: 345] от глагола: эрз. *burnoms / burnums* ‘свистеть, гудеть, жужжать’, мокш. *burnams* ‘урчать, жужжать’.

В эрзянском языке для обозначения детской игрушки типа волчка, жужжалки употребляются лексемы *burnotka* [ЭРС: 94], *burnumka* [Paasonen: 151]: лит. *burnotka*; диал. *burnumka* (говор с. Андреевка Атяшевского р-на респ. Мордовия, с. Баявка Николаевского р-на Ульяновской обл.). Образованы эти существительные от эрз. глагола *burnoms / burnums* при помощи суффикса *-ma* и уменьшительно-ласкательного суффикса *-ka* (ПФУ *-*kk*) [ОФУЯ 1974: 341].

Дефиниция ‘праща’ сохранилась в эрз. *burkala* (ист.) ‘праща (древнее ручное боевое оружие для метания камней)’ [ЭРС: 94], причем данное слово также может обозначать детскую игрушку типа волчка.

В мордовских языках есть сложное слово, обозначающее пращу: эрз. *kevlakema*, мокш. *kev-läcəma* (*kev* + *läcəma* ‘камень’ + ‘стрела’), мокш. *lazf-läcəma* (*lazf* (*lažf*) + *läcəma* ‘щель’ (‘шум’) + ‘стрела’) ‘веревочная праща’.

В словаре Х. Паасонена также находим эрз. *nolnemka* ‘праща’. В современных мордовских языках данное слово не встречается, и ни в одном словаре слово в подобном значении не зафиксировано. Оно является отглагольным существительным от многократного глагола *noltnems* ‘спускать’ (*noltnems* образовано от *noldams* ‘спустить’).

По имеющимся археологическим данным, находки данного вида оружия отсутствуют в древнемордовских захоронениях. Отсутствие в могильниках мордвы находок пращи и наличие общих для мордовских языков названий данного вида оружия можно объяснить плохой сохранностью материала, из которого изготавливалась праща, либо погребальным обрядом, согласно которому праща не принадлежала к атрибутам могильников. Лингвистические данные дают новую информацию о распространенности пра-

щи как вида оружия мордвы: исходя из разнообразия названий, мы можем говорить о существовании веревочной пращи в комплексе вооружения древнемордовского воина.

Кистень

1.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках

Эрз. *kišteń*, мокш. *kišteń, keštän, kišteňhä* ‘кистень, старинное оружие для нанесения ударов — короткая палка с подвешенным на ремне или цепи металлическим шаром или гирей’. В современных мордовских языках значение данного слова остаётся неизменным.

Элементы данного вида оружия найдены лишь в нескольких местах раскопок — Саровском городище и Золотарёвском комплексе поселений (мордовский комплекс VIII—X вв.). Небольшое количество находок элементов кистеня соответствует и лингвистическим данным: в мордовских языках представлено лишь одно название кистеня, которое является заимствованием из русского языка.

Нагайка, кнут

I. Исконная прамордовская лексика:

1.4. прамордовские слова без этимологии:

Эрз. *lokšo*, мокш. *lokša* ‘кнут’.

1.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках:

Эрз. *pogaika, pagaika*, мокш. *pagaika* ‘короткая ременная плеть, нагайка’. Например: эрз. *Нагайкасо аволязь, сон мезе-бути пижнесь* [Мартынов 1967] ‘Размахивая плетью, он что-то кричал’.

Нагайка в захоронениях мордвы отсутствует, возможно, это связано с материалом из которого она изготавливалась. Нельзя исключить и что кнут/нагайка, с точки зрения носителя прамордовского языка, не относились к предметам вооружения.

Щит

В современном эрзянском языке зафиксировано несколько названий щита.

II. Эрзянские названия оружия

II.3. Синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в эрзянском языке

Эрз. *ušto laz* ‘щит’ (*ušta* + *laz* ‘полк’ + ‘доска’).

II.4. Эрзянские слова, этимология которых неизвестна

Эрз. *vaksar* ‘щит’.

Щит относится к защитному воинскому снаряжению. В могильниках мордвы погребения с щитами датируются доордынским временем (XI — нач. XIII вв.: Заречное II, Красное I, Выползово VI). В раскопках щиты представлены железными умбоновидными пластинами.

Примечательно, что все находки щитов сделаны в могильниках, относящихся к захоронениям северной мордвы, то есть мордвы-эрзи, что соответствует и лингвистическим данным.

Воинская одежда

I. Исконная прамордовская лексика

1.3. Прамордовские слова — синхронные производные

Эрз., мокш. *rišteń panar* ‘кольчуга’ (*rište* + *panar* ‘цепь’ + ‘рубашка’). В современных мордовских языках это единственное название кольчуги.

II.2.а. сепаратные заимствования в мокшанский язык из тюркских языков

Мокш. *takijä* ‘воинская (защитная) одежда’. В словаре Х. Паасонена встречаем мокш. *takjä, takijä* ‘шапка’ < тат. *такья* ‘женская шапка’ [Paasonen: 2258].

II.3. Синхронные производные от слов, не описывающих предметы вооружения в эрзянском языке

Эрз. *vaksaršam, vakzar čama (čamo)* ‘латы’ (*vaksar* + *čama* ‘щит’ + ‘лицо’).

Кольчуга известна в комплексе древнемордовского воина еще с начала I тысячелетия н.э. По причине плохой сохранности найденных кольчуг (сильное окисление, деформация) способ их плетения не поддается идентификации. Редкость мордовских захоронений с кольчугами можно объяснить высокой стоимостью доспеха, возможностью передачи его по наследству, а также возможностью использования

защитного доспеха из комбинированных материалов (кожа) [Святкин 2001: 56]. Лингвистические данные подтверждают гипотезу о существовании нескольких видов защитного доспеха у древнемордовского воина, так как в мордовских языках, помимо единого названия кольчуги, присутствуют слова, обозначающие иные виды защитных доспехов.

Заключение

В Заключении приводится сводная таблица по этимологии различных видов мордовского вооружения. В нее не включены понятия, которые в мордовских языках обозначаются исключительно заимствованиями из русского языка ('самострел', 'кистень').

Как видно из таблицы, прамордовский комплекс вооружения, который реконструируется по лингвистическим данным, был достаточно богатым. В нем представлены меч, дубина, топор, копье, лук, колчан, стрела, праща, защитная одежда.

Значительным в этот период было влияние тюркских этносов: были заимствованы названия лука, колчана, пращи, защитной одежды и разновидности дубины. На более раннем этапе в финно-волжский язык из балтийских языков было заимствовано название меча, из иранских — топора.

Всего три названия имеют уральскую этимологию: это слова для обозначения дубины, стрелы и копья, — причем название последнего было образовано от существительного со значением 'палка'. Предположительно, это свидетельствует о принципиальной перестройке комплекса вооружения на финно-волжском и особенно на прамордовском уровне, видимо, в результате контактов с иранскими и тюркскими этносами, у которых военные технологии для того времени были разработаны на очень высоком уровне.

Интересно, что для периода после распада прамордовской общности отмечаются практически только русские заимствования, которые постепенно вытесняют более старые названия оружия. Одновременно в эрзянском языке происходит значительное пополнение корпуса названий оружия за счет словообразования и словосложения.

С о к р а щ е н и я

авест. — авестийский
 алт. — алтайский
 балт. — балтийские
 балкар. — балкарский
 букв. — буквально
 венг. — венгерский
 Влад. — Владимирская губерния (область)
 Горьк. — Горьковская область
 диал. — диалект(ный)
 Дон. — село Донское
 др.-руск. — древнерусский
 иран. — иранский
 ист. — историзм
 каз. — казахский
 Калуж. — Калужская губерния (область)
 камас. — камасинский
 карагас. — карагасский
 койб. — койбальский диалект хакасского языка
 коми:
 Le — летский диалект
 P — коми-пермяцкие диалекты
 PO — восточно-пермяцкий диалект
 S — сысольский диалект
 латыш. — латышский
 лит. — литературный
 литов. — литовский
 Кубан. — Кубанская область

манс. — мансийский:
 K — кондинские диалекты
 KM — среднекондинский диалект
 KO — верхне-кондинский диалект
 KU — нижне-кондинский диалект
 L — лозьвинские диалекты
 LM — средне-лозьвинский диалект
 LU — нижнелозьвинский диалект
 LO — верхне-лозьвинский диалект
 N — северно-мансийский диалект
 P — пельмский диалект
 So — сосьвинский диалект
 T — тавдинский диалект
 TCH — говор д. Чандырь
 TJ — говор д. Янычкова
 мар. — марийский
 B — горномарийский
 C — диалекты округа Царевокошайск
 K — диалекты округа Козьмодемьянск
 M — мамлыжский диалект
 U — диалекты округа Уржум
 V — ветлужский диалект
 мат. — маторский
 мокш. — мокшанский
 морд. — мордовские
 МТК — маторский, тайги, карагасский
 нган. — нганасанский

	Меч, сабля	Дубина, палица	Топор	Копье	Лук	Колчан	Стрела	Праща	Щит	Защитная одежда
I.1. Исконная пра- мордовская лексика		эрз. <i>mando</i> , мокш. <i>mandă</i>		эрз. <i>šalgo, šalgă</i> ; мокш. <i>šalgă, šalga</i>			эрз., мокш. <i>nal</i>			
I.2. Заимствования в пра- мордовский язык										
I.2.a. в ФВ праязык	эрз. <i>toro</i> , <i>tora, tor</i> ; мокш. <i>tor, tora</i> < балт.		эрз. <i>užeře, užeř</i> , <i>vížir</i> ; мокш. <i>užər, užərä</i> < иран.							
I.2.b. в прамордовский язык из тюркских		эрз. <i>čotmar</i> ; мокш. <i>čokmar</i> , <i>čokmar</i> 'палка, дорожная пал- ка с набалдаш.'								
I.3. Прамордовские произ- водные								<i>ivnoma</i> , <i>ivnuma</i>		<i>išmeñ</i> <i>panar</i>
I.4. Прамордовские слова без этимологии					эрз. <i>čirke</i>	эрз., мокш. <i>tukdih</i>			эрз. <i>lokšo</i> , мокш. <i>lokša</i>	
I.5. Русские заимствования, представленные в обоих мордовских языках	эрз., мокш. <i>meč</i> < рус. эрз. <i>palać</i> , мокш. <i>palaš</i> 'палаш' < рус.	эрз., мокш. <i>dubina, dubinka</i> < рус. эрз. <i>rićaga</i> , мокш. <i>rućaga</i> < рус.		эрз. <i>kořija</i> , мокш. <i>kořja</i> < рус. эрз., мокш. <i>pika</i> 'пика' < рус.		эрз., мокш. <i>kolčan</i> < рус.	эрз., мокш. <i>střela</i> < рус.			
II.2.b. Заимствования в эр- зянский из русского	<i>kesak</i>				эрз. <i>šutav</i> , <i>šitav ~ šitaŋ</i>	эрз. <i>šita</i>		эрз. <i>šutav</i> , <i>šita</i>		
II.3. Синхронные эрзян- ские производные						<i>judma</i> <i>nalkundo</i>	<i>šuvtalge</i>	<i>burnuma</i>	<i>ušmo laz</i>	<i>vaksaršam</i>
II.4. Эрзянские слова без этимологии									<i>vaksar</i>	
III.2.a. Заимствования в мокшанский язык из тюркских языков										мокш. <i>takija</i>
III.2.b. Заимствования в мокшанский язык из русского		<i>bajďək, pajďək</i> 'палка, дубинка'			<i>luk</i> 'дуга, лук'					
III.3. Синхронные мок- шанские производные							<i>lăcəma</i>			

нен. — ненецкий:	совр. — современный
Л — лесной	тайг. — тайгский
О — обский	тат. — татарский
Р — ненецкие данные в записях [Pallas 1786—1789]	Терск. — Терская область (совр. Северный Кавказ)
Т — тундровый	тюрк. — тюркские
ОТю — общетюркский	удм. — удмуртский:
ПАр — праарийский	Г — глазовский диалект
ПИИ — праиндоиранский	Ј — елабужский диалект
ПИр — праиранский	К — казанский диалект
Посл. — пословица	М — малмыжский диалект
ПП — прапермский	МУ — малмыжско-уржумский диалект
ПФ — прибалтийско-финский	S — сарапульский диалект
ПФУ — прафинно-угорский	уменьш. — уменьшительное
ПУ — прауральский	уст. — устаревшее
ПУг — праугорский	фин. — финский
Рост. Яросл. — Ростовский уезд Ярославской губернии	ФВ — финно-волжский
русск. — русский	ФП — финно-пермский
саам. — саамский:	ФУ — финно-угорский
А — диалект Аккалы	хант. — хантыйский:
І — диалект Инари	DN — верхнедемьянский диалект
Kld — кильдинский диалект	Kaz — казымский диалект
Ко — диалект Колтты	Ni — низямский диалект
L — диалект Люле	O — обдорский диалект
N — норвежско-саамский диалект	V — ваховский диалект
Not — нотозерский диалект	Vj — васюганский диалект
P — диалект Паатсьоки	чагат. — чагатайский
T — терский диалект	уст. — устное
сельк. — селькупский	энец. — энецкий
кет. — кетский диалект	эрз. — эрзянский
скр. — санскрит	эст. — эстонский
слав. — славянские	Яросл. — Ярославская губерния (область)

Л и т е р а т у р а

- Абрамов 1988 — *Абрамов К. Г.* Пургаз. Саранск, 1988. {Abramov 1988 — *Abramov K. G.* Purgaz. Saransk, 1988.}
- Алихова 1959 — *Алихова А. Е.* Из древней и средневековой истории мордовского народа: Серповский могильник. Т. 2. Саранск, 1959. {Alixova 1959 — *Alixova A. E.* Iz drevnej i srednevekovoj istorii mordovskogo naroda: Serpovskij mogil'nik. T. 2. Saransk, 1959.}
- Вершинин 2004 — *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004. {Veršinin 2004 — *Veršinin V. I.* Etimologičeskij slovar' mordovskix (erz'anskogo i mokšanskogo) jazykov. Joškar-Ola, 2004.}
- Гришаков 1992 — *Гришаков В. В.* Два погребения с саблями из Мордовско-Паркиминского могильника // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 107. Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 105—115. {Grišakov 1992 — *Grišakov V. V.* Dva pogrebenija s sabl'ami iz Mordovsko-Parkiminskogo mogil'nika // Trudy MNIIJaLIE. Vyp. 107. Arxeologičeskije issledovanija v Oksko-Surskom meždureč'e. Saransk, 1992. S. 105—115.}
- Евсеев 1990 — *Евсеев М. Е.* Мордовская свадьба. Саранск, 1990. {Evsev'ev 1990 — *Evsev'ev M. E.* Mordovskaja svad'ba. Saransk, 1990.}
- Живлов — *Живлов М. А.* Обско-угорская этимологическая база данных ouet.dbf (рукопись). {Živlov — *Živlov M. A.* Obsko-ugorskaja etimologičeskaja baza dannyx ouet.dbf (rukopis').}
- Иванов 1952 — *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.: Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952. {Ivanov 1952 — *Ivanov P. P.* Materialy po istorii mordvy VIII—XI vv.: Dnevnik arxeologičeskix gaskopok P. P. Ivanova. Moršansk, 1952.}
- Измайлов 1991 — *Измайлов И. Л.* К вопросу о контактах болгар с финно-уграми в области вооружения // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 96—106. {Izmajlov 1991 — *Izmajlov I. L.* K voprosu o kontaktax bulgar s finno-ugrami v oblasti vooruženija // Problemy arxeologii Srednego Povolž'ja. Kazan', 1991.}
- Измайлов 1992 — *Измайлов И. Л.* К вопросу о соотношении этнических и надэтнических элементов в комплексе средневекового вооружения // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 85—91. {Izmajlov 1992

- *Izmajlov I. L.* K voprosu o sootnošenii etničnih i nadedničnih elementov v komplekse srednevekovogo vooruženija // *Voprosy etničeskoj istorii Volgo-Don'ja*. Penza, 1992. S. 85—91.}
- Измайлов 1993 — *Измайлов И. Л.* Оружие ближнего боя Волжских булгар // *Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения*. Казань, 1993. С. 77—106. {*Izmajlov 1993 — Izmajlov I. L.* Oružie bližnego boja Volžskih bulgar // *Arheologija Volžskoj Bulgarii: Problemy, poiski, rešenija*. Kazan', 1993. S. 77—106.}
- Имайкина 2008 — *Имайкина М. Д.* Неень шкань эрзянь келесь: Фонетика. Саранск, 2008. {*Imajkina 2008 — Imajkina M. D.* Neen' škan' erz'an' keles': Fonetika. Saransk, 2008.}
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1, 2. М.-Л., 1966. {*Kirpičnikov 1966 — Kirpičnikov A. N.* Drevnerusskoe oružie. Vyp. 1, 2. M.-L., 1966.}
- Корзухина 1950 — *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. // *Советская археология*. 1950, 13. С. 63—94. {*Korzuxina 1950 — Korzuxina G. F.* Iz istorii drevnerusskogo oružija XI v. // *Sovetskaja arheologija*. 1950, 13. S. 63—94.}
- Костеркина и др. 2001 — *Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001. {*Kosterkina i dr. 2001 — Kosterkina N. T., Momde A. Č., Ždanova T. Ju.* Slovar' nganasansko-russkij i russko-nganasanskij. SPb., 2001.}
- Лосева-Бахтиярова 2005 — *Лосева-Бахтиярова Т. В.* Военная лексика тюркских языков: Названия вооружения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. {*Loseva-Baxtijarova 2005 — Loseva-Baxtijarova T. V.* Voennaja leksika t'urkskix jazykov: Nazvanija vooruženija. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.}
- Мартынов 1967 — *Мартынов А. К.* Тетятень киява: Повесть. Саранск, 1967. {*Martynov 1967 — Martynov A. K.* Tet'atnen' kijava: Povešt'. Saransk, 1967.}
- Масторава 1994 — *Масторава / Ред. Шаронов А. М.* Саранск, 1994. {*Mastorava 1994 — Mastorava / Red. Šaronov A. M.* Saransk, 1994.}
- Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VII—XIV вв. М.—Л., 1966. {*Medvedev 1966 — Medvedev A. F.* Ručnoe metatel'noe oružie (luk i strely, samostrel) VII—XIV vv. M.—L., 1966.}
- Мерперт 1951 — *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры // *КСИИМК*. 1951, 36. С. 14—30. {*Merpert 1951 — Merpert N. Ja.* O genezise saltovskoj kul'tury // *KSIIIMK*. 1951, 36. S. 14—30.}
- Мерперт 1955 — *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // *Советская археология*. 1955, 23. С. 131—168. {*Merpert 1955 — Merpert N. Ja.* Iz istorii oružija plemen Vostočnoj Evropy v rannem srednevekov'e // *Sovetskaja arheologija*. 1955, 23. S. 131—168.}
- Мионов 1936 — *Мионов Т.* Теньгушевский (шокша) диалект как результат скрещения. Саранск, 1936. {*Mironov 1936 — Mironov T.* Ten'guševskij (šokša) dialekt kak rezul'tat skreščeniija. Saransk, 1936.}
- Мордва 2004 — *Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. ред. Макаркин Н. П., Лужгин А. С., Мокшин Н. Ф. и др.* Саранск, 2004. {*Mordva 2004 — Mordva: Očerki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda / Gl. red. Makarkin N. P., Luzgin A. S., Mokšin N. F. i dr.* Saransk, 2004.}
- Мордвась 2006 — *Мордвась (эрзят, мокшет): Эрзянь ды мокшонь раськетнень эрямопингень, этнографиянь ды культурань коряс очерктъ / Гл. ред. Макаркин Н. П.* Саранск, 2006. {*Mordvas' 2006 — Mordvas' (erz'at, mokšet): Erz'an' dy mokšon' ras'ketnen' er'amopingen', etnografijan' dy kul'turan' kor'as očerkt' / Gl. red. Makarkin N. P.* Saransk, 2006.}
- МРВ — *Мокшанско-русский словарь / Ред. Серебренников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. М.*, 1998. {*MRV — Mokšansko-russkij slovar' / Red. Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Pol'akov O. E. M.*, 1998.}
- Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaja 2008 — Normanskaja Ju. V.* Rekonstrukcija prafinno-volžskogo udarenija. M., 2008.}
- Од Вейсэнлув 2006 — *Од Вейсэнлув (Новый Завет на эрзянском языке) / Пер. Адушкина Н. С., Батков Г. И., Горбунов Г. И., Девяткин Г. С., Надькин Д. Т.* Саранск, 2006. {*Od Vejsen'luv 2006 — Od Vejsen'luv (Novyj Zavet na erz'anskom jazyke) / Per. Aduškina N. S., Batkov G. I., Gorbunov G. I., Dev'atkin G. S., Nad'kin D. T.* Saransk, 2006.}
- ОФУЯ 1974 — *Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Отв. ред. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Карой Р. М.*, 1974. {*OFUJa 1974 — Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proisxoždenija i razvitija finno-ugorskix jazykov / Otv. red. Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Karoj R. M.*, 1974.}
- Петербургский 1978 — *Петербургский И. М.* Хозяйство мордвы в I — нач. II тыс. н.э. Дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 1978. {*Peterburgskij 1978 — Peterburgskij I. M.* Hoz'ajstvo mordvy v I — nač. II tys. n.e. Dis. ... kand. istor. nauk. Saransk, 1978.}
- Полесских 1979 — *Полесских М. Р.* Армиевский могильник // *Труды МНИИЯЛИЭ*. Вып. 63. Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. Саранск, 1979. {*Poleskix 1979 — Poleskix M. R.* Armievskij mogil'nik // *Trudy MNIJALIE*. Vyp. 63. Arheologičeskie pam'atniki mordvy I tys. n.e. Saransk, 1979.}
- Радлов 1962 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. М., 1962. {*Radlov 1962 — Radlov V. V.* Opyt slovar'a t'yrkskix narečij. T. 1—4. M., 1962.}

Святкин 2001 — *Святкин С. В.* Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск, 2001. {Sv'atkin 2001 — *Sv'atkin S. V.* Voooruženie i voennoe delo mordovskix plemen v pervoj polovine II tys. n.e. Saransk, 2001.}

Святкин 2008 — *Святкин С. В.* Военное дело мордовских племен в I — первой пол. II тыс. н.э. Саранск, 2008. {Sv'atkin 2008 — *Sv'atkin S. V.* Voennoe delo mordovskix plemen v I — pervoj pol. II tys. n.e. Saransk, 2008.}

Сияжар 1960 — Сияжар: Эрзянь народонь моротнень пурнынзе ды теясь тенст литературной обработка Радаев В. К. / Лит. обраб. *Радаев В. К.* Саранск, 1960. {Sijažar 1960 — *Sijažar: Erz'an' narodon' morotnen' purnynze dy tejs' tenst literaturnoj obrabotka Radaev V. K. / Lit. obrab. Radaev V. K.* Saransk, 1960.}

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—41 / Ред. *Филин Ф. П.* СПб., 1965—2007. {SRNG — *Slovar' russkix narodnux govorov.* Вып. 1—41 / Red. *Filin F. P.* SPb., 1965—2007.}

Степанов 1964 — *Степанов П. Д.* Андреевский курган // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 27. Серия историческая. Саранск, 1964. С. 200—220. {Stepanov 1964 — *Stepanov P. D.* Andreevskij kurgan // *Trudy MNIJALIE.* Вып. 27. Serija istoričeskaja. Saransk, 1964. S. 200—220.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereščenko 1965 — *Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar'. M., 1965.}

УПТМН 1966 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3. Мокшанские сказки / Сост. *Маскаев А. И.* Саранск, 1966. {UPTMN 1966 — *Ustno-poetičeskoe tvorčestvo mordovskogo naroda.* Т. 3. Mokšanskije skazki / Sost. *Maskaev A. I.* Saransk, 1966.}

УПТМН 1983 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. Легенды, предания, былички / Сост. *Седова Л. В.* Саранск, 1983. {UPTMN 1983 — *Ustno-poetičeskoe tvorčestvo mordovskogo naroda.* Т. 10. Legendy, predanija, bylički / Sost. *Sedova L. V.* Saransk, 1983.}

Феоктистов 1971 — *Феоктистов А. П.* Русско-мордовский словарь: Из истории отечественной лексикографии. М., 1971. {Feoktistov 1971 — *Feoktistov A. P.* Russko-mordovskij slovar': Iz istorii otečestvennoj leksikografii. M., 1971.}

Хелимский 2007 — *Хелимский Е. А.* База данных энецкого языка // www.helimski.org, 2007. {Xelimskij 2007 — *Xelimskij E. A.* Baza dannyx eneckogo jazyka // www.helimski.org, 2007.}

Циркин 1984 — *Циркин А. В.* Древковое оружие мордвы и его хронология // Советская археология. 1984, 1. С. 123—133. {Cirkin 1984 — *Cirkin A. V.* Drevkovoe oružie mordvy i ego xronologija // *Sovetskaja arheologija.* 1984, 1. S. 123—133.}

Циркин 1987 — *Циркин А. В.* Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск, 1987. {Cirkin 1987 — *Cirkin A. V.* Material'naja kul'tura i byt narodov Srednego Povolž'ja v I tys. n.e. Krasnojarsk, 1987.}

Цыганкин 1977 — *Цыганкин Д. В., Мосин М. В.* Эрзянь келень нурькине этимологической словарь. Саранск, 1977. {Cygankin 1977 — *Cygankin D. V., Mosin M. V.* Erz'an' kelen' nur'kine etimologičeskoj slovar'. Saransk, 1977.}

Цыганкин 1979 — *Цыганкин Д. В.* Фонетика эрзянских диалектов. Саранск, 1979. {Cygankin 1979 — *Cygankin D. V.* Fonetika erz'anskix dialektov. Saransk, 1979.}

Четвергов 1994 — *Четвергов Е. В.* Сырнень човалят: Стувтозь ды чуросто вастневиця валт. Саранск, 1994. {Četvergov 1994 — *Četvergov E. V.* Syrnen' čoval'at: Stuvtoz' dy čurosto vastnevic'a valt. Saransk, 1994.}

Шеянова 1989 — *Шеянова Т. М.* Формирование лексики мордовских языков. Саранск, 1989. {Šejanova 1989 — *Šejanova T. M.* Formirovanie leksiki mordovskix jazykov. Saransk, 1989.}

Шитов 1975 — *Шитов В. Н.* Вооружение мордвы во второй пол. I тыс. н.э. (по материалам Старокадомского и Шокшинского могильников) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 48. Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 69—83. {Šitov 1975 — *Šitov V. N.* Voooruženie mordvy vo vtoroj pol. I tys. n.e. (po materialam Starokadomskogo i Šokšinskogo mogil'nikov) // *Trudy MNIJALIE.* Вып. 48. Materialy po arheologii i etnografii Mordovii. Saransk, 1975. S. 69—83.}

Шитов 1977 — *Шитов В. Н.* Древнемордовские наконечники копий III — нач. XI вв. // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 54. Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1977. С. 114—117. {Šitov 1977 — *Šitov V. N.* Drevnemordovskie nakonečniki kopij III — nač. XI vv. // *Trudy MNIJALIE.* Вып. 54. Materialy po istorii, arheologii i etnografii Mordovii. Saransk, 1977. S. 114—117.}

Шитов 1990 — *Шитов В. Н.* Шокшинский могильник: Два погребения с монетами // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99. Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990. С. 21—31. {Šitov 1990 — *Šitov V. N.* Šokšinskij mogil'nik: Dva pogrebenija s monetami // *Trudy MNIJALIE.* Вып. 99. Srednevekovye pam'atniki Oksko-Surskogo meždureč'ja. Saransk, 1990. S. 21—31.}

Шитов 1992 — *Шитов В. Н.* Меч с клеймом ULFBERHT из Шокшинского могильника // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 107. Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 166—177. {Šitov 1992 — *Šitov V. N.* Meč s klejmom ULFBERHT iz Šokšinskogo mogil'nika // *Trudy MNIJALIE.* Вып. 107. Arheologičeskie issledovanija v Oksko-Surskom meždureč'e. Saransk, 1992. S. 166—177.}

Шитов 1994 — *Шитов В. Н.* Мечи X-XI вв. на территории Мордовии // Археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 44—49. {Šitov 1994 — *Šitov V. N.* Meči X-XI vv. na territorii Mordovii // Arxeologičeskoe izučenie Povolž'ja. Joškar-Ola, 1994. S. 44—49.}

Щанкина 1993 — *Щанкина В. И.* Мокшень-рузонь валкс (Русско-мокшанский словарь). Саранск, 1993. {Ščankina 1993 — *Ščankina V. I.* Mokšen'-ruzon' valks (Russko-mokšanskij slovar'). Saransk, 1993.}

ЭРС — Эрзянско-русский словарь / Ред. *Серебренников Б. А., Бузакова П. Н., Мосина М. В. М.*, 1993. {ERS — Erz'ansko-russkij slovar' / Red. *Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosina M. V. M.*, 1993.}

Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.

Fraenkel 1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-II. Heidelberg, 1965.

Helimski 1997 — *Helimski E. A.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin toimitteita. 17). Helsinki, 1977.

KSz — Keleti Szemle // Revue Orientale. 1—21. Budapest, 1900—1932.

Lehtiranta 1989 — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // Memoires de la societe finno-ougrienne, 200. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1989.

Paasonen — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. T. I—IV. Helsinki, 1990—1996.

Pallas 1786—1789 — *Pallas P.* Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. I—II. Petropoli, 1786—1789.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I—III. Helsinki, 1992—2000.

Walde-Pokorny — *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd. I—III / Hrsg. u. bearb. von *Pokorny J. B.* Leipzig, 1926—1932.

UEW — *Redei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

В статье приводится анализ названий комплекса вооружения в мордовских языках. Реконструкция прамордовских, прафинно-угорских, прауральских названий оружия, рефлексy которых сохранились в мордовских языках, и анализ изменений их семантики в современных языках и диалектах позволили сопоставить лингвистические, исторические и археологические данные.

Прамордовский комплекс вооружения, который реконструируется по лингвистическим данным, был достаточно богатым. Значительным в этот период было влияние тюркских этносов. На более раннем этапе прослеживаются заимствования в финно-волжский язык из балтийских и иранских языков. Всего три названия имеют уральскую этимологию.

SUMMARY

In the article the names of the arms complex in the Mordvin languages are analyzed. A reconstruction of arms names in Proto-Mordvin, Proto-Finno-Ugric and Proto-Uralic and an analysis of their semantic modifications in modern languages and dialects allow to compare linguistic, historical and archeological data.

The Proto-Mordvin arms complex which is reconstructed from linguistic data was sufficiently rich. The influence of Turkic ethnos was considerable at that time. The borrowings from Baltic and Iranian to Proto-Finno-Volga can be found at an earlier stage. Only three names have Uralic etymology.

Ключевые слова: мордовский язык, лексика, археология, этимология

Keywords: Mordvinian language, vocabulary, archaeology, etymology

О степенях качества прилагательных в северноудмуртских диалектах

0. Прилагательные удмуртского языка способны выражать различные степени качества предмета вне сравнения с качеством другого предмета. Качество предмета может соответствовать определенной норме, быть ниже или выше нормы. В степени качества выражена и субъективно-эмоциональная оценка меры качества, степени интенсивности признака.

Аналогичные языковые явления встречаются также в других языках, в частности, в ряде финно-угорских и тюркских языков, но существование самой категории степеней качества учеными признается редко. Только в пермских языках из всех финно-угорских выделение степеней качества как самостоятельной грамматической категории считается принятым [СКЯ 1955: 169; Тараканов 1996: 220—223; Кельмаков 1998: 130; Ефремов 1999: 166—168; Ефремов 2000: 92—96; Ефремов 2002: 11; Ефремов 2009: 173—175; Ефремов 2009а: 43—61; Лудыкова 2001: 120—132; Лудыкова 2004: 54—66; Лудыкова, Федюнева 2003: 38—47].

Следует отметить, что вплоть до 90-х гг. XX в. вопрос о наличии степеней качества прилагательного в удмуртском языкознании отдельно не рассматривался. Конструкции, образованные посредством редупликации основы прилагательного (*вож-вож* ‘зеленый-зеленый’) или присоединением к этой основе усилительных слов (*туж* ‘очень, слишком’, *укур* ‘слишком’, *ортчыт* ‘чрезмерно’ и др.), большинство составителей грамматик удмуртского языка относило к формам суперлатива [Глезденев 1920: 25—26; Поздеева 1972: 71; Ушаков 1982: 66]. Аффиксы *-алэс* (*-ялэс*), *-мыт*, *-пыр* (*-пыръем*) причислялись исследователями к деривационным [Первошиков 1948: 417—418; ГСУЯ 1962: 143] или формообразовательным [Алатырев 1983: 573].

В последние десятилетия в результате детального анализа подобных форм некоторые исследователи удмуртского языка [Тараканов 1996: 220—223; Кельмаков 1998: 130; Ефремов 1999: 166—168; Ефремов 2002: 11; Ефремов 2009: 173—175; Ефремов 2009а: 43—61] стали выделять самостоятельную грамматическую категорию степеней качества. И. В. Тараканов, рассматривая указанные формы в качестве отдельной грамматической категории, аргументирует это тем, что они имеют специальные грамматические средства — специфические суффиксы и препозитивы для выражения уменьшения, понижения, ослабления или усиления степени качества имен прилагательных вне всякого сравнения с исходной основой [Тараканов 1996: 222].

Д. А. Ефремов, специально занимающийся данной проблематикой, считает, что подобные образования не являются примерами ни степеней сравнения, ни словообразования. По его мнению, «выражения *тӧдьыалэс*, *тӧдьымыт*, *тӧдьыпыр(ъем)*, *тӧдьыгес* (не в компаративном значении) ‘беловатый, белесый’ выступают как формы слов *тӧдьы* ‘белый’, обозначая недостаточность признака “белости”, т. е. качества белого цвета в предмете, а не как новые слова с тем же значением. Также и формы *тӧдьы-тӧдьы*, *туж тӧдьы*, *укур тӧдьы*, *ортчыт тӧдьы*, *тӧдьылэс (но) тӧдьы*, *юг(-юг) тӧдьы* ‘очень, слишком, чрезмерно белый’ не являются способами выражения суперлатива, т. к. имеют семантику наивысшей степени проявления качества, признака в предмете без сравнения с подобными качествами, признаками других предметов» [Ефремов 2009: 59—60]. Следовательно, как продолжает исследователь, в удмуртском языке у имени прилагательного существуют две разные самостоятельные грамматические категории — степени сравнения и степени качества [Ефремов 2009: 43—44].

Категория степеней качества в удмуртском языке представлена тремя формами: позитивом (положительная степень), модеративом (степень неполного качества) и интенсивом (высокая степень качества). Позитив является исходной формой прилагательного и выделяется «по аналогии со степенями сравнения, существенным моментом при этом является тот фактор, что другие степени качества выявляются только лишь в сопоставлении с позитивом» [Ефремов 2009а: 44].

Несмотря на наличие серии статей, касающихся проблемы степеней качества в удмуртском языке, в научной литературе до сих пор не получило должного освещения разнообразие средств образования этих форм в удмуртском диалектном континууме. Данное исследование посвящено описанию способов выражения модератива и интенсива прилагательных в удмуртском языке на материале диалектов северного языкового ареала. В работе особое внимание уделяется специфическим явлениям, свойственным в основном северноудмуртским диалектам и / или имеющим ограниченное распространение в группе исследуемых диалектов. Фактический материал анализируется и интерпретируется в контексте удмуртского языкового диалектного «ландшафта».

На современном этапе в удмуртском языке выделяются 4 крупные пространственно-структурные единицы диалектного языка: 1) северное наречие; 2) южное наречие; 3) срединные говоры; 4) бесермянское наречие (подробнее см.: [Кельмаков 1987: 26—51; Кельмаков 1998: 41—44]). В пределах северноудмуртского наречия вычлняются 3 группы говоров (или 3 диалекта): верхнечепецкие, среднечепецкие и нижнечепецкие. Наиболее изученным из них является среднечепецкий диалект, своеобразие которого нашло отражение в двух монографиях автора [Карпова 1997; Карпова 2005].

Что касается верхнечепецких и нижнечепецких говоров, то по ним имеются лишь отдельные статьи, освещающие в основном частные особенности отдельно взятого конкретного говора. Источником данного исследования по среднечепецкому и верхнечепецкому диалектам послужили полевые материалы, собранные автором во время многочисленных экспедиций к северным удмуртам. Материалы по нижнечепецким и отчасти верхнечепецким говорам заимствуются нами из статей Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1970: 156—196], А. А. Алашеевой [Алашеева 1982: 91—106] и дипломных работ студентов факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета [Золотарева 2000; Ефремова 2006; Белослудцева 2009].

1. **Модератив** в северноудмуртских говорах, как и в других удмуртских диалектах, образуется суффиксальным способом и большого разнообразия не представляет. Для выражения значения ослабления качества, неполноты его, сниженной степени в исследуемых говорах широкое распространение получили следующие суффиксы: *-мыт* (*-мът*), *-пыр* (*-пър*, *-прэс*), *-алэс* (*-галэс*). При этом каждый из вышеупомянутых формантов при выполнении своей модеративной функции может употребляться только с определенными лексико-семантическими группами прилагательных [Ефремов 2000: 94].

По замечанию И. В. Тараканова, формы с указанными суффиксами по своим грамматическим значениям являются синонимичными и обозначают слабопроявляемый, тонкий оттенок основного цвета, окраски предмета. Лишь формы на *-алэс* (*-ялэс*), обладая более широкой употребляемостью, могут дополнительно выражать вкусовые качества и пространственные отношения [Тараканов 1996: 220]. Остановимся на анализе модеративных суффиксов, функционирующих в северных диалектах удмуртского языка.

1) Суффикс *-мыт* имеет широкое распространение во всех причепецких северноудмуртских диалектах. В значении неполноты качества он употребляется в основном с прилагательными, выражающими цветные признаки предметов. Прилагательные с данной семантикой обозначают слабопроявляемый, тонкий оттенок основного цвета, окраски предмета: сч. *вожмът къшэт* ‘зеленоватый платок’, *лэзмът с’ас’каос* ‘синеватые цветы’; нч. *гордмыт* ‘красноватый’, *кэд’ымыт* ‘светловатый, бледноватый’ [Тепляшина 1970: 168—169], *вожмыт* ‘зеленоватый’, *гордмыт* ‘красноватый’ [Золотарева 2000: 33]; вч. *лызмыт* ‘голубоватый’, *чърсмыт* ‘кисловатый’ [Алашеева 1982: 93], *чужмыт-горд* ‘желтовато-красный’ [Белослудцева 2009: 37], *л’ол’мыт* ‘розоватый’.

Примеры-предложения: сч. Оз. *Та йун с’экыт улон бэздытис л’ол’мыт баммэ* ‘Эта тяжелая жизнь сделала бледными мои румяные (розоватые) щеки’; вч. Алек. *Пийэс с’арыс’ вэраны гинэ кутски, сос’эд’элэн бамыз гордмыт луиз* ‘Как только я начала рассказывать о ее сыне, лицо соседки покраснело (стало красноватым)’.

Как показывают примеры, в северноудмуртских диалектах прилагательные с суффиксом *-мыт* выступают с дублетным ударением. В зависимости от характера предложения ударение в них колеблется, падая то на предшествующий аффиксу *-мыт* слог, то на последний. Наиболее часто встречающимся вариантом является произношение вышеназванных и подобных им слов с ударением на конечном слоге. По нашим наблюдениям, эти лексемы с ударением не на последнем слоге произносятся тогда, когда они носят в речи определенный экспрессивно-эмоциональный характер (при выражении удивления, вопроса, призыва, усиления интенсивности признака и т. д.).

В удмуртском языковом континууме распространение модеративного суффикса *-мыт* наблюдается не во всех диалектах. Так, он не обнаружен в кырыкмасских говорах, в говорах дд. Муважи и Бобья-Уча, входящих в южноудмуртскую диалектную зону [Кельмаков 1998: 131].

2) Прилагательные с суффиксом *-пыр*, помимо обозначения слабопроявляемого оттенка основного тона цвета, окраски предмета, могут дополнительно выражать тонкие вкусовые качества, изредка эмоциональное состояние: *вошпыр бумага* ‘зеленоватая бумага’, *гортпыр с’уй* ‘глинистая (красноватая) земля, почва’, *чърспыр н’ан’* ‘кисловатый хлеб’, *мозмытпыр мылкыд* ‘грустноватое настроение’. Из северноудмуртских диалектов функционирование этого суффикса преимущественно отмечается в среднечепецком диалекте. В верхнечепецких говорах он встречается спорадически, а в нижнечепецких его присутствие не зафиксировано.

Примеры-предложения: сч. ВУн. *С’укас’э софс’эм чърспыр н’и, йуэмэд но уз н’и пот сойэ т’над* ‘Квас совсем кисловатый уже стал, и выпить его тебе уже не захочется’; сч. Деб. *Магаз’инэ чэбэр гинэ*

йүшпър мат'эрийал вуттил'л'ам 'В магазин красивую **желтоватого** [цвета] ткань (материал) привезли'; вч. СГыя *Мөзмътпыр мылкыдын макэ тон, гыдыкэ, вуйд* 'С **грустноватым** настроением что-то ты, голубушка, пришла'.

Ударение, как правило, в лексемах с данным формантом падает на предшествующий этому суффиксу слог. Суффикс *-пыр* встречается также в срединных говорах и южноудмуртских диалектах. В лузколетском диалекте коми-зырянского языка данному удмуртскому суффиксу соответствует суффикс *-пырысь*. По мнению коми лингвиста В. М. Лудыковой, эти суффиксы могут иметь общее происхождение [Лудыкова 2001: 129].

Во время последних экспедиций к среднечепецким удмуртам в некоторых населенных пунктах, в частности, в дд. Байдалино, Мосеево Ярского района, в дд. Пусошур, Отогурт, Абагурт Глазовского района наряду с суффиксом *-пыр* нами был зафиксирован суффикс *-прэс*, образованный сочетанием суффиксов *-пыр* и *-эс* (в суффиксе *-пыр* происходит выпадение гласного *ы*): *вóшпрэс кышэт* 'зеленоватый платок', *чýрспрэс шыд* 'кисловатый суп'.

Примеры-предложения: сч. Байд. *Мойы ад'амилэс' ымнырзэ лыспрэс кышэтэз эшио мыймытэ* 'Лицо старого человека **синеватый** платок еще [больше] старит'; сч. Кож. *Тан' кэн'эрэ б'риз но, чýрспрэс н'ан'эн кал' с'удис'ко т'ут'уосмэ* 'Вот крупа закончилась, и **кисловатым** хлебом сейчас кормлю цыплят'.

В других удмуртских диалектах (в частности, срединных и южных) наличие указанного суффикса не отмечается.

3) В среднечепецком и верхнечепецком диалектах для выражения неполноты качества широко употребляется суффикс *-алэс*. Для нижнечепецких говоров, за исключением сибирского говора [Тепляшина 1970: 169; Золотарева 2000: 33], он не характерен. Данный суффикс используется с прилагательными, обозначающими цвет, различные вкусовые качества, размер и форму предмета: *пурýс'алэс ыж* 'сероватая овца', *чýрсалэс турън* 'кисловатая трава', *куз'ыталэс сок* 'солончатый сок', *с'убэгалэс коридор* 'узковатый коридор'.

Примеры-предложения: сч. Ук. *Вóжалэс обойэн сос'эд'д'ос л'акылил'л'амзы ст'эназэс, мыным йарас'киз* 'Зеленоватого [цвета] обоями соседи поклеили стены, мне понравилось'; сч. Диз. *Пут' дорыт'и с'убэгалэс с'урэс үа'скэ, от' мынэ вэс'ак но вуды дэрэвн'айады* 'Вдоль железнодорожного пути **узковатая** дорога идет, там идите прямо и дойдете до деревни'; вч. Сыг. *Ол'и зóрдэлэс плат'т'айэн лыктиз* 'Оленька пришла в **красноватом** платье'; вч. Сыг. *Лýзалэс инбам йун чэбэр* 'Голубоватое (синеватое) небо очень красивое'.

В отдельных населенных пунктах ярского и глазовского говоров наряду с суффиксом *-алэс* используется его фонетический вариант *-галэс*, возникший в результате контаминации двух суффиксов с модеративным значением *-гэс* и *-алэс* (*-галэс < -гэс+ -алэс*): сч. Кож. *зóрдгалэс бамъз* 'красноватое у него лицо', сч. Байд. *чýрсгалэс с'укас'* 'кисловатый квас', сч. Пус. *пурýс'галэс плат'т'а* 'сероватое платье'. В других удмуртских диалектах формант *-галэс* не встречается.

4) Помимо вышеназванных суффиксов в рассматриваемых диалектах, как и в удмуртском языке в целом, употребляются суффиксы *-гэс*, *-гэм*, которые наряду со своей основной компаративной функцией могут выполнять и модеративную. Они употребляются с прилагательными различных лексико-семантических групп: а) с прилагательными, обозначающими цвет (*курэн'гэс с'ин* 'глаза с коричневатым оттенком', *вожгэс помидор* 'недозревший (зеленоватый) помидор'); б) вкусовые качества (*куз'ытгэс жук* 'солончатая каша', *курытгэс огрэч* 'горьковатый огурец'); в) размер и форму предмета, явления (*с'убэггэс скамэйка* 'узковатая скамейка', *нас'кытгэс юфка* 'широковатая юбка'); г) состояние явлений природы (*зорогэс нуналийос* 'более дождливые дни', *пил'могэс кýаз'* 'более облачная погода') и др.

Примеры-предложения: сч. Кож. *Зорогэс нуналийос кутскийз* 'Более дождливые дни начались'; сч. Пыш. *Пэймътгэс мэстайън толалтээз воз'оно та с'ас'кайэз, оз' кэ өд воз', тульс кулоз* 'В **темноватом** месте зимой нужно держать этот цветок, если так не будешь держать, весной пропадет'; вч. Сыг. *Лийэ пичигэс на ай* 'Сын [мой] маленький (**маловатый**) еще'; *С'экытгэс нуналийос вуйзы* 'Более трудные (**трудноватые**) дни настали'.

Данные суффиксы имеет широкое распространение и в других удмуртских диалектах. По мнению некоторых исследователей, прилагательные с суффиксом *-гэс* имеют более отвлеченные, абстрактные значения, а с суффиксом *-гэм* выражают более конкретные признаки и качества. В настоящее время в севернудмуртских диалектах семантические различия в употреблении этих суффиксов не ощущаются. Более широкое распространение, по нашим данным, имеет суффикс *-гэс*. Употребление суффикса *-гэм* изредка отмечается в речи пожилых людей. Модеративное значение указанных суффиксов в коми языке (соответствие в форме *-гэм*) зафиксировано в отдельных диалектах: например, в южных и частично северных диалектах коми-зырянского языка [Лудыкова 2001: 127], верхне-камском наречии коми-пермяцкого языка [Баталова 1975: 172]. Несомненно, этот суффикс общепермского происхождения.

Анализ собранного фактического материала показывает, что в северноудмуртских диалектах, как и в удмуртском языке в целом, из всех вышеотмеченных модеративных аффиксов самую широкую возможность применения (с прилагательными, обозначающими цветовые признаки, вкусовые свойства или отражающими пространственные отношения, физическое состояние, а также с прилагательными других лексико-семантических групп) и самую большую частотность имеет аффикс *-гэс* (*-гэм*). Из всех отмеченных формантов, использующихся в удмуртских диалектах северной языковой зоны для выражения неполноты качества, только два — *-гэс* (*-гэм*) и *-пыр* — имеют параллели в коми языке, что свидетельствует об их общепермском происхождении.

2. **Интенсив** выражает высокую степень качества прилагательных вне сравнения с другими предметами, указывает на то, что качество предмета превышает норму. В удмуртском языке высокая степень проявления признака прилагательного обычно образуется двумя способами: 1) при помощи усилительных слов (или слов-интенсификаторов) и 2) редупликацией основ.

2.1. В северноудмуртских диалектах наиболее распространенным способом образования таких форм является первый — присоединение к положительной форме прилагательного особых усилительных слов (интенсификаторов). Рассматриваемые диалекты, как и другие удмуртские говоры, имеют богатый фонд специальных лексем, способных выступать в качестве интенсификаторов и выражать различные экспрессивные оценки говорящего. В роли интенсификаторов могут использоваться разные части речи: наречия, прилагательные, существительные и т. д., подвергшиеся синтаксической функциональной транспозиции. Рассмотрим эти лексемы в порядке частотности их употребления в диалектах северного наречия.

1) *Йун* ‘очень’ (букв. ‘крепкий, сильный; крепко, сильно’)

В северноудмуртской диалектной зоне эта лексема является одним из наиболее употребительных слов со значением интенсификации. В сочетании со «стержневыми» адъективными словами она десемантизируется, используется лишь для выражения грамматического значения. Лексема обладает широкими сочетательными возможностями, выступая с прилагательными различных семантических групп: *йун с'экът улон* ‘очень тяжелая жизнь’, *йун чэбэрэс ныл'л'ос* ‘очень красивые девушки’.

Примеры-предложения: сч. Ук. *Война вылын д'эрэвн'аыс'тымь кон'а йун зэч калыкйос бырызы* ‘Во время войны из нашей деревни сколько **очень хороших** людей погибло’; сч. НЕл. *Уаз'эн трос йун чоръг вал, потому что йун мурэс' рэкаос вал* ‘Раньше очень много рыбы было, потому что были **очень глубокие** реки’; вч. БУн. *Тати палан вал'л'о йун зокэс' д'эрэвн'аос но вал, кал' тросэз бырэмын* ‘В этой стороне раньше даже **очень большие** деревни были, сейчас многие исчезли’; вч. СГыя *Ныл дырйам мон йун чэбэр вал, вичак тиос бёрсам вэтлылызы* ‘В девичестве я **очень красивой** была, все парни за мной бегали’.

Конструкции с усилительным словом *йун* активно функционируют также в соседнем бесермянском наречии. В южноудмуртских и срединных говорах в качестве интенсификатора названная лексема не употребляется, ее замещает слово *туж* ‘очень’.

2) *Л'экос* ‘очень; страшно, больно’ (разг.)

Данная лексема в значении интенсификатора встречается только в северноудмуртских диалектах. Чаще всего она выступает с именами прилагательными, обозначающими объемно-пространственные признаки, свойства темперамента, вкусовые признаки и качества: *л'экос куз' с'урэс* ‘очень длинная дорога’; *л'экос зок чач'ча* ‘очень большой лес’, *л'экос урод ад'ами* ‘очень плохой человек’.

Примеры-предложения: сч. Ис. *Кал' гинэ л'экос зэч свад'ба лэс'тим* ‘Только что **очень хорошую** свадьбу сыграли [мы]’; сч. Ер. *Ой, мар вал тат'н мим: л'экос зол ураган орччиз, трос писнуост' ик пог'ртиз* ‘Ой, что произошло здесь в прошлом году: **очень сильный** ураган был (прошел), много деревьев свалил’; вч. Сыг. *Шыдэд л'экос курыт, с'ины ик уг лу* ‘Суп [у тебя] **очень горький**, даже есть невозможно’.

В говоре д. Сибирь нижнечепецкого диалекта данный интенсификатор может употребляться также и с суффиксом *-гэс* (~ *-гэм*): *л'экоsgэс* (~ *-гэм*) *капчи* ‘слишком легкий’, *л'экоsgэс* (~ *-гэм*) *акыл'эс* ‘слишком надоедливый’, *л'экоsgэс* (~ *-гэм*) *пöймыт* ‘слишком темный’ [Золотарева 2000: 32]. Присутствие модеративного суффикса *-гэс* в морфологической структуре слова-интенсификатора привносит значение большего усиления интенсивности проявления признака, качества.

Лексема *л'экос* образована от слова *л'эк*, имеющего в северноудмуртском диалектном пространстве значение ‘сильный; крепкий, проворный; сильно; крепко, проворно’, с помощью деривационного суффикса *-ос*. Сочетаясь с прилагательными, она совершенно десемантизировалась и утратила первоначальное значение.

3) *Дотово* ‘очень’ (разг.)

Это слово является русским заимствованием, оно образовано от формы родительного падежа указательного местоимения *тот* с предлогом *до* (*до того*). Данная лексема также отошла от своего первоначаль-

ного значения и приобрела значение кванторного слова. В верхнечепецких и среднечепецких говорах она в основном употребляется с прилагательными, обозначающими вкусовые качества предметов, характеры людей и животных, размер предмета и т. д.: *дото́во зол к̆у́ара* ‘очень сильный голос’, *дото́во чэск̆ят шьд* ‘очень вкусный суп’, *дото́во кыз син’ьс* ‘очень толстая нитка’.

Примеры-предложения: сч. Ел. *Кун’ан пэгзиз ч̆ӑй̆ч̆ай̆э, дото́во п̆эй̆мыт ч̆ӑй̆ч̆ай̆э, кык нунал уччаса вэтлим, вот оз’* ‘Теленок забежал в лес, в **очень дремучий** лес, два дня [его] искали, вот так’; сч. Коч. *Аслам молод̆ушкам̆ дото́во з̆эч, оз’ вэт’, м̆ьп̆ьй?* ‘Наша сноха **очень хорошая**, так ведь, мама?’; вч. СГыя *Ой, дото́во с’э̆кыт сумкаосын бэн ти вэтскóды ук* ‘Ох, с **очень тяжелыми** сумками ведь вы ходите’; вч. Сыг. *Кал’ дото́во чэбэр дис’эн вэтло пинал̆йос* ‘Сейчас очень красиво одеваются дети (в **очень красивой** одежде ходят дети)’.

В качестве интенсификатора лексема *дото́во* широко используется также и в других удмуртских диалектах, например, в срединных и южных говорах.

4) *Проч* (< рус. *прочь*) ‘совсем, очень’ (букв. ‘прочь, долой’)

В роли интенсификатора данная лексема встречается преимущественно в севернoudмуртских диалектах (в нижнечепецких говорах в форме *пр̆оч*). По происхождению слово является русским заимствованием. Оно, сочетаясь с адъективными словами, совершенно десемантизируется. Данная лексема в описываемых диалектах выступает с прилагательными различных семантических групп, чаще всего с прилагательными, обозначающими объемно-пространственные признаки, вкусовые признаки и качества, свойства темперамента и т. д.: *проч з̆ок д’эрэв’а* ‘очень большая деревня’, *проч нас’к̆ят ул’ча* ‘очень широкая улица’, *проч урод с’ам* ‘очень нехорошая привычка’.

Примеры-предложения: сч. Ис. *Ули-ули дун’н’э вылын, проч урод улон с’ана номрэ ой ӑз̆зы* ‘Жила-жила на [белом] свете [я], кроме **очень плохой** жизни [ничего] не видела’; сч. Пус. *Кал’ проч з̆эч пэн’з’и бас’тыс’ко, улоно гинэ вал* ‘Сейчас **очень хорошую** пенсию получаю, только бы жить [да жить]’; вч. Сыг. *Проч пичи на вэт’ кун’анэ, вандыны но жал’ потэ* ‘**Совсем маленький** еще мой теленок, даже резать жалко [его].’

Данное слово не только выражает высокую степень качества, но и оценивает, имеет экспрессивное значение.

5) *К̆о̆шк̆эмыт* ‘очень’ (букв. ‘страшный, жуткий, ужасный; страшно, жутко, ужасно’)

Данное слово в качестве усилителя признака зафиксировано в верхнечепецком и нижнечепецком (в форме *к̆о̆шк̆эм*) диалектах севернoudмуртского наречия. Сочетаясь с адъективными словами, в названных диалектах оно десемантизировалось и утратило негативный оттенок.

Лексема обладает широкими сочетательными возможностями и используется как с качественными прилагательными различных семантических групп (*к̆о̆шк̆эмыт узыр ад’ами* ‘очень богатый’, *к̆о̆шк̆эмыт курыт кушман* ‘очень горькая репа’, *к̆о̆шк̆эмыт чэбэр ныл* ‘очень красивая девушка’, *к̆о̆шк̆эмыт с’э̆кыт ар* ‘очень трудный (тяжелый) год’), так и с некоторыми относительными прилагательными, у которых в предикативной функции происходит смещение от дескриптивного к оценочному значению (*к̆о̆шк̆эмыт зоро к̆у́аз* ‘очень дождливая погода’, *кчэз к̆о̆шк̆эмыт й̆о̆ло* букв. ‘коза у меня очень молочная’). Отмечаются случаи употребления этого слова в сочетании с безлично-предикативными словами и наречиями: вч. Сыг. *к̆о̆шк̆эмыт с’э̆кыт улыны* ‘очень тяжело жить’.

В качестве усилителя признака лексема *к̆о̆шк̆эмыт* встречается также в отдельных срединных говорах.

6) *Йун л’эк* ‘очень’

Из всех удмуртских диалектов употребление этого специфического сочетания в значении интенсификатора характерно только для среднечепецкого диалекта. В данном случае высокая степень качества выражается с помощью двух усилительных слов: *йун* и *л’эк* ‘очень, слишком, чрезмерно’ (букв. ‘сильный; крепкий, проворный; сильно; крепко, проворно’), — которые совместно приносят добавочное усиление степени качества.

Чаще всего этот интенсификатор употребляется с прилагательными, выражающими меру, степень качества предмета, а также характеризующими внешние и внутренние качества лица: *йун л’эк з̆эч с’уан* ‘очень сильно хорошая свадьба’, *йун л’эк п̆ос’ гужэмэ* ‘в очень сильно жаркое лето’.

Примеры-предложения: сч. Мос. *Йун л’эк гра́мотной айымы вал но, сойин улыны н’э пришлос’* — *быриз войнайэ* ‘**Очень сильно образованным (грамотным)** был наш отец, но с ним жить [нам] не довелось — погиб на войне’; сч. ВПар. *Йун л’эк з̆эч с’уан орччиз тиз’нал, шукрэс з̆эч мад’о в̆лэм со пал’л’ос* ‘**Очень сильно хорошая** свадьба была на днях, очень красиво, оказывается, поют [люди] с той стороны’.

7) *Сл’й̆шком* (~ *л’ишка*) ‘слишком, чрезмерно; очень’

Данная лексема восходит к русскому наречию степени *слишком*, в котором уже заключено значение высокой степени. Интенсификатор имеет широкие сочетательные возможности, выступая с прилага-

тельными различных семантических групп: *сл'ишком с'эжыт* 'очень тяжелый (трудный)', *сл'ишком пэй-мыт* 'слишком (очень) темный', *сл'ишком курыт* 'слишком (очень) горький'.

Примеры-предложения: сч. ВПар. *Мим гужэм л'ишка пёс' куаз' улиз* 'В прошлом году лето было **очень жаркое (слишком жаркая)** погода была'; вч. СГыя *Мон кот'ку пинайюсыным сл'ишком трэбо-ватл'ной мама вал* 'Я всегда по отношению к своим детям была **слишком требовательной** мамой'.

В значении интенсификатора это слово получило распространение также и в срединных говорах удмуртского языка.

8) В отдельных говорах среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов для выражения высокой степени качества прилагательных используется лексема *раттэм* 'очень' (букв. 'беспорядочный, бессистемный; несвязный, нескладный'): *раттэм виз'мо* 'очень умный', *раттэм куз'* 'очень длинный'.

Очевидно, происхождение данного интенсификатора можно связать с русским словом *ряд*, а элемент *-тэм* является суффиксом, с помощью которого образуются прилагательные со значением отсутствия чего-либо, какого-либо свойства. В указанных говорах произошла полная десемантизация этого слова в сочетании с адъективными «стержневыми» словами.

Примеры-предложения: вч. Сыг. *Мужикэз раттэм виз'мо вал* 'Муж [ее] **очень умным** был'; вч. СГыя *Раттэм куз' с'урэс ук Ижэфскады мыныны* '**Очень** длинная дорога же — ехать в ваш Ижевск'; сч. Кот. *Раттэм вакчи плат'т'айэд толло бас'тэмэз* '**Слишком короткое** твое платье, вчера купленное'.

В других удмуртских диалектах функционирование данного усилителя качества не отмечается.

9) В отдельных населенных пунктах среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов в единичных случаях нами зафиксированы следующие слова-интенсификаторы: а) *л'эк* 'очень, слишком, чрезмерно' (букв. 'сердитый, сердито') — сч. дд. Золотари, Помаг; вч. Кабалуд, Уди; б) *шукурма* ~ *шукырма* 'очень, слишком, чересчур' (по-видимому, данная лексема восходит к слову *шукырэс* 'страшный, жуткий; страшно, жутко') — дд. Золотари, Помаг; в) *бэда* (< рус. *беда*) 'очень, слишком' (букв. 'беда') — д. Кабалуд. Примеры: *шукурма пёс' к'уаз'* 'очень жаркая погода', *бэда урод уж* 'очень плохая работа'.

Примеры-предложения: сч. Зол. *А л'эк чырс йёл луэ кэ, ук нёрмы солэс' куз'атэм* 'А если **слишком кислое** молоко, то [хороший] творог из него не получается'; сч. Каб. *Л'эк жоб ад'ами со, змэйа кад'* '**Очень злой** человек он, словно змея'.

Сочетаясь с адъективными словами, вышеотмеченные лексеммы полностью десемантизировались. В качестве усилителя признака препозитив *л'эк* наличествует в соседнем бесермянском наречии [Тепляшина 1970а] и в среднесысольском диалекте коми языка (в форме *лэк*) [Лудыкова 2004: 55]. Конструкции с интенсификатором *беда* встречаются также в отдельных коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах [Лудыкова 2004: 60].

10) В нижнечепецких говорах в качестве интенсификаторов, как показывают материалы Т. И. Тепляшиной, используется еще целый набор специфичных слов-усилителей с общим значением 'слишком, очень, чрезвычайно', функционирование которых в других территориальных диалектах удмуртского языка не отмечено: *кылёк* [*кыл'ок*] (этимология лексеммы не ясна), *шуи* букв. 'некрасивый, безобразный, гадкий, страшный; некрасиво, безобразно, гадко, страшно', *туляк* [*тул'ак*] (возможно, что эта лексема восходит к слову *тульк* с буквальным значением 'плотно; плотный'), *тыпыляк* [*тыпыл'ак*] букв. 'сплошь', *стрась* [*страс'*] (< рус. *страсть*).

Примеры: *шуи чебер* [*шуи чэбэр*] 'очень красивый', *кылёк зёк* [*кыл'ок зёк*] 'очень большой' и др. [Тепляшина 1970: 170].

В качестве усилителя признака слово *стрась* зафиксировано также и в диалектах коми-зырянского и коми-пермяцкого языков [Лудыкова 2004: 61].

11) Высокая степень качества в удмуртском языке выражается также специфическими конструкциями, состоящими из образительных слов и основной формы прилагательного. При этом интенсивы-слова могут употребляться одиночно или в виде редуликата, выступая в сочетании только с определенными качественными адъективами. Данные сочетания ограничены, причем их функционирование в удмуртских диалектах не представляет единства.

В говорах северноудмуртской языковой зоны зафиксированы примеры на употребление образительных слов в сочетании с прилагательными, обозначающими преимущественно конкретный цветовой признак и изредка иное качество: *ч'ып төд'ь* 'белый-белый', *ч'ьн төд'ь* 'белый-белый, очень белый', *ч'ьрак төд'ь* 'белый-белый', *ч'ил'* (-ч'ил') *с'од* 'черный-черный', *ч'им вож* 'зеленый-зеленый', *ч'ыж выл'* 'совершенно новый', *т'ан* (-т'ан) *кот* 'мокрый-мокрый, очень мокрый' и т. д.

Примеры-предложения: сч. Оз. *Мим гужэм шунды шоры потти вал кофтамэ, кэй но с'ийос шуса, сэрэ вóкс'о со с'арыс' вунэтскэм; ч'ып төд'ь вэт' гужмаз кофтайэ* 'Прошлым летом на солнце вынесла было [проветрить] кофту, мало ли что моль съест, потом совершенно забыла об этом; совсем ведь по-

блекла (белой-белой стала) кофта'; вч. Пол. *Вал'ло та ул'чамы чйм вож вал, кон'а кыс'пуэз будэ вал, табэрэ нóмыр шулдырзэ уд áззы* 'Раньше эта наша улица зеленая-зеленая была, сколько берез росло, теперь никакой красоты не увидишь'.

Следует отметить, что интенсивные формы с вышеотмеченными словами-усилителями по своим грамматическим значениям являются синонимичными. Но в северноудмуртских диалектах эти разновидности аналитического способа по продуктивности существенно отличаются друг от друга: самыми продуктивными являются усилительные слова *йун, л'экос, дотово, проч*, а остальные используются реже, их употребление территориально ограничено.

2.2. В северных диалектах, как и во многих удмуртских говорах, высокая степень качества может выражаться также редупликацией основы прилагательного: *йуг-йуг лымы* 'белый-белый снег', *зók-зók йач'ча* 'очень большой лес', *пэйм'т-пэйм'т уй* 'очень темная ночь'.

Примеры-предложения: сч. Коб. *Артэл' лудэ потыса, аззи вóжс-вожс йу-н'ан'эз* 'Выйдя в артельное поле, [я] увидела зеленые-зеленые хлеба'; вч. Юс. *зэч-зэч турын калтим гужэмзэ* 'Очень хорошее сено мы заготовили летом'.

Кроме того, в нижнечепецких говорах между повторами может добавляться соединительный союз *да* 'и, да': *кузь да кузь (кúз' да куз')* 'длинный-длинный, самый длинный', *зók да зók (зók да зók)* 'очень крупный, крупнейший' [Тепляшина 1970: 170].

Отметим, что повтор является одним из архаичных способов выражения высокой степени качества, он характерен для всех современных финно-угорских языков.

Таковы основные способы выражения степеней качества имен прилагательных в диалектах северноудмуртского языкового ареала. Анализ материала показывает, что в образовании модеративных форм рассматриваемые диалекты не проявляют больших отличий между собой, различия обнаруживаются в основном в неодинаковой степени употребительности и фонетическом оформлении вышеназванных суффиксов. В образовании форм интенсива особенность северноудмуртских диалектов отмечается в функционировании специальных слов-усилителей, большая часть которых является свойственной в основном говорам северного наречия (*йун, л'экос, йун л'эк, раттэм*). В роли интенсификаторов выступают как исконные, так и заимствованные из русского языка лексемы (*дотово, проч, бэда, страс'*). Последние нередко получают функции интенсификаторов непосредственно в системе удмуртского языка, претерпев определенные семантические и грамматические преобразования. Широкое употребление русских заимствований в северноудмуртских диалектах в качестве интенсификаторов объясняется тем, что социально-экономические и культурные связи северных удмуртов с русскими имеют более длительную историю, чем подобные контакты других групп удмуртов.

Разнообразие диалектных средств образования степеней качества свидетельствует об инновационных процессах в истории удмуртского языка. Типичное только для северноудмуртских диалектов своеобразие в выражении интенсивных форм является результатом самостоятельного развития этих диалектов. Некоторые общие явления, отмечаемые в северноудмуртских и отдельных коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах, возможно, представляют сохранение в них древних черт пермского языкового континуума или имеют ареальный характер.

Сокращения

Удмуртские диалекты и говоры

- вч. — верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект)
 нч. — нижнечепецкие говоры (нижнечепецкий диалект)
 сч. — среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект)

Населенные пункты по диалектам

верхнечепецкий диалект

Алек. — д. Александрово
 БУн. — д. Большой Унтем

Каб. — д. Кабалуд
 Пол. — с. Полом
 СГыя — д. Старая Гыя

Сыг. — д. Сыга
 Юс. — с. Юски

среднечепецкий диалект

Байд. — д. Байдалино
 ВПар. — с. Верхние Парзи

ВУн. — д. Верхние Уни
 Деб. — с. Дёбы

Диз. — п. Дизьмино
 Ел. — с. Елово

Ер. — д. Ертем
Зол. — д. Золотари
Ис. — д. Исаково
Коб. — д. Кобиныпи

Кож. — д. Кожиль
Кот. — д. Котегово
Коч. — д. Кочишево
Мос. — д. Мосеево
Нел. — д. Ново-Елово

Оз. — д. Озерки
Пус. — д. Пусошур
Пыш. — с. Пышкет
Ук. — с. Укан

нижнечепецкий диалект

Сиб. — д. Сибирь

Общие

разг. — разговорное   букв. — буквально

Литература

Алатырев 1983 — *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмурт-жуч словарь (Удмуртско-русский словарь). М., 1983. С. 561—591. {Alatyrev 1983 — *Alatyrev V. I.* Kratkij grammatičeskij očerk udmurtskogo jazyka // Udmurt-žuč slovar' (Udmurtsko-russkij slovar'). М., 1983. S. 561—591.}

Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105. {Alašeeva 1982 — *Alašeeva A. A.* Verhnečepceckie govory I // Obrazcy reči udmurtskogo jazyka. Iževsk, 1982. S. 91—105.}

Баталова 1975 — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {Batalova 1975 — *Batalova R. M.* Komi-perm'askaja dialektologija. М., 1975.}

Белослудцева 2009 — *Белослудцева Т. В.* Чупчийыл диалектлэн фонетика но морфология удысын аспӧртэмлыкез (Пажман гуртлэн вераськетэзъя) / Каф. удм. и фин.-уг. языкозн. Науч. рук. проф. Кельмаков В. К. Ижевск, 2009. (Рукопись дипломной работы). {Belosludceva 2009 — *Belosludceva T. V.* Čupčijyl dialektlen fonetika no morfologija udysyn aspörtemlykez (Pažman gurtlen veras'ketez"ja) / Kaf. udm. i fin.-ug. jazykoz. Nauč. ruk. prof. Kel'makov V. K. Iževsk, 2009. (Rukopis' diplomnoj raboty).}

Глезденев 1920 — *Глезденев П. П.* Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1920. {Glezdenev 1920 — *Glezdenev P. P.* Kratkaja grammatika jazyka naroda udmurt. V'atka, 1920.}

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Ред. *Перевоицков П. Н.* Ижевск, 1962. {GSUJa 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka: Fonetika i morfologija / Red. *Perevoščikov P. N.* Iževsk, 1962.}

Ефремов 1999 — *Ефремов Д. А.* Категория степеней качества прилагательного в удмуртском языке // Тезисы докладов IV-ой Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 3. Ижевск, 1999. С. 166—167. {Efremov 1999 — *Efremov D. A.* Kategorija stepenej kačestva prilagatel'nogo v udmurtskom jazyke // Tezisy dokladov IV-oj Rossijskoj universitetsko-akademičeskoj naučno-praktičeskoj konferencii. Č. 3. Iževsk, 1999. S. 166—167.}

Ефремов 2000 — *Ефремов Д. А.* О способах выражения неполноты качества в удмуртском языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III-го тысячелетия». Саранск, 2000. С. 92—96. {Efremov 2000 — *Efremov D. A.* O sposobax vyraženiya nepolnoty kačestva v udmurtskom jazyke // Materialy II Vserossijskoj naučnoj konferencii finno-ugrovedov "Finno-ugristika na poroge III-go tys'ačel'etija". Saransk, 2000. S. 92—96.}

Ефремов 2002 — *Ефремов Д. А.* Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. {Efremov 2002 — *Efremov D. A.* Grammatičeskije svojstva imeni prilagatel'nogo v udmurtskom jazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Iževsk, 2002.}

Ефремов 2009 — *Ефремов Д. А.* Категория степеней качества в удмуртском языке и ее тюркские параллели // Материалы Международной научной конференции: Чувашский язык и современные проблемы алтаистики (Чебоксары, 27—28 февраля 2009 г.). Ч. I. Чебоксары, 2009. С. 173—175. {Efremov 2009 — *Efremov D. A.* Kategorija stepenej kačestva v udmurtskom jazyke i ee t'urkskie paralleli // Materialy Meždunarodnoj naučnoj konferencii: Čuvaškij jazyk i sovremennye problemy altaistiki (Čeboksary, 27—28 fevral'a 2009 g.). Č. I. Čeboksary, 2009. S. 173—175.}

Ефремов 2009а — *Ефремов Д. А.* Имя прилагательное в удмуртском языке. Ижевск, 2009. {Efremov 2009a — *Efremov D. A.* Im'a prilagatel'noe v udmurtskom jazyke. Iževsk, 2009.}

Ефремова 2006 — *Ефремова М. Н.* Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике и морфологии сыгинского говора удмуртского языка / Каф. соврем. удм. языка и методики его препод. Науч. рук. доц. Карпова Л. Л. Ижевск, 2006. (Рукопись дипломной работы). {Efremova 2006 — *Efremova M. N.* Obščie (sev-

ernoudmurtskie) i častnye (mestnye) osobennosti v fonetike i morfologii syginskogo govora udmurtskogo jazyka / Kaf. sovrem. udm. jazyka i metodiki ego prepod. Nauč. ruk. doc. Karпова L. L. Iževsk, 2006. (Rukopis' diplomnoj raboty).}

Золотарева 2000 — *Золотарева Т. М.* Фонетические, морфологические и лексические особенности говора удмуртов д. Сибирь Унинского района Кировской области / Каф. удм. и фин.-уг. языкозн. Науч. рук. проф. Кельмаков В. К. Ижевск, 2000. (Рукопись дипломной работы). {Zolotareva 2000 — *Zolotareva T. M.* Fonetičeskie, morfologičeskie i leksičeskie osobennosti govora udmurtov d. Sibir' Uninskogo rajona Kirovskoj oblasti / Kaf. udm. i fin.-ug. jazykozn. Nauč. ruk. prof. Kel'makov V. K. Iževsk, 2000. (Rukopis' diplomnoj raboty).}

Карпова 1997 — *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. {Karпова 1997 — *Karпова L. L.* Fonetika i morfologija srednečereckogo dialekta udmurtskogo jazyka. Tartu, 1997.}

Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. {Karпова 2005 — *Karпова L. L.* Srednečereckij dialekt udmurtskogo jazyka: Obrazcy reči. Iževsk, 2005.}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 26—51. {Kel'makov 1987 — *Kel'makov V. K.* K voprosu o dialektnom členenii udmurtskogo jazyka // Permistika: Voprosy dialektologii i istorii permskix jazykov. Iževsk, 1987. S. 26—51.}

Кельмаков 1998 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998. {Kel'makov 1998 — *Kel'makov V. K.* Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologija. Dialektnye teksty. Bibliografija. Iževsk, 1998.}

Лудыкова 2001 — *Лудыкова В. М.* Выражение степени неполного качества прилагательных в пермских языках // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9, вып. 4. Филология. Сыктывкар, 2001. С. 120—132. {Ludykova 2001 — *Ludykova V. M.* Vyraženie stepeni nepolnogo kačestva prilagatel'nyx v permskix jazykax // Vestnik Syktyvkar-skogo universiteta. Serija 9, vup. 4. Filologija. Syktyvkar, 2001. S. 120—132.}

Лудыкова 2004 — *Лудыкова В. М.* Интенсификация качества прилагательных в диалектах коми языка // Вопросы коми диалектологии. Сыктывкар, 2004. С. 54—66. {Ludykova 2004 — *Ludykova V. M.* Intensifikacija kačestva prilagatel'nyx v dialektax komi jazyka // Voprosy komi dialektologii. Syktyvkar, 2004. S. 54—66.}

Лудыкова, Федунева 2003 — *Лудыкова В. М., Федунева Г. В.* Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. Сыктывкар, 2003. {Ludykova, Fed'uneva 2003 — *Ludykova V. M., Fed'uneva G. V.* Mestoimenie i prilagatel'noe v grammatičeskoj sisteme komi i russkogo jazykov. Syktyvkar, 2003.}

Перевошиков 1948 — *Перевошиков П. Н.* Краткий очерк грамматики удмуртского языка: Синтаксис, лексика, морфология // Удмуртско-русский словарь. М., 1948. С. 369—446. {Perevoščikov 1948 — *Perevoščikov P. N.* Kratkij očerk grammatiki udmurtskogo jazyka: Sintaksis, leksika, morfologija // Udmurtsko-russkij slovar'. M., 1948. S. 369—446.}

Поздеева 1982 — *Поздеева А. А.* Удмурт кыл грамматика: Фонетика и морфология. Ижевск, 1982. {Pozdeeva 1982 — *Pozdeeva A. A.* Udmurt kyl grammatika: Fonetika i morfologija. Iževsk, 1982.}

СКЯ 1955 — Современный коми язык: Учебник для высш. учеб. заведений. Ч. 1. Фонетика, лексика, морфология / Ред. *Лыткин В. И.* Сыктывкар, 1955. {SKJa 1955 — *Sovremennyj komi jazyk: Učebnik dl'a vysš. učeb. zavedenij. Č. 1. Fonetika, leksika, morfologija / Red. Lytkin V. I.* Syktyvkar, 1955.}

Тараканов 1996 — *Тараканов И. В.* Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä (10—15. 08. 1995). Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. Jyväskylä, 1996. С. 220—223. {Tarakanov 1996 — *Tarakanov I. V.* Prilagatel'nye, oboznačajuščie stepeni kačestva v permskix jazykax // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä (10—15. 08. 1995). Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. Jyväskylä, 1996. S. 220—223.}

Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196. {Tep'lašina 1970 — *Tep'lašina T. I.* Nižnečereckie govory severnoudmurtskogo narečija // Zapiski Udm. NII ist., ekon., lit. i jazyka pri Sov. Min. Udm. ASSR. Vyp. 21. Filologija. Iževsk, 1970. S. 156—196.}

Тепляшина 1970а — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {Tep'lašina 1970a — *Tep'lašina T. I.* Jazyk beserm'an. M., 1970.}

Ушаков 1982 — *Ушаков Г. А.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 1982. {Ušakov 1982 — *Ušakov G. A.* Sopostavitel'naja grammatika russkogo i udmurtskogo jazykov. Iževsk, 1982.}

РЕЗЮМЕ

В работе освещаются способы выражения умеренности и интенсивности прилагательных в севернудмуртских диалектах. Умеренные формы исследуемых говоров, как и других удмуртских диалектов, образуются суффиксальным способом и больших отличий от последних не проявляют. Особенность севернудмуртских диалектов отмечается в функционировании отдельных усилительных слов типа *л'э́кос*, *йун*, *проч*, *йун л'э́к* со значением 'очень, слиш-

ком, чрезмерно', участвующих в образовании интенсификации. Эти лексемы являются характерными в основном для северноудмуртских говоров и не свойственны другим удмуртским диалектам.

SUMMARY

The article deals with the means of expressing moderate and intensive degrees of qualitative adjectives in Northern Udmurt dialects. Moderate forms of adjectives in dialects under study, as well as in other dialects of Udmurt, are formed by the means of suffixes and do not distinguishably differ from each other. Specific features of Northern Udmurt dialects are observed in functioning of such words as *л'экос, йун, проч, йун л'эк* with the meanings 'much, very much, too much' which participate in forming the intensive degree of adjectives. These lexemes are typical of Northern Udmurt dialects and not common in other dialects of Udmurt.

Ключевые слова: удмуртский язык, морфология, сравнительный анализ диалектов

Keywords: Udmurt language, morphology, comparative dialectology

Локализация тюркских прародин: сопоставление лингвистических и археологических данных о комплексе вооружения тюрков¹

Решение проблемы локализации прародины тюрков является одной из наиболее приоритетных задач современной тюркологии, которая должна решаться на стыке археологии и лингвистики.

Еще пятнадцать лет назад (см. [СИГТЯ 1997]) традиционно считалось, что прародина тюрков находилась в предгорьях Саяно-Алтая. Но недавние археологические исследования показали, что «публикация обнаруженных в 70—80-е годы в Ордосе погребальных комплексов эпохи Чжаньго (V—III вв. до н. э.) позволила ряду исследователей сделать вывод о культурном и, возможно, политическом единстве населения Ордоса и Алтая в позднескифское время» (см. [Ковалёв 1999] с подробным анализом литературы).

Таким образом, возник вопрос, где же была локализована прародина тюркского этноса — в предгорьях Саяно-Алтая или во Внутренней Монголии на Ордосе. Для ответа на него мы сначала обратились к сравнительному анализу реконструкции названий природного окружения, релевантных для верификации локализации тюркской прародины, и биологических данных по распространению тех или иных видов.

Ниже приведен обзорный список видовых названий деревьев, диких животных и рыб², которые восстанавливаются для пратюркского состояния. Набор реконструкций опирается прежде всего на работы А. М. Щербака [ИРЛТЯ], Ю. В. Норманской [СИГТЯ 2006] и на раздел «Животные», написанный А. В. Дыбо в [СИГТЯ 2000]. Полные списки форм, входящих в этимологии, читатель найдет в [Норманская, Дыбо 2010]. С фонетической точки зрения праформы восстановлены в соответствии с версией пратюркской реконструкции, опубликованной в [СИГТЯ 2006] и в [Дыбо 2007].

Рассмотрим полученные реконструкции названий деревьев, зверей и рыб с точки зрения двух возможных локализаций тюркской прародины в Саяно-Алтайском регионе или на Ордосе. По данным, представленным на сайте “Flora of China” (<http://flora.huh.harvard.edu/china/>; <http://www.efloras.org>), на Ордосе засвидетельствованы все виды деревьев, названия которых предположительно реконструируются для пратюркского языка: липа (ПТю *jöke), клен (ПТю **ür(e)ŋ(ge)*), дуб (ПТю *ajmen / *ejmen), рябина (ПТю **bę(ń)le-*), тополь (ПТю *derek, *Kabak), ива (ПТю *Kabak), осина (ПТю **ab(i)sak*), вяз (ильм), осина (ПТю *ejlme), ольха (ПТю *jeřk / *jeřük), ясень (ПТю *Kebrüč).

По картам и описаниям, приведенным выше, видно, что на Ордосе встречаются следующие звери, названия которых реконструируются надежно: дикий козел (ПТю *teke), дикая лошадь (ПТю *Taki), кабан (ПТю *kāpan), медведь (ПТю *āpa), волк (ПТю *bōri), лиса (ПТю *tilkü), горностай (ПТю *iařs), хорек (ПТю *güřen), барсук (ПТю *bors-mik), заяц (ПТю *kodan), сурок (ПТю *sogur), выдра (ПТю *qama, **qam-la/uy*), еж (ПТю **t/kirpi*), летучая мышь (ПТю **jari-(sa)*). Из тех зверей, пратюркские названия которых менее надежны, на Ордосе засвидетельствованы: лось, олень-марал (ПТю *bulan), суслик (ПТю *örke, *ēr-len), хомяк (ПТю *ēr-len), другие мелкие грызуны (ПТю *küs-kö / *küs-irtke ‘(полевая) мышь’, *sič-kan ‘мышь, крыса’).

Из рыб, названия которых надежно реконструируются для пратюркского, на Ордосе представлены следующие: осетр, стерлядь (ПТю *bEkre, *čöke, *sibrik, *Tuki), пескарь (*bitürge), сазан (*siāran), сом (*jājīn); из менее надежно реконструируемых — язь (ПТю (?) *uptl), жерех (ПТю **sīl(le)* / *sīla ‘судак, жерех, белуга’), карп (*čarak ‘рыба семейства карповых’), щука (*čortan).

Рассмотрим, какие деревья, млекопитающие и рыбы встречаются в Саяно-Алтайском регионе. Из деревьев, для которых удастся реконструировать пратюркские названия, помимо клена и дуба (названия реконструируются однозначно), которые не растут в Саяно-Алтайском регионе, там не встречено ясеня и вяза. Название вяза *ejlme ‘вяз (ильм), осина’ восстанавливается не вполне однозначно. Реконструкция же *Kebrüč ‘ясень’ кажется нам весьма надежной, практически у всех рефлексов этого слова представлены те же значения, что реконструируются и для праязыка. Из млекопитающих, названия которых надежно реконструируются для пратюркского, на Саяно-Алтае не встречается еж³. Из рыб, названия которых реконструируются для пратюркского, в водоемах Саяно-Алтая не встречаются сазан и сом.

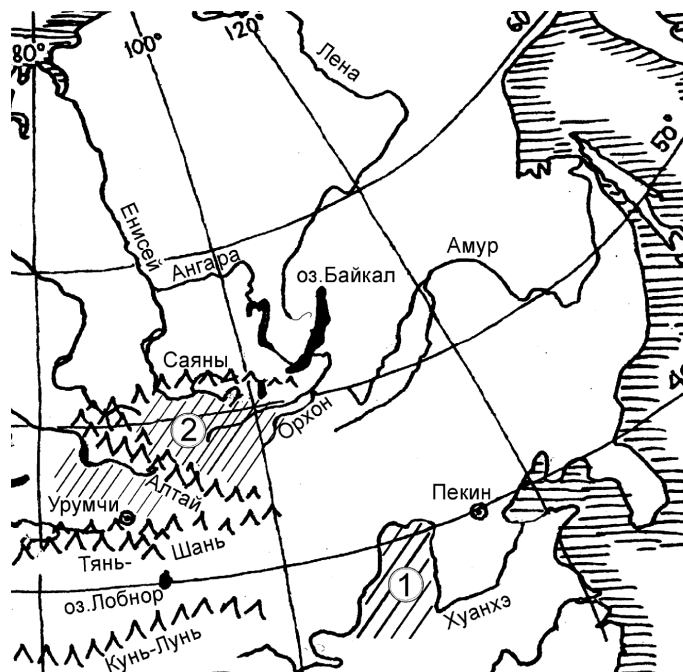
¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 11-04-00049а.

² Названия пратюркских птиц не являются релевантными для локализации прародины.

³ Три из пратюркских названий животных: однозначное название льва **ar(i)slam*, однозначное название соболя *kīlīs и неоднозначное по семантике рефлексов, но однозначно реконструируемое название бобра *kundiř ‘бобр’ —

Таким образом, на основании того, что надежно для пратюркского языка реконструируются названия клена, дуба, вяза, ясеня, ежа, сазана, сома, а эти растения и животные не встречаются в Саяно-Алтайском регионе, но распространены на Ордосе, мы предполагаем, что какое-то достаточно продолжительное время носители реконструируемого пратюркского языка жили на Ордосе.

На приведенной ниже карте обозначены регионы, где встречены деревья и животные, названия которых реконструируются для пратюркского языка.

Соотношение пратюркских названий деревьев, животных и их распространение на двух возможных прародинах

В регионе 1 и в регионе 2 встречаются липа (ПТю *jöke), рябина (ПТю **be(ñ)le-*), тополь (ПТю *derek, *Kabak), ива (ПТю *Kabak), осина (ПТю **ab(i)sak*), вяз (ПТю *ejlme), ольха (ПТю *jeřk / *jeřük), береза (ПТю *Kadiñ), дикий козел (ПТю *teke), дикая лошадь (ПТю *Taki), лось, олень-марал (ПТю *bulan), кабан (ПТю *kāpan), медведь (ПТю *āpa), волк (ПТю *bōri), лиса (ПТю *tilkü), горноста́й (ПТю *iařs), хорек (ПТю *güřen), выдра (ПТю *qama, **qam-la/ur*), барсук (ПТю *bors-mik), заяц (ПТю *kodan), сурок (ПТю *sogur), летучая мышь (ПТю **jari-(sa)*), суслики (ПТю *örke, *ēr-len), хомячки (ПТю *ēr-len), другие мелкие грызуны (ПТю *küs-kö / *küs-irtke ‘(полевая) мышь’, *sič-kan ‘мышь, крыса’), осетр, стерлядь (ПТю *bEkre, *čöke, *sibrik, *Tuki), пескарь (ПТю *bitürge), язь (ПТю *uptl), жерех (ПТю **sıl(l)e* / *sıla судак, жерех, белуга’), карп (ПТю *čapak ‘рыба семейства карповых’), щука (ПТю *čortan).

Только в регионе 1 встречаются клен (ПТю **ür(e)ñ(g)e*), дуб (ПТю *ajmen / *ejmen), ясень ПТю (*Kebrüč), еж (ПТю **t/kirpi*), сазан (ПТю *siāran), сом (ПТю *jājın).

Таким образом, анализ пратюркских названий деревьев, зверей и рыб указывает на локализацию тюркской прародины на Ордосе. Но если принять эту гипотезу, возникают следующие вопросы.

1) Справедливо ли утверждение, что для пратюркского этноса следует предполагать кочевой образ жизни и миграции между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н. э. — первых веков н. э. [СИГТЯ 2006: 393; Дыбо 2007: 199—200]? Или все-таки на момент распада пратюркской общности этнос, скорее, локализовался в районе Ордоса, а затем началось его частичное постепенное перемещение в предгорья Саяно-Алтая?

обозначают виды, не зафиксированные на Ордосе для всего позднего голоцена. Из них соболь водится на Алтае, но бобр и лев не водятся (и как будто не водились в позднем голоцене) и там. Тем не менее, ситуация объяснима, поскольку лев для всего региона, этнокультурно связанного с Китаем, в период около рубежа нашей эры был культурно значимым мифологическим животным; шкурки же соболя и бобра служили чуть ли не основным предметом торговли на этом направлении Шелкового пути.

2) Как и где происходил распад пратюркского языка⁴? Где была территория расселения общетюркского этноса?

В [СИГТЯ 2002: 734] О. А. Мудрак показывает, что распад пратюркского языка датируется, с точки зрения глоттохронологии, около 120 г. до н. э.

А. В. Дыбо анализирует время и место существования пратюркского и общетюркского этносов с точки зрения лингвистических контактов с носителями, в первую очередь, китайского, уральских, енисейских и иранских языков.

В [Дыбо 2007] рассмотренный набор заимствований из пратюркского и в пратюркский кратко отражен следующей таблицей.

Контактный язык	В пратюркский	Из пратюркского
Поздний древнекитайский	12—16 заимствований «культурного» характера	11 в эпоху Хань, 8 позднее, в основном явные экзотизмы, хотя два из них «прижились» (названия пони и верблюда)
Восточный среднеиранский (ранний сакский? пра-сакско-ваханский?)	8—9 заимствований сугубо культурного характера; ср. значительное число иранских заимствований в языке сюнну	Неясно (возможно, в силу неизученности общей сакско-ваханской лексики; ср. наличие более поздних тюркизмов в хотано-сакском)
Пратохарский	4 (ненадежно); ср., возможно, 2 тохаризма в языке сюнну	5 (ненадежно; ср. наличие более поздних тюркизмов в тохарском В)
Прасамодийский	2 ('кора', 'бульон')	15—21, в основном «культурные»
Праенисейский	1? ('наконечник стрелы')	8—9 (термины материальной культуры)
Праобско-угорский	3 (торговые)	6 (культурные)
Табгачский (монгольский)	Неясно	4

На основании анализа полученных результатов А. В. Дыбо приходит к выводу, что «время и место существования тюркского праязыка, как кажется, достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н. э. — первых вв. н. э.» [Дыбо 2007: 199—200].

Распад общетюркской языковой общности (праязыка для всех современных языков, кроме чувашского) в [СИГТЯ 2002: 734] датируется 50 г. н. э. Анализ лексических заимствований позволяет сделать следующие выводы: контакты тюркского этноса с носителями среднекитайского, согдийского и среднеперсидского языков, которые датируются IV—VIII вв. н. э., уже не отражаются в якутском языке. На основании этого можно сделать вывод, что они имели место уже после распада общетюркского языка, а сам распад произошел ранее IV в. н. э.

⁴ Под пратюркским языком мы вслед за [СИГТЯ 2006] понимаем общий праязык для всех современных тюркских языков, включая чувашский. Первым этапом в распаде пратюркской общности было отделение болгарской подгруппы, единственным современным потомком которой является чувашский. Как указано в [СИГТЯ 2006: 772], «это разделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике следующими наиболее яркими изоглоссами: 1) озвончение пратюрк. *t > общетюрк. *d- перед звонкими смычными, *r и **r'* (следы такого озвончения обнаруживаются в огузских и саянских языках, но отсутствуют в дунайско-болгарских заимствованиях в венгерский); 2) развитие пратюрк. *l, **l̥*, *r' в булг. *l, *č, *r в соответствии с общетюрк. *š, *š, *z; 3) развитие в булг. **-δ* > *j* в основах, содержащих *r* и **-δ* > *-r*' в других контекстах (хронологически это правило, видимо, можно считать последним из трех, поскольку оно могло действовать после совпадения в булг. *r и **r'*, ср. чув. *xij̄r* 'кора' < пратюрк. **Kar'-dir*). В морфологии это следующие (не упорядоченные относительно друг друга) процессы: а) общетюркский и болгарский воспользовались двумя различными путями грамматикализации показателей множественного числа; болгарский использовал старое постпозитивное местоимение *saiin 'все', общетюркский — один из старых суффиксов собирательных имен, **-lar* (отметим, что в обеих ветвях можно обнаружить следы старого показателя (парной?) множественности **-r'*); б) в парадигме именного склонения общетюркский заменил старый аффикс генитива *-(i)ŋ* (с распределением после гласного и согласного конца основы) на аффикс *-(n)iŋ*, извлеченный из переинтерпретированных местоименных форм; болгарский, напротив, сначала сохранял *-(i)ŋ*, а позже развил *-(n)iŋ* для посессивно-именной парадигмы и существительных, основа которых содержит те же гласные, что и личные местоимения; в) общетюркский потерял причастие ожидаемого будущего на *-s*, сохранив это образование только для отрицательных форм неопределенного будущего; болгарский, напротив, сохранил это причастие».

Но время и место существования общетюркского этноса, с точки зрения археологии, долгое время оставалось неопределенным и являлось предметом оживленных дискуссий. Как указывается в [Тишкин 2006], «в истории тюрков проблема этногенеза по-прежнему остается актуальной».

Собственно этноним «тюрки» появляется в V в. н. э. в связи с возникновением Первого Тюркского каганата, и только с этого периода идентификация этноса и археологической культуры надежна.

Но если по глоттохронологии распад пратюркской общности датируется последними веками до н. э., и, с точки зрения сопоставления археологических и лингвистических данных, представляется целесообразным локализовать тюркскую прародину в районе Ордоса, а наиболее поздние хуннские погребения в этом регионе датируются IV в. до н. э., то возникает вопрос: где же были носители общетюркского языка девять столетий — с IV в. до н. э. до V в. н. э.?

Открытия, сделанные археологами в последние десятилетия, позволяют вплотную подступить к решению этой проблемы. Как отмечается в [Деревянко, Молодин, Савинов 1994], «открытие памятников гунно-сарматского времени на территории Горного Алтая — одно из наиболее значительных явлений за последние годы развития археологии Южной Сибири. Материалы могильников Белый — Бом II и Кок-Паш, Булан Кобы IV и Айрыдаш, Коо-1 и Усть-Эдиган, Бике-1 и Улита и др., как опубликованные, так и еще не увидевшие свет, показывают, что в конце I тыс. до н. э. — первой пол. I тыс. н. э. на территории Горного Алтая проживали разные группы населения, в той или иной степени воспринявшие влияние хуннской культурной традиции».

В 2007 г. С. В. Алкин, анализируя коллекцию из кургана Бома в Северном Притяньшанье, пишет уже более определенно: «эти находки» позволяют сделать вывод, что возникновение раннетюркской культуры восходит к хуннской (...) этнической среде. В период нахождения их предков в Турфанском оазисе в процесс могло включиться ираноязычное население этого района. В настоящее время в районе Турфана изучается памятник, который, с некоторой степенью вероятности, может представлять материалы, характеризующие одну из ранних стадий этого исторического процесса (...). Это уникальная возможность, так как до сих пор среди известных археологических памятников восточного Туркестана выделение комплексов кочевых культур гунно-сарматского времени сталкивалось со значительными трудностями (...). В равной степени это касается более северных территорий Саяно-Алтая (...). Тем не менее, в настоящее время в Восточном Туркестане и на Алтае известно несколько археологических культур гуннского времени. Их возникновение, с одной стороны, было связано с реакцией местного населения на продвижение хунну на запад, а с другой — дало начало этническому процессу, который привёл к возникновению культуры ранних тюрков» [Алкин 2007].

Таким образом, по мнению С. В. Алкиной, с точки зрения анализа археологических находок, можно сделать вывод о том, что предком тюркской культуры, на базе которой был основан Первый Тюркский каганат, являлась культура хунну, погребальные комплексы которых, датируемые гунно-сарматской эпохой (конец I тыс. до н. э. — первая пол. I тыс. н. э.), обнаружены в Восточном Туркестане и на Алтае. Сравнивая данные глоттохронологического анализа, по которому общетюркский период определяется II в. до н. э. — I в. н. э., и выводы, сделанные археологами, можно предположить, что носители общетюркского языка жили на Алтае и в Восточном Туркестане⁵.

Нам представляется целесообразным верифицировать эти гипотезы также на материале сравнительного анализа пратюркских и общетюркских названий материальной культуры и археологических находок в погребальных комплексах: на Ордосе в позднесифское и на Алтае в гунно-сарматское время, соответственно.

Наиболее плодотворным представляется сравнительный анализ названий комплексов вооружения и находок в хуннских могильниках на Ордосе (которые датируются VIII—IV вв. до н. э.) и на Алтае (II в. до н. э. — V н. э.), поскольку предметы вооружения являются постоянными атрибутами этих погребальных комплексов.

Как указывает Ю. С. Худяков [Худяков 1995], военное дело играло важнейшую роль в истории кочевых народов степного пояса Евразии. Во многом благодаря высокому развитию вооружения и военного искусства культурно-хозяйственный тип кочевых скотоводов смог существовать на протяжении трех тысячелетий мировой истории.

Надо отметить, что лингвистическое и археологическое описание вооружения тюрков являются весьма разработанными областями. Но, насколько нам известно, эти две области исследований не были в полной мере сведены воедино.

---

⁵ Далее мы будем рассматривать в первую очередь возможную локализацию общетюркской прародины на Алтае, поскольку там найдено значительно больше гуннских погребальных комплексов и они лучше описаны. При этом мы не исключаем, что территория прародины была весьма протяженной и захватывала Восточный Туркестан.

С лингвистической точки зрения, богатый материал по названиям вооружения в отдельных тюркских языках собран в работах [Багышов 1990; Ягафарова 2003; Байжанов 1991; Гараджаев 1985; Багаутдинов 2001], посвященных названиям вооружения в азербайджанском, башкирском, казахском и туркменском языках.

Интересная работа [U.-Kõhalmi 1971] посвящена описанию семантики трех названий колчанов *Keş, *saydaq, *Kurman / *Kurug-luk. Автор статьи реконструирует семантику этих слов, анализируя употребление их рефлексов в древнетюркских текстах и в современных тюркских языках, семантику суффиксальных образований от этих корней и внешнюю этимологию рассматриваемых слов.

Хочется специально отметить интересные работы по реконструкции названий пратюркского вооружения: это [Лосева-Бахтиярова 2005] и статья К. М. Мусаева в [СИГТЯ 1997]. Однако в этих работах не отслежены подробно уровни реконструкции (то есть специально не отмечается, какие предметы вооружения восстанавливаются для пратюркского, общетюркского и более поздних языковых уровней), а различие между сходными предметами вооружения (например, различными видами панцирей и т. д.) восстанавливается лишь на основе фольклорных данных без привлечения материалов археологии.

В настоящей статье мы проводим тщательный анализ праязыковых названий комплекса вооружения с точки зрения реконструкции фонетики и семантики.

Реконструкция фонетической оболочки слова строится путем построения рядов соответствий между фонемами, составляющими оболочки слов, входящих в корпус сближений, и выяснения позиционных развитий этих фонем. Реконструкция семантики не может основываться на построении рядов соответствий между семантическими компонентами слов в родственных языках: поскольку этих компонентов очень много, семантическая позиция⁶ гораздо сложнее и менее частотна, чем фонетическая; фактически каждое употребление слова представляет собой отдельную семантическую позицию, и для построения рядов не хватит материала. Поэтому здесь, в отличие от сегментной фонетики, где на типологии звуковых изменений строится интерпретация реконструкции, но не сама реконструкция, особое значение приобретает увеличение оборотного материала с помощью построения типологии семантических изменений, на которую и опирается семантическая реконструкция.

Простейший способ обоснования смыслового перехода — ссылка на сходный переход (или соотношение значений) в другом языке — вполне принят в традиционной этимологии. Этот прием уточняется путем выяснения условий, сопровождающих то или иное развитие. При этом важно отметить, что для каждой тематической группы лексики существует своя специфика реконструкции. В частности, при реконструкции названий частей тела важно учитывать, что существует универсальная «семантическая решетка», поскольку части тела у всех людей устроены одинаково, но она может по-разному заполняться и видоизменяться на протяжении истории развития языка в зависимости от ряда лингвистических (функциональная нагруженность того или иного термина) и экстралингвистических (различные социальные изменения) причин (см. подробнее [Дыбо 1996]).

При реконструкции системы цветообозначений, как, вероятно, и атрибутивной лексики вообще, ситуация несколько иная. Представляется, что при их сравнительно-историческом анализе и работе с древними памятниками наиболее перспективным методом определения семантики цветообозначений является анализ их сочетаемости с названиями предметов, имеющими постоянный цвет (см. подробнее [Норманская 2005]).

Принципы работы с названиями природного окружения — тоже предметной лексической областью — отличаются от специфики анализа названий частей тела, поскольку природное окружение у носителей различных языков часто устроено по-разному. Здесь важное значение приобретает привлечение экстралингвистического материала об ареалах распространения тех или иных природных явлений в наши дни и в праязыковые эпохи (см. подробнее [Норманская, Дыбо 2010]). Когда же мы реконструируем названия материальной культуры, необходимо привлечение данных археологии.

Анализ значения слова включает определение первичного значения и «продуктов» семантической деривации. Историко-семантический анализ похож на этот процесс так же, как процесс фонетической реконструкции похож на процесс построения глубинных структур для фонемного уровня языка. Как мы помним, рефлексные единицы рассматриваются при реконструкции как отображения глубинных, праязыковых единиц. При семантическом сравнительно-историческом анализе можно рассматривать варьирование значений рефлексов слова праязыка как род многозначности, скажем, многозначность внутри языковой семьи. Таковую многозначность мы называем рефлексной.

В дальнейшем построении семантической реконструкции используется алгоритм, который уже был апробирован при реконструкции названий природного окружения (см. подробнее [Норманская, Дыбо

⁶ Под семантической позицией мы имеем в виду аналог смысловоразличительной позиции для выделения фонем, релевантный для семантического уровня.

2010], где дается подробный анализ условий и особенностей его применения). Принципиальная разница семантической реконструкции названий природного окружения и материальной культуры заключается в следующем. Дело в том, что у нас есть достаточно надежные биологические и палеобиологические данные о распространении того или иного вида растений, животных и рыб на определенной территории, где проживают носители рассматриваемого языка. Но мы не можем с уверенностью сказать о том, что носителям, например, прабулгарского языка были знакомы те или иные виды вооружения, поскольку они представлены в могильниках, относящихся к прабулгарской культуре, потому что определение этнической принадлежности той или иной археологической культуры в большинстве случаев не очень надежно. Поэтому при работе с реконструкцией лексики материальной культуры представляется целесообразным опираться только на лингвистические данные, а потом уже полученную реконструкцию соотносить с археологическими находками.

Надежно с семантической точки зрения восстанавливаются только следующие слова:

1) слова с однозначной семантикой — описывающие один и тот же (и только один) предмет вооружения в дочерних языках;

2) слова, у которых есть рефлекс с одним и тем же значением ‘Y1’ в наиболее удаленных группах языков.

Подчеркнем еще раз, что, поскольку отождествление лексем для разных исторических состояний языка проводится этимологическим методом, значительную часть нашей работы занимает этимологизация, в которой ведущая роль принадлежит принципу соблюдения фонетических соответствий. Только при наличии возможности альтернативной этимологизации с соблюдением выявленных фонетических соответствий к выбору альтернативы применимы историко-семантические критерии.

Археологический анализ комплексов вооружения на Алтае и Ордосе ведется уже около 150 лет (первые результаты получил В. Радлов в 60-е гг. XIX в.), подробный обзор литературы можно найти в монографиях [Худяков 1995, 1997].

В настоящей работе мы сделали попытку соотнести материалы, собранные в лингвистических и археологических работах. Дальнейшее изложение построено следующим образом.

В первой части статьи «Пратюркский комплекс вооружения» собраны названия предметов вооружения, которые реконструируются для пратюркского языка (то есть их рефлекс есть в чувашском языке), и эти названия сопоставлены с археологическими данными о находках вооружения в погребальных комплексах на Ордосе, которые датируются VIII—IV вв. до н. э. и описаны в работах [Ковалёв 1999, 2002]

Во второй части работы «Общетюркский комплекс вооружения» собраны названия вооружения, которые сохраняются из пратюркского, и новые слова, которые появляются на общетюркском уровне, то есть их рефлекс не представлен в чувашском языке, но засвидетельствованы в якуто-долганской и/или сибирской группе. Они сопоставляются с находками оружия в гунно-сарматских погребальных комплексах на Саяно-Алтае, которые датируются II в. до н.э. — V н.э. и подробно описаны в диссертации [Эбель 1998].

Необходимо отметить, что автор статьи, не будучи археологом, никоим образом не претендует на анализ археологических гипотез, перечисленных выше. Основной задачей настоящей работы является лингвистическая реконструкция названий пратюркского vs. общетюркского комплексов вооружения. В качестве одной из возможностей мы предлагаем их соотнесение с определенными археологическими находками в Северном Китае и предгорьях Саяно-Алтая. Нам известно, что гипотезы о соотнесении этих культур с тюрками не являются общепринятыми среди археологов. Но, представляется, что возможная дальнейшая переинтерпретация археологических гипотез не отменит результаты лингвистической реконструкции, которые, мы надеемся, будут использоваться и археологами в их исследованиях по поиску тюркской прародины.

I. Пратюркский комплекс вооружения

Меч, сабля

ПТю *Kilīñč ‘меч, сабля, шашка’: чув. *xěs* ‘меч, сабля, шашка, бёдро (гребень для прибавания утка к ткани)’; як. *kilis, kilis* ‘меч, старинный нож, сабля’; тув. *xiliš* ‘меч, сабля’; хак. *xilis* ‘меч, сабля, шашка’; шор. *qiliš* ‘меч, сабля’; сюг. *qiliš* ‘меч, сабля’; др.-тюрк.⁷ рун. орх., др.-уйг., др.-уйг. (ман.), крх.-уйг. *kiliç* ‘меч’; ср.-тюрк.: хорезм. *kilinç* [Qutb], куман., ст.-осман. *kiliç* ‘меч’; чаг. *qilič* [Pav.C.] ‘меч, сабля’; хал. *Gilīč* ‘меч, сабля’; тур. *kilič, kiliz* ‘сабля, шашка, меч’; гаг. *qilič* ‘меч, сабля’; аз. *gilinç* ‘меч, сабля, шашка’;

⁷ Здесь и далее формы, зафиксированные в памятниках, приводятся в транскрипции [EDT].

турк. *Gilič* ‘сабля, шашка, шпага, меч, бёдро (гребень для прибивания утка к ткани)’; узб. *qilič* ‘сабля, шашка, шпага, меч’; уйг. *qilič* ‘меч, сабля’; кар. *qilič* ‘меч, сабля’; кум. *qilič* ‘меч, сабля’; балк. *qilič* ‘меч, сабля, шашка’; тат. *qilič* ‘сабля, клинок, меч, шашка, бердо (гребень для прибивания утка к ткани)’; баш. *qilis* ‘меч, сабля, бердо (гребень для прибивания утка к ткани)’; ног. *qiliš* ‘меч, сабля’; каз. *qiliš* ‘меч, сабля’; ккалп. *qiliš* ‘меч, сабля’; кирг. *qilič* ‘меч, сабля’; алт. *qilič* ‘меч, сабля’ [EDT: 618; VEWT: 263; СИГТЯ 1997: 570; ЭСТЯ 2000: 213—214].

Первые фиксации этого слова в древнетюркских памятниках относятся к VIII в. Значение ‘шашка’ не восстанавливается для праязыкового уровня, поскольку, по [БСЭ], шашка является разновидностью сабли.

Фонетические рефлексy в чувашской форме ясны не до конца. М. Р. Федотов вслед за Г. Дёрфером предполагает, что имело место следующее развитие **Kilič* > **xələš* > **xəls* > *xəš* [Федотов 1996, 2: 348].

Проанализируем возможные причины появления долготы во втором слоге в якутском и халаджском языках: як. *kilīs* ‘меч, старинный нож, сабля’; хал. *Gilič* ‘меч, сабля’. Видимо, на основании этого соответствия в [EDAL] восстанавливается праформа с долгим гласным второго слога: **Kilič̄*. В настоящее время вопрос о происхождении долгих гласных второго слога в якутском и халаджском языках не является решенным, в частности, в [Дыбо 2007] при описании системы пратюркского вокализма второго слога он не ставится.

На материале [ЭСТЯ; EDAL] есть довольно много примеров, где долгий гласный второго слога в якутском языке соответствует долговому гласному второго слога в других тюркских языках⁸:

як. *tanī*, хак. *tanī* ‘ноздря’;

як. *ahī*, диал. *ihī*, кирг. *azū*, алт. *azu*, *azū* ‘клык’;

як. *kiri*, долг. *kiri*, кирг. *qiru* ‘край’;

як. *sari* ‘кожа, кожица’, долг. *hari* ‘кожица’, алт. *jarū* ‘кожа’.

Но есть и ряд примеров, когда в якутском и долганском встречается *ī* во втором слоге и оно соответствует краткому гласному в других языках: як. *simit* ‘яйцо’, як. *ari* ‘масло’, *siti* ‘острый’, як. *ahī*, як. *ajī*, як. *xalim*, *xalim* ‘выкуп за невесту’ и т. д.

Как указывается в [Stachowski 1993: 98—99], практически во всех словах из первой и второй групп *-ī-* в якутском языке появляется в результате вторичного удлинения вследствие выпадения согласного из ПТю / ОТю **-ig*, **Cgī*, которые надежно реконструируются по данным памятников и других тюркских языков (см. этимологии соответствующих слов в [EDAL; ЭСТЯ]): як. *ahī*, як. диал. *ihī*, кирг. *azū*, алт. *azu*, *azū* ~ др.-уйг. *aziγ* ‘клык’; як. *kiri*, долг. *kiri*, кирг. *qiru* ‘край’ ~ крх.-уйг. *qiryay* ‘край’; як. *ari* ‘масло’ ~ рун. орх. *šariγ* ‘желтый’, *siti* ‘острый’ ~ крх.-уйг. *jitig* ‘острый’; як. *ahī* ~ др.-уйг. *ačiγ* ‘острый’; *ajī* ~ рун. орх. *aiiγ* ‘грех, зло’ и т. д. Иногда речь идет о выпадении согласного не в ауслауте, а в инлауте: як. *simit* ‘яйцо’ ~ др.-уйг. *jumurtya*. Единственным исключением является як. *xalim*, *xalim* ‘выкуп за невесту’, в котором словоформа с долгим *ī* является вариантом, возможно, возникшим под влиянием русского слова *калым*.

В халаджском, по [EDAL], мало примеров на *ī* во втором слоге:

хал. *hidīs* ~ др.-уйг. *ediš* ‘сосуд’;

хал. *hissī* ~ др.-уйг. *isig* ‘горячий’;

хал. *aγir* ~ др.-уйг. *aγir* ‘тяжелый’.

Как видно, лишь в одном случае она возникает из-за выпадения последующего согласного (*hissī*), в других случаях происхождение долготы неясно, но в них *ū* соответствует кратким гласным в других тюркских языках, поэтому более вероятен вторичный характер долготы.

Обращает на себя внимание инлаутное *-n-* в азербайджанской и хорезмской формах: аз. *gilinč* ‘меч, сабля, шашка’, хорезм. *kilinč* [Qutb]. Реконструкция ПТю **-nč* маловероятна, поскольку на материале этимологий [EDAL; ЭСТЯ] видно, что в большинстве языков (за исключением якутского и северо-восточных) этот кластер сохраняется. Мы предлагаем реконструировать инлаутный кластер **-nč*. Как показано в [Дыбо 2007], **-nč* > *-j-* практически во всех языках (иногда за исключением языков древне- и среднетюркских памятников, якутского и северо-восточных языков). Таким образом, во всех языках за исключением азербайджанского и хорезмского мы предполагаем развитие кластера **-nč* > **-jč* > **-č*, поскольку сочетание *-jč* было фонетически невозможно⁹. В хорезмском и азербайджанском языках предполагается развитие **-nč* > **-nč*. Для хорезмского языка оно является стандартным. Пример такого развития есть и в азербайджанском языке: ОТю **bakañ* ‘копыто, бабка, суставы’ > аз. *baγanaγ*, *baγančay* ‘суставы’; крх.-уйг. *baqanaq*, *baqajaq* ‘копыто’ ~ кирг., ног., каз. *baqaj* ‘суставы’ [EDAL].

⁸ Примеры приведены по [EDAL]. Рассматриваются только непроезвонные или произвонные уже на ПТю / ОТю уровне.

⁹ На материале этимологий [EDAL], сочетание *-jč-* встречается лишь один раз в алтайском языке *majčiq* ‘заяц’ < **bajī-*.

Реконструкция праформы **Kilīñč* позволяет объяснить и долготу в якутском и халаджском языках, которая, как было показано выше, в якутском практически всегда имеет контракционное происхождение: **iñč > *ijč > як. īs, хал. -īč*.

Ножны

ПТю **kiñ* ‘ножны, футляр’: чув. *jěñě* ‘ножны, футляр, пороховница, сагайдак’, чув. диал. *ěñě*; як. *kīñ* ‘ножны’; тув. *xīñ* ‘ножны, ложе ружья’; хак. *xīñ* ‘ножны’; шор. *qīñ* ‘ножны’; сюг. *qīñ* [ЯЖУ] ‘ножны’; др.-уйг. (ман.) *kin-* ‘ножны’; крх.-уйг. *kin* (1 раз *ki:n-* в выражении ‘ножны меча’); ср.-тюрк.: хорезм., куман., ст.-кыпч. *kin* ‘ножны ножа, меча’, чаг. *qīñ* [Pav.C.] ‘ножны, ножик, тесак’; узб. *qīñ*, хорезм. диал. *qījn* ‘ножны, оболочка’; н.-уйг. *qīñ* ‘ножны’; тур., гаг. *kin* ‘ножны, футляр’; аз. *Gīn* ‘ножны, стручок, ложе листа’; туркм. *Gīñ* ‘ножны’; караим., кум., кбалк. *qīñ* ‘ножны, футляр’; тат. *qīñ* ‘ножны’; башк. *qīñ* ‘ножны, футляр’; ног., каз., ккалп. *qīñ* ‘ножны’; кирг. *qīñ* ‘ножны’; алт. *qīñ* ‘ножны, футляр’ [VEWT: 264; EDT: 630—631; Егоров 1964: 79; СИГТЯ 2000: 571; ЭСТЯ 2000: 218—219].

Первые фиксации этого слова в древнетюркских памятниках относятся к VIII в.

В [ЭСТЯ 2000: 218—219] указывается, что непонятно происхождение анлаута в чув. *jěñě* ‘ножны, футляр, пороховница, сагайдак’, чув. диал. *ěñě*. В [Дыбо 2007: 59] (вслед за [Вл.-Поп. 1924]) указывается на случаи такого соответствия ОТю **K-* ~ чув. **j-* перед восходящим дифтонгом **ia*. В [СИГТЯ 2006: 221—223] постулируется еще ряд других восходящих дифтонгов для объяснения особых рефлексов анлаутных согласных в чувашском: **ii, *iu, *ie*. А. В. Дыбо считает, что можно отказаться от их реконструкции, поскольку наблюдаемые в чувашском рефлексы объясняются без постулирования для пратюркского языка дополнительных вокалических сочетаний (подробный разбор см. [Дыбо 2007: 60—61]). В частности, для объяснения соответствия ОТю **K-* ~ чув. **j-* перед **i*, наблюдаемого в двух случаях (в рассматриваемом названии ножен и в чув. *jīyār* ‘звать, кричать’ ~ крх.-уйг. *qīqīr-* [МК]), А. В. Дыбо предлагает восстанавливать пратюркское вокалическое сочетание **ij*, которое вызывает палатализацию **K-* в чувашском вследствие метатезы таутосиллабического сочетания.

Но является ли необходимым реконструкция **j* для объяснения рефлекса узб. хорезм. диал. *qījn* ‘ножны, оболочка’, и всегда ли вокалическое сочетание, которое имеет рефлекс *i/ij* в современных тюркских языках в закрытом слоге, вызывает появление особого рефлекса **K-* в чувашском языке? Для ответа на этот вопрос нами по [ЭСТЯ] были проанализированы все лексемы с *-ī-*.

Оказалось, что с точки зрения отражения **-ī-* в хорезмском диалекте узбекского языка и в других тюркских языках, можно выделить следующие группы слов^{10, 11}:

1) **-ī-* > хорезм. диал. узб. *ый / ьй*¹²:

турк. *қы:з*, тур. диал. *gīz*, узб. *қиз*, узб. хорезм. диал. *қыйз* [Абдуллаев 1961: 61]; чув. *хёр* ‘девушка, дева’ [ЭСТЯ 2000: 190—192];

турк. *сы:на*, узб. хорезм. диал. *сыйна* ‘испытывать’ [ЭСТЯ 2003: 403];

турк. *сы:рық*, узб. хорезм. диал. *сыйрық* ‘шест’ [ЭСТЯ 2003: 421];

2) **-ī-* > хорезм. диал. узб. *и:*

турк. *ды:н*, узб. хорезм. диал. *ди:н* ‘переставать’ [ЭСТЯ 1980: 341];

турк. *ды:з*, диал. *дыйз* [Амансарыев 1970: 85]; туркм., узб. хорезм. диал. *ди:з* ‘колени’ [ЭСТЯ 1980: 336];

¹⁰ Полный список рефлексов рассматриваемых слов см. в [ЭСТЯ]. В настоящей статье для экономии места приводятся только рефлекс в туркм., узб. и в языках, в которых представлено развитие **-ī-* > *Vj*; для слов, начинающихся на **K-*, — также в чувашском языке.

¹¹ В этой группе не рассматриваются следующие случаи, когда речь идет о:

1) ПТю **-ij-*

турк. *қы:н*, диал. *қы:йн*, узб., кум. диал., уйг. диал. *қийин*, кирг., бал., каз., ккалп., ног., тат., башк., алт. *қыйын*, чув. *хён* ‘труд’ [ЭСТЯ 2000: 219—220], поскольку, как показано в [Дыбо 2007: 46], в этом слове следует реконструировать **-jīn*, аналогично случаям ПТю **bojīn* ‘шея’, **Kojīn* ‘пазуха’, **ojīn* ‘игра’. Особенности рефлексов этих слов нельзя объяснить как результат появления *j* в качестве рефлекса **-ī-*, поскольку, например, **ojīn* ‘игра’ является отглагольным производным от **oj-* ‘играть’.

2) ПТю **-id-*

др.-тюрк. турк. *сыдыр*, тур., гаг., бал., кирг., каз., ног., тат. диал., алт. *сыйыр*, аз. *сийир* ‘сдирать (кожу, кору)’ [ЭСТЯ 2003: 412—413].

¹² Здесь и далее при цитировании из [ЭСТЯ] формы современных тюркских языков приводятся в транскрипции [ЭСТЯ].

3) рефлекссы рассматриваемого слова отсутствуют в хорезм. диал. узб., а в других языках $*-ī- > V/\bar{V}$: турк. *қы:згуш*, узб. *қизқуш, қизғиш* ‘чибис, пигалица’ [ЭСТЯ 2000: 194]; турк. *сы:н* ‘наблюдение’, узб. *син* в составе *синчи* ‘большой знаток лошадей’ [ЭСТЯ 2003: 401]; турк. *сы:рық* ‘медленно течь’, узб. *сирқи* ‘блекнуть’ [ЭСТЯ 2003: 423]; туркм. *сы:зыр* ‘свистеть’ [ЭСТЯ 2003: 384]; туркм. *сы:л* ‘тереть’ [ЭСТЯ 2003: 398]; туркм. *қы:р* ‘серый’ [ЭСТЯ 2000: 231].

Проведенный анализ показывает, что в хорезмском диалекте узбекского языка и в ряде туркменских диалектов встречается развитие $*-ī- > Vj$. Представляется нецелесообразным реконструировать праязыковое вокалическое сочетание с $*j$ для этих случаев. Вероятно, причины появления j следует отдельно описывать для каждого из языков и диалектов. Как указывается в [Амансарыев 1970: 85], развитие $*-ī- > Vj$ встречается в туркменских диалектах.

Анализ реализации $*-ī-$ в хорезмском диалекте узбекского языка показывает, что для этой фонемы возможны два варианта развития: 1) $-ый-$ / $-ьй-$ / $-ьй-$ и 2) $-и-$, — распределение которых в настоящее время не вполне ясно. Возможно, речь идет о различиях в способе записи, но ясно, что во всех случаях на месте ПТю $*-ī-$ в хорезмском диалекте узбекского языка появлялось либо вокалическое сочетание, либо долгий гласный, то есть для объяснения узб. хорезм. диал. *қijn* ‘ножны, оболочка’ нецелесообразно реконструировать особое ПТю сочетание $*ij$.

В чувашском развитии $*K- > j-$ не наблюдается в чув. *хён* ‘труд’ и чув. *хёр* ‘девушка, дева’, хотя в рефлекссах этих слов в других тюркских языках присутствуют вокалические сочетания с j : турк. диал. *қы:йн*, узб., кум. диал., уйг. диал. *қийин*, кирг., бал., каз., ккалп., ног., тат., башк., алт. *қыйын* ‘труд’ и тур. диал. *gyuz* ‘девушка’.

Поэтому для рассматриваемого слова предлагается вернуться к реконструкции, предложенной в [СИГТЯ 2006: 222] — ПТю $*Kiin$ ‘ножны’ с восходящим дифтонгом, который, вероятно, все же необходим для объяснения развития $*K- > чув. j-$.

Копье

ПТю $*süŋgü$ ‘копье, пика’: чув. *sāñā* ‘копье, пика’; як. *üñü* ‘копье, пика’; др.-тюрк. рун. орх. *süñüg* ‘копье’; др.-уйг. (ман., буд.) *süñü* ‘копье’; крх.-уйг. *süñü:- / sü:ñü:-* ‘копье’; ср.-тюрк.: хорезм., куман., ст.-кыпч., ст.-осман. *süñü* ‘копье’; чаг. *süŋgü* [ИМ; Рав.С.] ‘копье’; тур. *süŋgü* ‘штык’; гаг. *süŋgü* ‘копье, пика, штык’; аз. *süŋgü* ‘штык’; туркм. *süŋgi* ‘копье’; тат. *süŋgi* ‘копье, пика’; каз. *süŋgi* ‘копье, пика’; ног. *süŋgi* ‘копье, пика, штык’; башк. *hüŋgü* ‘копье, пика’; ккалп. *süŋgü* ‘копье’; балк. *süñü* ‘копье, штык’; кар. *s’uŋg’u* ‘копье, штык’; кум. *süñü* ‘копье, пика’ [EDT: 834—835; VEWT: 437; TMN, 3: 279; СИГТЯ 1997: 569; ЭСТЯ 2003: 355—356].

Вопрос о реконструкции значения для пратюркского языка не вполне ясен. У рефлекссов этого слова в памятниках с VIII в. представлено только значение ‘копье’. В археологических находках на территории Ордоса и Саяно-Алтая тоже есть только копья. Однако значение ‘пика’¹³ зафиксировано у рефлекссов слова $*süŋgü$ в современных тюркских языках, относящихся к разным дочерним семьям, в том числе и в чувашском, что должно свидетельствовать, скорее, в пользу необходимости реконструкции ‘пика’ для ПТю.

Значение ‘штык’¹⁴ более позднее и оно представлено у рефлекссов рассматриваемого слова в четком очерченном компактном географическом ареале вокруг Черного моря (в тур., аз., гаг., балк., ног., кар. языках), что соответствует и археологической реальности, поскольку, по [БСЭ], штыки появились в XVII в.

Обращает на себя внимание нерегулярное отражение инлаутного сочетания согласных: чув. $-n-$ ~ рун. орх. $-ñg$ ~ як., др.-уйг. (ман.), крх.-уйг., ср.-тюрк., бал. $-ŋ-$ ~ остальные языки $-ŋg-$.

В [EDAL] для рассматриваемых слов реконструируется праформа ПТю $*süŋgü$. Рассматривая, насколько подобная реконструкция позволяет объяснить рефлекссы инлаутного кластера в современных языках, мы проанализировали, пользуясь [ЭСТЯ], слова, содержащие в современных языках кластер $-ŋg-$. В результате мы пришли к выводу, на который указывал еще М. Ряснен [Ряснен 1949: 168], что рефлексация $*-ŋg-$ существенно различается в каждом конкретном слове, и даже одно и то же слово в одном языке может иметь несколько разных вариантов рефлекссации $*-ŋg-$:

¹³ «Пика — колющее холодное оружие, находившееся с глубокой древности на вооружении пехоты и кавалерии. Разновидность длинного копья» [БСЭ].

¹⁴ «Штык — холодное колющее оружие, примыкаемое к стволу ружья (с XIX в. — винтовки, карабина, автомата) для штыкового боя. Ш. появился в середине XVII в.» [БСЭ].

1) туркм. *оңгеч* ‘пищевод’ [ЭСТЯ 1974: 536]

-*η*- (як., узб., каз, ккалп., кум., тат., башк.) ~ -*ηg*- (уйг., кирг.) ~ -*θ*- (алт., тув.);

2) тур. *бенги* ‘вечный’ [ЭСТЯ 1978: 113]

-*η*- (др.-уйг., як., алт., шор.) ~ -*ηg*- (кирг., тув., ккалп., каз., тат., башк., тув.) ~ -*ηk*- (др.-тюрк., алт.) ~ -*ng*- (тур., хак., як., алт.);

3) кирг., уйг. *сүңгү* ‘нырять’ [ЭСТЯ 2003: 357]

-*η*- (ног.) ~ -*ηg*- (кирг., уйг., ккалп., каз.).

Возможно, что в этих словах следует реконструировать различные консонантные фонемы и сочетания, например, *-*η*-, *-*ηk*-, *-*ηg*- и т. д. Нельзя исключить, что рефлексация этих сочетаний для каждого конкретного языка и диалекта должна описываться отдельно в терминах синхронной морфонологии. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. Таким образом, реконструкция кластера *-*ηg*- для ПТю имеет предварительный характер.

Лук

По [ЭСТЯ 1989: 75], рефлексы названия лука не восходят к единой праформе, выделяют четыре типа праязыковой основы.

ПТю *jā ‘лук’: чув. *śu* ‘лук’; як. *sā* ‘лук, огнестрельное оружие, ружье’; долг. *hā, sā* ‘лук’; тув. *śa* ‘лук’; тоф. *śa* ‘лук’; шор. в.-конд. *śažaq*; сюг. *ja* ‘стрела’; др.-тюрк.: др.-уйг. (ман.), крх.-уйг. *ya*: / *ya* ‘лук’, *ya* ‘созвездие Стрельца’; ср.-тюрк. хорезм. *ya*, куман., ст.-кыпч. *ya*:; ст.-осм. *ya* ‘лук’; уйг. *ja* ‘лук’; кирг. *žā* ‘лук’, алт. *d’ā* ‘лук, стрела’.

*jān ‘лук’¹⁵: шор. *nan* ‘лук’, н.-конд. *jan* ‘оружие’, *jan-čak* ‘маленький лук’; башк. *jan* ‘лук’.

*jāj ‘лук’: хак. *čā-žax* ‘лук’; др.-тюрк.: крх.-уйг. *yaу* ‘лук’; ср.-тюрк. кыпчак. *ya:у*; чаг. *ya(t)* / *yaу* ‘лук’; узб. *jāj* ‘лук, дуга, скобки, радуга’; тур. *jaj* ‘лук, смычок дугообразный, пружина’; гаг. *jaj* ‘лук, деревянный смычок в форме лука, пружина, рессора’, *jajī* ‘лук, пружина’; аз. *jaj* ‘лук, смычок, дуга, пружина, рессора’; туркм. *jāj* ‘лук, дуга, скобки, пружина, рессора’; каз. *žaj* ‘лук’; ног. *jaj* ‘лук’; кар. *jaj* ‘лук, радуга’; ккалп. *žaj* ‘лук’; кирг. *žaj* ‘лук’.

**ja(ā)ja* ‘лук’: тат. *jeje, žeje* ‘лук, шерстобитный лук, дуга, скобки’; башк. *jājā* ‘лук, скобки’; кбалк. *žaja* ‘лук’; кар. *jaja* ‘лук, радуга’; кум. *žaja* [VEWT: 186; EDT: 869; TMN, 4: 121—122; ЭСТЯ 1989: 75; СИГТЯ 1997: 570; Федотов 1996, 2: 274].

В тат. *jeje, žeje* ‘лук, шерстобитный лук, дуга, скобки’; башк. *jājā* ‘лук, скобки’ гласный переднего ряда появляется в первом слоге под влиянием соседнего -*j*- (ср. другие аналогичные примеры: крх.-уйг. *jalbī* [МК] ~ тат. *želpək* ‘широкий, плоский’; кирг. *čajna* ~ тат. *čejne* ‘жевать, кусать’; др.-уйг. *jašin* ~ тат. *ješen* ‘молния’).

В гаг. *jajī* ‘лук, пружина’ гласный второго слога можно объяснить как показатель застывшей формы принадлежности 3-го лица со значением ‘его / ее’, который в современном языке уже утратил свое значение [Дмитриев 1962: 253].

Происхождение разных вариантов основы рассматриваемого слова в настоящее время неясно, возможно, оно связано с морфонологическими процессами конкретных языков. Обратим внимание лишь на следующую интересную закономерность: основа *jā явно является более архаичной, ее рефлексы представлены в чувашском языке, памятниках и в языках расположенных на северо-востоке; рефлексы основы *jāj представлены в кыпчакских, огузских и карлукских языках; основа **ja(ā)ja* ограничена пределами западно-кыпчакских языков. Представляется, что их можно рассматривать как «огузо-кыпчакско-карлукскую» инновацию. Как будет показано ниже, как раз в наименованиях вооружения присутствует ряд совместных лексических инноваций, видимо, произошедших еще до распада единства этих языковых групп.

Тетива

ПТю *kiriš ‘тетива’: тув. *kiriš* ‘тетива’; як. *kiris* ‘тетива, крученая веревка из воловьей кожи; подкожная мышца у основания коровьего хвоста; перепонка у крыла птицы, покрытая короткими и крепко сидящими перьями; веревка, скручиванием которой натягивается столярная ручная пила’; тоф. *kiriš* ‘тетива’; хак. *kārās* ‘тетива’; шор. *kiriš* ‘тетива’; др.-тюрк.: др.-уйг. *kiriš* ‘тетива’; крх.-уйг. *kiriš* ‘тетива’; чаг. *kiriš* [Pav.C.; IM; AH; QB] ‘веревка, маленькое бревно, прикрепленное к большому (табан) у крыши’; тур. *kiriš* ‘тетива, сухожилие, жила, струна (жильная), бревно, балка, брус, перекладина’; гаг. *kiriš*

¹⁵ Здесь и далее в этимологиях новыми абзацами даются формы, которые не сводятся в один тип основы.

‘тетива, струна скрипки, балка потолка’; аз. *kiriš* ‘тетива’; туркм. *kiriš* ‘тетива, струна’; тат. *kereš* ‘тетива, уздечка языка’; башк. *kereš* ‘тетива, смычок, лучок для трепания шерсти’; ног. *kiris* ‘тетива, хрящ носовой’; кар. *kiriš* ‘тетива, струна’; кум. *kiriš* ‘тетива, сухожилие, жила’; ккалп. *giris* ‘тетива’; кирг. *kirič* ‘тетива, лук (оружие), соединительная ткань между отдельными частями внутренностей’.

ПТю *Kirił ‘тетива’: чув. *xirlü* ‘тетива, шерстобитный лук, стужень у саней, вязок, соединяющий конец полоза с грядками’; як. *kiris* ‘тетива, крученая веревка из воловьей кожи; подкожная мышца у основания коровьего хвоста; перепонка у крыла птицы, покрытая короткими и крепко сидящими перьями; веревка, скручиванием которой натягивается столярная ручная пила’; хак. абакан. *xiris* ‘тетива’; алт. *kiriš* ‘тетива, железный витой прут, часть рукоятки бубна’ [ЭСТЯ 1997: 71—72; СИГТЯ 1997: 578].

Значение ‘жила’, вероятно, должно быть также реконструировано для праязыкового уровня, поскольку теоретически изменение значения ‘тетива’ > ‘жила’ представляется маловероятным. Но поскольку значение ‘жила’ не представлено у чувашского рефлекса, по формальному алгоритму мы не можем его реконструировать для ПТю.

В [СИГТЯ 2006: 194] для объяснения происхождения *-iü* в чув. *xirlü* ‘тетива’ предполагается, что чувашское слово возникло как результат словосложения двух ПТю основ *Kirił ‘тетива’ и *žāj ‘лук’. В рамках этой гипотезы не вполне ясно, как объяснить полное отсутствие изменения значения первой основы при словосложении прачув. ‘тетива’ + ‘лук’ > чув. ‘тетива’.

Более вероятной представляется гипотеза о происхождении чувашского слова, предложенная в [ЭСТЯ 1997: 71—72], по которой «чув. *xirlü* ‘тетива’ < *Kir-il-iw, которая несопоставима с *kirił (в чувашском *kirił отразилось бы как *кёрлё). Однако основу **Kir-* можно усматривать в як. *kiris*, алт. *kiriš*».

В [ЭСТЯ 1997: 72] отмечается, что есть и другие примеры параллельных мягко- и твердорядных основ в тюркских языках, например, *ariš* [ДТС: 53] и *eriš* [ДТС: 179] ‘ткать’. Предполагается, что появление заднерядного варианта *Kirił могло возникнуть вторично в результате семантического сближения этого слова с **Kur-* / **Kir-* ‘настраивать лук’ [ЭСТЯ 2000: 156].

Стрела

ПТю *ok ‘стрела’: чув. *ixă / oxă* ‘стрела’; як. *ox* ‘стрела, лук’; тув. *o’q* ‘стрела, пуля, снаряд’; хак. *ix* ‘стрела, пуля’; шор. *oq* ‘стрела’; сюг. *oq* ‘стрела, лук’; др.-тюрк.: рун. орх., др.-уйг. (ман.), крх.-уйг. *ok* ‘стрела’; ср.-тюрк. хорезм., ст.-кыпч. *ok / o:k*, куман., ст.-осман. *ox*, чаг. *oq* ‘стрела’; тур. *ok* ‘стрела’; узб. *u Oq* ‘стрела, пуля, снаряд, ядро пушечное’; уйг. *oq* ‘стрела, пуля’; гаг. *oq* ‘стрела’; аз. *ox* ‘стрела’; туркм. *oq* ‘стрела, пуля, снаряд’; каз. *oq* ‘стрела, пуля’; ног. *oq* ‘стрела, жало, пуля, снаряд, заряд’; тат. *uq* ‘стрела, жало’; башк. *uq* ‘стрела’; кбалк. *oq* ‘стрела, пуля’; кар. *oq* ‘стрела’; ккалп. *oq* ‘стрела’; кум. *oq* ‘стрела’; алт. *oq* ‘стрела, пуля, снаряд’; кирг. *oq* ‘стрела, пуля, снаряд’ [VEWT: 389; ЭСТЯ 1974: 437—438; EDT: 76; TMN 2: 153; СИГТЯ 1997: 577; Федотов 1996, 2: 296].

Чув. *ixă / oxă* ‘стрела’, вероятно, является рефлексом ПТю *ok-lk (подробнее о суффиксе см. [Erdal 1991: 40—43]), поскольку как указывал еще М. Ряснен (см. подробнее [СИГТЯ 2006: 48]), в чувашском *-k#* > 0. Если принимать гипотезу, предложенную О. А. Мудраком (см. [СИГТЯ 2006: 51—53]), по которой чув. *ă* происходит из ПТю *ə, которое выпадает в ауслауте во всех остальных тюркских языках, то следует реконструировать ПТю *okə.

Щит¹⁶

ПТю *qalqan ‘щит’: чув. *xulxan*; крх.-уйг. *kalkan / kalkan / kalka:n*; чаг. *kalkan*; хорезм., куман. *kalka:n*; тур., туркм., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., узб. диал., уйг. *qalqan* ‘щит’; аз. *qalxan* ‘щит’; кар. *qalqan* ‘щит, защита’; кирг. *qalqan* ‘щит, защита, прикрытие, убежище, шлем’ [ЭСТЯ 1997: 233; EDT: 621].

Слово представлено в памятниках, начиная с XI в. Уже Л. З. Будагов указал на сходство этого слова и монг. *qalqa* ‘щит’, но вопрос о направлении заимствования по-прежнему остается открытым. По мнению Г. Дерфера [TMN, 3: 501—502], в тюркских языках *qalqan ‘щит’ является исконным словом, которое было заимствовано в монгольские языки, а потом произошли обратные заимствования в тюркские, но эти слова имеют уже другие значения, не относящиеся к комплексу вооружения (ср. як. *xalxa* ‘защита, тенистость’ и т. д.). Вероятно, и карахандская форма *kalkan* отражает какую-то северно-монгольскую форму, поскольку во всех современных северно-монгольских языках *-n*, восходящее к

¹⁶ На основе лингвистических данных мы не можем с уверенностью утверждать, были ли у пратюрков щиты, поскольку *qalqan* может быть проинтерпретировано и как пратюркское слово, и как раннее монгольское заимствование. Фонетика чувашской формы, как кажется, не дает возможности предпочесть ту или иную интерпретацию.

прамонгольскому *-n#, произносится как *ŋ*. Но нам представляется более вероятным направление заимствования из монгольских языков в тюркские (*qalqan ‘щит’) уже на праязыковом уровне, потому что у этого слова в тюркских языках нет производных, а в монгольских представлено богатое словообразовательное гнездо, и само название щита, видимо, является производным от понятия ‘заслонять’ (ср. калм. *халхвч* ‘прикрытие, заслон’, *халхлгдх* ‘заслоняться’, *халхлх* ‘заслонять, загораживать’, *халхц* ‘щит’) [Мунниев 1977: 571].

Сопоставление с археологическими данными

Таким образом, по материалам лингвистической реконструкции для пратюркского времени восстанавливаются следующие виды оружия¹⁷: *Kilīnč ‘меч, сабля’, *kīīn ‘ножны’, *süŋgü ‘копье’, *jā ‘лук’, *Kirił / *kirił ‘тетива’, *ok ‘стрела’.

А. В. Дыбо предполагает, что для пратюркского также следует реконструировать *Kiŋrak ‘кинжал, нож’ (ср. суннское *kēŋh-rāh* ‘ритуальный нож’), которое было заимствовано в древнекит. 徑路 *kheŋ-rhá* ‘легкий меч’ (Чжоу или Зап. Хань) [Дыбо 2007: 84].

По данным [Ковалёв 1999, 2002], в хуннских погребальных комплексах на Ордосе найдены следующие виды вооружения: золотая обкладка **ножен** железного **меча** из золотой фольги (в могильнике Сигуупань¹⁸), **клевец** «гэ», бронзовые **копья** с ромбическим пером (в могилах Янлан IM4, Гуантай и Люпинцунь), бронзовый **нож** (в комплексе Мачжайцунь), **сложный лук** длиной почти полтора метра с небольшими парными роговыми накладками на концах (в могильнике царства Чу под Чанша), костяные трехгранные **стрелы** с расщепленным насадом (в могильнике Госяньяоцзы), биметаллический **кинжал** (в могильнике Гуантай), бронзовый **кинжал** акинак (в погребении M1 могильника Бэйсиньбао).

Таким образом, мы видим полное соответствие археологических находок в хуннских погребениях на Ордосе и названий вооружения, реконструируемых для пратюркского языка. Нуждается в пояснении лишь отсутствие в ПТю системе названий вооружения клевица «гэ»¹⁹. Это легко объяснимо, поскольку за пределами Китайской империи клевицы «гэ» не использовались.

II. Общетюркский комплекс вооружения

В общетюркском языке сохраняются все пратюркские названия вооружения *Kilīnč ‘меч, сабля’, *kīīn ‘ножны’, *kerki ‘тесло, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорича’, *süŋgü ‘копье’, *jā ‘лук’, *Kirił / *kirił ‘тетива’, *ok ‘стрела’. Появляется и ряд новых лексем.

Нож

ОТю *bīčak ‘нож’ (от *bīč-²⁰ ‘кроить, резать’): як. *bīhax* ‘нож, бритва, кинжал, меч’; хак. *pīčax*; шор. *pīčaq*; др.-тюрк.: др.-уйг. (ман.) *bičak* ‘нож’; крх.-уйг. *bičak* / *biček* / *bi:čä:k*; ср.-тюрк. чаг. *biček* ‘игла’, *bičak* ‘нож’; хорезм., куман., ст.-осман. *bičak* ‘нож’; узб. *pīčoq* ‘нож’; уйг. *pīčaq*; тур., гаг. *bīčak*; аз. *bīčaq*; хак. *pīčax*; шор., туркм. *pīčaq*; кум. *bīčaq*; тат. *pīčaq*; башк. *bīšaq*; каз. *pyšaq*; ног., ккалп. *pyšak*; кар. *pīčaq*; кбалк. *bīčaq*; кирг. *bīčak*; алт. *bīčaq* ‘нож’ [ЭСТЯ 1978: 159—160; EDT: 293; Лосева-Бахтиярова 2005: 283].

В [ЭСТЯ 1978: 159—160] тув. *bižek* и тоф. *pišek* считаются рефлексом ОТю *bīčak ‘нож’, но при этой гипотезе не вполне ясно, как объяснять гласный переднего ряда в этих языках. А. фон Габэн предположила, что формы тув. *bižek* и тоф. *pišek* представляют собой суффиксальные образования от *bi ‘лезвие’ с помощью синхронных продуктивных суффиксов (тув. *-žek*, тоф. *-šek*) [ЭСТЯ 1978: 160]. Рефлексы *bīčak ‘нож’ фиксируются в памятниках с VIII в., а само слово надежно реконструируется для ОТю языка.

¹⁷ Здесь и далее при упоминании этих слов приводятся только их значения, относящиеся к названиям вооружения.

¹⁸ Здесь и далее приводится лишь одно из мест находок того или иного предмета вооружения, полный список можно найти в работах [Ковалёв 1999, 2002].

¹⁹ Клевец «гэ» имеет массивный обух и обоюдоострое лезвие, которым можно работать и как чеканом, и как серпом — заточка идет и по прилегающей к древку металлической части. Угол скоса лезвия мог быть различным, варьировалась и длина древка. Самое длинное имело длину 314 см (у колесничих), среднее — 140 см, они широко использовались как колесничими против пехоты, так и наоборот — пехотой против колесниц. Длина короткой рукояти — 91 см. Такой клевец применялся при схватках пехотинцев друг с другом. Создавался клевец «гэ» специально для боя с колесницей и против колесниц. Им очень удобно подсесть, зацепить, пробить доспех или расколоть щит. С уходом колесниц «гэ» начал уступать место другим видам древкового оружия.

²⁰ Подробнее см. [EDAL: 1660].

В [ЭСТЯ 2000: 220; Дыбо 2007: 84] предлагается реконструировать еще одно название особого вида ножа.

ОТю *Kiṅrak ‘большой нож’: тув. *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’; хак. саг. *xijrax* ‘сабля’; др.-тюрк.: крх.-уйг. *kiṅra:k* [МК] ‘обоюдоострый кривой нож’; алт. *qijraq* ‘скребок для выделки кожи’; кирг. *qijaraq* ‘обоюдоострый нож-косарь’; уйг. диал. *qijraq* ‘большой нож’ (см. [ЭСТЯ 2000: 220; Дыбо 2007: 84; EDT: 639]).

Фиксация этого слова в памятниках наблюдается с XI в. Сближение форм с *-jṛ-* в крх.-уйг., алт., кирг., уйг. очевидно. Возникает вопрос, насколько надежно сравнение этих форм и тув. *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’, хак. саг. *xijrax* ‘сабля’? Бывает ли, что **-jṛ-* > тув. *-jir-*, хак. *-jr-*? Для ответа на этот вопрос был проанализирован материал этимологий, содержащих кластер *-jṛ-*, и их рефлексy в хакасском и тувинском языках по [EDAL; ЭСТЯ]:

рун. орх. *teṅri* ‘небо’ ~ тув. *dēr* ‘небо’, хак. *tigər* ‘небо’ [EDAL];

крх.-уйг. *müjre-* ‘кричать’ ~ тув. *möre-*, хак. *müre-* ‘кричать’ [EDAL];

турк. *aṅri* ‘та, противоположная сторона’ ~ тув. *ār* ‘находящийся на другой стороне’, хак. *ār* ‘по ту сторону, дальше’ [ЭСТЯ 1974: 157];

чаг. *maṅra-* (Pav.C.) ‘мычать’ ~ тув. *māla* ‘мычать’, хак. *mara-* ‘блеять’ [ЭСТЯ 2003: 39];

крх.-уйг. *qoṅraq, qoṅraqu* ‘колокольчик’ ~ хак. *xoṅra-* ‘звенеть’, *xoṅro* ‘колокольчик’ [ЭСТЯ 2000: 59].

Итак, обзор материала показывает, что **jṛ* > тув. *r* с удлинением предшествующего гласного; в хак. рефлексация более разнообразна: *-gər / -jṛ / -r* с удлинением предшествующего гласного, — и позиции распределения рефлексов пока неясны. Но во всех рассмотренных этимологиях рефлексация принципиально отличается от тув. *-jir-*, хак. *-jr-*. На основании этого анализа казалось бы более целесообразным тув. *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’, хак. саг. *xijrax* ‘сабля’ не считать этимологическими соответствиями др.-тюрк. крх.-уйг. *kiṅra:k* (МК) ‘обоюдоострый кривой нож’ и других рефлексов этой основы в современных языках, а предполагать заимствование из какого-то неизвестного источника в тув. и хак.

Но, как показано в [Дыбо 2007: 84—85], крх.-уйг. *kiṅra:k* (МК) ‘обоюдоострый кривой нож’ и другие формы с *-jṛ-* являются производными от **Kiṅ-ir* ‘согнутый, косой’ [VEWT: 264—265; EDT: 639; ЭСТЯ 2000: 220—221]. Тщательный анализ позволил выявить рефлексy **Kiṅ-ir* ‘согнутый, косой’ в тувинском и хакасском языках, которые в [ЭСТЯ 2000: 220—221] были пропущены: тув. *xыйыр* ‘косой, косоглазый’ [Тувинско-русский словарь 1968], хак. *xыйыр* ‘кривой, косой’ [Вербицкий 2006: 885]. Таким образом, оказывается, что развитие **ṅ* в тув. и хак. в рефлексах **Kiṅ-ir* и **Kiṅrak* совпадает. Это можно объяснить, только предположив, что *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’ и хак. саг. *xijrax* ‘сабля’ все-таки являются рефлексами ОТю **Kiṅrak*.

Топор

ОТю **balto* ‘топор, молот’: як. *balta* ‘кузнечный молот, коренной зуб’; тув. *ba’ldi* [Бичелдей 2001: 112] ‘топор’; хак. *paltı* ‘топор’; др.-тюрк. др.-уйг. (ман.) *baltu-* ‘топор’; крх.-уйг. *baldu / balta* ‘топор’; ст.-огуз. *baldu-*; ср.-тюрк.: хорезм., куман. *balta*; ст.-кыпч. *balta:* ‘топор’; чаг. *baltu* [Sangl.] ‘топор’; узб. *bolta* ‘топор’; тур. *balta* ‘топор’; аз. *balta* ‘топор, долото’; турк. *palta* ‘топор’; тат. *balta* ‘топор’; баш. *balta* ‘топор’; ккалп. *balta* ‘топор’; каз. *balta* ‘топор, валет (в картах)’; ног. *balta* ‘топор’; балк. *balta* ‘топор’; кар. *balta* ‘топор, кирка’; кум. *balta* ‘топор’; алт. *malta* ‘топор’; *baltisax* ‘стрела с тупым концом для лука-самострела’; кирг. *balta* ‘топор, валет (в картах)’ [VEWT: 61; EDT: 333; СИГТЯ 1997: 397; ЭСТЯ 2003: 100].

Слово встречается в памятниках с VIII в. и явно имеет общетюркский характер. В [TMN, 1: 199] реконструируется праформа **balto* (а не **baltu*, как в [EDAL]), поскольку она заимствуется с *-a* в монгольские языки. Г. Дёрфер предполагает, что все тюркские формы с *-a* — заимствования из монгольских языков. Но, учитывая варьирование широких и узких рефлексов ПТ **-o* по языкам (см. [СИГТЯ 2002: 46]), возможно, по крайней мере, огузские формы на *-a* считать исконными рефлексами ПТ **-o*.

В статье [Stachowski 2005] М. Стаховский анализирует и доказывает несостоятельность гипотезы К. Менгеса [Menges 1953] «о заимствовании тюркского слова из ассирийского-вавилонского *pāltu* ‘секира’». Более убедительной представляется алтайская этимология, предложенная в [EDAL]: ОТю **balto* ‘молот’ < ПА **māli* ‘палка, дубина’. М. Стаховский также считает, что для прототюркского языка следует реконструировать анлаутное **m-*, поскольку, по его гипотезе, прототюркское слово **maltu* было заимствовано в праславянский язык: ПСлав **moltь* > рус. *молот*, польск. *młot* (все славянские формы, которые относятся к этой этимологии см. в [Фасмер 1964—1973, 2: 647]). Все же представляется достаточно убедительной гипотеза [Фасмер 1964—1973, 2: 647] о связи названия молота с глаголом *молотить*, далее с лат. *malleus* ‘молот, колотушка’.

Не вполне ясно объяснение причин возникновения анлаутного *m-* в хак. *malta* (Sag.) ‘топор’, шор. *malta* ‘топор’ — такой рефлекс обычно дает **b-* под влиянием последующего носового согласного.

Кистень

Представляется, что на основании сравнения чаг. *kesken* ‘род булавы, маслособойная палка’, тат. *kistän* ‘кистень (дубина с утолщением на конце)’, башк. *kištän* ‘дубина с привязанным к ней железным шаром, кистень (дубина с утолщением на конце)’ [ЭСТЯ 1997: 58; Федотов 1996, 1: 299] не удастся реконструировать ОТю название вооружения, поскольку с большей вероятностью речь идет о более позднем образовании от глагола **kes-* ‘резать’ с помощью суффикса **-ken* [Р, 2: 1166]. Г. Дёрфер поддержал эту гипотезу и предположил, что тат. и башк. формы появились в результате диссимилиации.

По [ЭСТЯ 1997: 58], чув. *kisten*, которое В. Г. Егоров [Егоров 1964] считает рефлексом рассматриваемого ОТю слова, заимствовано из татарского языка. Чув. же *kismen* ‘оружие, состоящее из палки с надетым на нее металлическим шаром, толстый конец безмена’ (зафиксировано единственный раз в [Аш., 4: 246]), по мнению Л. С. Левитской, возникло в результате описки.

Тесло

ОТю *kerki ‘тесло, топорик с лезвием насаживаемым поперек топорича’: тоф. *ke'rhižek* ‘тесло’; ст.-кирг. *kerki* ‘топор, топорик, ? тесло’; крх.-уйг. *kerki* ‘тесло’; ст.-кыпч. *kerki* ‘тесло’; ср.-тюрк.: куман. *kerki* ‘тесло’; ст.-осман. *kerki* ‘кирка, которой строители разбивали черепицу и делали другую работу’; уйг. *keke* ‘топор, топорик’, *kerke* (диал.) ‘топор, топорик, мотыга’; ср.-кыпч. *kerki* [АН] ‘топор, топорик’; тур. *kerki* ‘топор, топорик’; аз. *kärki* ‘тесло, мотыга’, *kerki* (диал.) ‘орудие, строгающее дерево’; туркм. *kerki* ‘топор, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорича, кирка’; алт. *kerki* ‘топор, топорик особого типа’; кирг. *kerki* ‘тесло (род топорика, обращенного поперек топорича)’;

чув. *karä* ‘долото’;

тув. *keržek* ‘тесло’ [EDT: 741; ЭСТЯ 1997: 51—52].

В [ЭСТЯ 1997: 51—52] указывается, что «название тесла является производным от глагола **ker-* / **kert-* ‘резать, делать зарубку’». Чувашское слово, по мнению Л. С. Левитской, правомерно считать рефлексом этого пратюркского корня, поскольку есть и ряд других примеров, где в чувашском языке происходит упрощение сочетания согласных на стыке корня и суффикса. Но на материале [ЭСТЯ] других примеров на упрощение именно кластера *rk не зафиксировано.

Обращает на себя внимание и тув. *keržek* ‘тесло’, которое тоже не удается объяснить как производное от *kerki, поскольку неизвестны другие примеры на упрощение кластера *rk перед суффиксом *-žek*. Кажется более целесообразным предполагать, что чув. *karä* ‘долото’ и тув. *keržek* ‘тесло’ были образованы от глагольной основы **ker-* ‘резать, делать зарубку’, производные рефлексом которой реально в тюркских языках не представлены, но от нее зафиксированы именные производные на ПТю / ОТю уровне: *kert ‘зарубка’, *kerki ‘тесло’. Поскольку представляется, что чув. *karä* ‘долото’ не является производным от *kerki ‘тесло’, то *kerki реконструируется только для ОТю уровня.

По [ЭСТЯ 1997: 51—52], вопреки [Фасмер 1964—1973, 2: 238], рус. *кирка* является тюркским заимствованием.

Колчан

ОТю *Keš ‘колчан’: як. *käsäx* (Пек.) ‘колчан’; тув. *xeš* (тодж.) [Рас. Фил: 188] ‘колчан’²¹; тоф. *xeš* ‘колчан’; др.-тюрк.: др.-кирг. *keš* ‘(золотой) пояс для колчана’; крх.-уйг. *ke:š* ‘колчан’; ср.-тюрк.: хорезм., ст.-кыпч. *keš*, куман. *keš*; кар. *keš*, *kes* ‘колчан’; кирг. *keš* ‘колчан’ [VEWT: 258; EDT: 752; ЭСТЯ 1997: 60—61].

В памятниках слово встречается с XI в. Подробный разбор употребления рефлексом слова *Keš ‘колчан’ в древнетюркских текстах см. в работе [У.-Кõhalmi 1971]. К. У.-Кõхалми отмечает, что *keš* в древнетюркских текстах употребляется исключительно с эпитетом *золотой*. Действительно, отмечает К. У.-Кõхалми, покрытие поясов для ношения оружия могло быть из золота, но такие пояса были недоступны простым воинам. Это были самые ценные предметы для воинов-кочевников. Такой пояс был, например, у Чингисхана.

Обращает на себя внимание *é* в первом слоге в др.-тюрк.: др.-кирг. *keš* ‘(золотой) колчан’; крх.-уйг. *ke:š* ‘колчан’; ср.-тюрк.: хорезм., ст.-кыпч. *keš*. Проведенный анализ показывает, что *é* в памятниках достаточно часто появляется у рефлексом лексем с ПТю *ε, которое, как показано в [Дыбо 2007: 51], рекон-

²¹ Наличие этого слова в тувинском языке не вполне надежно, поскольку оно зафиксировано только в [Рас. Фил: 188].

струируется на основании особых рефлексов (отличных от рефлексии ПТю *e), в якутском и чувашском: ПТю *jer 'земля' > як. *sir*, крх.-уйг. *jer* [МК]; ПТю *jel 'ветер' > як. *sillie* 'вьюга, вихрь', крх.-уйг. *jel* [МК, QB] и т. д. Полный анализ рефлексии пратюркских закрытых гласных в памятниках еще предстоит сделать в будущем.

Стрела, наконечник стрелы

ОТю *iġ 'острие, наконечник, конец' < ПТю *iġ 'конец': чув. *vəʷs* 'конец'; як. *uhuk* 'конец'; долг. *uhuk* 'конец'; тув. *uġ* 'конец, кончик'; хак. *us* 'острие'; шор. *uġ* 'конец'; др.-тюрк.: рун. орх., др.-уйг. *uġ* 'конец'; крх.-уйг., ст.-огуз. *u:ç* 'конец'; ср.-тюрк.: хорезм., куман. *u:ç* 'конец', ст.-кыпч. *u:c* 'конец', ст.-осм. *uc* 'конец'; уйг. *uġ* 'конец, кончик, копчик, зубец'; узб. *uġ* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие, наконечник'; сюг. *uġ* 'конец'; тур. *uġ* 'конец, оконечность, кончик, верх, верхушка, острие, наконечник'; гаг. *uġ* 'конец, острие'; аз. *uġ* 'конец, кончик, острие'; туркм. *iġ* 'конец, острие'; тат. *oġ* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие'; каз. *uġ* 'кончик, острие, наконечник'; ног. *uġ* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие'; башк. *os* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие'; кар. *uġ* 'конец'; ккалп. *uġ* 'конец, острие, наконечник'; кум. *uġ* 'конец, острие'; кирг. *uġ* 'конец, острие'; ойрат. *uġ* 'конец, острие' [EDT: 17—18; ЭСТЯ 1974: 611—612].

Это слово, вероятно, не может считаться ПТю названием наконечника или острия пики, поскольку эти значения не представлены у его рефлексов в чувашском языке. Представляется, что многозначность 'конец, острие, наконечник' возникает в ОТю языке, поскольку эти значения наблюдаются у рефлексов рассматриваемого слова во всех четырех подгруппах тюркских языков.

ОТю *sokom/n 'стрела, наконечник стрелы': тув., тоф. *soyup* 'стрела для лука'; хак. *soyan* 'стрела для лука'; шор. *soyan* 'стрела для лука'; крх.-уйг. *sukim* 'деревянный свистящий наконечник стрелы' («деревяшка с выдолбленной серединой; конической формы, имеет отверстия с трех сторон, надевается на конец древка стрелы; это свисток»), *bakir sukim* 'планета Марс' (букв. «медный соком»); ст.-кыпч. *sağan* 'острие стрелы' (АН, может быть, описка) [EDT: 811]; алт. *soyon*, диал. (лебед.) *soyono* 'стрела для лука' (по [Р, 4: 529], лебед. *soyon* 'железный наконечник стрелы'), *sokkon* ([Р, 4: 523]: тел.) 'железный наконечник стрелы' [EDT: 811; СИГТЯ 2000: 571; ЭСТЯ 2003: 277; Дыбо 2007: 157].

Варьирование *-m/-n* в ауслауте встречается и в других производных тюркских лексемах: ср., по данным [ЭСТЯ 1978: 160], туркм., тур., аз., кбалк. *бичим* 'фасон, покррой, фигура' ~ кирг. *бычын*, каз. *пишин* 'фигура'. Возможно, все же следует говорить о производных с различными суффиксами.

Как отмечается в [Дыбо 2007: 157], алтайская этимология, предложенная для этого слова в [EDAL], ненадежна. А. В. Дыбо (вслед за Дж. Клосоном) считает, что **sokom/n*, возможно, является отглагольным образованием от **sok-* 'вставлять'. В памятниках слово фиксируется с XI в. Его распространение в определенном ареале (северные языки и алтайский) и достаточно поздняя и фонетически не вполне надежная представленность в памятниках не позволяют реконструировать **sokom/n* для ОТю языка.

А. В. Дыбо указывает на сходство рассматриваемого слова и ПЕН. **soʔ/G/χom* 'стрела с тупым наконечником', и указывает, что поскольку тюркское слово является отглагольным производным, то более вероятно заимствование из тюркских языков в ПЕН., и оно должно было произойти до распада енисейских языков, то есть до XII в. Представляется, что это не является доводом в пользу реконструкции **sokom/n* для ОТю языка, поскольку, как предполагает и А. В. Дыбо, слово могло быть заимствовано и из кыргызского языка [Дыбо 2007: 157].

Праща

ОТю *salma 'петля, силок, лычко для метания камней': хак. *salba* 'лычко для метания камней'; чаг. *salma* [Pav.C.] 'силок'; уйг. *salma* 'петля для пуговицы'; кирг. *salmör* 'праща'; каз. *salma* 'ornamental bands in a yurt'; башк. *halmawir* 'праща' [VEWT: 399; EDT: 827; Ашм., 11: 174; ЭСТЯ 2003: 176];

ОТю *salju 'праща': крх.-уйг. *salju* 'праща'; хал. *salyo* 'праща'.

В [EDAL] все приведенные формы объединяются в одну этимологию (ОТю *salma / *salju 'праща') и считаются рефлексами ПА *sela 'защелка, петля'. В [ЭСТЯ 2003: 176] рефлексы *salma, *salju считаются производными с помощью различных суффиксов от глагола **sal-* 'класть'. Для слова *salma не реконструируется значение 'праща', поскольку оно представлено (кроме хакасского) только у производных от рефлексов этой лексемы.

Представляется, что, с точки зрения фонетических соответствий, рефлексы *salma, *salju несводимы в единую праформу. На полном материале этимологий по [EDAL; ЭСТЯ] не выявлено других примеров развития кластера *lm > крх.-уйг. *lj*, хал. *ly*. Соответственно, речь может идти только об отдельных от-

глагольных образованиях. Далее возникает вопрос, могут ли эти отглагольные производные реконструироваться для ОТю уровня? Представляется, что это маловероятно, поскольку оба слова распространены только в определенных географических ареалах, а в памятниках фиксируются с XI в.

Доспехи

ОТю *jarīq ‘доспехи (панцирь, кольчуга)’: др.-тюрк. рун. орх. *jarī:k* ‘наиболее частый термин для описания воинского снаряжения’; крх.-уйг. *jarī:k* ‘общее название, даваемое кольчуге и доспехам’; ср.-тюрк.: хорезм. *jarīk*, ст.-кыпч. *ja:rik*²² ‘нагрудный пластинчатый доспех’ [ЭСТЯ 1989: 147; EDT: 962].

Панцирь

ОТю *Kiñak ‘чешуйчатый панцирь’: як. *kiñax* ‘панцирь, кольчуга из железных пластинок, нашитых на кожаный кафтан, броня с нашитыми железными пластинками’; тув. *qijaq* ‘панцирь, броня’; тоф. *qiĵ-aq* ‘панцирь, кольчуга, латы’; хак. *xiĵax* ‘панцирь, кольчуга, латы, броня, щит’; шор. *qiĵaq*; крх.-уйг. *kiyağ* ‘нагрудный пластинчатый доспех’; чаг. *kiyak* (Pav.C.) ‘часть доспеха’; алт. *qiĵaq* ‘панцирь, кольчуга, броня’ [EDT: 676; VEWT: 301; СИГТЯ 1997: 576; ЭСТЯ 2000: 111, 113].

В памятниках слово фиксируется с XI в. Для *Kiñak достаточно надежно реконструируется значение ‘панцирь из нашитых железных пластинок’.

Кирг. *qĵaq* ‘латы, надеваемые на грудь’, вероятно, не является рефлексом ОТю слова, поскольку кирг. *i* первого слога не является рефлексом ОТю *u (см. [Дыбо 2007: 51]). Регулярным рефлексом было бы кирг. **qĵoq. Вероятно, кирг. *qĵaq* возникло в результате адаптации монг. *qiĵaq*.

Кольчуга

ОТю *kūpe ‘кольчуга’ < ПТю *kūpe ‘(защитная) одежда’²³: чув. *kēpe* ‘рубашка’; шор. *kūbā* ‘кольцо в сбруе, панцирь’; др.-тюрк.: рун. орх. *kūpe*: ‘кольчуга’; крх.-уйг. *kūpe*: / *kū:pe*: ‘кольчуга, кольцо кольчуги, серьга’; ср.-тюрк.: куман. *kūbe* ‘кольчуга’, ст.-кыпч. *kūpe*: / *kūpe* ‘военное снаряжение’, ст.-осм. *kūpe* ‘кольцо серьги’; тур. *kūpe* ‘серьга, сережка (у животных и птиц)’; гаг. *kūpə* ‘серьга, подгрудок у различных животных’; турк. диал. *kūwe* ‘одежда (бронированная, ватная)’; кум. *gūbe* ‘кольчуга’; тат. *kūbā* ‘панцирь, кольчуга’; кар. *kūbe* ‘панцирь, броня, щит’, ног. *kūbe* ‘кольчуга, щит’; кбалк. *kūbe* ‘кольчуга’; кирг. *kūbe* ‘панцирь, непроницаемый для стрелы халат’ [Лосева-Бахтиярова 2005: 139; EDT: 687, 688, 689; ЭСТЯ 1997: 48—49, 108, 114—115, 129—130; TMN, 3: 581—583].

В случае с этим словом кажется, что речь идет о наиболее древнем защитном костюме, который представлял собой ватную одежду (см. [Лосева-Бахтиярова 2005: 139]). Значение ‘защитная одежда’ представлено как в туркм. диалектах, так и в киргизском языке, а в чувашском языке рефлексы этого слова описывают просто рубашку. На основании отсутствия значения ‘защитное вооружение’ в чувашском мы предполагаем, что в ПТю языке слово описывало просто одежду, и лишь в период становления ОТю языка появилась идея об одеянии, которое могло предохранять воина от ранения. Затем на основании анализа семантики рефлексов этого слова в языках-потомках мы предполагаем, что защитное вооружение, представляющее собой «непроницаемый для стрелы» (стеганный или ватный) халат, перестало быть популярным (рефлексы с таким значением сохранились лишь в двух языках). Поскольку для обозначения кольчуги, панциря, состоящего из железных пластинок, уже было название, ОТю *kūpe стало употребляться для описания кольчатого панциря, поэтому его рефлексы в шор., крх.-уйг., тур. имеют значение ‘серьга’.

Сопоставление с археологическими данными

Таким образом, для общетюркского языка реконструируются следующие названия вооружения: *Kiliñč ‘меч, сабля’, *kiñ ‘ножны’, *sünġü ‘копье’, *jā ‘лук’, *Kirił / *kiril ‘тетива’, *ok ‘стрела’, — уна-

²² Как отмечается в [ЭСТЯ 1989: 147], нельзя исключить генетическую близость этих слов с кирг. *žaraq*, уйг. *jaraq* ‘оружие’.

²³ Представляется весьма вероятной связь этого слова с лексемами, приведенными в [ЭСТЯ 1997: 144] под заглавием турк. *gürbi* ‘ватник, телогрейка’, поскольку, как видно из семантики рефлексов, речь идет о ватном теплом одеянии, которое могло использоваться и в защитных целях (ср. значение в кирг. *kūpi* ‘мягкое, непроницаемое для стрел боевое одеяние’).

следованные из пратюркского языка, и новые лексемы: **bičak* ‘нож’, **balto* ‘топор, молот’, **kerki* ‘тесло, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорщища’, **Keš* ‘колчан’, **ič* ‘острие, наконечник, конец’, **jariq* ‘доспехи (панцирь, кольчуга)’, **Kuňak* ‘чешуйчатый панцирь’, **küpe* ‘кольчуга’.

По данным [Эбель 1998; Тетерин 1991; Руденко 1962], в гунно-сарматских памятниках на территории Горного Алтая найдены следующие виды вооружения: **мечи** с железным прямым двулезвийным клинком, железный **нож** с клинком удлинненно-треугольной формы, железные **кинжалы** (с изогнутым перекрестием и без перекрестия), бронзовые **палицы** (футы), **копья** с конусовидной разомкнутой втулкой, сложносоставные **луки** с фронтальными и без фронтальных накладок, **наконечники стрел** (железные, линзовидные, костяные), **наконечники-свистунки**, **нагрудные панцири** (с кожаным или металлическим кантом и без канта), **латы-поручи**; **колчаны** не найдены, их существование устанавливается по косвенным признакам (состав стрел и наличие колчаных крюков).

Реконструируемые слова и археологические находки можно соотнести следующим образом: **Kiliñč* ‘меч’, **bičak* ‘нож’, **süngü* ‘копье с конусовидной разомкнутой втулкой’, **jä* ‘сложносоставной лук’, **balto* ‘палица, молот’, **Keš* ‘колчан’, **ič* ‘наконечник стрелы’, **jariq* ‘доспехи’, **Kuňak* ‘нагрудный панцирь’, **küpe* ‘? латы’.

Для всех предметов, которые найдены в погребениях, реконструированы ОТю названия. Для некоторых названий оружия, которые реконструируются для ОТю, не найдены соответствующие предметы: **kerki* ‘тесло, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорщища’, **Kirił / *kiril* ‘тетива’, **ok* ‘стрела’.

Тесло, предположительно, у носителей общетюркского языка не принадлежало к комплексу вооружения, и поэтому оно отсутствует в погребальных комплексах. Тетива, древко стрелы, ножны изготавливались из материалов, которые плохо сохраняются: растительных или животных волокон, дерева, соответственно.

Таким образом, данные лингвистической реконструкции показывают, как изменяется комплекс вооружения от ПТю к ОТю языку: появляются новые названия — **jariq* ‘общее наименование защитных доспехов’, **Kuňak* ‘чешуйчатый панцирь’, **küpe* ‘кольчуга’, название тяжелого вооружения **balto* ‘топор, палица’, **Keš* ‘колчан’. Это полностью соответствует и археологическим находкам.

Дальнейшее развитие тюркского комплекса вооружения (при Первом Тюркском каганате и у средневековых тюркских этносов) с точки зрения археологии подробно описано в монографиях [Худяков 1995, 1997]. В диссертации [Лосева-Бахтиярова 2005] собран полный корпус лексем, описывающих инновационные виды вооружения в отдельных тюркских языках. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на их описании в настоящей статье, а представим лексические инновации в отдельных семьях вместе с реконструкциями, предложенными выше, в сводной таблице.

Данные по археологии	ПТю	ОТю	Сибирские языки	Огузские языки	Кыпчакские языки	Карлукские языки
Меч Ордос: + Алтай: +	<i>*Kiliñč</i>	<i>*Kiliñč</i>	<i>*Kiliñč</i> тув. <i>selebe</i> < монг.	<i>*Kiliñč</i> турк. <i>zülükär</i> < араб. тур. <i>šimšir</i> , турк. <i>šemšir</i> < араб.	<i>*Kiliñč</i> таг. <i>zölfekar</i> ; башк. <i>zölfäkär</i> ; каз. <i>zulpiqar</i> < араб. каз., кирг. <i>selebe</i> ²⁴ < монг. башк. <i>säjäf</i> < араб. каз., ккалп. <i>semser</i> < араб.	<i>*Kiliñč</i> узб. <i>zulfiqor</i> < араб. узб. <i>šamšir</i> , уйг. <i>šämšär</i> < араб.

²⁴ В статье [Stachowski 2004] рассматривается происхождение названия сабли, и, в частности, предлагается гипотеза, что кыпчакские формы были заимствованы из тунгусо-маньчжурских языков (ср. эвенк. *sälämä* ‘железный, меч’), которые явились источником и монгольских форм *sel(e)me ~ selem(e)*. Нам все же представляется, что для кыпчакских форм монгольский источник является более вероятным в связи с тесными контактами носителей этих языков между собой.

Данные по археологии	ПТю	ОТю	Сибирские языки	Огузские языки	Кыпчакские языки	Карлукские языки
Ножны Ордос: + Алтай: –	<i>*kiin</i>	<i>*kiin</i>	<i>*kiin</i>	<i>*kiin</i>	<i>*kiin</i>	<i>*kiin</i>
Кинжал, нож Ордос: + Алтай: +		<i>*bičak</i>	<i>*bičak</i> хак., тув. <i>kinžal</i> < рус.	<i>*bičak</i> <i>*kanžar</i> < перс. <i>*kama</i> < перс.	<i>*bičak</i> <i>*kanžar</i> < перс. <i>*kama</i> < перс.	<i>*bičak</i> <i>*kanžar</i> < перс.
Топор, тесло Ордос: — Алтай: –		<i>*balto</i> <i>*kerki</i>	<i>*balto</i> <i>*kerki</i> тув., тоф. <i>süge</i> < монг.	<i>*balto</i> <i>*kerki</i>	<i>*balto</i> каз. <i>šot</i>	<i>*balto</i> <i>*kerki</i>
Копье Ордос: + Алтай: +	<i>*süngü</i>	<i>*süngü</i>	хак., тув. <i>čida</i> < монг.	<i>*süngü</i> чаг. <i>žida</i> , турк. <i>žida</i> < монг. <i>*najza</i> < перс.	<i>*süngü</i> кум., кбалк. <i>korjo</i> < рус. <i>*najza</i> < перс.	<i>*süngü</i> <i>*najza</i> < перс.
Лук Ордос: + Алтай: +	<i>*jā</i>	<i>*jā</i>	<i>*jā</i>	<i>*jā</i> <i>*kamān</i> < перс.	<i>*jā</i>	<i>*jā</i>
Тетива Ордос: – Алтай: –	<i>*Kirił / *kirił</i>	<i>*Kiriš / *kiriš</i>	<i>*Kiriš / *kiriš</i>	<i>*Kiriš / *kiriš</i>	<i>*Kiriš / *kiriš</i>	<i>*Kiriš / *kiriš</i>
Стрела Ордос: + Алтай: –	<i>*ok</i>	<i>*ok</i>	<i>*ok</i>	<i>*ok</i> <i>*tir</i> < перс.	<i>*ok</i> <i>*žebe</i> < монг.	<i>*ok</i> <i>*tir</i> < перс.
Щит Ордос: – Алтай: –				<i>*qalqan</i> тур. <i>siper</i> < перс.	<i>*qalqan</i>	<i>*qalqan</i> уйг. <i>sipār</i> , узб. <i>sipar</i> < перс.
Палица Ордос: – Алтай: +		<i>*balto</i>	<i>*balto</i> <i>*soj-</i>	<i>*balto</i> <i>*čoqmar</i> <i>*kürzi</i> < Ир. <i>*topuz</i> < перс.	<i>*balto</i> <i>*kesken</i> <i>*čoqmar</i> <i>*kürzi</i> < Ир. <i>*küsäk</i> <i>*soj-</i> <i>*keltek</i>	<i>*balto</i> <i>*čoqmar</i> <i>*kürzi</i> < Ир. <i>*soj-</i> <i>*kaltak</i>
Колчан Ордос: – Алтай: +		<i>*Keš</i>	<i>*Keš</i> <i>*Kurug-luk</i> <i>*sayadaq</i> < монг.	<i>*sayadaq</i> < монг.	<i>*Keš</i> <i>*sayadaq</i> < монг.	<i>*Keš</i> <i>*Kurug-luk</i> <i>*sayadaq</i> < монг.
Наконечники стрел Ордос: – Алтай: +		<i>*üč</i>	<i>*sokom/n</i> <i>*üč</i> <i>*baš-</i>	<i>*üč</i> <i>*temren</i>	<i>*üč</i> <i>*baš-</i>	<i>*üč</i> <i>*baš-</i>
Праща Ордос: – Алтай: –			<i>*salma</i>	<i>*sap-gan</i>	<i>*salma</i> <i>*sap-gan</i>	<i>*salḡu</i>

Данные по археологии	ПТю	ОТю	Сибирские языки	Огузские языки	Кыпчакские языки	Карлукские языки
Панцирь Ордос: – Алтай: +		* <i>Kuñak</i>	* <i>Kuñak</i>	* <i>savut</i>	* <i>Kuñak</i> * <i>savut</i> каз. <i>kireuke</i> < монг. башк., каз. <i>badana</i> < перс.	* <i>savut</i>
Латы, кольчуга Ордос: – Алтай: +		* <i>küre</i>	* <i>küre</i>	* <i>küre</i>	* <i>küre</i> каз. <i>šarajna</i> , башк. <i>harajta</i> < перс.	* <i>küre</i>
Шлем Ордос: – Алтай: –			* <i>dabulya</i> < монг.	* <i>dabulya</i> < монг.	* <i>dabulya</i> < монг. * <i>šlem</i> < рус.	* <i>dabulya</i> < монг.
Молот Ордос: – Алтай: –			* <i>basu-</i> * <i>boŋ</i>	* <i>čEküč</i> * <i>basu-</i> * <i>bAlka</i>	* <i>čEküč</i> * <i>bAlka</i>	* <i>čEküč</i> * <i>bAlka</i>

Как можно видеть из этого краткого анализа появления инновационных названий, большинство из них — заимствования из 1) персидского, 2) монгольского, 3) арабского и 4) русского языков.

Однако в ряде случаев мы имеем дело со словами, источник заимствования которых неясен, или они имеют алтайскую этимологию, то есть не являются заимствованиями. На общетюркском уровне слово, вероятно, просто не обозначало вид вооружения, а затем произошло изменение значения. Именно эти случаи нам бы и хотелось рассмотреть несколько подробнее. Понятно, что когда речь идет о заимствованиях, то время их распространения приблизительно известно (II тыс. н. э.). Анализ же совместного изменения значения, затронувший несколько семей, может быть важен при изучении инноваций в комплексе вооружения отдельных этносов.

Наибольшее количество совместных инноваций произошло в группе «огузы-кыпчаки-карлуки»:

1) *bAlka ‘молоток’ — тат. *balya*; тур. *balga* ‘молот’; балк. *balqa*; башк. *balqa*; ккалп. *balqa*; каз. *balqa*; уйг. *balqa* [VEWT: 61; ЭСТЯ 1978: 57—58];

2) *sap-gan ‘праща’ — тур. *sapan* ‘рогатка’; аз. *sapan* ‘рогатка’; турк. *sapan* ‘праща’; тат. устар., уйг. *sapkan*; башк. *šarqan*; ккалп. *sarqan*; кум. *sarpan*; каз. *saqpan* ‘длинный ремень у пастуха’ [ЭСТЯ 2003: 198; Лосева-Бахтиярова 2005: 247];

3) *sobut ‘панцирь’ — чаг. *savut*; турк. *sovut*; узб. *sovut* ‘кольчуга, панцирь’; уйг. *savut*; каз., ккалп. *sayut*; кирг. *sōt* панцирь; ног. *sabit*; кбалк. *saūt*; тат. *savīt* ‘панцирь, кольчуга, латы’; башк. *hawīt* [Лосева-Бахтиярова 2005: 291].

Это доказывает, что после отщепления северо-восточных языков этнос «огузы-кыпчаки-карлуки» имел какое-то, возможно, весьма продолжительное время (судя по совокупности инноваций) совместный комплекс вооружения. Другие группы языков («огузы-карлуки», «огузы-кыпчаки» и т. д.) практически не имеют совместных инноваций.

Интересно также отметить, что в северо-восточных языках (в отличие от всех остальных тюркских языков) присутствует минимальное количество заимствований в названиях оружия. Возможно, это говорит о том, что этот этнос не испытывал серьезного влияния извне на создание своего комплекса вооружения. Наоборот, в огузских, кыпчакских и карлукских языках присутствует весьма значительное количество заимствований (особенно из иранских языков).

Сокращения

аз. — азербайджанский

алт. — алтайский

лебед. — лебединский диалект

араб. — арабский

балк. — балкарский

башк. — башкирский

булг. — болгарский

гаг. — гагаузский

диал. — диалектное

долг. — долганский	ойрат. — ойратский	тув. — тувинский
др.-кирг. — древнекиргизский	ОТю — общетюркский	тодж. — тоджинский
др.-уйг. — древнеуйгурский	ПА — праалтайский	тур. — турецкий
др.-чув. — древнечувашский	перс. — персидский	туркм. — туркменский
др.-тюрк. — древнетюркский	ПЕн. — праенисейский	узб. — узбекский
ир. — иранские	польск. — польский	хорезм. — хорезмский
каз. — казахский	прачув. — прачувашский	уйг. — уйгурский
калм. — калмыцкий	ПСлав — праславянский	устар. — устаревшее
кар. — караимский	ПТю — пратюркский	хак. — хакасский
кбалк. — карачаево-балкарский	рун. орх. — рунический орхонский	абакан. — абаканский диалект
кирг. — киргизский	рус. — русский	саг. — сагайский диалект
ккалп. — каракалпакский	сал. — саларский	хал. — халаджский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский	ср.-кыпч. — среднекыпчакский	хорезм. — хорезмский
кум. — кумыкский	ср.-тюрк. — среднетюркский	чаг. — чагатайский
куман. — куманский	ст.-кыпч. — старокыпчакский	чув. — чувашский
ст.-кыпч. — старо-кыпчакский	ст.-огуз. — старо-огузский	шор. — шорский
ст.-осм. — старо-османский	ст.-осман. — старо-османский	в.-конд. — верхне-кондомский
ман. — манихейский	сюг. — сарыг-югурский	н.-конд. — нижне-кондомский
монг. — монгольский	таг. — татарский	эвенк. — эвенкийский
ног. — ногайский	тел. — телеутский	як. — якутский
	тоф. — тофаларский	

Л и т е р а т у р а

Абдуллаев 1961 — *Абдуллаев Ф.* Хоразм Шевалари. Ташкент, 1961. {Abdullaev 1961 — *Abdullaev F.* Xorazm Ševalari. Taškent, 1961.}

Акишев 1981 — *Акишев А. К.* Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 54—64. {Akišev 1981 — *Akišev A. K.* Kost'um “zologoto čeloveka” i problema katafraktarija // Voennoe delo drevnix plemen Sibiri i Central'noj Azii. Novosibirsk, 1981. S. 54—64.}

Алкин 2007 — *Алкин С. В.* Коллекция из кургана Бома в Северном Притяньшанье: Материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007. С. 91—100. {Alkin 2007 — *Alkin S. V.* Kollekcija iz kurgana Boma v Severnom Prit'an'shan'e: Materialy k izučeniju gunno-sarmatskogo vremeni v Vostočnom Turkestane // Altae-Sajanskaja gornaja strana i sosednie territorii v drevnosti. Novosibirsk, 2007. S. 91—100.}

Амансарыев 1970 — *Амансарыев Дж.* Туркменская диалектология. Ашхабад, 1970. {Amanсарыев Dž. Turkmenskaja dialektologija. Ašxabad, 1970.}

Ашм. — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Казань; Чебоксары, 1928—1950. {Ašm. — *Ašmarin N. I.* Slovar' čuvaškogo jazyka. T. 1—17. Kazan'; Čeboksary, 1928—1950.}

Багаутдинов 2001 — *Багаутдинов Т. Н.* Традиционная военная лексика башкирского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. {Bagautdinov 2001 — *Bagautdinov T. N.* Tradicionnaja voennaja leksika baškirkogo jazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2001.}

Багышов 1990 — *Багышов Д. Г.* Военная терминология азербайджанского языка. Баку, 1990. {Bagyšov 1990 — *Bagyšov D. G.* Voennaja terminologija azerbajdžanskogo jazyka. Baku, 1990.}

Байжанов 1991 — *Байжанов Т.* Военная лексика в казахском языке. Алма-Ата, 1991. {Bajžanov 1991 — *Bajžanov T.* Voennaja leksika v kazaxskom jazyke. Alma-Ata, 1991.}

Бичелдей 2001 — *Бичелдей К. А.* Фарингализация в тувинском языке. М., 2001. {Bičeldej 2001 — *Bičeldej K. A.* Faringalizacija v tuvinskom jazyke. M., 2001.}

БСЭ — Большая советская энциклопедия / Гл. ред. *Прохоров А. М.* М., 1969—1978. {BSE — Bol'saja sovetskaja enciklopedija / Gl. red. *Prochorov A. M.* M., 1969—1978.}

Вербицкий 2006 — *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 2006. {Verbickij 2006 — *Verbickij V. I.* Slovar' altajskogo i aladagskogo narečij t'urkskogo jazyka. Kazan', 2006.}

Вл.-Поп. 1924 — *Владимирцов Б. Я., Понне Н. Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН-В, апрель-июнь. 1924, 4. С. 34—35. {Vl.-Pop. 1924 — *Vladimircov B. Ja., Poppe N. N.* Iz oblasti vokalizma mongolo-tureckogo prajazyka // DAN-V, aprel'-ijun'. 1924, 4. S. 34—35.}

Гараджаев 1985 — *Гараджаев Ч.* Военная лексика в туркменском языке. Ашхабад, 1985. {Garadžaev 1985 — *Garadžaev Č.* Voennaja leksika v turkmenskom jazyke. Ašxabad, 1985.}

Деревянко, Молодин, Савинов 1994 — Гунно-Сарматское время // Древние культуры Бертегской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Ред. Деревянко А. П., Молодин В. И., Савинов Д. Г. Новосибирск, 1994. С. 144—146. {Derev'anko, Molodin, Savinov 1994 — Gunno-Sarmatskoe vrem'a // Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny (Gornyj Altaj, ploskogor'e Ukok) / Red. Derev'anko A. P., Molodin V. I., Savinov D. G. Novosibirsk, 1994. S. 144—146.}

Дмитриев 1962 — Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. {Dmitriev 1962 — Dmitriev N. K. Stroj t'urkskix jazykov. M., 1962.}

ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969. {DTS — Drevnet'urkskij slovar' / Red. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M. L., 1969.}

Дыбо 1996 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. {Dybo 1996 — Dybo A. V. Semantičeskaja rekonstrukcija v altajskoj etimologii: Somatičeskie terminy (plečevoj pojas). M., 1996.}

Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. М., 2007. {Dybo 2007 — Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urok: Leksičeskij fond. M., 2007.}

Егоров 1964 — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. {Egorov 1964 — Egorov V. G. Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Čeboksary, 1964.}

ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. {IRLTJa — Istoričeskoe razvitie leksiki t'urkskix jazykov. M., 1961.}

Ковалёв 1999 — Ковалёв А. А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V—III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75—82. {Koval'ov 1999 — Koval'ov A. A. O sv'az'ax naselenija Sajano-Altaja i Ordosa v V—III vekax do n. e. // Itogi izučeniya skifskoj epoxi Altaja i sopredel'nyx territorij. Barnaul, 1999. S. 75—82.}

Ковалёв 2002 — Ковалёв А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 150—194. {Koval'ov 2002 — Koval'ov A. A. Proisxoždenie xunnu soglasno dannym istorii i arxeologii // Evropa — Azija: Problemy etnokul'turnyx kontaktov. SPb., 2002. S. 150—194.}

Лосева-Бахтиярова 2005 — Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков: Названия вооружения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. {Loseva-Baxtijarova 2005 — Loseva-Baxtijarova T. V. Voennaja leksika t'urkskix jazykov: Nazvanija vooruženija. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.}

МК — Словарь Махмуда Кашгарского (см. [ДТС; EDT]). {MK — Slovar' Maxmuda Kašgarskogo (sm. [DTS; EDT]).}

Муниев 1977 — Калмыцко-русский словарь / Ред. Муниев Б. Д. М., 1977. {Muniev 1977 — Kalmycko-russkij slovar' / Red. Muniev B. D. M., 1977.}

Норманская 2005 — Норманская Ю. В. Генезис и реконструкция системы цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. {Normanskaja 2005 — Normanskaja Ju. V. Genezis i rekonstrukcija sistemy cvetooboznačenij v drevnix indoevropijskix jazykax. M., 2005.}

Норманская, Дыбо 2010 — Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тезаурус: Лексика природного окружения. М., 2010. {Normanskaja, Dybo 2010 — Normanskaja Ju. V., Dybo A. V. Tezaurus: Leksika prirodnogo okruženija. M., 2010.}

Р — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899—1911. {R — Radlov" V. V. Opyt" slovar'a t'urkskix" narėčij: V 4-x tomah. SPb., 1899—1911.}

Рас. Фил — Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {Ras. Fil — Rassadin V. I. Fonetika i leksika tofalarskogo jazyka. Ulan-Ude, 1971.}

Руденко 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и новоинулинские курганы. М.—Л., 1962. {Rudenko 1962 — Rudenko S. I. Kul'tura xunnov i novoinulinskie kurgany. M.—L., 1962.}

Рясянен 1949 — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1949. {R'as'anen 1949 — R'as'anen M. Materialy po istoričeskoj fonetike t'urkskix jazykov. M., 1949.}

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Ред. Тенишев Э. Р. Ì., 1997. {SIGTJa 1997 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Red. Tenišev E. R. M., 1997.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. Тенишев Э. Р. Ì., 2002. {SIGTJa 2002 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Red. Tenišev E. R. M., 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {SIGTJa 2006 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Red. Tenišev E. R., Dybo A. V. M., 2006.}

Тетерин 1991 — Тетерин Ю. В. Могильник Дялян — новый памятник пратюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 155—157. {Teterin 1991 — Teterin Ju. V. Mogil'nik D'al'an — novyj pam'atnik predt'urkskogo vremeni Gornogo Altaja // Problemy xronologii i periodizacii arxeologičeskix pam'atnikov Južnoj Sibiri: Tezisy dokladov Vsesojuznoj naučnoj konferencii. Barnaul, 1991. S. 155—157.}

Тишкин 2006 — *Тишкин А. А.* Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). Автореферат дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. {Tiškin 2006 — *Tiškin A. A.* Altaj v epochu pozdnej drevnosti, rannego i razvitogo srednevekov'ja (kul'turno-xronologičeskie koncepcii i etnokul'turnaja istorija). Avtoreferat dis. ... dokt. ist. nauk. Barnaul, 2006.}

Тувинско-русский словарь 1968 — Тувинско-русский словарь / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1968. {Tuvinsko-russkij slovar' 1968 — *Tuvinsko-russkij slovar'* / Red. *Tenišev E. R. M.*, 1968.}

Фасмер 1964—1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973. {Fasmer 1964—1973 — *Fasmer M.* Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka. T. 1—4. M., 1964—1973.}

Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {Fedotov 1996 — *Fedotov M. R.* Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. T. 1—2. Čeboksary, 1996.}

Худяков 1995 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. {Xud'akov 1995 — *Xud'akov Ju. S.* Vooruženie srednevekovyx kočevnikov Južnoj Sibiri i Central'noj Azii. Novosibirsk, 1995.}

Худяков 1997 — *Худяков Ю. С.* Вооружение Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск, 1997. {Xud'akov 1997 — *Xud'akov Ju. S.* Vooruženie Južnoj Sibiri i Central'noj Azii v epochu razvitogo Srednevekov'ja. Novosibirsk, 1997.}

Эбель 1998 — *Эбель А. В.* Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Дис. ... канд. истор. наук. Барнаул, 1998. {Ebel' 1998 — *Ebel' A. V.* Vooruženie i voennoe delo naselenija Gornogo Altaja v gunno-sarmatskuju epochu. Dis. ... kand. istor. nauk. Barnaul, 1998.}

ЭСТЯ 1974 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1 / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В.*, *Левитская Л. С.* М., 1974. {ESTJa 1974 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov. T. 1 / Avt. sl. st. *Sevort'an E. V.*, *Levitskaja L. S.* M., 1974.}

ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 2 / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В.*, *Левитская Л. С.* М., 1978. {ESTJa 1978 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov. T. 2 / Avt. sl. st. *Sevort'an E. V.*, *Levitskaja L. S.* M., 1978.}

ЭСТЯ 1980 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 3 / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В.*, *Левитская Л. С.* М., 1980. {ESTJa 1980 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov. T. 3 / Avt. sl. st. *Sevort'an E. V.*, *Levitskaja L. S.* M., 1980.}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Ред. *Севортян Э. В.*, *Левитская Л. С.* М., 1989. {ESTJa 1989 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Ž”, “Ž”, “J” / Red. *Sevort'an E. V.*, *Levitskaja L. S.* M., 1989.}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 1997. {ESTJa 1997 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “K”, “K” / Red. *Levitskaja L. S.* M., 1997.}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Қ», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 2000. {ESTJa 2000 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Q”, “Q” / Red. *Levitskaja L. S.* M., 2000.}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 2003. {ESTJa 2003 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “L”, “M”, “N”, “P”, “S” / Red. *Levitskaja L. S.* M., 2003.}

Ягафарова 2003 — *Ягафарова Г. Н.* Военная лексика башкирского языка. Уфа, 2003. {Jagafarova 2003 — *Jagafarova G. N.* Voennaja leksika baškirskogo jazyka. Ufa, 2003.}

ЯЖУ — *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. Алма-Ата, 1957. {JaŽU — *Malov S. E.* Jazyk želtyx ujgurov: Slovar', grammatika. Alma-Ata, 1957.}

АН — *Caferoğlu A.* Abû-Nayyân: Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.

EDAL — An Etymological Dictionary of Altaic Languages / Ed. *Starostin S. A.*, *Dybo A. V.*, *Mudrak O. A.* Leiden, 2003.

EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century TYP. Oxford, 1972.

Erdal 1991 — *Erdal M.* Old Turkic word formation: Functional approach to the lexicon. Wiesbaden, 1991.

Herzfeld 1947 — *Herzfeld E.* Zoroaster and His World // Princeton. 1947. Vol. 1—2. P. 52.

ИМ — 1) *Battal A.* Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 3) *Малов С. Е.* Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. Т. III. Вып. 2. Л., 1928. {ИМ — 1) *Battal A.* Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Melioranskij P. M.* Arab filolog o tureckom jazyke. SPb., 1900. 3) *Malov S. E.* Ibn-Muxanna o tureckom jazyke // ZKV. T. 3. Vyp. 2. L., 1928.}

Menges 1953 — *Menges K. H.* Zwei alt-mesopotamische Lehnwörter im Altajischen // Ural-Altäische Jahrbucher. 1953, 35. S. 299—304.

Pav.C. — *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.

- QB — материал из рукописи «Кутадгу Билиг». {QB — material iz rukopisi “Kutadgu Bilig”.}
- Qutb — *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husrov u Šīrīn Qutba. T. 3. Słownik. Warszawa, 1961.
- Sangl. — *Sanglax.* A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile Text with an Introduction and Indices by sir G. Clauson. L., 1960.
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Geschichte des Jakutischen Vokalimus. Kraków, 1993.
- Stachowski 2004 — *Stachowski M.* The origin of the European word for SABRE // *Studia Etymologica Cracoviensia.* 2004, 9. P. 133—141.
- Stachowski 2005 — *Stachowski M.* Uwagi o zapożyczeniach ałtajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne // *Studia Turcologica Cracoviensia.* 2005, 10. S. 437—454.
- TMN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963 (T. 1); Wiesbaden, 1965 (T. 2); Wiesbaden, 1967 (T. 3).
- U.-Köhalmi 1971 — *U.-Köhalmi K.* Drei alte innerasiatische Benennungen des Waffengürtels // *Studia Turcica.* 17. Budapest, 1971. S. 267—279.
- VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

РЕЗЮМЕ

В статье сделана попытка соотнести материалы, собранные в лингвистических и археологических работах.

В первой части статьи «Пратюркский комплекс вооружения» собраны названия предметов вооружения, которые реконструируются для пратюркского языка (то есть, их рефлексы есть в чувашском языке), и эти названия сопоставлены с археологическими данными о находках вооружения в погребальных комплексах на Ордосе, которые датируются VIII—IV вв. до н. э.

Во второй части работы «Общетюркский комплекс вооружения» собраны названия вооружения, которые сохраняются из пратюркского, и новые слова, которые появляются на общетюркском уровне (то есть их рефлексы не представлены в чувашском языке, но засвидетельствованы в якуто-долганской и/или сибирской группе). Они сопоставляются с находками оружия в гунно-сарматских погребальных комплексах на Саяно-Алтае, которые датируются II в. до н.э. — V в. н.э.

SUMMARY

In this article we attempt to compare the data found in both linguistic and archaeological works on the subject.

In the first part of the article, called “Proto-Turkic weapons complex”, we list the names of different weapons, reconstructed for the proto-Turkic (i.e., their reflexes are found in Chuvash) and compare these names with the archaeological data about the weapons in the burial complexes of Ordos, dated by VIII-IV centuries BC.

In the second part of the work, called “Common Turkic weapons complex”, we have collected the names of the weapons which had been preserved from the proto-Turkic as well as new words which appear only in common Turkic (i.e. their reflexes are not found in Chuvash, but are attested in Yakut-Dolgan and/or Siberian group of languages). These names are compared with the findings of weapons in Hun-Sarmat burial complexes of Sayan-Altai region, dated by II century BC — V century AD.

Ключевые слова: пратюркский язык, лексика, этимология, сравнительно-историческое языкознание, археология, прародина

Keywords: Proto-Turkic language, vocabulary, etymology, comparative linguistics, archaeology, Proto-Turkic homeland

Удмуртская народно-песенная терминология в историческом и культурном контексте традиции

В последние десятилетия в этномузыковедении наметилась устойчивая тенденция глубокого исследования народного тезауруса, связанного с феноменом вокального интонирования [Земцовский 1983; Земцовский 2007; Материалы к «Энциклопедии» 2010; Ромодин 2009 и др.]. Особенности языка народной терминологии отражают восприятие этнофорами смоделированного ими же песенного мира. Народные термины представляют собой матрицу, в которой закодированы архаичные представления народных певцов о музыке и пении, о роли певца, песни / напева в жанровой системе фольклора; термин может скрывать в себе некий идеал звукотворчества исполнителей. Наконец, термины хранят память о былых тесных контактах и культурных связях определенного этноса с другими народами.

В удмуртской фольклористике накоплен опыт по реконструкции понятий, связанных с пением. В частности, проделана работа по этимологизации народных терминов *гур*, *сям*, *күй* / *гүй*, *крэзь*, обозначающих понятие 'напев, мелодия' [Владыкина 1998; Нуриева 1999; Нуриева 2003]. Ученые пришли к выводу о превалирующей роли эмоционально-акустического обрядового кода, отражающего древнее магическое отношение не только к слову, но и к музыке [Владыкина 1998: 46].

Некоторые песенные термины появились в удмуртском языке под влиянием тюркских языков. Наибольшее влияние тюркские языки оказали на южные диалекты удмуртского языка. В частности, термин *күй* / *гүй*, являющийся очевидным поздним татарским заимствованием (< тат. *көй* 'напев'), распространен только среди тех групп удмуртов, которые в настоящее время проживают в Татарстане (завятские удмурты), а также в Башкортостане и на юге Пермского края (закамские удмурты). Определить источник других терминов бывает сложнее.

Например, у завятских удмуртов (в шошминском диалекте) распространен термин *зоут* в значении 'мелодия, напев' [Нуриева 1995: 7]. В свое время, опираясь на работу Э. Ахунзянова, мы предположили русский источник заимствования — *заводить* (заимствовано через татарское посредство); ср. тат. *завут* (*завот*) [Ахунзянов 1968: 237] (ср. коми *заводитны* 'начать, начинать что-либо делать' [Лыткин 1999: 104], то есть 'заводить, начинать песню, напев' [Нуриева 1999: 79]). Однако привлечение большего количества сравнительного материала позволило сделать вывод об ином источнике заимствования.

Во-первых, следует отметить, что этот термин был когда-то превалирующим у всей завятской диаспоры, в том числе и у кукморских удмуртов. В Кукморском районе (д. Нырья) еще лет тридцать назад (1980-е гг.) информанты среднего возраста вспоминали, что «раньше слова *күй* не было, мелодию называли *заот*». Близкую фонетическую форму *заук* (в том же значении) зафиксировал в удаленной от завятских удмуртов бавлинской группе И. В. Тараканов [Тараканов 1993: 58]. Возможно, этот термин был когда-то знаком и удмуртам метрополии. По крайней мере, его фонетическое разнообразие (разночтение) даже в одной локальной группе удмуртов, а также дисперсное распространение на широкой территории свидетельствуют о его достаточно давнем функционировании в этом значении.

На основе современных тюркских языков термин *зоут* / *заот* / *заук* не этимологизируется. Однако, по устному сообщению татарского музыковеда Г. М. Макарова¹, в татарской средневековой литературной поэзии встречается термин *саут*, *соут* в значении 'звук, мелодия'. К устаревшей лексике книжного стиля авторами татарско-русского словаря отнесено и слово *саутия* 'звуковой' (например: *ысулы саутия* 'обучение грамоте методом чтения вслух') [Османов 1966: 471]. Татарское слово является иранским заимствованием (ср. персидское слово *sout* 'звук', которое, в свою очередь, заимствовано из арабского).

Народная песенная терминология может выступать не только как свидетельство исторических языковых контактов, но и как основа для реконструкции семиотических функций пения. Язык народной терминологии, являясь по своей сущности «самосознанием традиции» [Земцовский 2007: 74], отражает восприятие жанрово-стилистических особенностей напевов и поэтических текстов певцами. В этом отношении отдельного исследования заслуживают песенные термины удмуртов, проживающих в северном ареале Удмуртии и в Кировской области.

Особенностью песенно-жанровой системы северных удмуртов и их «соседей» бесермян является разделение ее (по способу подачи песенного текста) на две большие группы. В первую группу входят

¹ Автор приносит глубокую благодарность Геннадию Михайловичу Макарову за предоставленные материалы.

импровизируемые напевы (на «припевные слова») *крэзь*, тексты которых представляют собой последовательность отдельных, не связанных между собой служебных и междометных слов и отдельных осмысленных вставок. Находящиеся на другом конце жанровой системы северных удмуртов и бесермян сюжетные песни *мадь* (ср. *мадьыны* ‘рассказать, загадать загадку’) исполняются на тексты в привычном для современного слушателя понимании. При этом носители традиции на терминологическом уровне четко различают исполнительский процесс: *крэзь* поют, а *мадь* поют-сказывают (*крэзь кырзало, нош мадь мадьыло*).

Подобное жанровое деление представлено и в марийской песенной традиции: «песни без слов исполняются марийцами часто без всякой музыки; они носят название *вияш-муро*, букв.: “прямая песня”, а песни с текстами — *лудыш муро*, букв.: “считальная песня”. Слово *лудаш* в марийском языке имеет два значения: ‘читать’ и ‘считать’ и применено к песне, вероятно, по сходству, ибо как при счете, так и при чтении книги человек произносит слова почти неотрывно одно за другим» [Четкарев 1951: 24—25].

Удмуртский термин *крэзь* распространен на всей территории проживания удмуртов, однако в разных локальных традициях он может обозначать различные явления духовной культуры. Современные южные, центральные и завятские удмурты этим словом обозначают музыкальный инструмент хордофон (типа гуслей). Удмурты, проживающие в Башкортостане, *крэзем* называют струнный щипковый инструмент типа домбры. В отдельных центральных районах Удмуртии под этим термином понимается гармошка или вообще любой музыкальный инструмент. К примеру, в записях венгерского лингвиста Б. Мункачи встречается термин *bunagi-kirez* (современный Завьяловский район), который он переводит как «hártónika» (гармошка) [Munkácsi 1887: 266—267]. Древнейший удмуртский музыкальный инструмент типа варгана, имевший широкое распространение на территории Удмуртии, называется *ымкрэзь* (ср. удм. *ым* ‘рот’). И только северные удмурты и бесермяне соотносят термин *крэзь* с определенным жанром вокального фольклора — бестекстовыми импровизациями, песнями на «припевные слова».

Текстологический анализ *крэзей* был проведен исследовательницей северноудмуртского песенного фольклора М. Г. Ходыревой. На сегодняшний день ей принадлежит наиболее полное определение жанра *крэзь*: «Напевы представляют собой импровизируемые вокализации, исполняемые на отдельные слова, асемантические слоги, междометия и частицы, перемежающиеся иногда со смысловыми лексическими вставками» [Ходырева 1996: 9]. Лексику *крэзей* она развела на три уровня: 1) припевные слова, в которые входят служебные части речи (частицы, междометия, союзы), звукоподражательные и утратившие свое значение слова; 2) глаголы «говорения» (*шуыны, вераны* ‘говорить, сказать’) и 3) отдельные смысловые семантические вставки.

В песенно-жанровой системе северных удмуртов и бесермян встречаются лексические эквиваленты *голос / кырзан* со значением ‘напев’. Первый является заимствованием севернорусского слова *голос* ‘напев’, второй термин, имеющий дисперсное распространение, произведен от термина *крэзь*. Все три термина (*крэзь / голос / кырзан*), обозначающие особое импровизированное пение на слоги и отдельные слова, перемежающиеся лексическими вставками, могут входить как в обрядовую, так и во внеобрядовую сферу. В «обрядовой обстановке» прибавляется уточняющий термин: *сюан крэзь / голос* ‘свадебный напев’, *солдат / рекрут голос* ‘рекрутский напев’ и т. д.

Кроме того, почти в каждой северноудмуртской и бесермянской песенных локальных традициях существует особый *крэзь* или группа *крэзей*, которые пока с трудом поддаются классификации и идентификации. Наиболее общий признак этих напевов — полифункциональность (исполнение в различных обрядовых и внеобрядовых ситуациях) и импровизационность. Они могут не иметь названий, по крайней мере, информанты затруднялись сразу дать четкое определение этим напевам:

(1) Собиратель: *Али кыче крэзь кырзалоды?*

Селиверстова Маргарита Сергеевна: *Обиый, вечеринкаын но можно, шайвылын но можно, сё можно котькытын но.*

Собиратель: *Сое «весьяк крэзь» уд шуиське-а, «общий крэзь» гинэ?*

Селиверстова Маргарита Сергеевна: *Крэзь, просто крэзь.*

Поздеева Вера Васильевна: *Солдат крэзь, сюан крэзь. А та крэзь гинэ шуиськом. «Айда кырзалом», — шуиськом ми, удмуртьёс.*

Собиратель: *А сейчас какой напев споете?*

Селиверстова Маргарита Сергеевна: *Обиый, на вечеринке можно, на кладбище можно, везде можно.*

Собиратель: *Его Вы «весьяк крэзь» не называете, только «общий»?*

Селиверстова Маргарита Сергеевна: *Крэзь, просто крэзь.*

Поздеева Вера Васильевна: *Солдатский крэзь [есть], свадебный крэзь. А этот крэзь только говорим. «Давайте споем», — говорим мы, удмурты [ПМА, Глазовский р-н, 2004 г.].*

(2) Собиратель: *Нош таизэ, последнийзэ, «жэож», «бёрдон крезь» шуиськоды?*

Будина Татьяна Дмитриевна: *Ненокызы но назвать ум кариське. Ачиз подсказывать каре, кычэ кырзан: веселиться каре, веселее крезь кырзаське тани, а горе — тйни сыче маке ватон дыръя, горе но, — само собой знаешь уже, веселой крезь уд кырза. Сё равно горемычнойзэ кырзаське.*

Собиратель: *А этот, последний, «плачевым», «печальным напевом» называете?*

Будина Татьяна Дмитриевна: *Никак мы [его] не называем. Сам подсказывает, какая песня: веселишь-ся, веселее крезь поешь вот, а горе — вот такое во время похорон, горе да, — само собой знаешь уже, веселый напев не поешь. Все равно горемычный поешь [ПМА, Унинский р-н Кировской обл., 2002 г.].*

Однако в потоке речи улавливались, а затем при специальном опросе уточнялись отдельные названия: *озьнэ крезь* 'простой напев' (*озьнэ* < *озьы гинэ* букв. 'так только'), *обшый крезь* 'общий напев', *кõt куректон / курекъяськон крезь* 'горестный, печальный напев', *бесерман крезь* 'бесермянский напев', *удмурт крезь* 'удмуртский напев', *прокодной крезь* 'проходной напев', *веськыт / всяк крезь* 'прямой напев', *зылак крезь* 'напев на припевные слова'.

Небезынтересен факт заменяемости и взаимозаменяемости терминов в северноудмуртской и бесермянской традициях, тогда как она немыслима в южноудмуртской песенной среде. Так, к примеру, *кõt куректон крезь* 'горестный напев' может иметь и другие терминологические эквиваленты: *шайвыл крезь* 'напев на кладбище', *ватон крезь* 'похоронный напев', *жэож крезь* 'грустный напев'; *озьнэ крезь* 'простой напев' может заменяться на *обшый крезь* 'общий' и т. п.

В целом, за некоторым исключением, семантика этих терминов «прозрачна» и легко прочитывается в культурном контексте удмуртской традиции. Так, *удмурт* и *бесерман крезь* 'удмуртский' и 'бесермянский напевы' этнически идентифицируют музыкальный материал в местном полиэтническом пространстве. Названиями *кõt куректон / курекъяськон крезь* 'горестный / печальный напев' подчеркивается определенное эмоциональное содержание пропеваемых импровизаций (обычно сетование на свою горькую долю). В терминах *озьнэ крезь* 'простой напев', *обшый крезь* 'общий напев' акцентируются неприуроченность, свободное положение в жанровой системе, возможность исполнения в любой обстановке, в том числе и обрядовой.

Однако некоторые термины требуют более углубленного исследования. В частности, отдельный интерес вызывает термин *веськыт / всяк крезь* 'прямой напев'. *Веськыт / всяк крезь*, как и вышеприведенные термины, относится к полифункциональным, импровизируемым напевам. С музыковедческой точки зрения семантика термина не выявляется, хотя не исключается и его музыкально-стилевая интерпретация².

«Прямой напев», «прямое пение» в сознании носителей традиции, скорее всего, связаны с особенностями пропеваемого текста, в котором превалирует асемантическая, звуко-символическая лексика, то есть слоги или слова, образующие в целом цепочку нанизывающихся звуков; как объясняют сами информанты, *та голосэн кылъёссэ ватсаса [кырзаськом]* 'на голос (мелодию) слова добавляя [поем]' [ПМА, Юкаменский р-н, 1997 г.]. В текстах отсутствуют специальные стиховые приемы (рифмы, аллитерации), организующие звуковое пространство напевов в поэтическое произведение.

Обратимся к существующим определениям стиха и прозы: стих (*versus*) — «поворот», «возвращение к началу ряда», проза — «речь, которая ведется прямо вперед, без всяких поворотов» [Гаспаров 1989: 7]. Возможно, что удмуртский термин *веськыт / всяк крезь* 'прямой напев' (и марийский *вияш-муро*) отражает народное представление о пропеваемом звуко-символическом тексте как бесконечном (= прямом) ряде не связанных между собой слов, «бесконечность» которого зависит от умения исполнителя импровизировать — подбирать звуки, слоги и слова к основному «ритмическому каркасу» мелодии.

Очевидно, в этом же ряду стоит и другой термин, зафиксированный нами у нижнечепецких удмуртов (Кировская область) — *зылак крезь*. В этой локальной традиции не существует термина *мадь*, и все жанровое многообразие сводится к одному термину *крезь*, поэтому для различения сюжетных песен и импровизируемых напевов местные удмурты употребляют два термина: *крезь*, *вераса крезь* 'напев', 'напев со словами' (букв. 'рассказывая напев') для сюжетных песен и *зылак крезь* для бестекстовых импровизаций. Наречно-образительное слово *зыл* и форма с редупликацией *зыл-зыл* обозначает плавное, ровное движение: *зыл-зыл ветлэ* 'ходит не наклоняясь, не переваливаясь' [Борисов 1991: 109]; *пилемъёс зыл кошко* 'плавно плывут облака' [Вахрушев 1983: 157]. Возможно, что «плавность», «ровность» в пе-

² В частности, показательны сетования закамских удмуртов на сложность пения северноудмуртских *крезей*, в исполнительском стиле которых заложено богато «орнаментированное», украшенное мелизмами пение. «Не могу петь так прямо», — говоря о *крезях*, созналась мне моя студентка-удмуртка из Башкортостана, очевидно, подразумеваемая под словом «прямо» силлабический (слог-нота) стиль пения северных удмуртов.

нии *крэзей* символизирует «текучесть» текста, импровизационное, не оформленное в строгую строфичную форму начало.

Новые экспедиции приносят новый терминологический материал, последняя удача полевых исследований — термин *кӧс голос / крэзь* (букв. ‘сухой напев’), записанный в диалектологической экспедиции в Кезский район [ПМ Л. Л. Карповой, д. Юрук Кезского р-на, 2009 г.]³. На вопрос собирателя, есть ли в традиции «горестные» напевы, исполняющиеся во внеобрядовой обстановке, неожиданно был получен следующий ответ:

(3) Иванова Алевтина Петровна: *Бен, бен, бен. Ми «кӧс голосен кырзан» шуиськомы...*

Собиратель: *Кырзалэ милемлы та «кӧс голосэн кырзан».*

Иванова Алевтина Петровна (поет): *Ой ной, ной, ной, гинэ но, // Ок шуиса, вералом. // Ой, гинэ но, уг ок, уге но. // Ог уг шуи, но...*

Коть кызьы вера. Коть кызьы... Тйнь озь кӧс голосэн нюжнялляськомы... Номыр кыл вератэк, тйнь ук, шуоно на.

Собиратель: *А ку тй кырзаськоды сое?*

Иванова Алевтина Петровна: *Ми котьку сое, жоэ дыръя-а, мар-а... Люкаськыса на кырзальяськом.*

Собиратель: *А малы сое шуиськоды «кӧс голос»?*

Иванова Алевтина Петровна: *Бен, кыльёсыз-а, мар-а, марым өвӧл шуса. «Кӧс голосэн» шуо но...*

Иванова Алевтина Петровна: *Да, да, да... Мы [все такие песни] называем «песня сухим напевом»...*

Собиратель: *Спойте нам эту «песню сухим напевом».*

Иванова Алевтина Петровна (поет): *Ой да, да, да, только да, // Ох, говоря, скажем. // Ой, только да, ведь, ох, ведь, да. // Один, ведь, сказала, да...*

Хоть как говори. Хоть как... Вот так сухим напевом тянем... Никаких слов не говоря, вот ведь, говорить надо.

Собиратель: *А когда вы поете его?*

Иванова Алевтина Петровна: *Мы хоть когда его [поем], когда грустно, что ли... Собравшись да поем.*

Собиратель: *А почему его называете «сухим напевом»?*

Иванова Алевтина Петровна: *Ну, что слов нет, что ли. «Сухим напевом», говорят, да... [ПМ Л. Л. Карповой, Кезский р-н, 2009 г.]*

Кроме своего прямого значения (‘сухой, засушливый; засохший, высохший’) лексема *кӧс* имеет и переносные значения: *кӧс возьыны* ‘соблюдать пост’ (букв. ‘держат сухомятку’), *кӧс бӧрдон* ‘плач, рыдание без слез’ (букв. ‘сухое рыдание’), *кӧс геры улэ гырон* ‘зяблевая вспашка, вспашка под зябь’ (букв. ‘вспашка под сухой плуг’), *кӧс чай* ‘чай без сахара, пустой чай’ (букв. ‘сухой чай’) [Вахрушев 1983: 216—217]. Как свидетельствуют примеры, слово *кӧс* ассоциируется в традиционном сознании с пустотой, незаполненностью, отсутствием необходимого составляющего элемента. Так, русский фразеологизм *прийти с пустыми руками* по-удмуртски будет звучать как *кӧс кийн лыктыны* ‘прийти с сухими руками’. Учитывая, что термин *кӧс голӧс*, обозначающий весь пласт импровизируемых напевов (обрядовых и внеобрядовых), противопоставлен сюжетным песням, можно предположить, что отсутствие связного, «смыслонесущего» текста в песенных импровизациях в традиционном представлении уподобляется неполному («сухому») пению, то есть пению без сюжета, без текста как такового.

Следующий термин *дас кык выртын голӧс* (букв. ‘напев двенадцатью нитченками’), зафиксированный нами также в Кезском районе, относится к определенному, конкретному напеву. В этом же районе мы зафиксировали и другой термин *дас кык вурисен* ‘двенадцатью швами напев’, являющийся, возможно, вариантом первого. К сожалению, исполнительницы не смогли ответить на вопрос, какую функциональную нагрузку несет ‘напев двенадцатью нитченками’, а также с чем связано такое «ткацкое» название. По их воспоминаниям, напев был веселым, но петь его было тяжело [ПМА, Кезский р-н, 2003 г.]

Удмуртский термин *вырт* связан с текстильным делом и обозначает детали в ткацком станке — ремизки, или ниченки (нитченки), благодаря которым выстраивается тканый рисунок в виде вертикальных рубчиков. Чем больше применяется нитченочек, тем сложнее, мельче рисунок, и тем искуснее мастерица. В настоящее время распространено ткачество на двух ремизках; искусством ткачества на четырех нитченках в Удмуртии владеют немногие мастерицы. Рисунок, вытканый на двух нитченках, получается крупный, «читаемый», в отличие от более мелкого, «плывущего», разбегающегося от центра рисунка, сотканного на восьми ремизках. Ткачество на двенадцати ремизках, как пояснили нам профессиональ-

³ Благодарю коллегу лингвиста-диалектолога Людмилу Леонидовну Карпову за любезно предоставленные материалы экспедиции.

ные мастерицы ткацкого дела, в удмуртской традиции считалось наиболее сложным, вершиной профессионального искусства.

Данный термин, зафиксированный нами по отношению к конкретному напеву, является, на наш взгляд, более емким по своему смыслу и может обозначать «ладность», стройность совместного обрядового пения, возможно, особый звуковой эффект при исполнении напева. С другой стороны, выстраивание сложной многоголосной партитуры, сложенное переплетение голосов, возможно, напоминает пельсницам детализированный тканый рисунок или сам процесс ткачества. Подобная «швейно-ткаческая» удмуртская народная терминология не является чем-то уникальным. И. И. Земцовский приводит множество соответствий значений 'петь' и 'ткать' и в других этнических культурах, отмечая их архаичность и широкую распространенность, а также делает важный вывод: «изучение песенных форм как чего-то сделанного, построенного, сложенного, тканного или спряженного (от “прясти”) помогает глубже осознать технику устного творчества и, шире, устного типа мышления и культуры» [Земцовский 2007: 75].

Не исключено, что напев *дас кык выртын голос* мог сопровождать ткачество. По крайней мере, Е. С. Новик на материале сибирского фольклора зафиксировала следующий факт, связанный с исполнением личной песни: «красивый орнамент может получиться только в том случае, если во время его изготовления она поет “свою” песню» [Новик 1999: 234]. Интересную гипотезу американского ученого Энтони Така о связи дизайна узорчатых плетеных ковров с метрической поэзией ряда народов Евразии, выступающей в качестве мнемонического средства приводит в своей статье И. И. Земцовский: ритмическое пение способствует запоминанию и воспроизведению плетеных узоров [Земцовский 2007: 76].

Таким образом, народно-песенная терминология (отдельная область исследования в этномusicологии) может стать наряду с фольклорным фактом не менее информативным источником познания традиционного мышления — «заветной цели всякого этнологического исследования» [Земцовский 2007: 62].

Сокращения

тат. — татарский язык

удм. — удмуртский язык

ПМ — полевые материалы

ПМА — полевые материалы автора

Литература

Ахунзянов 1968 — Ахунзянов Э. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968. {Axunz'anov 1968 — Axunz'anov E. Russkie zaimstvovanija v tatarskom jazyke. Kazan', 1968.}

Борисов 1991 — Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1991. {Borisov 1991 — Borisov T. K. Udmurt kyll'ukam. Iževsk, 1991.}

Вахрушев 1983 — Удмуртско-русский словарь / Ред. Вахрушев В. М. М., 1983. {Vaxrušev 1983 — Udmurtsko-russkij slovar' / Red. Vaxrušev V. M. M., 1983.}

Владыкина 1998 — Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998. {Vladykina 1998 — Vladykina T. G. Udmurtskij fol'klor. Problemy žanrovoj evol'ucii i sistematiki. Iževsk, 1998.}

Гаспаров 1989 — Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. {Gasparov 1989 — Gasparov M. L. Očerik istorii evropejskogo stixa. M., 1989.}

Земцовский 1983 — Земцовский И. И. Песня как исторический феномен // Народная песня. Проблемы изучения. Л., 1983. С. 4—21. {Zemcovskij 1983 — Zemcovskij I. I. Pesn'a kak istoričeskij fenomen // Narodnaja pesn'a. Problemy izučenija. L., 1983. S. 4—21.}

Земцовский 2007 — Земцовский И. И. Метафоры народнопесенной терминологии // Studia Ethnologica. Вып. 4. АБ-60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 61—76. {Zemcovskij 2007 — Zemcovskij I. I. Metaforu narodnopesennoj terminologii // Studia Ethnologica. Vyp. 4. AB-60. Sbornik statej k 60-letiju Bajburina A. K. SPb., 2007. S. 61—76.}

Лыткин 1999 — Краткий этимологический словарь коми языка / Ред. Лыткин В. И. Сыктывкар, 1999. {Lytkin 1999 — Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka / Red. Lytkin V. I. Syktyvkar, 1999.}

Материалы к «Энциклопедии» 2010 — Материалы к «Энциклопедии музыкальных инструментов народов мира». Вып. 3 / Отв. ред. Мацневский И. В. СПб., 2010. {Materialy k “Enciklopedii” 2010 — Materialy k “Enciklopedii muzykal'nyx instrumentov narodov mira”. Vyp. 3 / Otv. red. Macievskij I. V. SPb., 2010.}

Новик 1999 — *Новик Е. С.* Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. М., 1999. С. 217—235. {Novik 1999 — *Novik E. S.* Semiotičeskie funkcii golosa v fol'klora i verovanijax narodov Sibiri // Fol'klor i mifologija Vostoka v sravnitel'no-tipologičeskom osveščeenii. M., 1999. S. 217—235.}

Нуриева 1995 — *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов (Удмуртский фольклор. Вып. 1). Ижевск, 1995. {Nurieva 1995 — *Nurieva I. M.* Pesni zav'atskix udmurtov (Udmurtskij fol'klor. Vyp. 1). Iževsk, 1995.}

Нуриева 1999 — *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. {Nurieva 1999 — *Nurieva I. M.* Muzyka v obr'adovoj kul'ture zav'atskix udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i tradicionnogo myšlenija. Iževsk, 1999.}

Нуриева 2003 — *Нуриева И. М.* Удмуртский крезь: терминологическая загадка // Инструментоведческое наследие Е. В. Гиппиуса и современная наука. Материалы международного инструментоведческого симпозиума, посвященного 100-летию Е. В. Гиппиуса. СПб., 2003. С. 74—76. {Nurieva 2003 — *Nurieva I. M.* Udmurtskij krez': terminologičeskaja zagadka // Instrumentovedčeskoe nasledie E. V. Gippiusa i sovremennaja nauka. Materialy meždunarodnogo instrumentovedčeskogo simpoziuma, posv'aščennogo 100-letiju E. V. Gippiusa. SPb., 2003. S. 74—76.}

Нуриева 2004 — *Нуриева И. М.* Удмуртская традиционная музыка и мифология // Удмуртская мифология. Ижевск, 2004. С. 67—83. {Nurieva 2004 — *Nurieva I. M.* Udmurtskaja tradicionnaja muzyka i mifologija // Udmurtskaja mifologija. Iževsk, 2004. S. 67—83.}

Османов 1966 — Татарско-русский словарь / Ред. *Османов М. М.* М., 1966. {Osmanov 1966 — *Tatarsko-russkij slovar' / Red. Osmanov M. M.* M., 1966.}

Ромодин 2009 — *Ромодин А. В.* Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре. СПб., 2009. {Romodin 2009 — *Romodina A. V.* Čelovek tvor'aščij. Muzykant v tradicionnoj kul'ture. SPb., 2009.}

Тараканов 1993 — *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь). Ижевск, 1993. {Tarakanov 1993 — *Tarakanov I. V.* Udmurtsko-t'urkskie jazykovye vzaimosv'azi (teorija i slovar'). Iževsk, 1993.}

Ходырева 1996 — *Ходырева М. Г.* Песни северных удмуртов (Удмуртский фольклор. Вып. 1). Ижевск, 1996. {Hodyreva 1996 — *Hodyreva M. G.* Pesni severnyx udmurtov (Udmurtskij fol'klor. Vyp. 1). Iževsk, 1996.}

Четкарев 1951 — *Четкарев К. А.* Предисловие // Марий калык муро (Марийские народные песни). М.; Л., 1951. {Četkarev 1951 — *Četkarev K. A.* Predislovie // Marij kalyk muro (Marijskie narodnye pesni). M.; L., 1951.}

Munkácsi 1887 — *Munkácsi B.* Votják Népköltészeti Hagyományok. Budapest, 1887.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию удмуртской песенной терминологии, которая рассматривается как свидетельство исторических языковых контактов и источник для реконструкции семиотических функций пения. Специальный анализ терминов импровизированного пения северных удмуртов, которые были собраны в фольклорных экспедициях в последнее время, обнаружил непосредственную связь языка с формой песенного текста.

SUMMARY

The article is devoted to studying of the Udmurt song terminology, which is regarded as an evidence of historical linguistic contacts and as a source for reconstruction of semiotic functions of singing. The separate analysis of terms of song improvisations of Northern Udmurts, collected during the field work recently, has showed the interconnection between a language and a form of song text.

Ключевые слова: удмуртский язык, лексика, фольклор, музыковедение

Keywords: Udmurt language, vocabulary, folklore, musicology

Местоимения в монгольских и тюркских языках¹

Хотя вопрос о местоимениях в монгольских языках на первый взгляд кажется решенным, и у некоторых современных монголоведов не вызывает сомнения ни их статус, ни их состав, при ближайшем рассмотрении дело обстоит не так просто. В чем, по нашему мнению, заключается сложность и нерешенность этой проблемы?

Обратимся к фактам, но вначале рассмотрим, как трактуется местоимение, например, в бурятоведении — в академической «Грамматике бурятского языка» [Грамматика бурятского языка 1962: 137—153] (автор раздела — Ц. Б. Цыдендамбаев). Интересно приведенное там общее определение местоимения в бурятском языке: «Местоимения представляют собой именные слова, при помощи которых говорящий либо различным образом указывает, либо спрашивает о лицах и предметах, об их признаках и количестве. Следовательно, они могут быть названы указательными и вопросительными именными словами» [Грамматика бурятского языка 1962: 137]. Далее там же: «По значению местоимения в бурятском языке делятся на личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные и выделительные» [Там же: 137].

В то же время Ц. Б. Цыдендамбаев считает, что, «помимо доминирующего указательного значения, местоимения содержат также предметное, качественное и количественное значения. При этом местоимения с предметным значением соотносительны с именными существительными. Таковы все личные местоимения, указательные местоимения множественного числа, вопросительные местоимения *хэн* 'кто', *юун* 'что', неопределенные местоимения *хэн нэгэн* 'кто-либо', 'кто-нибудь', 'кто-то' и *юу хээн* 'кое-что', обобщительные местоимения со значением множества, выделительные местоимения множественного числа. Все они изменяются по падежам, в форме именительного падежа служат подлежащими, в родительном падеже — преимущественно определениями, а в прочих — дополнениями.

Местоимения с качественным значением соотносительны с именами прилагательными. К ним можно отнести указательные местоимения *энэ* 'этот', *тэрэ* 'тот', *шимэ* 'этакий', 'такой', *тиимэ* 'такой', возвратно-указательное местоимение, вопросительные местоимения *ямар* 'какой', *хэр* 'какой', 'каков', *али* 'какой', 'который (из них)', неопределенные местоимения *ямар нэгэн* 'какой-то', 'какой-нибудь', *али нэгэн* 'который-нибудь', 'какой-нибудь (из них)' и *алибаа* 'какой-нибудь', 'какой-либо', 'какой угодно', обобщительные местоимения со значением единичности, выделительные местоимения единственного числа. Эти местоимения при обычном своем употреблении в составе определительных словосочетаний не принимают падежных окончаний, но многие из них, субстантивируясь и приобретая относительную самостоятельность, могут склоняться. Они, как правило, в предложении функционируют в качестве определений, реже — обстоятельств, но, приняв частицы притяжения или падежные окончания, могут быть любыми членами предложения.

Местоимения с количественным значением в известной мере соотносительны с именами числительными. Указательные местоимения *эды* 'столько' и *тэды* 'столько', вопросительное *хэды* 'сколько' и неопределенное местоимение *хэдэн*, *хэды* 'несколько', как и числительные, в предложении обычно бывают определениями, реже — обстоятельствами.

Соотносительность местоимений с другими именными частями речи не означает их тождественности этим частям речи: местоимения как бы расположены параллельно прочим именным категориям слов, синонимичны им, но они не вливаются в эти категории и довольно часто дают специфические, присущие лишь им отклонения от морфологических и синтаксических черт, которыми наделены соответствующие имена. К тому же, своеобразная указательная семантика местоимений превалирует над их предметным, качественным и количественным значениями и четко обособляет местоимения от всех остальных имен» [Грамматика бурятского языка 1962: 151—153].

Эта схема неадекватно отражает реально существующую в бурятском, как и во всех остальных монгольских языках, систему местоимений — особую группу заместительных слов (в частности, слов с дейктической функцией), параллельную системе назывных частей речи и полностью отражающую (дублирующую) ее. Кроме того, эти слова замещают абсолютно все знаменательные части речи: существительные, прилагательные, числительные, наречия и глаголы, а не только имена, как сказано в [Грамматика бурятского языка 1962: 151—153].

¹ * Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №-10-04-00496а.

Точки зрения Ц. Б. Цыдендамбаева на природу и статус бурятских местоимений придерживался и Д. Д. Амоголонов, считавший, что «местоимение — это знаменательная именная часть речи, обозначающая указание на лицо или предмет вместо их названия. Этой своей особенностью местоимение противопоставляется другим частям речи и в предложении выполняет замещающую другие части речи роль» [Амоголонов 1958: 175]. Следуя за Ц. Б. Цыдендамбаевым, Д. Д. Амоголонов выделяет в составе бурятских местоимений те же разряды: «личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные и выделительные» [Амоголонов 1958: 175]. Эти разряды он распределяет по двум группам следующим образом: назвав первую группу «местоимениями субстантивного характера» (замещающими имена существительные и выступающими в их роли в предложении), он включил в ее состав личные, вопросительные и обобщительные местоимения; вторую группу, названную им «местоимениями определительного характера» (замещающими имена прилагательные и выполняющими их функции в предложении), составляют, по его мнению, указательные, неопределенные и выделительные местоимения [Амоголонов 1958: 175].

Однако схема, предложенная Д. Д. Амоголоновым, выглядит стройной лишь в глазах ее создателя. При внимательном рассмотрении становится очевидным, что не все продумано до конца: так, в ней не упомянуты возвратно-указательные местоимения; указательные, вопросительные и неопределенные на самом деле соотносятся не только с существительными и прилагательными, но и с числительными и наречиями, а также с глаголами.

Трактовка местоимений как именных слов является давней традицией в монголоведении: так, она представлена в «Грамматике монгольского языка» Александра Бобровникова [Бобровников 1835], «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» Алексея Бобровникова [Бобровников 1849] и «Грамматике монголо-бурятского разговорного языка» А. Орлова [Орлов 1878]. Как имена рассматривал местоимения также Н. Н. Поппе: «Местоимения являются в некоторых отношениях такими же именами, как всякие иные...» [Поппе 1938: 106, § 98, g]. Б. Х. Тодаева в своих работах [Тодаева 1951, 1973, 1985, 1986] хотя прямо и не говорит о соотношении местоимений с именными частями речи, а дает лишь разряды местоимений по их значениям, однако рассматривает их сразу после существительных и прилагательных и ведет речь только о склонении местоимений.

Несколько иначе, более своеобразно, трактовал местоимения Г. Д. Санжеев, что мы видим уже в его «Грамматике бурят-монгольского языка» [Санжеев 1941], в которой он разделял бурятские местоимения на: 1) личные — *би* ‘я’, *ии* ‘ты’, *та* ‘вы’, *бидэ* ‘мы’, *эдэ* ‘они (эти)’, *тэдэ* ‘они (те)»; 2) указательные — *энэ* ‘этот’, *тэрэ* ‘тот’, *иимэ* ‘такой (как этот)’, *тиимэ* ‘такой (как тот)’, *мүнөөхи* ‘этот самый’, *үнөөхи* ‘тот самый’, *ондоо* ‘иной’, *адали* ‘похожий’, *туд* ‘данный’, *өөрэ* ‘другой’, *алибаа* ‘всякий’, *зарим* ‘некоторый»; 3) вопросительные — *хэн* ‘кто’, *хэд* ‘кто (о многих)’, *юун* ‘что’, *юунууд* ‘что (о многих)’, *хэр* ‘как’, *ямар* ‘какой’, *али* ‘который’, *хэды* ‘сколько’, *хаана* ‘где’, ‘куда’, *хэзээ* ‘когда»; 4) наречные — *иишэ* ‘сюда’, *тиишэ* ‘туда’, *хуу* ‘все’, *эндэ* ‘здесь’, *тэндэ* ‘там’, *хамаг* ‘все»; 5) глагольные — *иихэ* ‘сделать этак’, *тиихэ* ‘сделать так’, *яаха* ‘как быть’, ‘что делать’.

При этом Г. Д. Санжеев поясняет: «Особенностью бурят-монгольских местоимений является то, что к ним относятся еще три глагола. (...) Вот почему в монгольском языке для всей этой группы слов, по необходимости полностью трактуемых нами как местоимения, употребляется термин “*töliügen-ü üge* — замещающие слова” (а не “имя”). (...) Местоимения могут быть распределены по другим частям речи: личные — отнесены к предметным именам, указательные — к качественным именам, наречные — к наречиям, глагольные — к глаголам; что же касается вопросительных местоимений, то они распадаются на предметные (*хэн*), качественные (*ямар*), наречия (*хаана*) и т. п.» [Санжеев 1941: 50].

«В соответствии с изложенным полное склонение имеют личные, указательные и часть вопросительных местоимений; неполное, частичное склонение имеют наречные и часть вопросительных местоимений, — иными словами, первые склоняются по всем падежам, тогда как вторые — лишь по некоторым. Что же касается глагольных “местоимений”, то они спрягаются по всем глагольным формам, но от них практически не образуются отглагольные имена. Таким образом, оказывается, что местоимения отнесены не только к категориям имени: они одинаково относятся и к именам, и к глаголам» [Санжеев 1941: 51].

Таким образом, Г. Д. Санжеев в данной своей работе давал по существу реальную по содержанию и функции оценку бурятских местоимений, допуская разряды наречных и глагольных местоимений. В то же время его классификация местоимений лишена логической основы и непоследовательна. Выделив наречные и глагольные местоимения, он сделал большой шаг вперед, но запутал все, поставив эти местоимения в своей классификации «на одну доску» с личными, указательными и вопросительными, поскольку как в наречных, так и в глагольных местоимениях тоже выделяются вопросительные и указательные.

Не внес ясности Г. Д. Санжеев в классификацию местоимений и в своих последующих трудах, описывающих грамматическую систему монгольских языков. Так, в работе «Современный монгольский язык» [Санжеев 1959: 52—53] он дает аналогичную схему монгольских местоимений: 1) личные; 2) указательные; 3) возвратные; 4) вопросительные; 5) глагольные. При этом в глагольные он включает и вопросительное *яа-* ‘как делать’, ‘как быть’, что говорит об отсутствии в работе единого логического основания для деления местоимений на разряды.

Однако в этой классификации уже отсутствуют наречные местоимения, хотя введены возвратные. Если в «Грамматике бурятского языка» [Санжеев 1941] он выделял местоимения в самостоятельную часть речи, то в данной работе он относит их к именным частям речи. Об этом он говорит буквально следующее: «Изменяемые части речи делятся, в свою очередь, на склоняемые, или именные (имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные), и спрягаемые (глаголы) [Санжеев 1959: 45]. А это уже можно считать шагом назад.

В другой своей работе, «Старописьменный монгольский язык», он заявляет: «В старописьменном монгольском языке все именные части речи — имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные — в основном обладают теми же лексико-семасиологическими и грамматическими свойствами, что и в современном монгольском языке» [Санжеев 1964: 58]. Поэтому и здесь он рассматривает местоимения в составе именных частей речи и дает классификацию разрядов, включающую личные, указательные, вопросительные, возвратные и глагольные местоимения.

Похожую классификацию местоимений выдвигает и З. К. Касьяненко, которая в своей работе [Касьяненко 1968: 56—57] приводит следующие разряды: 1) личные; 2) указательные; 3) вопросительные; 4) неопределенные; 5) глаголы-заместители.

Несколько иные, но близкие друг к другу классификации местоимений как самостоятельной части речи находим в грамматиках современного монгольского [Орчин цагийн монгол хэл зүй 1966: 199—212] и калмыцкого [Грамматика калмыцкого языка 1983: 161—175; Харчевникова, Убушаев 2006: 150—180] языков. Калмыковеды при этом следуют российской традиции, называя местоимения «заместительными именами» (*орлгч нерн*), тогда как монгольские языковеды, как принято в монгольской традиции, используют термин «заместительное слово» (*төлөөний үг*). Учитывая чисто содержательную сторону, лингвисты выделяют следующие разряды местоимений в монгольской грамматике: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, выделительные, возвратные; в калмыцкой — те же разряды, только выделительные названы определительными. При этом монгольские грамматисты внутри разрядов указательных, вопросительных и неопределенных местоимений приводят соответствующие не только именным, но и наречным и глагольным местоимениям.

Кроме того, в специальном параграфе «Связь местоимений с другими частями речи» (см. [Очин цагийн монгол хэл зүй 1966: 211]) они отмечают соотношенность местоимений со всеми знаменательными частями речи и предлагают различать местоимения-существительные (*жинхэнэ нэрийн төлөөний үг*), местоимения-прилагательные (*тэмдгийн нэрийн төлөөний үг*) местоимения-числительные (*тооны нэрийн төлөөний үг*), местоимения-наречия (*дайврын төлөөний үг*), местоимения-глаголы (*уйлийн төлөөний үг*).

Калмыцкие грамматисты выделяют следующие подразряды указательных местоимений по семантико-грамматическим признакам (см. [Грамматика калмыцкого языка 1983: 161—175; Харчевникова, Убушаев 2006: 150—180]): предметно-указательные (*эн* ‘этот, эта, это’, *тер* ‘тот, та, то’), качественно-указательные (*шим* ‘этакий, этакая, этокое’, *тиим* ‘такой, такая, такое’), количественно-указательные (*эду* ‘вот столько, столько’, *теду* ‘вон столько, столько’), пространственно-указательные (*энд* ‘здесь’, *тенд* ‘там’), глагольно-указательные (*шигх* ‘делать эдак’, *тиигх* ‘делать вон так, как тот, таким образом’).

Примерно те же подразряды калмыковеды выделяют и для вопросительных местоимений (см. [Грамматика калмыцкого языка 1983: 161—175; Харчевникова, Убушаев 2006: 150—180]): предметно-вопросительные (*кен?* ‘кто?’, *юн?* ‘что?’), качественно-вопросительные (*ямаран?* ‘какой?’), пространственно-вопросительные (*аль, альд?* ‘где?’, *хама?* ‘где?’), вопросительно-временные (*кезэ?* ‘когда?’), количественно-вопросительные (*кедү?* ‘сколько?’), глагольно-вопросительные (*яах?* ‘что делать?, как быть?’), причинно-вопросительные (*яһад?* ‘почему?’, *юнгад?* ‘почему?’).

Данный подход, учитывающий наличие местоимений, указывающих не только на имена, но и на наречия и глаголы, а также рассмотрение местоимений вне категории имен, в составе самостоятельной части речи, следует считать более логичным и прогрессивным. Хотя и калмыковеды полностью не избежали воззрения на местоимение как на именную часть речи, о чем свидетельствует следующее утверждение: «Местоимение — это часть речи, которая, не называя предметы, их признаки и количество, указывает на них. По своему лексическому значению и грамматическим признакам местоимения соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными и в предложении выполняют те же синтаксические функции, что и перечисленные части речи» [Грамматика калмыцкого языка 1983: 161].

Таким образом, приведенный выше краткий обзор и анализ существующих в монголоведении точек зрения, подходов и трактовок местоимений в монгольских языках показывают, что здесь в действительности далеко не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Такой разнотой во взглядах на местоимение вызван противоречием между привычной грамматической схемой, навязанной традициями индоевропейского языкознания, и тем, что реально существует в строе монгольских языков.

Глубоко прав В. М. Наделяев, считая, что все эти классификации монгольских местоимений алогичны, основаны на одновременном делении сразу по нескольким логическим основаниям [Наделяев 1987: 40—41]. Давно уже звучит в монголоведении призыв исходить из реального положения дел, из особенностей строя монгольских языков при построении грамматических теорий. Так, например, Г. Д. Санжеев еще в 1953 г. писал по этому поводу: «Ныне мы считаем, что попытка монголистов рассматривать указанные части речи только как имена существительные (или предметные) и прилагательные (или качественные) потому не может увенчаться успехом, что невозможно в угоду традиционному числу частей речи, установленному в соответствии с особенностями индоевропейских языков, установить части речи в языках иных структур непременно в том же самом количестве» [Санжеев 1953: 124].

Иная трактовка системы местоимений в монгольских языках, учитывающая особенности их строя, была предложена В. М. Наделяевым, который отразил ее в своей программе систематического курса теории современного монгольского языка, разработанной им в 1954 г. Данный курс был прочитан им в 50-е гг. на монгольском отделении восточного факультета Ленинградского государственного университета. В силу разных причин эта программа была опубликована только в 1987 г. [Наделяев 1987: 3—74].

В. М. Наделяев считал местоимения особой частью речи, являющейся указательным обобщением всей системы конкретных знаменательных частей речи. По отношению содержания к действительности (основание разделения — модальность) он подразделял монгольские местоимения на вопросительные, положительные и неопределенные. Внутри каждой основной группы он выделял 5 разрядов по обобщенным категориально-грамматическим типам (основание разделения — содержание): существительные, прилагательные, глагольные, наречные, числительные [Наделяев 1987: 42]. Внутри каждого разряда по конкретному содержанию существительные местоимения были разделены им на личные и возвратные, прилагательные местоимения — на указательные, определительные, притяжательные и т. д.

По существу аналогичный подход к пониманию системы местоимений в общем языкознании был высказан позднее Ю. С. Масловым, который назвал местоимения «заместительными словами», образующими «особую систему, параллельную системе назывных частей речи и по-своему дублирующую ее» [Маслов 1975: 217]². Исследование большого фактического материала из различных языков позво-

² Концепция местоимений Ю. С. Маслова разрабатывалась на фоне разработанных ранее концепций его предшественников (как в общелингвистической сфере, так и в сфере русистики) и с очевидным (хотя и имплицитным, как это обычно бывает в текстах учебников) учётом этих концепций. Так, в сфере общего языкознания заслуживают специального упоминания следующие концепции.

(1) Теория «репрезентации» Фердинанда Брюно, предложенная в 1922 г. (см. [Brunot 1922: 171—226]); среди «репрезентантов» (то есть местоименных слов) Ф. Брюно без колебаний выделяет подкласс глагольных. В 1929 г. близкие взгляды высказал А. Фрей.

(2) Теория «субституции» Леонарда Блумфилда, предложенная в 1933 г. (см. [Блумфилд 1968: 269—289]); среди «субститутов» (то есть местоименных слов) Л. Блумфилд без колебаний выделяет подкласс глагольных.

(3) Теория «индикации» В. Э. Коллинсона, предложенная в 1937 г.; среди «индикаторов» (то есть местоименных слов) В. Э. Коллинсон без колебаний выделяет подкласс глагольных.

(4) Теория «трансформаций» с помощью «ПРО-морфем» З. Хэрриса, предложенная в 1957 г.; среди «ПРО-морфем» (то есть основ местоименных слов) З. Хэррис без колебаний выделяет подкласс глагольных.

Сам русский термин «местоглаголие» как таковой появляется в литературе по общему языкознанию не позднее 1970 г. (в 1970 г. он встретился в русском переводе статьи У. Вейнрейха 1963 г. «О семантической структуре языка»).

В сфере русистики заслуживают упоминания следующие концепции.

(1) Концепция «местоименности» А. М. Пешковского (разработанная в 1914—1928 гг.), согласно которой «местоименностью» характеризуются слова разных частей речи (не только «местоименные существительные» и «местоименные прилагательные», но и «местоименные наречия»; см. [Пешковский 1956: 154]).

(2) Включение в местоименные слова так называемого «местоименного глагола» (*что делать?*) в 1941 г. Айзиком Израилевичем Зарецким, а вслед за ним — в 1966 г. — и Михаилом Викторовичем Пановым (см. [Панов 1966: 75 / 190]).

(3) Последовательное описание системы русских местоименных слов на основе их двумерной классификации (в духе теорий Ф. Брюно, Л. Блумфилда, З. Хэрриса и др.) см. в работах А. В. Исаченко [Исаченко 1966]; М. В. Панова [Панов 1966: 190—192] (затем, позднее, эти же идеи повторены в [Панов 1999: 172—174]), В. Н. Мигирин [Мигирин 1973а; Мигирин 1973б], Ю. И. Левина [Левин 1973].

лило ему прийти к следующему очень важному для монголоведения выводу: «⟨...⟩ факты свидетельствуют, во-первых, о том, что, выделяя слова-заместители, нельзя ограничиться рамками традиционных местоимений, а во-вторых, о том, что весь этот разряд, взятый в целом, не есть “часть речи” в ряду других частей речи, а есть некий класс, выделенный по другому принципу, и потому, естественно, перекрещивающийся с делением по частям речи. Иными словами, это некая вторая, параллельная система частей речи, в миниатюре и с известными особенностями повторяющая первую, основную их систему. Особенности создаются за счет специфического абстрактного характера лексического значения всех этих слов в системе языка, при обязательности для них частной предметной отнесенности в речи, за счет их заместительной функции, наконец, за счет еще одной их функции — дейктической (указательной в широком смысле слова), не менее важной (и, по-видимому, исторически более древней), чем заместительная функция. ⟨...⟩ Миниатюрность же “второй системы” возникает в силу ограниченности количественного состава заместительных слов: в отличие от слов-названий слова-заместители представлены замкнутыми списками. ⟨...⟩ С разбиением заместительных слов на части речи — местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоименные наречия и (в некоторых языках) местоглаголия или, шире, местопредикативы — перекрещивается еще одно их разбиение — на собственно-указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные. ⟨...⟩ Более узкие группы составляют личные и возвратные местоимения — только существительные и соответствующие им притяжательные — только прилагательные. ⟨...⟩ Грамматические категории в разных группах заместительных слов в общем повторяют грамматические категории соответствующих назывных частей речи, однако не полностью, а с теми или иными видоизменениями» [Маслов 1975: 218].

Попытки по-новому представить местоимения в грамматической системе языка, учитывая их соотношенность со знаменательными частями речи, наблюдаются в последние годы не только в монголоведении, как это дано в нашем исследовании [Рассадин 1991] и в работе Т. Б. Аюуш [Аюуш 1998], но и в русистике. Так, в недавнем издании академической грамматики русского литературного языка [Русская грамматика 1980] местоимения не выделяются ни в самостоятельную часть речи, ни в иной класс слов, а рассматриваются разбросанно: 1) местоимения-существительные даны особым разделом (в качестве самостоятельной части речи); среди них выделены личные, возвратные, вопросительные, неопределенные и отрицательные; 2) остальные местоименные слова даны в составе соответствующих частей речи, которые они замещают (в составе прилагательных рассмотрены местоименные прилагательные с их особым типом склонения; среди числительных выделены местоименные числительные; среди наречий — местоименные наречия). Глагольных местоимений в русском языке, согласно [Русская грамматика 1980], нет.

Таким образом, видно, что лингвистика ищет новые подходы к трактовке местоимений. Представляется, что назрела пора и в монголоведении пересмотреть устаревшие взгляды на местоимения не только как на особую часть речи в ряду других знаменательных частей речи, но и как на именные слова. Нужен новый подход, основывающийся на реалистической теоретической базе. Мы считаем, что такой базой должна послужить наиболее логичная и последовательная трактовка местоимений, выдвинутая В. М. Наделяевым и Ю. С. Масловым. Опираясь на эту теорию, мы предлагаем свой вариант классификации слов и частей речи в монгольских языках, основанием для которой послужил тип лексического значения. Классификация проведена на уровне языка, но не речи, так как у каждого слова на языковом уровне одна функция, а на речевом — иная.

Так, существительные, имея на данном синхронном срезе постоянное вещественное значение, на языковом уровне называют предметы, явления, лица и т. п., поэтому их именуют назывными словами. Назывными же являются и прилагательные, числительные, глаголы и наречия, поскольку они называют соответственно свойства, качества и признаки, количества, действия и состояния, обстоятельства. Таких слов в словарном составе любого языка подавляющее большинство, так как они были выработаны в языках для называния множества разнообразных явлений объективной действительности, окружающих человека. На уровне речи их функцией является выражение субъекта и объекта действия, выражение определения, обстоятельства и предиката. По их языковой функции эти назывные слова принято подразделять на существительные, прилагательные, числительные, глаголы и наречия.

Кроме того, в монгольских языках сложилась относительно небольшая по численности группа слов, которые не называют предметы и лица, их признаки и свойства, их количество, их действия и обстоятель-

---

Из вышеупомянутых авторов предшественниками В. М. Наделяева можно считать Ф. Брюно (1922), А. М. Пешковского (1928), А. Фрея (1929), Л. Блумфилда (1933), В. Э. Коллинсона (1937), А. И. Зарецкого (1940). Остальные работали в более поздние годы, но с работой В. М. Наделяева 1954 г. не были знакомы и вряд ли могли быть знакомы, так как она была опубликована лишь в 1987 г.

ства, но определенным способом соотносятся с ними, что присуще этим словам на уровне языка. На уровне же речи они замещают соответствующие существительные, прилагательные, числительные, глаголы и наречия, выполняя в предложении их функции и выступая в роли того или иного члена предложения.

При этом заместительные слова в монгольских языках, как и местоимения в европейских, подобно назывным словам, тоже обладают вещественным значением, но только оно у них окказиональное. В отличие от местоимений в европейских языках монгольские местоимения обозначают еще и действия, и состояния, и обстоятельства, образуя целостную систему своих, заместительных частей речи, подобную системе частей речи назывных слов.

Назывные и заместительные слова по признаку наличия у них вещественных значений объединяются в один класс — класс самостоятельных слов. Внутри этого класса назывные и заместительные слова образуют, таким образом, две системы частей речи, существующих параллельно и способных взаимозаменяться. Их соотношение выглядит следующим образом.

назывные слова	заместительные слова
существительные	предметно-заместительные слова
прилагательные	качественно-заместительные слова
числительные	количественно-заместительные слова
глаголы	действенно-заместительные слова
наречия	обстоятельственно-заместительные слова

Отвлекаясь от внутреннего содержания традиционного термина «местоимение» как названия слова, употребляющегося вместо имени, условно можно сохранить этот термин и в монголоведении для названия группы заместительных слов в целом. На бурятский язык термин «местоимение» в данном случае логично будет переводить либо как *заагша үгэ*, либо *түлөөнэй үгэ* (но не *түлөөнэй нэрэ*).

Таким образом, наряду с назывными существительными, прилагательными, числительными, глаголами и наречиями в составе класса самостоятельных слов существуют местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные глаголы и местоименные наречия. При этом вопросительные, указательные и неопределенные местоимения относятся ко всем 5 выделенным здесь частям речи, потому что все местоимения в принципе являются заместительными словами. Каждый из этих разрядов в свою очередь подразделяется на 5 групп в соответствии с соотносительностью с той или иной частью речи.

Для бурятского языка, например, классификация слов будет следующей: 1) предметно-вопросительные *хэн, юун*; предметно-указательные *энэ, тэрэ, эдэ, эдэнэр, тэдэ, тэдэнэр*; предметно-неопределенные *хэнишье, хэн нэгэн, юунишье, юу хээн*; 2) качественно-вопросительные *ямар, али*; качественно-указательные *шимэ, шимэрхүү, тшимэ, тшимэрхүү*; качественно-неопределенные *ямаршье, ямар нэгэн, ямарбаа, алишье, али нэгэн, алибаа*; 3) количественно-вопросительные *хэды, хэды шэнээн, хэдэн*; количественно-указательные *эды, эды шэнээн, тэды, тэды шэнээн*; количественно-неопределенные *хэдышье, хэдэнишье, нэгэ хэды, зааханшье хэды*; 4) действенно-вопросительные (или глагольно-вопросительные) *яаха*; действенно-указательные (или глагольно-указательные) *шигэхэ, шихэ, тшигэхэ, тшихэ*; действенно-неопределенные (или глагольно-неопределенные) *яахашье*; 5) обстоятельственно-вопросительные *хэр, яажса, хайшан гэжэ, хайшан гээд, хээээ, хэдыдэ, хана, хайшаа, хаанаһаа, хаагуур*; обстоятельственно-указательные *шигэжэ, шигээд, шимэ, тшигэжэ, тшигээд, тшимэ, эдыдэ, тэдыдэ, ишиэ, тишиэ, эндэ, тэндэ, эндэхэ, тэндэхэ, энээгүүр, тэрээгүүр*; обстоятельственно-неопределенные *яажашье, яажашье һаань, хайшрнишье гэжэ (гээд), хайшанишье һаань, хээээ нэгэтэ, хээээ нэгэ, хаанашье, хана нэгэ, хайшаашье, хаанаһаашье, хаагууришье*.

Остальные разряды местоимений распределяются следующим образом: личные, возвратно-указательные и обобщительные относятся к предметно-заместительным (к местоименным существительным), а выделительные — к местоименным прилагательным.

Остальные слова бурятского и других монгольских языков группируются следующим образом. Слова, имеющие грамматическое значение, составляют класс служебных слов. Их речевой функцией является выражение грамматической связи между самостоятельными словами, выступающими в роли тех или иных членов предложения. Слова с модальным значением — модальные слова и частицы, передающие в предложении отношение говорящего к предмету высказывания, — составляют класс модальных слов. Слова, передающие средствами языка различные эмоции и волеизъявления, объединяются в класс междометных слов. Слова же, передающие средствами языка различные образы, образуют класс изобразительных слов; к ним относятся характерные для бурятского и других монгольских языков группы слов, передающих образы зрительного восприятия, образы слухового восприятия, образы чувственного восприятия и образы восприятия действий.

Итак, все слова монгольских языков мы предлагаем разгруппировать по 5 классам:

- 1) класс самостоятельных слов;
- 2) класс служебных слов;
- 3) класс модальных слов;
- 4) класс междометных слов;
- 5) класс изобразительных слов.

Монгольские местоимения (указательно-заместительные слова), таким образом, не составляют отдельной части речи и не стоят в одном ряду с существительными, прилагательными, числительными, глаголами, наречиями, предлогами, союзами, междометиями и др., как это трактует традиционная классификация частей речи. Местоимения по своей сути составляют отдельную самостоятельную группу слов с окказиональным вещественным значением и объединяются вместе с назывными словами в самостоятельный класс самостоятельных слов. При этом каждая из этих групп слов, как назывных, так и указательных, имеет свои, но соотносящиеся между собой системы частей речи.

Класс самостоятельных слов по своей внутренней структуре выглядит следующим образом.

Класс самостоятельных слов

1. Назывные слова

- 1) Имена:
  - а) существительные;
  - б) прилагательные;
  - в) числительные.
- 2) Глаголы.
- 3) Наречия.

2. Заместительные слова

- 1) Заместительные имена:
  - а) заместительные существительные;
  - б) заместительные прилагательные;
  - в) заместительные числительные.
- 2) Заместительные глаголы.
- 3) Заместительные наречия.

Если применять латинизированную терминологию, то вместо выражения «заместительные слова» можно взять термины «субституты» или «репрезентанты». Внутри них соответственно будут выделены субстантивные субституты, адъективные субституты, нумеральные субституты, вербальные субституты, адвербиальные субституты.

Кроме того, нуждается в пересмотре и сам термин «местоимение» (как не отражающий сущности этой группы слов в монгольских языках). Кстати, в самих монгольских языках представлены следующие названия: в бурятском — *түлөөнэй нэрэ* ‘заместительное имя’, в калмыцком — *орч нерн* ‘заместительное имя’, в монгольском — *төлөөний үг* ‘заместительное слово’, в старописьменном монгольском — *tölügen-ii üge* ‘заместительное слово’. В бурятском и калмыцком терминах заключено традиционное в русском и европейском языкознании понимание местоимений как заместителей именных частей речи.

Монгольский термин гораздо точнее отражает природу этого типа слов в монгольских языках и их способность замещать любую знаменательную назывную часть речи. Этот термин буквально означает ‘замещающее слово’, ‘местословие’ (то же, что «субститут» у Л. Блумфилда или «ПРО-морфема» у З. Хэрриса), на что неоднократно указывал в разное время Г. Д. Санжеев [Санжеев 1941: 50; Санжеев 1959: 53; Санжеев 1964: 72, примеч. 42]. В. М. Надеяев поддержал термин «местословие», но впоследствии предложил более широкий термин «общесловие» [Надеяев 1987: 40, примеч. 4].

Других вариантов в монголистике выдвинуто пока не было, да и эти не прижились, поэтому в монголоведении продолжает бытовать привычный термин «местоимение», хотя и не совсем точно отражающий суть явления. Так что одной из важных задач монголоведов является, наряду с выработкой единого взгляда на местоимения и на их место в системе частей речи в монгольских языках, подбор точного и приемлемого термина, адекватно отражающего суть явления.

Опираясь на всё, сказанное выше, предлагаем свою классификацию местоимений (слов с заместительной функцией) в современных монгольских языках.

Заместительные слова

1) **Предметно-заместительные слова** (субстантивные местоимения, местоименные существительные)

а) Предметно-вопросительные заместительные слова:

бур., х.-монг. *хэн*, калм. *кен*, старомонг. *ken* ‘кто’ (для указания на человека и человекоподобные мыслящие существа); бур., х.-монг. *хэд* ‘кто (о многих)’; бур. *юун*, х.-монг. *юу*, калм. *юн*, старомонг. *уауин* ‘что’ (для указания на животных, растения, неодушевленные предметы); бур. *юунууд*, *юуд* ‘что (о многих)’.

б) Дейктические предметно-заместительные слова:

— личные местоимения — бур., х.-монг., калм. *би*, старомонг. *bi* ‘я’; бур. *ши*, х.-монг., калм. *чи*, старомонг. *сi* ‘ты’; литер. бур., вост.-бур. *энэ*, зап.-бур. *өөзһэн*, х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, старомонг. *ене* ‘он, она,

оно (этот)'; бур. *тэрэ*, х.-монг. *тэр*, калм. *тер*, старомонг. *tere* 'он, она, оно (тот)'; х.-монг. *энэ хүн, тэр хүн* 'он, она'; бур. *бидэ, бидэнэр, бидэнэд, маанар, маанад*, зап.-бур. *бидагоор* (< *бидэ хоёр*), х.-монг. *бид, бид нар, мануус, ба, ба бүрэн*, калм. *бидн, мадн*, старомонг. *bide, ba* 'мы'; бур. *та, таанар, таанад*, х.-монг. *та, та нар*, калм. *та, тадн*, старомонг. *ta, ta nar* 'Вы, вы'; литер. бур., вост.-бур. *эдэ, эдэнэр, эдэнэд*, зап.-бур. *өөһэд*, х.-монг. *эд, эд нар, эдгээр*, калм. *эдн*, старомонг. *ede, ede nar, edeger* 'они (эти)'; бур. *тэдэ, тэдэнэр, тэдэнэд*, х.-монг. *тэд, тэд нар, тэдгээр*, калм. *тедн*, старомонг. *tede, tede nar, tedeger* 'они (те)';

— предметно-указательные местоимения — бур. *энэ*, х.-монг. *энэ, эл*, калм. *эн*, старомонг. *ene, el-e* 'это', 'этот', 'эта'; бур. *тэрэ*, х.-монг. *тэр*, калм. *тер*, старомонг. *tere* 'то', 'тот', 'та'; бур. *эдэ, эдэнэр, эдэнэд*, х.-монг. *эд, эдгээр*, калм. *эдн*, старомонг. *ede, edeger* 'эти'; бур. *тэдэ, тэлэнэр, тэдэнэд*, х.-монг. *тэд, тэдгээр*, калм. *тедн*, старомонг. *tede, tedeger* 'те'.

в) Возвратно-выделительные местоимения:

бур. *өөрөө, бэээрээ*, зап.-бур. *өөһэн, өөһэрөөн*, х.-монг. *өөр, өөрөө, биеэрээ*, калм. *эврэн, бий, эврэ бий*, старомонг. *öber-iyen, bey-e-ber* 'сам, сама, само'; бур. *өөһэдөө, өөдөө*, х.-монг. *өөрсөд, өөрсдөө, өөрснөө*, калм. *бийснь*, старомонг. *öbersed-iyen* 'сами'.

г) Обобщительные местоимения:

бур. *бүгэдэ*, х.-монг. *бүгд*, калм. *бүгд*, старомонг. *biigüde* 'все, весь'; бур. *булта, баран*, х.-монг. *булт*, старомонг. *bultu* 'весь, всё'; бур. *бүхы, бүхэ*, х.-монг. *бүх, бүхий*, старомонг. *bükü, büküi* 'весь, всё, все'; бур. *бүри, бүхэн* 'каждый, всякий', х.-монг. *бүр*, калм. *бүр*, старомонг. *büri* 'каждый, всякий'; х.-монг. *бүхэн*, старомонг. *bükün-e* 'весь, всё, все', 'каждый, всякий'; бур., х.-монг. *хамаг*, калм. *хамг*, старомонг. *qatıu* 'весь, всё, все'; калм. *цуг, цуһар, цугта* 'весь, все, всё'; х.-монг. *цөм* 'все, всё'; бур. *ништэ*, х.-монг. *нийт*, старомонг. *neyite* 'весь, всё'; х.-монг. *даяар*, старомонг. *dayaγar* 'весь, все'.

д) Предметно-неопределенные заместительные слова:

бур. *хэнише, хэн нэгэн*, х.-монг. *хэн ч, хэн чиг, хэн нэг(эн), хэн хүнгүй*, калм. *кенчн, кен чигн, кен болв чигн, кен негн, нег күн*, старомонг. *ken ši, ken šiγi, ken nigen* 'кто-то, кто-нибудь, кто-либо'; бур. *юнише, юу хээн*, х.-монг. *юу ч, юу чиг*, калм. *юнчн, юн чигн, юн болв чигн, нег юмн*, старомонг. *yaγı ši, yaγı šiγi* 'что-то, что-нибудь, что-либо'.

2) Притяжательно-заместительные слова (притяжательные местоимения)

а) Вопросительно-притяжательные заместительные слова:

бур. *хэнэй, хэнэйхи*, х.-монг. *хэний, хэнийх*, калм. *кенэ*, старомонг. *ken-ü, ken-ü-ki* 'чей (о людях)'; бур. *юнай, юнайхи*, х.-монг. *юуны, юуных*, калм. *юуна*, старомонг. *yaγın-u, yaγın-u-ki* 'чей (о предметах, растениях и животных)'.

б) Лично-притяжательные заместительные слова:

бур. *мини, миниши*, х.-монг. *миний, минийх*, калм. *мини*, старомонг. *mini, miniki* 'мой, моя, мое'; бур. *шини, шиниши*, х.-монг. *чиний, чинийх*, калм. *чини*, старомонг. *šini, šiniki* 'твой, твоя, твое'; бур. *энээнэй, энээнэйхи*, х.-монг. *үүний, үүнийх, энүүний, энүүнийх*, калм. *энүнэ, үүнэ*, старомонг. *egün-ü, egün-ü-ki, enegün-ü, enegün-ü-ki* 'его, ее, принадлежащий ему, ей'; бур. *тэрээнэй, тэрээнэйхи*, х.-монг. *түүний, түүнийх, тэрүүний, тэрүүнийх*, калм. *терүнэ, түүнэ*, старомонг. *tegün-ü, tegün-ü-ki, tegegün-ü, tegegün-ü-ki* 'его, ее, принадлежащий ему, ей'; бур. *манай, манайхи, манайхин*, х.-монг. *манай, манайх*, калм. *мана, мадна*, старомонг. *tani, tani-ki* 'наш, наша, наше'; х.-монг. *бидний, бид нарын* 'наш, наша, наше'; бур. *танай, танайхи, танайхин*, х.-монг. *таны, танай, таных, танайх, та нарын*, калм. *тана, тадна*, старомонг. *tani, tani-ki, ta nar-un* 'ваш, ваша, ваше'; бур. *эдэнэй, эдэнэйхи*, х.-монг. *эдний, эднийх*, калм. *эднэ*, старомонг. *eden-ü, eden-ü-ki* 'их (этих)'; бур. *тэдэнэй, тэдэнэйхи*, х.-монг. *тэдний, тэднийх*, калм. *теднэ*, старомонг. *teden-ü, teden-ü-ki* 'их (тех)'.

в) Указательно-притяжательные заместительные слова:

бур. *энээнэй*, х.-монг. *үүний*, калм. *үүнэ*, старомонг. *egün-ü* 'этого, принадлежащий этому'; бур. *тэрээнэй*, х.-монг. *түүний*, калм. *түүнэ*, старомонг. *tegün-ü* 'тот, принадлежащий тому'.

г) Неопределенно-притяжательные заместительные слова:

бур. *хэнэйше, х.-монг. хэний ч / чиг*, калм. *кенэчн, кенэ чигн, кенэ болв чигн*, старомонг. *keni ši, keni šiγi* 'чей-то, чей-либо, чей-нибудь (о человеке)'; бур. *юнайше, х.-монг. юуны ч / чиг*, калм. *юуначн, юуна чигн, юуна болв чигн*, старомонг. *yaγın-u ši, yaγın-u šiγi* 'чей-то, чей-либо, чей-нибудь (о предметах, растениях и животных)'.

3) Качественно-заместительные слова (адъективные местоимения, местоименные прилагательные)

а) Качественно-вопросительные заместительные слова:

бур., х.-монг. *ямар*, калм. *ямр, ямаран*, старомонг. *yambar, yamar* 'какой'; бур. *али*, х.-монг. *аль*, калм. *аль, альк*, старомонг. *ali* 'какой, который'; бур. *хэдыдэхи, хэдыдүгээр*, х.-монг. *хэддүгээр, хэддэхь*, калм. *кедүдгч*, старомонг. *kedüdüger, kedüdeki* 'какой, который'.

б) Собственно качественно-заместительные слова:

— качественно-указательные местоимения — бур. *иймэ*, х.-монг. *ийм*, калм. *ийм*, старомонг. *eyimü* ‘этакий; этак’; бур. *иймэрхүү*, х.-монг. *иймэрхүү*, калм. *иймэр*, старомонг. *eyimürkeü* ‘вот этакий; вот этак’; бур. *тиймэ*, х.-монг. *тийм*, калм. *тийм*, старомонг. *teyimü* ‘такой; так’; бур. *тиймэрхүү*, х.-монг. *тиймэрхүү*, калм. *тиймэр*, старомонг. *teyimürkeü* ‘вот такой; вот так’; бур. *туд*, х.-монг. *тус*, калм. *тус*, старомонг. *tus* ‘данный, этот’; бур. *үнөөхи*, *нөөхи*, х.-монг. *өнөөх*, *өнөөтөх*, старомонг. *önüki*, *önütüki* ‘этот самый, тот самый (о котором известно говорящим)’; х.-монг. *өнөөдүүл*, старомонг. *önüdügüle* ‘те, те самые’; х.-монг. *мөн*, старомонг. *mön* ‘тот же, такой же, именно такой’;

— качественно-возвратные местоимения — бур. *өөрын*, *өөрынгөө*, х.-монг. *өөрийн*, *өөрийнхөө*, калм. *эврэ*, *эврсэн*, старомонг. *öber-ün*, *öber-ün-ki-ben* ‘свой’;

— выделительные местоимения — бур. *бэшэ*, х.-монг. *биш*, калм. *биш*, старомонг. *biši* ‘другой, иной, прочий’; бур. *бэшэн* ‘другие, иные’; бур. *буса*, х.-монг. *бус*, калм. *бус* (книжн.), старомонг. *busu* ‘другой, прочий; остальной’; бур. *бусад*, х.-монг. *бусад*, старомонг. *busud* ‘другие, иные, прочие; остальные’; бур. *өөрэ*, х.-монг. *өөр*, старомонг. *öger-e* ‘другой, иной’; бур. *ондоо*, х.-монг. *ондоо*, калм. *ондан*, старомонг. *ondou* ‘другой, иной; особый; разный’; калм. *талдан* ‘другой, иной, особый’; бур. *нүгөө*, *нүгөөдэ*, *нүгөөдэхи* ‘другой, иной’; х.-монг. *нөгөө*, *нөгөөх*, *нөгөөтөх*, калм. *нөгэ* (устар.), старомонг. *pögüge*, *pögügekü*, *pögügeteki* ‘другой, иной; следующий’, ‘тот, тот самый’; бур. *нүгөөдүүл*, х.-монг. *нөгөөдүүл*, старомонг. *pögügedügüle* ‘другие, иные; остальные’; бур. *зарим*, х.-монг. *зарим*, калм. *зэрм*, старомонг. *žarim* ‘некоторый, отдельный, частичный’.

в) Качественно-неопределенные заместительные слова:

бур. *ямаршые*, *ямар нэгэн*, *ямарбаа*, х.-монг. *ямар ч*, *ямар чиг*, *ямар нэг(эн)*, *ямарваа*, *ямарваа нэгэн*, калм. *ямрчн*, *ямр чигн*, *ямр болв чигн*, *ямрчн*, *ямаран чигн*, *ямаран болв чигн*, *нег*, *ямр нег*, *ямаран нег*, старомонг. *yatar ši*, *yatar šiği*, *yatarba* ‘какой-то, какой-нибудь, какой-либо’; бур. *алишые*, *али нэгэн*, *алибаа*, х.-монг. *аль ч*, *аль чиг*, *аль нэг(эн)*, *аливаа*, калм. *альчн*, *аль чигн*, *ал ь болв чигн*, *аль нег*, *алькчн*, *альк чигн*, *альк болв чигн*, старомонг. *ali ši*, *ali šiği*, *ali nigen*, *aliba* ‘который-нибудь; какой-нибудь’, ‘всякий, любой, каждый’.

4) Количественно-заместительные слова (нумеральные местоимения, местоименные числительные)

а) Количественно-вопросительные заместительные слова:

бур. *хэды*, *хэды шэнээн*, *хэдэн*, *хэр зэргэ*, х.-монг. *хэд*, *хэдэн*, *хэдий*, *хэд чинээ(н)*, *хэдий чинээ(н)*, *хичнээн*, *хир зэрэг*, калм. *кедү*, старомонг. *kedü*, *kedüii*, *kedüii činegen* ‘сколько’.

б) Собственно количественно-заместительные слова:

бур. *эды*, *эды шэнээн*, х.-монг. *өдий*, *өдөн*, *өдий чинээ*, *өчнөөн*, калм. *эдү*, старомонг. *edüii*, *edüii činegen* ‘вот столько, столько’; бур. *тэды*, *тэды шэнээн*, х.-монг. *төдий*, *төдөн*, *төдий чинээ*, *төчнөөн*, калм. *тедү*, старомонг. *tedüii*, *tedüii činegen* ‘вот столько, столько’.

в) Количественно-неопределенные заместительные слова: бур. *хэдышые*, *хэдэныше*, *нэгэ хэды*, *заханыше хэды*, х.-монг. *хэд ч / чиг*, *хэдэн ч / чиг*, *нэг хэдэн*, *хэдий ч / чиг*, *хичнээн ч / чиг*, калм. *кедүчн*, *кедү чигн*, *кедү болв чигн*, старомонг. *kedüii ši*, *kedüii šiği* ‘сколько-нибудь, сколько-либо, сколько-то’.

5) Глагольно-заместительные слова (вербальные местоимения, местоименные глаголы)

а) Глагольно-вопросительные заместительные слова:

бур. *яаха*, х.-монг., калм. *яах*, старомонг. *yayakiqu* ‘как делать’, ‘что делать’; х.-монг. *хэрхэх*, старомонг. *kerkikü* ‘как поступить, как быть’, ‘как делать’.

б) Глагольно-указательные заместительные слова:

бур. *иухэ*, х.-монг. *ингэх*, *ийх*, калм. *ишгх*, старомонг. *ingekü*, *eyikü* ‘этак делать, этак поступать’; бур. *тиухэ*, х.-монг. *тэгэх*, калм. *тишгх*, старомонг. *čingekü*, *teyikü* ‘так делать’, ‘так поступать’; х.-монг. *эсэх*, старомонг. *esekü* ‘так не делать’.

в) Глагольно-неопределенные заместительные слова: бур. *яахашые*, х.-монг. *яах ч*, *яах чиг*, калм. *яахчн*, *яах чигн*, *яах болв чигн*, старомонг. *yayakiqu ši* / *šiği* ‘что угодно делать, как угодно поступить’.

б) Обстоятельственно-заместительные слова (адвербиальные местоимения, местоименные наречия)

а) Обстоятельственно-вопросительные заместительные слова:

— вопросительные местоименные наречия места — бур. *хаа*, *хаана*, х.-монг. *хаа*, *хаана*, калм. *хама*, *альд*, старомонг. *qatü-a* ‘где’; бур. *хаахануур* ‘где именно’; бур. *хайша*, *хайшааа*, х.-монг. *хааш*, *хаашаа*, калм. *хамаран*, *альдаран*, старомонг. *qatüši* ‘куда’; бур. *хаанаһаа*, х.-монг. *хаанаас*, калм. *хааһас*, *хамаһас*, *альдас*, старомонг. *qatüya-aša* ‘откуда’; бур. *хаагуур*, х.-монг. *хаагуур*, калм. *хааһур*, старомонг. *qayayur* ‘где, каким местом’;

— вопросительные местоименные наречия времени — бур., х.-монг. *хэзээ*, калм. *кезэ*, старомонг. *kežü-e* ‘когда’; бур. *хэдыдэ*, х.-монг. *хэдийд*, старомонг. *kedüii-dü* ‘когда, во сколько’;

— вопросительные местоименные наречия образа действия — бур. *хэр*, х.-монг. *хир*, *хэр*, *хэрхэн*, старомонг. *kir* ‘как’, бур. *хайшан гээд*, *хайшан гэжэ* ‘как, каким образом’; бур. *яажа*, *яагаад*, х.-монг. *яаж*, *яагаад*, *яавал*, калм. *яһж*, *яаһад*, старомонг. *уауакизи*, *уауакияд*, *уауакибал* ‘как, каким образом’;

— вопросительные местоименные наречия причины — бур. *яагаад*, х.-монг. *яагаад*, калм. *яһад*, *юңгад*, старомонг. *уауакияд* ‘почему’;

— вопросительные местоименные наречия меры и степени — бур. *али*, *али зэргэ*, *али тухай*, х.-монг. *аль хир*, *хир зэрэг*, старомонг. *ali kiri*, *kiri žerge* ‘как, насколько’.

б) Указательные обстоятельственно-заместительные слова:

— указательные местоименные наречия места — бур. *эндэ*, х.-монг., калм. *энд*, *энүнд*, *үүнд*, старомонг. *ende* ‘здесь’; калм. *эдүкнд* ‘здесь поблизости’; бур. *тэндэ*, х.-монг. *тэнд*, калм. *тенд*, *терүнд*, *түүнд*, старомонг. *tende* ‘там’; калм. *тедүкнд* ‘там подальше’; бур. *ишээ*, *ишиээ*, х.-монг. *ийш*, *ийшээ*, *ийшигээ*, калм. *ишгэн* [нааран], старомонг. *eyiši*, *eyiši-ben* ‘сюда; вот сюда’; бур. *тишиээ*, *тишиээ*, х.-монг. *тийш*, *тийшээ*, *тийшигээ*, калм. *тишгэн* [цааран], старомонг. *teši*, *teši-ben* ‘туда; вот туда’; бур. *эндэхээ*, х.-монг. *эндээс*, калм. *ендэс*, старомонг. *endece* ‘отсюда’; бур. *тэндэхээ*, х.-монг. *тэндээс*, калм. *тендэс*, старомонг. *tenlece* ‘оттуда’; бур. *энээ-гүүр*, х.-монг. *үүгээр*, калм. *энүгэр*, *эндэгэр*, *эндэгүр*, *үүгэр*, старомонг. *egüber* ‘здесь, по этой стороне, этим местом’; бур. *тэрээгүүр*, х.-монг. *түүгээр*, калм. *терүгэр*, *тендэгэр*, *тендэгүр*, *түүгэр*, старомонг. *tegüber* ‘там, по той стороне, тем местом’;

— указательные местоименные наречия времени — бур. *эдыдэ*, х.-монг. *өдийд*, калм. *эдүд*, старомонг. *edüi-dü* ‘во столько-то’; бур. *тэдыдэ*, х.-монг. *төдийд*, калм. *тедүд*, старомонг. *tedüi-dü* ‘во столько-то’;

— указательные местоименные наречия образа действия — бур. *иигээжэ*, *иигээд*, *иимэ*, х.-монг. *ингээж*, *ингээд*, *ийм*, *иймээр*, калм. *ишгж*, *ишгэд*, *ишм*, *ишмэр*, старомонг. *eyiži*, *eyiged*, *eyimü*, *eyimü-ber* ‘этак, таким образом’; бур. *тиигээжэ*, *тиигээд*, *тиимэ*, х.-монг. *тэгж*, *тэгээд*, *чингээж*, *чингээд*, *тийм*, *тиймээр*, калм. *тишгж*, *тишгэд*, *тишм*, *тишмэр*, старомонг. *tegeži*, *tegeged*, *teyimü*, *teyimü-ber* ‘так, таким образом’; х.-монг. *тийнхүү*, старомонг. *teyin-kü* ‘так, таким образом’;

— указательные местоименные наречия причины — бур. *шмэхээ*, *ишгээд*, х.-монг. *иймээс*, *ингээд*, калм. *ишгэд*, старомонг. *eyimü-ece*, *eyiged* ‘потому’; бур. *тишмэхээ*, *тишгээд*, х.-монг. *тиймээс*, *тэгээд*, *чингээд*, калм. *тишгэд*, старомонг. *teyimü-ece*, *tegeged*, *cinggiged* ‘потому’;

— указательные местоименные наречия меры и степени — бур. *ишмэ*, х.-монг. *ийм*, калм. *ишм*, старомонг. *eyimü* ‘эдак’; бур. *тишмэ*, х.-монг. *тийм*, калм. *тишм*, старомонг. *teyimü* ‘так’.

в) Обстоятельственно-неопределенные заместительные слова:

— неопределенные местоименные наречия места — бур. *хаанашье*, *хаана нэгэ*, х.-монг. *хаа ч* / *чиг*, *хаана ч* / *чиг*, *хаа нэг*, *хаа хаагүй*, *хаа хамаагүй*, калм. *хамачн*, *хама чигн*, старомонг. *qatıŋ-a ši*, *qatıŋ-a niŋe* ‘где-то, где-либо, где-нибудь; хоть где’; бур. *хайшашье*, *хайшаашье*, х.-монг. *хааш ч* / *чиг*, *хаашаа ч* / *чиг* *хаанаһаашье*, *хаагуурише*; калм. *альдчн*, *альд чигн* ‘где-то, где-либо, где-нибудь’;

— неопределенные местоименные наречия времени — бур. *хээээшье*, *хээээ-дэцье*, *хээээ нэгэтэ*, *хээээ нэгэ*, х.-монг. *хээээ ч* / *чиг*, *хээээ нэг*, калм. *кезэчн*, *кезэ чигн*, *кезэ болв чигн*, *кезэ нег*, старомонг. *kežiye ši*, *kežiye-e ši*, *kežiye-e niŋe* ‘когда-нибудь, когда-либо, когда-то’; бур. *хэдыдэшье*, х.-монг. *хэдийд ч* / *чиг*, старомонг. *kedüi-dü ši* ‘когда-нибудь’;

— неопределенные местоименные наречия образа действия: бур. *яажашье*, *яажашье хаань*, калм. *яһжчн*, *яһж чигн*, *яһж болв чигн*, *яһадчн*, *яһад чигн*, *яһад болв чигн* ‘как-нибудь’; бур. *хайшанише гэжэ* (*гээд*), *хайшанише хаань* ‘как-нибудь’.

При этом все местоимения в зависимости от соотносительности с соответствующей лексико-грамматической категорией ведут себя в речи по-разному. Если местоимения замещают именные части речи, то они могут склоняться и принимать показатели личной принадлежности; если они замещают глаголы, то и ведут себя как глаголы, получая всю имеющуюся глагольную словоизменительную парадигму.

Обратившись к тюркским языкам, мы увидим в сущности аналогичную систему местоимений. Для сопоставления возьмем систему местоимений, представленную в тофаларском языке, одном из языков саянской группы, наследующем древнетюркскую систему местоимений. Здесь мы также видим, что местоимения соотносятся с соответствующими назывными частями речи. Система тофаларских местоимений может быть представлена следующим образом [Рассадин 1978: 255].

1. Вопросительные местоимения

1) Вопросительно-субстантивные местоимения: *қум* ‘кто’, *чү* ‘что’.

2) Вопросительно-адъективные местоимения: *қандығ* ‘какой’; *қаэ*, *қайсы* ‘который’; *қумнуң*, *чүнүң* ‘чей’; *қағыцқы*, *қағышыцқы* ‘какой по счёту’.

3) Вопросительно-нумеративные местоимения: *қағыш*, *чеһе*, *чү һире* ‘сколько’; *қаньца*, *қаньца көһп* ‘сколько, как много’, ‘в каком размере’.

4) Вопросительно-вербальные местоимения: *қаньча*- ‘как поступать’, ‘как делать’; *чоон*- ‘что делать’.

5) Вопросительно-адвербиальные местоимения: *қаньча* ‘как, каким образом’; *қаньчаалы* ‘каким образом’; *қайда* ‘где’; *қайдан*, *қайнуун* ‘откуда’; *қаз*, *қайнаары* ‘куда’; *чүдэ* ‘где’; *чүдэн* ‘откуда’; *чүге* ‘куда’; *қаһин* ‘когда’.

2. Дейктические местоимения

1) Дейктические субстантивные местоимения:

а) личные местоимения — *мен* ‘я’, *сен* ‘ты’, *оң* ‘он, она’, *ол* ‘оно’, *бис* ‘мы’, *сілер* ‘Вы; вы’, *оларың* ‘они’;

б) возвратные местоимения — *бодум бле* ‘я сам’, *бодуң бле* ‘ты сам’, *боду бле* ‘он сам, она сама’, *боттарыбыс бле* ‘мы сами’, *бодуңар бле* ‘Вы сами’, *боттарыңар бле* ‘вы сами’, *боттары бле* ‘они сами’.

2) Дейктические адъективные местоимения:

а) предметно-указательные местоимения: *бо* ‘этот, эта, это’, *мууйа* ‘вот это (совсем рядом)’, *ол* ‘тот, та, то’, *ууйа* ‘вон тот, вон та, вон то (неподалеку)’, *тээ* ‘тот, та, то (совсем далеко)’;

б) качественно-указательные местоимения: *мындыг* ‘этакий, такая, такое’, *ындыг* ‘такой, такая, такое’;

в) притяжательные местоимения: *мииң*, *миим* ‘мой, моя, мое’, *сииң* ‘твой, твоя, твое’, *оңнуң* ‘его, ее’, *бистің* ‘наш, наша, наше’, *сілернің* ‘Ваш, Ваша, Ваше’, ‘ваш, ваша, ваше’, *оларыңның* ‘их’, *бодунуң* ‘свой, своя, свое’.

3) Указательно-нумеративные местоимения: *мыньча* ‘столько, в таком размере или количестве’, *ыньча* ‘столько, в таком размере или количестве’.

4) Указательно-вербальные местоимения: *мыньча*-, *мыньчан*- ‘этак поступать’, ‘этак делать’; *ыньча*-, *ыньчан*- ‘так поступать’, ‘так делать’.

5) Указательно-адвербиальные местоимения:

а) наречные местоимения места — *мында* ‘здесь’, *мууйада* ‘вот здесь (очень близко)’, *ында* ‘там’, *ууйада* ‘вон там (близко)’, *тээдэ* ‘вон там (далеко)’, *мындан*, *мунуун* ‘отсюда’, *ындан*, *унуун* ‘оттуда’, *тээдэн* ‘оттуда (издалека)’, *маңа*, *маа*, *мынаары* ‘сюда’, *аңа*, *аа*, *ынаары* ‘туда’, *тээгэ* ‘туда (далеко)’, *борта* ‘вот здесь’;

б) наречные местоимения образа действия: *мыньча*, *мыньчап*, *мыньчанып* ‘этак’, *ыньча*, *ыньчап*, *ыньчанып* ‘так’, *мыньчаалы* ‘этак, таким образом’, *ыньчаалы* ‘так, таким образом’.

3. Неопределенные местоимения

1) Неопределенно-субстантивные местоимения: *қум та*, *бір қум та* ‘кто-то, кто-либо, кто-нибудь’; *чү тэ*, *бір чү тэ* ‘что-то, что-либо, что-нибудь’.

2) Неопределенно-адъективные местоимения: *қандыг та* ‘какой-то, какой-либо, какой-нибудь’; *қаз*, *қайсы та* ‘который-нибудь’.

3) Неопределенно-нумеративные местоимения: *бір қағиш*, *қағиш та* ‘сколько-то, сколько-нибудь’; *бір чегһе*, *чегһе тэ* ‘сколько-то, сколько-нибудь’.

4) Неопределенно-вербальные местоимения: *қаньча- та* ‘как-то делать’, *чоон-та* ‘что-то делать’.

5) Неопределенно-адвербиальные местоимения:

а) неопределенно-наречные местоимения места: *қайда та*, *чүдэ тэ* ‘где-то, где-либо, где-нибудь’; *қайдан та*, *чүдэн тэ*, *қайнуун та* ‘откуда-то, откуда-либо, откуда-нибудь’; *қаз та*, *қайнаары та*, *чүге тэ* ‘куда-то, куда-либо, куда-нибудь’;

б) неопределенно-наречные местоимения времени: *қағһин та* ‘когда-то, когда-либо, когда-нибудь’;

в) неопределенно-наречные местоимения образа действия: *қаньча та* ‘как-то, как-либо, как-нибудь’, *қаньчаалы та* ‘каким-то образом, каким-нибудь образом’; *қаньчап та* ‘как-то, каким-то образом’.

Как можно понять благодаря приведенному материалу для сопоставления, система местоимений в тофаларском языке, как и вообще в любом тюркском, представляет собой такой же тип, что и в монгольских языках, с той лишь разницей, что между этими системами, вопреки ожиданиям, не прослеживается материального сходства. Поскольку монгольские и тюркские языки являются наиболее близкими из всех алтайских языков, что даже предполагается наличие их общего тюрко-монгольского праязыка, сходство не только в лексике, но и в составе грамматических категорий ожидаемо. Однако местоимения выявляют только типологическое сходство, во всяком случае на современном этапе развития этих языков. Этимологический анализ тюркских и монгольских местоимений, установление их праформ и сопоставление на уровне праформ — это предмет будущих специальных исследований.

Сокращения

бур. — бурятский язык
 вост.-бур. — восточные говоры бурятского языка
 зап.-бур. — западные говоры бурятского языка
 калм. — калмыцкий язык
 литер. бур. — литературный бурятский язык
 старомонг. — старомонгольский письменный язык
 х.-монг. — халха-монгольский язык

Литература

- Амоголонов 1958 — *Амоголонов Д. Д.* Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958. {Amogolonov 1958 — *Amogolonov D. D.* *Sovremennij bur'atskij jazyk.* Ulan-Ude, 1958.}
- Аюуш 1998 — *Аюуш Т. Б.* Местоимения в монгольском и русском языках. Улан-Удэ, 1998. {Ajuuš 1998 — *Ajuuš T. B.* *Mestoimenija v mongol'skom i russkom jazykax.* Ulan-Ude, 1998.}
- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык / Пер. с англ. *Кубряковой Е. С., Мурат В. П.* М., 1968. {Blumfild 1968 — *Blumfild L.* *Jazyk / Per. s angl. Kubr'akovoj E. S., Murat V. P.* М., 1968.}
- Бобровников 1835 — *Бобровников А.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1835. {Bobrovnikov 1835 — *Bobrovnikov A.* *Grammatika mongol'skogo jazyka.* SPb., 1835.}
- Бобровников 1849 — *Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. {Bobrovnikov 1849 — *Bobrovnikov A.* *Grammatika mongol'sko-kalmyckogo jazyka.* Kazan', 1849.}
- Грамматика бурятского языка 1962 — Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология / Ред. *Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б.* М., 1962. {Grammatika bur'atskogo jazyka 1962 — *Grammatika bur'atskogo jazyka: Fonetika i morfologija / Red. Bertagaev T. A., Cydendambaev C. B.* М., 1962.}
- Грамматика калмыцкого языка 1983 — Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология / Авт. *Биткеев П. Ц., Дораева Р. П., Павлов Д. А., Пурбеев Г. Ц.* Элиста, 1983. {Grammatika kalmyckogo jazyka 1983 — *Grammatika kalmyckogo jazyka: Fonetika i morfologija / Avt. Bijkeev P. C., Doraeva R. P., Pavlov D. A., Purbeev G. C.* Elista, 1983.}
- Исаченко 1966 — *Исаченко А. В.* О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. М., 1966. С. 159—166. {Isačenko 1966 — *Isačenko A. V.* *O sintaksičeskoj prirode mestoimenij // Problemy sovremennoj filologii.* М., 1966. S. 159—166.}
- Касьяненко 1968 — *Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык. Л., 1968. {Kas'janenko 1968 — *Kas'janenko Z. K.* *Sovremennij mongol'skij jazyk.* L., 1968.}
- Левин 1973 — *Левин Ю. И.* О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. {Levin 1973 — *Levin Ju. I.* *O semantike mestoimenij // Problemy grammatičeskogo modelirovanija.* М., 1973.}
- Маслов 1975 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975. {Maslov 1975 — *Maslov Ju. S.* *Vvedenie v jazykoznanie.* М., 1975.}
- Мигирин 1973а — *Мигирин В. Н.* Опыт построения классификаций, прогнозирующих развитие местоимений и словообразовательных парадигм // Филологические науки. 1973, 3. С. 68—75. {Migirin 1973a — *Migirin V. N.* *Opyt postroenija klassifikacij, prognozirujuščix razvitie mestoimenij i slovoobrazovatel'nyx paradigm // Filologičeskie nauki.* 1973, 3. S. 68—75.}
- Мигирин 1973б — *Мигирин В. Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973. {Migirin 1973b — *Migirin V. N.* *Jazyk kak sistema kategorij otobraženija.* Kišinev, 1973.}
- Наделяев 1987 — *Наделяев В. М.* Современный монгольский язык // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 3—74. {Nadel'aev 1987 — *Nadel'aev V. M.* *Sovremennij mongol'skij jazyk // Jazyki Sibiri i Mongolii.* Novosibirsk, 1987. S. 3—74.}
- Орлов 1878 — *Орлов А.* Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878. {Orlov 1878 — *Orlov A.* *Grammatika mongolo-bur'atskogo razgovornogo jazyka.* Kazan', 1878.}
- Панов 1966 — *Панов М. В.* Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 55—122. {Panov 1966 — *Panov M. V.* *Russkij jazyk // Jazyki narodov SSSR. T. 1. Indoevropskie jazyki.* М., 1966. S. 55—122.}
- Панов 1999 — *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999. {Panov 1999 — *Panov M. V.* *Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka.* М., 1999.}
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. {Peškovskij 1956 — *Peškovskij A. M.* *Russkij sintaksis v naučnom osveščenii.* М., 1956.}
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1938. {Poppe 1938 — *Poppe N. N.* *Grammatika bur'at-mongol'skogo jazyka.* М.—Л., 1938.}

- Рассадин 1978 — *Rassadin V. I.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. {*Rassadin 1978 — Rassadin V. I.* Morfologija tofalarского jazyka v sravnitel'nom osveščeenii. M., 1978.}
- Рассадин 1991 — *Rassadin V. I.* Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991. С. 89—99. {*Rassadin 1991 — Rassadin V. I.* Mestoimenija v mongol'skix jazykax // Voprosy grammatiki mongol'skix jazykov. Novosibirsk, 1991. S. 89—99.}
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Гл. ред. *Шведова Н. Ю.* М., 1980. {*Russkaja grammatika 1980 — Russkaja grammatika.* Т. 1. Fonetika, fonologija, udarenie, intonacija, slovoobrazovanie, morfologija / Gl. red. *Švedova N. Ju.* M., 1980.}
- Санжеев 1941 — *Sanžeev G. D.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941. {*Sanžeev 1941 — Sanžeev G. D.* Grammatika bur'at-mongol'skogo jazyka. M.—L., 1941.}
- Санжеев 1953 — *Sanžeev G. D.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953. {*Sanžeev 1953 — Sanžeev G. D.* Sravnitel'naja grammatika mongol'skix jazykov. T. 1. M., 1953.}
- Санжеев 1959 — *Sanžeev G. D.* Современный монгольский язык. М., 1959. {*Sanžeev 1959 — Sanžeev G. D.* Sovremennij mongol'skij jazyk. M., 1959.}
- Санжеев 1964 — *Sanžeev G. D.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964. {*Sanžeev 1964 — Sanžeev G. D.* Staropis'mennij mongol'skij jazyk. M., 1964.}
- Тодаева 1951 — *Todaeva B. X.* Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. М., 1951. {*Todaeva 1951 — Todaeva B. X.* Grammatika sovremennogo mongol'skogo jazyka: Fonetika i morfologija. M., 1951.}
- Тодаева 1973 — *Todaeva B. X.* Монгольский язык. М., 1973. {*Todaeva 1973 — Todaeva B. X.* Mongol'skij jazyk. M., 1973.}
- Тодаева 1985 — *Todaeva B. X.* Язык монголов Внутренней Монголии: Очерк диалектов. М., 1985. {*Todaeva 1985 — Todaeva B. X.* Jazyk mongolov Vnutrennej Mongolii: Očerk dialektov. M., 1985.}
- Тодаева 1986 — *Todaeva B. X.* Дагурский язык. М., 1986. {*Todaeva 1986 — Todaeva B. X.* Dagurskij jazyk. M., 1986.}
- Харчевникова, Убушаев 2006 — *Harčevnikova P. P., Ubušaeв H. H.* Местоимения в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 2. Москва-Элиста, 2006. С. 150—180. {*Harčevnikova, Ubušaeв 2006 — Harčevnikova P. P., Ubušaeв H. H.* Mestoimenija v sovremennom kalmyckom jazyke // Voprosy teoretičeskoj grammatiki kalmyckogo jazyka. Vyp. 2. Moskva—Elista, 2006. S. 150—180.}
- Орчин цагийн монгол хэл зүй 1966 — Орчин цагийн монгол хэл зүй / Ред. *Лувсанвандан Ш.* Улаанбаатар, 1966. {*Orč'in cagij'n mongol xel zүй 1966 — Orč'in cagij'n mongol xel zүй / Red. Luvsanvandan Š.* Ulaanbaatar, 1966.}
- Brunot 1922 — *Brunot F.* La pensée et la langue: Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris, 1922.
- Isačenko 1965 — *Isačenko A. V.* Die russische Sprache der Gegenwart. München, 1965.

РЕЗЮМЕ

В статье предпринята попытка изучения монгольских местоимений и их места в грамматической системе монгольских литературных языков с точки зрения их соотносительности с частями речи знаменательных слов. В статье предлагается подробная классификация местоимений (указательные слова с функцией замещения) в современных монгольских языках, разработанная автором. В результате сравнения монгольской и тюркской систем местоимений было выявлено их типологическое сходство.

SUMMARY

This article is an attempt to determine the place of pronouns within the grammatical system of the modern literary Mongolian languages from the point of view of their correlation with the parts of speech of notional words. The article proposes a detailed classification of pronouns (demonstrative words with the function of substitution) of the modern Mongolian languages developed by the author. We compared Mongolian system of pronouns and the Turkic system and found typological similarity between them.

Ключевые слова: монгольские языки, тофаларский язык, грамматическая теория, местоимения

Keywords: Mongolian languages, Tofalar language, theory of grammar, pronouns

Why Turkish *kendisi* is a pronominal *

1. Introduction

This paper is concerned with the syntax and semantics of one Turkish pronoun, the inflected reflexive *kendisi* ‘self.3SG’, which, despite the surge of interest in long-distance anaphora, has so far received very little attention from either typologists or theoretical linguists of any other persuasion. It has to be noted that the pronoun in question is exciting for a number of reasons: it seems to violate the existing generalisations and postulates of most accounts by virtue of (allegedly) not being subject to locality constraints of any sort; besides, to the best of my knowledge, Turkish is the only Turkic language to have an anaphoric element of this kind.

This contribution aims to review and bring to the foreground of the linguistic community the syntactic and semantic properties of the Turkish inflected reflexive *kendisi* ‘self.3SG’, and, after critically reviewing extant accounts, to introduce new data¹ that will prove those existing proposals to be on the wrong track. Then, using the newly introduced data, this article will situate *kendisi* in the existing typology of anaphoric elements and put forth a tentative proposal to account for the newly discovered data.

The paper is structured as follows: in the remainder of the introduction properties of *kendisi* as outlined in the literature are summarised; §2 constitutes an overview of previous approaches proceeding, in §3, the new data are presented from semantic binding, “donkey”-anaphora, resumption, *de re / de se* readings in intensional contexts, and discourse uses and intensification. The tentative proposal and its possible extensions and implications occupy the whole of §4, and §5 concludes.

1.1. Properties of *kendisi*

Turkish has two distinct forms of reflexive pronouns: *kendi* ‘self’, which is assumed to be a strictly local anaphor (1a-b), and its inflected form *kendisi* ‘self.3SG’² displaying significantly different properties (3—6).

- (1) a. *Ali kendine kızdı.*
 Ali.NOM self.DAT get.angry.PAST
 ‘Ali got angry at himself’.
- b. *Ali Ayşe’nin kendine kızmasına şaşırdı.*
 Ali.NOM Ayşe.GEN self.DAT get.angry.MSD.ACC be.surprised.PAST
 ‘Ali₁ was surprised at Ayşe₂ getting angry at herself₂ / *him_{1/3}’ [Enç 1989: 58].

As the two sentences above illustrate, the uninflected, morphologically simplex anaphor *kendi* demands a local c-commanding antecedent and is thus subject to Condition A of the Binding Theory. We can see that from the unavailability of non-reflexive readings of (1b). Moreover, it has been argued elsewhere in the litera-

---

* I would like to express my gratitude to Barbara Partee and Yakov Testelefs for inspiring me to work on *kendisi*, and to the audiences at MSCL-5 and Peculiar Binding Configurations, where earlier versions of this paper were presented, for helpful comments and suggestions. I particularly appreciate the feedback from David Erschler, Vadim Kimmelman, Dagmar Schadler, Anna Volkova, Jan-Wouter Zwart and Peter Zubkov. Many thanks, moreover, to Anna Dybo for pointing out the ways to improve this article, and naturally to my Turkish consultants whose time and patience made the research reported here possible.

¹ Unless noted otherwise, the data featuring here comes from elicitation sessions and correspondence with 15 Turkish native speakers of various educational and professional backgrounds (mostly graduate students specialising in the humanities). A note on the methodology of data collection: during elicitation the subjects were asked to read a simple description of a scenario. Afterwards they had to judge a sentence as acceptable / unacceptable with respect to the given scenario, and whenever the subjects found a sentence unacceptable, they were asked to correct them. In addition to the stimuli, a number of fillers were used to prevent early saturation. Some of the stimuli and fillers were examples of natural discourse which were sometimes artificially modified to induce ungrammaticality, whereas others have been taken from the extant literature and again modified in various ways in order to adjust them to the particular tests implemented in this work.

² In addition to these two, relatively simplex anaphoric elements, Turkish has a reduplicated anaphor *kendi kendi(si)* that is strictly local, in accordance with most approaches to anaphoric relations. For the purposes of this paper I ignore the intriguing question of what exactly the internal structure of this reduplicated reflexive looks like — it suffices to say that syntactically it behaves like *kendi* but its semantico-pragmatics seems somewhat different, possibly because reduplication in these contexts serves the purpose of intensification.

ture [Kornfilt 1997; Kornfilt 2001] that the locality requirements on its use are even stricter: *kendi* must have a coargument antecedent (i.e. the antecedent and the pronoun have to be arguments of the same predicate, and not, for instance, an argument and an adjunct).

- (2) **Dün arkadaşım kendinden bir mektup aldı.*
 yesterday my.friend self.3SG.ABL one letter get.PAST
 ‘A friend of mine got a letter from himself yesterday’.

The inflected form of the reflexive pronoun, *kendisi*, despite sharing some of the properties of the simplex form (such as the ability to take local antecedents (3)), also displays a very different behaviour: it can be used in subject position (4), it can look for antecedents at a longer distance (5) as well as refer to entities in salient discourse, i.e. be used with no linguistic antecedent in the sentence, as in (6).

- (3) *Ali kendisine kızdı.*
 Ali.NOM self.3SG.DAT get.angry.PAST
 ‘Ali₁ got angry at himself₁ / him₂ / her₃’.
- (4) *Kendisi geldi.*
 self.3SG come.PAST
 ‘He / she / it came’.
- (5) *Ali Ayşe’nin kendisine kızmasına şaşırdı.*
 Ali.NOM Ayşe.GEN self.3SG.DAT get.angry.MSD.ACC be.surprised.PAST
 ‘Ali₁ was surprised at Ayşe₂ getting angry at herself₂ / him_{1/3} / her₄’.
- (6) A: *Ali hakkında Ahmet ne düşünüyor?*
 Ali about Ahmet what think.3.PRES
 ‘What does Ahmet think of Ali?’
 B: *Ahmet kendisini çok beğeniyormuş.*
 Ahmet self.3SG.ACC very admire.PROGR.REP.PAST
 ‘(They say) Ahmet admires him (i.e. Ali) very much’ [Kornfilt 2001: 200].

In the mini-dialogue above, the most natural referent for *kendisi* in the answer is *Ali*. It has to be noted that *kendisi* is not the only possible pronoun here — a usual 3rd person pronoun *o* ‘he / she / it’ (“pronominal”, in the terms of [Chomsky 1981; Chomsky 1982]) can be used in its stead, just like in English.

At this point we are confronted with a problem of characterising the distribution of *kendi*, *kendisi* and *o*, very much so because of the properties of the inflected reflexive. Let us proceed to review the existing proposals that have been put forward in the literature.

2. Existing proposals

It so happened that the few (theoretically-oriented) accounts of the peculiar properties of *kendisi* and similar pronouns have been developed within the contemporary generative grammar. These approaches can be roughly split into the following three groups:

- *kendisi* as a long-distance reflexive;
- *kendisi* has peculiar featural make-up which makes it different from other pronouns;
- *kendisi* is a syntactic phrase in disguise.

In this section we discuss each of these in turn.

2.1. *Kendisi* as LDR

Indeed, the possibility of interpreting *kendisi* as coreferential with a non-local antecedent should immediately remind us of the so-called “long-distance reflexives” prevalent in many languages, and we might be tempted to try and extend an existing analysis put forth for long-distance anaphors to account for the peculiar behaviour of *kendisi*.

Crosslinguistically, long-distance reflexives demonstrate a cluster of core properties: (a) they are mostly monomorphemic (as opposed to morphologically complex ones, which usually demand local antecedents (8)); (b) they display a strong preference for the subject even when other options are available (9); (c) they prefer, or even require, non-local antecedents (10).

(7)

	simplex long-distance	complex local
Russian	<i>seb'a</i>	<i>sam seb'a</i>
Japanese	<i>zibun</i>	<i>zibun-zisin</i>
Mandarin	<i>ziji</i>	<i>ta-ziji</i>

- (8) *Jon hørte oss [snakke om seg // *seg selv].*
 Jon heard us speak about self // self self
 ‘John₁ heard us speaking about him₁’ (Norwegian) [Hellan 1980: 170].
- (9) *Chelswu₁-nun Swunmi₂-eykey [Hakswu₃-ka caki₁/*_{2/3}-lul cohaha-ø-nta-ko] seltukhay-ss-ta.*
 Chelswu-TOP Swunmi-LAT Hakswu-NOM self-ACC love-PRES-INDIC-COMP convince-PAST-INDIC
 ‘Chelswu₁ convinced Swunmi₂ that Hakswu₃ loves him₁/*her₂/herself₃’ (Korean) [Rudnickaja 2001: 86].
- (10) a. *Peter₁ hørte Anne omtale sig₁.*
 Peter heard Anne mention self
 b. **Peter₁ fortalte Michael om sig₁.*
 Peter told Michael about self (Danish) [Büring 2005: 76].

It has, however, already been noted in the literature (see [Kornfilt 2001]) that the inflected form *kendisi* does not share any of these properties: (a) it is not monomorphemic (*kendi-si*), (b) it is not subject-oriented, and (c) it can take coargument antecedents. As the lack of (a) and (c) have already been demonstrated, we have to prove (b), which is easy enough given the data below:

- (11) a. *Oya'nun kendisini beğenmesi Ahmet'in hoşuna gitti.*
 Oya.GEN self.3SG.ACC admire.MSD.3SG Ahmet.GEN liking.3SG.DAT go.PAST
 ‘Oya’s admiring him₁ was to Ahmet’s₁ liking’.
- b. *Oya'nun kendisini beğendiği Ahmet'çe biliniyordu.*
 Oya.GEN self.3SG.ACC admire.MSD.3SG by.Ahmet know.PASS.PROGR.PAST
 ‘Oya’s admiring him₁ was known to Ahmet₁’ [Kornfilt 2001: 204].

In neither of the sentences above is the antecedent for *kendisi* (i.e. *Ahmet*) the subject of the sentence. Instead, the pronoun is itself situated within the gerundival that serves the function of the subject.

Based on the data above we have to conclude that although intuitively very attractive, the identification of *kendisi* with long-distance reflexives is empirically untenable.

2.2. Feature-based accounts

Many researchers, regardless of their theoretical persuasion, have exploited the notion of “features” to gain a better insight into the nature of linguistic phenomena; anaphoric relations are no exception to this methodology, and in spite of there being ample theoretical proposals as to the ways that anaphoric relations are featurally encoded, in this subsection I concentrate exclusively on those that have been put forward in connection with the pronoun in question, i.e. *kendisi*.

2.2.1. Enç’s theory [Enç 1989]

In her paper [Enç 1989] Mürvet Enç attempted to derive the existing variation in anaphoric systems across the world’s languages by proposing that all attested pronoun types arise as a result of interaction of 3 formal binary features: [$\pm$ Licenser], [$\pm$ B(inder)], [$\pm$ ID], as defined below.

If a pronoun is specified as [+B], it requires a sentence-internal antecedent to establish the semantic binding dependency; when specified as [-B], the pronoun may but does not have to be semantically bound.

(12) Binding

A binds B if A c-commands B, and A and B are coindexed.

Licensing

A licenses B if A c-commands B, and A is contained in the local domain of B.

As we can see from the definitions above, licensing is distinct from binding, and is required for Enç’s system to be able to extend to cases of “obviative” pronouns, which would otherwise be impossible. “Obviative” pronouns are special in that there always is a noun phrase in the sentence or discourse with which they cannot be coindexed and anaphorically linked. Such pronouns would obligatorily be specified as [+L]. Interestingly, locally bound reflexives are also endowed with a [+L] feature.

Now, unlike the definitions of binding and licensing, that of [$\pm$ ID] is significantly more complex, and makes recourse to the two above:

- (13) a. If a pronoun bears [+ID], its binder and licenser must be coindexed.
 b. If a pronoun bears [-ID], its licenser and its binder cannot be coindexed.

Here is how this proposal should derive the near-free distribution of *kendisi*. According to Enç, *kendisi* is specified as [-L,-B], and whenever this is the case, the pronoun in question will exhibit considerable freedom with respect to the choice of antecedent. This follows logically from the (informal) feature definitions given above: *kendisi* does not need a licenser or a binder, although it might have either or both.

2.2.2. Cole & Hermon's theory [Cole, Hermon 1998]

Cole and Hermon [Cole, Hermon 1998] develop a theory to account for the behaviour of a Singapore Malay pronoun *dirinya*, which is remarkably similar to *kendisi*, both morphologically (it is also a simplex reflexive inflected for 3rd person) and syntactically (it is as much unrestricted). Cole and Hermon claim that this behaviour of *dirinya* follows straightforwardly from the assumption that it has underdetermined features [α anaphoric, α pronominal] which take on different values depending on the syntactic environment: whenever it occurred with a local antecedent, it would take on [+anaphor, -pronominal], whereas the opposite would happen had *dirinya* occurred in a non-local binding configuration.

- (14) *Ahmad_i tahu Salmah_j akan membeli baju untuk dirinya_{i/j}.*
 Ahmad know Salmah will buy clothes for self.3SG
 'Ahmad knows Salmah will buy clothes for him / herself' [Cole, Hermon 1998: 61].

In this sentence *dirinya* may refer either to the subject of the matrix clause (i.e. *Ahmad*) or to that of the embedded clause (i.e. *Salmah*); in fact, it can also refer to a discourse antecedent, just like *kendisi* in Turkish.

In addition, and exactly like *kendisi*, it is not subject-oriented:

- (15) a. *Ali_i memberitahu Fatimah_j yang kamu menyukai dirinya_{i/j}.*
 Ali tell Fatimah that you like self.3SG
 'Ali told Fatimah that you like him / her'.
 b. *Siti_i mengingatkan Mohamed_j yang saya tahu dirinya_{i/j} seorang penjenayah.*
 Siti remind Mohamed that I know self.3SG one criminal
 'Siti reminded Mohamed that I know that she / he is a criminal' [Cole, Hermon 1998: 62].

It could be argued that this same approach could be extended to account for the distributional properties of *kendisi*, but I suspect that there are independent reasons to believe that this approach is on the wrong track, independent of the theoretical framework one assumes. In a GB-style generative grammar, nothing would prevent *dirinya* to be specified as [-anaphoric, -pronominal], as has indeed been proposed for PRO, but it is not easy to determine to what extent the properties of *dirinya* (or *kendisi*, for that matter) overlap with those of PRO. Besides, endowing a syntactic element with two (or more) conflicting categorial features as opposed to, for instance, morphosyntactic features, is theoretically unsavoury. Moreover, this flexibility of feature values and its sensitivity to the syntactic environment, being at best descriptively adequate, is on the verge of being theoretically unfalsifiable.

2.3. *Kendisi* is phrasal

Kornfilt [Kornfilt 2001] observes the parallelism between the morphological form of *kendisi* and the morphosyntax of Turkic possessor phrases. In Turkish and many other related languages the following structures are very common:

- (15) a. *Ali'nin arabası.*
 Ali.GEN car.3SG
 'Ali's car'.
 b. *onun arabası*
 he.GEN car.3SG
 'his / her car'
 c. *pro arabası*
 pro.GEN car.3SG
 'his / her car'

As many other related languages, Turkish is a *pro*-drop language allowing arguments to be freely dropped. By the same token, *kendisi* could be analysed as a variety of noun phrase, an Agreement Phrase (AgrP):

- (17) a. *pro kendisi*
           pro.GEN   self.3SG
           ‘his / her self’
       b. [_{AgrP} *pro* [_{Agr’} Agr [_{NP} *kendi*]]]
       c. [_{AgrP} *pro* [_{Agr’} –*si* [_{NP} *kendi*–]]]

The crux of Kornfilt’s analysis is then the claim that contrary to appearances, *kendisi* is completely well-behaved with respect to the Binding Conditions: the reflexive, *kendi*, is locally bound within the AgrP by the phonologically null subject / specifier of that phrase, as per Condition A. This subject (i.e. *pro*), in turn, is locally free within this same AgrP, completely in accordance with condition B.

We see that in addition to accounting for all the (so far) observed data, Kornfilt’s proposal demonstrates theoretical elegance in not making recourse to any additional features and mechanisms and relying solely on the independently motivated notions.

In the following section, however, I shall demonstrate that it nevertheless overgenerates and cannot be straightforwardly extended to explain certain pieces of data; but first the data itself.

3. New data

The data in this section will be concerned with a variety of semantic and syntactic aspects of anaphoric relations, and the general aim here will be to establish the distributional patterning of *kendisi* in different environments. In §3.1 we are concerned with the phenomenon of semantic binding, §3.2 deals with a similar but distinct phenomenon of “donkey”-anaphora. Then in §3.3 we demonstrate another function of *kendisi* that has been largely unnoticed, proceeding next to examine one more aspect of the semantics, namely the interpretation of *kendisi* in intensional contexts (§3.4). The final aspects to consider are the use of *kendisi* as an intensifier (§3.5) and the distribution of *kendisi* and *o* (§3.6). The section concludes with the summary of facts.

3.1. Semantic binding

When discussing different varieties of anaphoric relations, it has become customary in contemporary linguistics to discriminate between “semantic binding” and “coreference” [Reinhart 1983; Heim, Kratzer 1998; Büring 2005]. The former relation is an asymmetrical relation between an operator and a variable³, whereas the latter is arguably a more symmetrical relation of two NPs referring to one and the same individual in the salient discourse.

- (18) *Every student walks.*
        $\forall x[\textit{student}(x) \rightarrow \textit{walk}(x)]$

In (18) the variable *x* is within the scope of the universal quantifier $\forall$ and is therefore bound by it. For the sake of simplicity let us suppose in what follows that the operator is realised as the antecedent, and the variable is identified with the pronoun⁴.

Now consider: imagine that both *Ron* and *his* accidentally refer to one and the same individual in the real world — Ron. Clearly, the anaphoric dependency here is established in a completely different manner, although the relation may be argued not to be fully symmetrical, since *his* still needs an antecedent to be interpretable.

- (19) *Ron loves his mother.*
       = Ron₁ loves Ron’s mother.
       = Ron₁ loves some singular male individual’s mother.

To test whether we are dealing with semantic binding or coreference, three tests have been devised, of which we shall exploit the first two in this paper: (a) interpretation of elliptical sentences, (b) quantificational antecedents, and (c) interpretation of focus constructions with focus particles like *only*. They work as follows.

In ellipsis constructions the elided structure has to be identical to the non-elided antecedent part; let us call this fairly standard (see [Hardt 2008]) constraint on ellipsis “Predicate Identity”.

³ We think of this relation as asymmetrical in terms of the acquisition of value: in cases of binding the variable essentially depends on the operator to get a value.

⁴ As opposed to a more technical view that the only elements that can do the binding are real mathematical operators like λ -abstractors, ι -operators etc. The difference is immaterial for the purposes of this paper and can safely be ignored.

- (20) *John loves his wife and so does Bill* [~~*love his wife*~~].
 = John loves John's wife; Bill loves Bill's wife.
 = John loves John's wife; Bill loves John's wife.
 = John loves Max's wife; Bill loves Max's wife.
 ≠ John loves Max's wife; Bill loves Bill's wife.
 ≠ John loves Max's wife; Bill loves John's wife.
 ≠ John loves John's wife; Bill loves Max's wife.

The elliptical sentence in (20) may be understood as asserting that Bill loves either his own wife, or John's wife, or indeed someone else's wife (provided that someone else is male and salient in the preceding discourse). The first reading is traditionally referred to as “sloppy” and is associated with bound variable interpretations whilst the other two are usually called “strict” and signal coreference. Observe that in accordance with “Predicate Identity”, certain potentially plausible interpretations like the last three above are unavailable.

The quantificational antecedents test is different from (VP-)ellipsis⁵ at least in that it tests the overall availability of bound variable interpretations; it does not tell us whether a certain pronoun is “obligatorily” interpreted as a bound variable. This becomes possible due to a peculiar property of quantificational phrases: they cannot refer [Reinhart 1983; Padučeva 1985; Büring 2005; Abbott 2010; Szabolcsi 2010].

3.1.1. Constraints on binding and coreference

It has been argued many times in the literature that constraints on semantic binding are much stricter than those on coreference and are purely structural — assuming a correlation between c-command and scope, the operator must c-command the variable in order for the binding relation to obtain.

- (21) a. [*Every tenor*]₁ believes *he*₁ is a genius.
 b. **He*₁ believes [*every tenor*]₁ is a genius.

In the two sentences above the indexing is identical; however, the structural relation between the pronoun and its antecedent is not — in (21a) the operator c-commands the variable and the semantic binding relation obtains. In (21b), on the other hand, the configuration is reverse; consequently, it is ungrammatical on the desired interpretation. Note that this ungrammaticality cannot be coerced, pragmatically, into a legitimate interpretation.

3.1.2. VP-ellipsis

Let us take the by now familiar sentence from §1.1 and modify it slightly by adding a postposed elliptical continuation:

- (22) *Ali Ayşe'nin kendisine kızmasına şaşırdı, Mustafa da.*
 Ali Ayşe.GEN self.3SG.DAT get.angry.MSD.ACC be.surprised.PAST Mustafa too
 ‘Ali₁ was surprised that Ayşe₂ got angry at him₁ / herself₂ / him / her₃, and Mustafa did too’.

The whole sentence is now multiply ambiguous, and, given “Predicate Identity”, it is logical to expect the number of existing readings to double. However, this expectation is not fulfilled because the local bound variable interpretation (i.e. when both Ali and Mustafa are surprised the Ayşe got angry at herself) is unavailable. My consultants insist that for it to become available, *kendi* has to be used instead of *kendisi*. Given the nearly free distribution of *kendisi*, this is unexpected. Interestingly, as far as semantic binding is concerned, *kendisi* seems to be in free variation with the pronominal *o* ‘he’:

- (23) *Ali Ayşe'nin ona kızmasına şaşırdı, Mustafa da.*
 Ali Ayşe.GEN he.3SG.DAT get.angry.MSD.ACC be.surprised.PAST Mustafa too
 ‘Ali₁ was surprised that Ayşe₂ got angry at him₁ / *herself₂ / him / her₃, and Mustafa did too’.

As with the previous version of this sentence, all interpretations except for the properly reflexive one are available.

At this point we might be tempted to interpret the absence of the bound variable reading in the coargumental configuration as following from some sort of competition amongst potential antecedents with the most local one

⁵ Yakov Testeleets notes that it is incorrect to call any instance of ellipsis VP-ellipsis, a convention which has become traditional in discussions of anaphoric relations, at least because it remains to be proved that the language in question has VP as a unit. I fully agree with this and do not offer any arguments for or against VP in Turkish, hence the bracketed VP.

ranking the lowest. Another possibility would be to assume an essentially (neo-)Gricean pragmatic approach and claim that using *kendisi* creates an implicature that rules out *Ayşe* as a potential antecedent (given that *kendi* is preferred in such contexts). Be that as it may, there is an easy way to test these two hypotheses, namely to add an elliptical continuation to a monoclausal sentence, as in (24) below.

- (24) *Mustafa kendisine kızdı, Ali de.*
 Mustafa self.3SG.DAT get.angry.PAST Ali too
 ‘Mustafa got angry at him(self), and so did Ali’.

It appears that this sentence can only be acceptable on a reading whereby both Mustafa and Ali get angry at some third party that may have become salient in the preceding discourse (say, Ahmet), and I believe this to be a knock-down argument against an analysis of *kendisi* in terms of competition or optimality; as for pragmatic approaches, I know none that would unambiguously derive and predict the distribution of strict and sloppy readings for any language.

A preliminary conclusion is thus that *kendisi* can be interpreted as a bound variable with the exception of very local, coargumental, anaphoric dependencies with its antecedent.

3.1.3. Quantificational antecedents

We started out by observing that the inflected reflexive *kendisi* in Turkish allowed both long-distance and local antecedents, as in (25).

- (25) *Ali kendisine kızdı.*
 Ali.NOM self.3SG.DAT get.angry.PAST
 ‘Ali₁ got angry at himself₁ / him₂ / her₃’.

Let us exploit another test on variable binding, namely quantificational binding. This test crucially rules out coreferential interpretations by virtue of quantificational noun phrases being unable to refer in principle.

- (26) *Her Bakan kendisine kızdı.*
 every minister self.3SG.DAT get.angry.PAST
 ‘*Every minister got angry at himself₁ / him₂ / her₃’.
^{OK}‘Every minister got angry at him / her’.

Indeed, as expected, the local bound-variable interpretation of *kendisi* in (26) is unavailable (i.e. this sentence cannot be used to describe a prototypical reflexive situation of every minister getting angry at himself / herself); the only one that is available is the one whereby *kendisi* is bound by or coreferential with an antecedent in the preceding discourse.

Now, recall a mini-discourse in (6), repeated here as (27) for ease of reference.

- (27) A: *Ali hakkında Ahmet ne düşünüyor?*
 Ali about Ahmet what think.3.PRES
 ‘What does Ahmet think of Ali?’
 B: *Ahmet kendisini çok beğeniyormuş.*
 Ahmet self.3SG.ACC very admire.PROGR.REP.PAST
 ‘(They say) Ahmet admires him (i.e. Ali) very much’ [Kornfilt 2001: 200].

This discourse was there to show that *kendisi* could take discourse antecedents but did not answer the question whether it was then interpreted as a bound variable. As will become obvious from the slightly modified version of this dialogue given in, the answer to this question should be negative.

- (28) A: *Her Bakan hakkında Ahmet ne düşünüyor?*
 every minister about Ahmet what think.3.PRES
 ‘What does Ahmet think of every minister?’
 B: **Ahmet kendisini çok beğeniyormuş.*
 Ahmet self.3SG.ACC very admire.PROGR.REP.PAST
 ‘(They say) Ahmet admires him (i.e. every minister) very much’.

Of course, hypothetically a different interpretation of the response is available (i.e. whereby *kendisi* refers to another discourse antecedent) but it is pragmatically very inappropriate. This, of course, reminds us of the similar pattern with English pronominals, where the sentence is ungrammatical when the pronoun is outside the scope of the noun phrase headed by a strong quantifier.

- (28) a. *I met a man. He was nice.*
 b. *I met every man. *He was nice.*
 c. *I met every man. ?They were nice.*

3.1.4. Implications for existing proposals

Let us briefly review the implications of the data from semantic binding for the existing analyses briefly summarised in §2. All these analyses relied crucially on the unrestricted distribution of *kendisi*, which I hope to have shown is much more restricted than previously claimed. Theoretical considerations notwithstanding, neither of the feature-based accounts outlined above makes correct empirical predictions for the local anaphoric dependencies between *kendisi* and its antecedent. The phrasal analysis as proposed by [Kornfilt 2001] also cannot explain the ill behaviour of *kendisi* with respect to Condition A as far as semantic binding is concerned. I take it that a new account is in order, which I will sketch in §4, after introducing more data to support it.

3.2. “Donkey”-anaphora

“Donkey”-anaphora is a configuration where a pronoun depends for its interpretation on an indefinite that does not c-command it [Geach 1962; Evans 1980; Heim 1982]. Crucially, in such environments the value of the pronoun co-varies with its antecedent.

- (30) a. *Every farmer who owns a donkey beats it.*
 b. *If a man is in Athens, he cannot be in Rhodes.*
 (31) [[every [farmer [who owns a donkey]]] [beats it]]

In sentences (30) above the pronouns (*it* in (30a) and *he* in (30b)) are outside the scope (or c-command domain) of their antecedents — we can appreciate that from the structure in (31) — but “covary” with them, just like the cases of semantic binding that we have considered in the preceding section.

It has to be emphasised that neither proposing a treatment for “donkey”-anaphora nor extending an existing account to cover the Turkish data presented here is the purpose of this article. Instead, we note the differences in behaviour between traditional long-distance anaphors and *kendisi* and only use “donkey”-contexts as a supplementary test to delve deeper into the properties of *kendisi*; nothing similar has been done so far, to the best of my knowledge.

Despite the fact that Turkish conditional embedded clauses are characterised by subject *pro*-drop whenever the matrix and embedded subjects corefer (32), there still are environments where *kendisi*, as well as the usual pronominal *o*, can be used as an overt subject / object “donkey”-pronoun.

- (32) a. (*Eğer*) *bir çiftçinin bir eşeği varsa, (çiftçi) onu her zaman döver.*
 if one farmer.GEN one donkey be.PRES.COND farmer it.ACC all time beat.PRES.3
 ‘If a farmer owns a donkey, he always beats it’.
 b. *Bir çiftçi bir eşeği (eğer) kendisininse döver.*
 one farmer one donkey if self.3SG.GEN.COND beat.PRES.3
 ‘A farmer beats a donkey if he owns it’.

Sentences (32a) and (32b) differ with respect to the positions of “donkey”-pronouns and their antecedents: in the former, full noun phrases are located inside the antecedent of the conditional with the pronoun in the consequent; in the latter case the situation is reverse. Despite the structural difference, these sentences are very close to the prototypical instances of “donkey”-anaphora, primarily because the value of the pronoun changes whenever the antecedent changes. In other words, neither in (32a) nor in (32b) could we be meaning a specific donkey that a certain (perhaps also specific) farmer owns, nor a donkey that is in the collective property of several farmers, or indeed several distinct donkeys in the property of one specific farmer.

- (32) a. *Eğer Başkan₁ [benim şahsen tanıdığım bir yazarı]₂ seviyorsa, onu₂*
 if president my personally known.to.me one writer.3SG like.PRES.COND he.ACC
kendisiyle₁ tanıştıırım.
 self.3SG.COM introduce.FUT.1SG
 ‘If the President likes a writer whom I know personally, I will introduce him to him’.
 b. *Eğer Başkan benim şahsen tanıdığım bir yazarı seviyorsa, kendisini₁*
 if president my personally known.to.me one writer.3SG like.PRES.COND self.3SG.ACC
onunla₂ tanıştıırım.
 with.him introduce.FUT.1SG
 ‘If the President likes a writer whom I know personally, I will introduce him to him’.

- (34) *Unlu bir yazarı₂ tanıyorsan(ız), onu₂ kendisiyle₁ mutlaka tanıştirmalısınız.*
 famous one writer.ACC know.PRES.2SG.COND he.ACC self.3SG.COM necessarily introduce.MOD.2PL
 ‘If you know a famous writer, you have to introduce him to him’.

It is interesting to note that *kendisi* can also be used “donkey”-**cataphorically**, i.e. when it linearly precedes and is not c-commanded by its indefinite antecedent:

- (35) *Bir yabancı kendisine yol sorarsa, bir Milanolu ona yardımcı olur.*
 one foreigner self.3SG.DAT road ask.PRES.3SG.COND one person.from.Milan he.DAT helper become.PRES.3
 ‘If a foreigner asks him the way, a person from Milan will help him’.

This pattern is identical to the one observed for English, and the example itself was in fact modelled on the one in [Elbourne 2009: 3]:

- (36) *If a foreigner_i asks him_j for directions, [a person from Milan]_j replies to him_i with courtesy.*

Summing up this subsection, we have seen one more piece of empirical evidence against treating *kendisi* as a reflexive pronoun of any kind since it clearly patterns with pronominals with respect to the availability of “donkey”-anaphoric readings.

3.3. Resumption

Crosslinguistically, resumptive pronouns are pronouns that are related to relativised noun phrases [Haege- man 2001]. More concretely, these are the pronouns that are usually situated inside the relative clause and are coreferential with / bound by an antecedent in the matrix clause:

- (37) *an ghirseach a-r ghoid na síogai í*
 the girl aN-[past] stole the fairies her
 (Irish) ‘the girl that the fairies stole away’ (aN is a complementizer) [McCloskey 2002: 189].

Detailed analyses of resumption within the Minimalist programme and LFG have been provided by, amongst others, [Adger 2008; Asudeh 2004; Asudeh 2005]. In this paper we are only concerned with the empirical side of the phenomenon and its realisation in Turkish.

As mentioned in [Meral 2004], resumptive pronouns in Turkish are mostly optional in that they are in free variation with the gap; however, there are environments where they are obligatory (in objects of postpositions or in certain types of adjuncts). Curiously, when the resumptive is present, it is spelled out as *kendisi*:

- (37) a. [_{CP} OP_i [_C [_{IP} pro_j [_I kendisi-yle_i / t_i dans et-tiğ-im_j]]]] kadın_i
 self.3SG-COM dance-DIK-AGR woman
 ‘the woman I danced with’
 b. [_{CP} OP_i [_C [_{IP} pro_j [_I kendisi-yle_i /*t_i arkadaş-ımız-a hediye aldığ-ımız_j]]]] kadın_i.
 self.3SG-COM friend-POSS-DAT gift take-DIK-AGR woman
 ‘the woman with whom we bought a gift for our friend’

The two noun phrases in (38) are different in that only the (a) structure allows for the optionality of the resumptive pronoun — relativisation with a gap (*dans ettiğim kadın*) is also perfectly fine. The same, however, is not true of (38b), where the resumptive pronoun is obligatory.

To the best of my knowledge, reflexive resumptives have not been attested⁶, and the behaviour of Turkish *kendisi* once again resembles that of Binding-Theory-style pronominals.

3.4. Interpretation in intensional contexts

It has often been argued, especially in the philosophical literature, that noun phrase interpretation is sensitive to a multitude of factors, amongst which are possible worlds. To see why this should be the case, consider two scenarios, 1 and 2 (from [Chierchia 1989]).

Scenario 1. “Pavarotti is listening to a recording where he is performing «La donna è mobile» and feels very impressed by his own performance. He thinks, «I have to admit, I am a genius!»” [Anand 2006: 9—10].

⁶ In fact, this is not strictly true: in certain languages, like Old English or modern Frisian [Huang 2000], there are no dedicated reflexive forms and pronominals are used for the purposes of reflexivisation. As far as I am aware, these languages also demonstrate resumptive strategies, and the very same pronouns are used there as elsewhere.

In this scenario, there is a self-acquaintance relation between Pavarotti and whoever is performing the song in question; thus, if we were to report Pavarotti's belief, we would have to make sure that this aspect of meaning is also conveyed.

Scenario 2. "Pavarotti is listening to a recording where a tenor voice is performing «La donna è mobile» and is very impressed by the performer's skill. He thinks, «This tenor is a genius!». Unbeknownst to Pavarotti, it is he himself that he believes to be a genius" [Anand 2006: 9—10].

Unlike in the previous scenario, in this there is no self-acquaintance relation between Pavarotti and the performer of "La donna è mobile". In fact, there is a contradictory belief on Pavarotti's part, namely that the performer is not him, Pavarotti. Again, this aspect of meaning has to be somehow conveyed when we report Pavarotti's belief.

Let us now consider the actual expressions from natural language, in this instance Italian; let us also follow the literature and call the reading *without* the self-identity relation the *de re* reading (from Latin "of the thing"), and the one *with* this relation the *de se* reading (from Latin "about self").

- (39) a. *Pavarotti crede di PRO essere un genio.*
 Pavarotti believes COMP be.INF DET genius
 'Pavarotti believes to be a genius' [S1; *S2] — *de se*.
 b. *Pavarotti crede che gli è un genio.*
 Pavarotti believes that he is DET genius
 'Pavarotti believes that he is a genius' [S1; S2] — *de re*.

As the sentences above demonstrate, natural language elements may differ with respect to what kind of interpretation they prefer; in fact, it has become a default assumption that a number of pronouns (PRO, logophoric pronouns and many of the long-distance reflexives, see [Anand, Nevins 2004; Anand 2006]) are always interpreted *de se*, whereas no such requirement is valid for usual 3rd person pronouns.

Now let us go on to see how *kendisi* will fare in mistaken identity scenarios similar to the ones we have just discussed.

Scenario 3. "Ali and Ayşe are good friends and know each other extremely well. Amongst other things, Ali knows that you have to work extremely hard to make Ayşe angry. At the moment Ali is at home watching a video recording of Ayşe talking to a man. Suddenly he sees all the indications of Ayşe getting angry at the man without that man having done anything to provoke her anger. Unbeknownst to him, the man in the recording is his real-world self."

As is obvious from the description of the scenario, we are dealing here with a case of mistaken identity. If *kendisi* is akin to long-distance reflexives or PRO, we are expecting it to be unacceptable in an utterance reporting this belief of Ali's.

Scenario 4. "Ali and Ayşe are good friends and know each other extremely well. Amongst other things, Ali knows that you have to work extremely hard to make Ayşe angry. At the moment Ali is at home watching a video recording of Ayşe talking to a man. Suddenly he sees all the indications of Ayşe getting angry at the man without that man having done anything to provoke her anger. In addition, he manages to make out that the man in the recording is actually himself."

- (40) *Ali Ayşe'nin kendisine kızmasına şaşırdı.*
 Ali Ayşe.GEN self.3SG.DAT get.angry.MSD.ACC be.surprised.PAST
 'Ali₁ was surprised at Ayşe getting angry at him₁' [S3 (*de re*), S4 (*de se*)].

It is apparent from the acceptability of (40) as an attitude report of either one of the scenarios (3 or 4) that *kendisi* is semantically very different from PRO, logophoric pronouns and run-of-the mill long-distance reflexives in that it can in principle be interpreted *de re*. This is another aspect of its semantics that it has in common with traditional Binding-Theory-style pronominals like English *he*, Italian *gli* and so on.

3.5. Discourse and intensification

So far we have only seen one instance of discourse-conditioned functioning of *kendisi*, namely in environments where it could take discourse antecedents. However, it has long been known that reflexive-like elements may fulfil at least one more function — intensification [Faltz 1985; König, Siemund 2000; L'utikova 2002; Gast 2006].

(41) *As Elizabeth Brinker cares for her mother, she knows she herself_F is [at risk of inheriting]_F Alzheimer's disease* [Sæbø 2009: 118].

(42) *Glahn elsker drømmen om Edvarda mer enn han elsker henne selv.*
Glahn loves the.dream of Edvarda more than he loves her self [Sæbø 2009: 119].

However, despite their morphological identity with reflexives, intensifiers have been claimed to be sensitive to constraints of a different kind, and I consider it a fact that unified accounts of reflexivisation and intensification (see [Reinhart, Reuland 1993; Safir 2004]) are on the wrong track (for details and discussion, see [Sæbø 2009] and references there).

In Turkish, it is usually *kendi* (and not *kendisi*) that is used as an intensifier [König, Siemund 2000: 51]. (43) illustrates the focus-sensitive use of *kendi*:

(43) *Evlâd-ın-ı döv-me-yen (kişi) kendin-i döv-er*
child-3SG-ACC spank-NEG-REL.PRT person self-ACC hit-PRES
'He who doesn't hit his child hits himself' [Kornfilt 2001: 215].

However, a reduplicated form, *kendi kendisi*, also exists and is likewise used to convey emphatic aspects of meaning.

3.6. Excursus: *kendisi* vs. *o*

As may have become evident, in this section I have been highlighting the largely pronominal behaviour of the Turkish inflected reflexive *kendisi* (as opposed to its reflexive-like properties that we may have been expecting giving the generally reflexive morphology of this pronoun). We have seen that it demonstrates Condition B effects with respect to semantic binding and that it can be used as a “donkey”-pronoun. Besides, it shares with pronominals the ability to be interpreted *de re* in intensional contexts. Unlike reflexives, it is not used as an intensifier, and like a pronominal, it is used for the purposes of resumption.

However, I am not the first to make out that *kendisi* looks more like a pronoun: consider the relevant passage from [Kornfilt 2001].

“Summarizing the facts considered here, the differences in use between the overt pronoun and the inflected reflexive with respect to their use in nonlocal domains are really differences in preference, as to be expected, if they are interpreted as resulting from pragmatic and functional principles like the topic-switch principle and the Avoid Pronoun Principle” [Kornfilt 2001: 214—215].

Exactly the same point, albeit in a different framework, is made in [Nilsson 1978], where the author is trying to derive the distinction between *o* and *kendisi* from general pragmatic principles governing cooperative communication whilst also emphasising the nearly free variation between the two pronouns.⁷

So, what is it that motivates the speaker confronted with two alternatives, *kendisi* and *o*, to choose, in a given pragmatic setting, one over the other? We have seen that both pronouns have only one negative syntactic condition on their use — they must not be in a local binding configuration with their antecedents — and unlike *bona fide* reflexives and reciprocals, are sensitive to a plethora of pragmatic factors. I agree with [Nilsson 1978] in identifying the following factors as of an utmost importance:⁸

- information structure;
- deictic perspective;
- point of view / empathy.

Since the aim of this paper is to provide empirical and theoretical arguments for considering *kendisi* a pronominal, and the syntactic, semantic and pragmatic differences between *kendisi* and *o* are outside its immediate scope and merit a separate research article, I would nevertheless like to note, as a first approximation, that the information-structural conditions governing the use of either pronoun are rather similar to those that are behind the distribution of *on* ‘he’ and *tot* ‘that’ in Russian [Krejdlin, Čexov 1988].

Put concisely, the syntactic difference between *on* and *tot* is that the latter does not tolerate an immediately c-commanding antecedent:

⁷ I thank Anna V. Dybo for drawing my attention to the data in [Nilsson 1978] and for supplying me with a copy of that article.

⁸ In addition to these, Nilsson briefly discusses politeness as another pragmatic factor underlying the use of *kendisi*. Since I have not been able to get any judgements from my consultants regarding this aspect of the pragmatics associated with *kendisi*, I leave this issue for future research.

- (44) *Uçitel' rasskazal direktoru, čto oxrannik sčitaet togo durakom.*
 Teacher told headmaster.DAT that guard considers that.ACC fool.INS
 'The / A teacher told the headmaster₇ that the security guard considers him₇ a fool'.

In (44) above, the demonstrative pronoun *tot* can only be coreferential with the indirect object of the matrix clause. It is usually assumed that as far as information structure is concerned, this pronoun is used to encode the focus switch from the rheme (focus, new information etc.) once that rheme becomes the theme (topic, given information etc.) or part of the theme. To analogise, it could turn out that a similar pattern holds with the *o–kendisi* dichotomy.

As for the perspective-sensitivity of *kendisi*, let us briefly consider a minimal pair of sentences in, where (45a) has a deictic predicate *come* and (45b) involves its deictic opposite *-go*:

- (44) a. *Ayşe'nin arkadaş-ı kendi-sin-e // ?on-a gel-di.*
 Ayşe-GEN friend-3SG self-3SG-DAT // he-DAT come-PAST
 'Ayşe₁'s friend came to her₁'.
- b. *Ayşe'nin arkadaş-ı ?kendi-sin-e // on-a git-ti.*
 Ayşe-GEN friend-3SG self-3SG-DAT // he-DAT go-PAST
 'Ayşe₁'s friend went to her₁' [Nilsson 1978; Nilsson 1987: 447].

According to the judgements in [Nilsson 1978], only (45a) licenses the use of *kendisi* whereas in (45b) only the demonstrative *o* is judged acceptable, which leads Nilsson to conclude that *kendisi* must be sensitive to the linguistic perspective of the utterance.

All its many merits notwithstanding, it seems to me that Nilsson's paper makes a potentially dangerous move in an attempt to draw parallels between *kendisi* and the Japanese long-distance reflexive *zibun* based on the insight that both of these anaphoric elements are sensitive to perspective or point of view. She fails to notice, however, a number of vital differences between the two, namely that unlike *kendisi*:

- *zibun* is subject-oriented;
- *zibun* cannot itself be used in subject position;
- *zibun* is not used as a “donkey” pronoun;
- *zibun* is obligatorily interpreted as a bound variable;
- *zibun* under intensional predicates is obligatorily interpreted *de se*.

One last comment on [Nilsson 1978; Nilsson 1987] is empirical in nature and concerns her observation regarding the possibility of anaphoric (and cataphoric) dependencies with different types of antecedents for both *o* and *kendisi*. According to Nilsson, binding of *kendisi* is deemed unacceptable if the antecedent is indefinite:

- (44) a. **Adam kendisini / onu görünce, bir kız pencereden atladi.*
 man self / she-DAT see.CNV one girl window-ABL jump-PAST
 '(When the man saw her₁, a girl₁ jumped out of the window)'.
- b. *Adam kendisini görünce, Ayşe pencereden atladi.*
 man self.DAT see.CNV Ayşe window-ABL jump-PAST
 '(When the man saw her₁, Ayşe₁ jumped out of the window)'.

Contrary to what Nilsson claims, however, anaphora and cataphora between *kendisi* and an indefinite antecedent are far from unacceptable, and we have seen a few examples of this already in this article. These were the “donkey”-sentences in §3.2, and they were judged perfectly grammatical.

Finally, from the perspective of the present article, it is not surprising that *kendisi* allows long-distance antecedents, as it also possesses a cluster of properties traditionally associated with personal pronouns. What begs an explanation on this view is precisely the converse, that is the few cases where this pronoun can be used with coargument antecedents.

4. Proposal

As mentioned in §3.1.1, semantic binding and coreference are sensitive to constraints of different nature: the former is regulated by purely structural factors whereas the latter is subject to pragmatic factors. I will assume that it is theoretically redundant to consider coreference to be sensitive to syntactic constraints given the presence of an independently motivated phenomenon, and will follow [Büring 2005] in claiming that the Binding Theory is only concerned with “semantic” binding.

It can furthermore be argued that constraints on coreference can be formalised in an essentially neo-Gricean way, i.e. via the notion of “conversational implicature”.

In the preceding section I have been trying to reinforce parallels between the properties of *kendisi* on the one hand and Chomsky-style pronominals (i.e. elements like *he* in English) on the other, and believe that the only puzzle to be explained at this stage is the apparent local anaphoric dependencies between *kendisi* and its coargument antecedent.

We have established that this local dependency cannot be an instance of binding, and are left with one alternative — it must be an instance of coreference. Now, if *kendisi* is a pronominal, then these local instances of coreference must constitute a violation of Condition B, which says that a pronominal must be (semantically) free within its local domain. The question we should be asking at this point then is whether there are, across languages, other instances of Condition B violations (or, as I shall be calling them here, “obviations”) and if so, how they are licensed.

The answer to this question is definitely positive, and we do not have to go much further than English, as will become apparent below. Indeed, English provides us with ample examples of such obviations. Consider (47) from [Büring 2005] (bold signals coreference).

- (47) a. *Everybody hates Max. John hates him. Bill hates him... Even **Max** hates **him**.*
 b. *What do you mean **John** loves no one? He loves **John**.*

If taken in isolation, the last sentences in (47a-b) would be ungrammatical due to Condition B and Condition C effects respectively (in the former, a pronominal has an antecedent within its binding domain, and in the latter a pronominal c-commands a coreferential noun phrase); however, when embedded in a suitable context, these sentences seem perfectly natural. In fact, had there not been these obviations of the Binding Conditions in these contexts, the unobviated versions of these sentences (i.e. with a reflexive in (47a) and the reverse order of pronoun and antecedent in (47b)) would have been ungrammatical.

Binding theory obviations of the kind illustrated in (47) are typically explained via a version of the so-called “Coreference Rule”:

(48) **The Coreference Rule**

α cannot corefer with β if an indistinguishable interpretation can be generated by replacing α with a variable bound by β [Büring 2005: 119].

Interestingly, a Turkish counterpart of (47a) has *kendisi* as a preferred pronoun:

- (49) *Herkes Ali'den nefret eder. Mustafa ondan nefret eder. Ahmet ondan nefret eder. Kızkardeşi ondan nefret eder. Ali bile kendisinden nefret eder.*
 everyone Ali-ABL hatred do-PRES.3 Mustafa he-ABL hatred do-PRES.3 Ahmet he-ABL hatred do-PRES.3 sister-3SG he-ABL hatred do-PRES.3 Ali even self-3SG-ABL hatred do-PRES.3
 ‘Everyone hates Ali. Mustafa hates him. Ahmet hates him. His sister hates him. Even Ali hates him.’

Returning to (48), it is obvious that the key notion there is that of an “indistinguishable interpretation”. Now, what counts as a distinguishable interpretation? One influential proposal [Heim 1993] claims that it is in fact syntactic structures of sorts, called logical forms, that should be compared, and not interpretations in isolation.

(50) **(In)distinguishable interpretations**

“Whenever a particular property P is under discussion, and LF and LF' are logical forms such that P is denoted by some part LF but not by any part of LF', the LF should be distinguished from LF', even if both express the same proposition” [Heim 1993].

It seems that the most plausible candidates for comparison in our case would be pairs of sentences with both *kendi* and *kendisi* taking local, coargument antecedents, as below.

- (49) a. *Ali kendine kızdı.*
 Ali self.DAT get.angry.PAST
 ‘Ali got angry at himself’.
 b. *Ali kendisine kızdı.*
 Ali self.3SG.DAT get.angry.PAST
 ‘Ali got angry at himself’.

Note that we exclude other possible readings of (51b) and concentrate on the reflexive one. Now, when confronted with pairs of sentences like that, my consultants could perceive a semantic difference; however, they could not formulate it clearly in English. Therefore I offer a tentative characterisation of it, and since I cannot give full details here, leave the question for future research. Several informants could feel that (51a) and (51b) differed with respect to temporal deixis, or taxis: the sentence with *kendisi* implied for them that a considerable

period of time must have elapsed between the event of Ali getting angry at himself and the utterance time, whilst no such condition was necessary for (51a) to be true⁹.

4.1. Predictions and extensions

Before proceeding to the conclusion, a few remarks on the predictions and extensions of the approach presented above are in order.

First, on the theoretical side, the present proposal does not, strictly speaking, contradict the view suggested by Kornfilt; in actuality, I prefer to remain agnostic as to the precise internal structure of *kendisi* and its counterparts in other languages. It may well be the case that the syntactic decomposition Kornfilt advocates turns out to be correct in the end, and there have indeed been arguments in the literature that 3rd person pronouns (or perhaps all personal pronouns) in English are disguised definite descriptions [Elbourne 2005], which in English cannot be semantically bound in their local domain — precisely what we expect on the present view, *pace* [Kornfilt 2001].

Second, identification of *kendisi* with plain pronominals naturally simplifies the typology of long-distance anaphora. By means of example, [Cole et al. 2001] establish three classes of long-distance anaphors: (a) true long-distance anaphors, (b) pragmatically motivated long-distance uses of generally local anaphors (e.g. logophoric uses of English *himself*), and (c) pronouns that behave like anaphors in local configurations and like pronominals in all others. According to the authors, *kendisi* is a member of the last group, but since I have tried to argue against it having local anaphor-like properties, the category itself becomes redundant.

Third, as has been mentioned in this paper, there is a striking degree of similarity between Turkish *kendisi* and Malay *dirinya*. To recapitulate, they are both reflexive pronouns inflected for 3rd person singular, their distribution is also nearly identical. It would thus be very interesting to see whether the account developed in this contribution extends to account for the Malay phenomena. Sadly, there is not enough data in the literature for us to draw any conclusions.

However, one can find fragments of semantic binding data for Malay in [Cole, Hermon 2005], where the authors provide evidence from ellipsis showing that *dirinya* indeed allows both strict and sloppy readings, that is that it can be either bound or referential. Here are the relevant pieces:

(52) *John nampak dirinya di dalam cermin; Frank pun.*

John see self.3SG in inside mirror Frank too

‘John saw him(self) in the mirror and Frank did too’.

According to [Cole, Hermon 2005], this sentence can be interpreted as asserting that Frank saw either himself, John or a third party from the preceding discourse. At first glance, this seems to contrast rather starkly with our Turkish data, but I believe that data from quantificational binding would give more conclusive results. As matters stand, we should be expecting bound variable interpretations in these configurations to be unavailable.

(53) *Mary fikir John nampak dirinya di dalam cermin; Frank pun.*

Mary think John see self.3SG in inside mirror Frank too

‘Mary thought that John saw himself / her in the mirror and Frank did too’.

“Strict”: ‘Frank thought that John saw Mary in the mirror’.

“Sloppy”: ‘Frank thought that John saw Frank in the mirror’ [Cole, Hermon 2005: 636].

In (53), again both “strict” and “sloppy” readings of the elliptical continuation are available. It should be noted, however, that the authors only mention the bound-variable long-distance readings, and completely ignore the local one. Again, we would expect the local reflexive interpretation (i.e. when Frank thinks John saw himself in the mirror) to be unavailable.

Besides Singapore Malay, there is also a degree of resemblance between *kendisi* and a reflexive / logophoric pronoun *wuĐ* in Tsakhur, a Nakh-Daghestanian language spoken in North East Caucasus, as noted in [L’utikova 1997; Testelec, Toldova 1998; Toldova 1999; Lyutikova 2000]. This anaphoric element does not seem to have any locality restrictions on its use — precisely what has been argued for *kendisi*, and therefore distributionally overlaps with other anaphoric elements (*viz.*, *pro*, PRO, proper reflexives and anaphoric demonstratives).

Again, in none of the sources could I find data on semantic binding (except for two examples with elliptical continuations in [Toldova 1999] to illustrate the availability of strict readings of locally bound instances of the

⁹ It is interesting to see whether an event-based approach to the Binding Conditions of the kind developed by S. Tatevosov and E. L’utikova for another Turkic language, Karachay-Balkar [Lyutikova, Tatevosov 2005] can be utilised to more precisely characterise this subtle semantic difference and explain it away.

reduplicated reflexive), interpretation in intensional contexts, or “donkey” anaphora. There is, however, ample discussion of the discourse properties of this pronoun and its insensitivity to structural constraints. Until this kind of data is obtained and analysed we cannot claim to have gained full understanding of the nature of anaphoric relations. This, however, is a matter of future research.

5. Conclusion

In this paper I have been characterising the syntactic and semantic behaviour of the Turkish inflected reflexive *kendisi* using a number of tools that have been in use in generative syntax and formal semantics from very early on. I hope to have demonstrated that more attention has to be paid to the semantic interpretation of certain syntactic structures by providing a special case study of *kendisi* and capitalising on its essentially pronominal (as opposed to reflexive) properties.

We have seen that *kendisi*, just like *o*, (a) cannot be variable-bound in its local domain; (b) allows *de re*, as well as *de se*, readings in intensional contexts; (c) can be used as a resumptive pronoun, or (d) as a “donkey”-pronoun, the upshot being that Turkish has a designated pronoun to signal coreference with, and not binding by, a local, especially coargument, antecedent.

I have also proposed that the putative instances of locally bound *kendisi* are to be analysed as cases of asserted coreference and are essentially pragmatically motivated, and used the “Coreference Rule” of [Büring 2005] to capture this motivation. What this means is, of course, that *kendisi* gives rise to an interpretation that is semantically and / or pragmatically distinct from the prototypical situation of reflexivisation, and that the “Coreference Rule” is present in the grammar.

Abbreviations

1 — 1 st person	DET — determiner	PASS — passive
2 — 2 nd person	DIK — generalized nominalization suffix	PAST — past
3 — 3 rd person	GEN — genitive	PL — plural
ABL — ablative	FUT — future	POSS — possessive
ACC — accusative	INDIC — indicative	PRES — present
AGR — agreement	INF — infinitive	PROGR — progressive
C — complementizer	INS — instrumental	PRT — participle
CNV — converb	LAT — lative	REL — relative
COM — comitative	MOD — modal	REP — repetitive
COMP — complementizer	MSD — masdar	RES — resumptive
COND — conditional	NEG — negation	SG — singular
DAT — dative	NOM — nominative	TOP — topic

References

- Abbott 2010 — *Abbott B.* Reference: Oxford Surveys in Semantics and Pragmatics. Oxford, 2010.
- Adger 2008 — *Adger D.* Bare resumptives: In Proceedings of Resumptives at the Interfaces // <http://ling.auf.net/lingBuzz/000709>, 2008.
- Anand 2006 — *Anand P.* De De Se / Massachusetts Institute of Technology dissertation, 2006.
- Anand, Nevins 2004 — *Anand P., Nevins A.* Shifty operators in changing contexts // Proceedings of SALT, XIV / Ed. *Robert B. Young*. New York, 2004. P. 20—37.
- Asudeh 2004 — *Asudeh A.* Resumption as Resource Management / Stanford University dissertation, 2004.
- Asudeh 2005 — *Asudeh A.* Relational nouns, pronouns, and resumption // *Linguistics and Philosophy*. 2005, 28(4). P. 375—446.
- Büring 2005 — *Büring D.* The syntax and semantics of binding theory. Cambridge, 2005.
- Chierchia 1989 — *Chierchia G.* Anaphora and attitudes de se // Groningen—Amsterdam Studies in Semantics. Vol. 11. Semantics and contextual expression / Ed. *Bartsch R., Johan van Benthem, Peter van Emde Boas*. Dordrecht, 1989. P. 1—32.
- Chomsky 1981 — *Chomsky N.* Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 1982 — *Chomsky N.* Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge; Massachusetts, 1982.

- Cole, Hermon 1998 — *Cole P., Hermon G.* Long distance reflexives in Singapore Malay: An apparent typological anomaly // *Linguistic Typology*. 1998, 2(1). P. 57—77.
- Cole, Hermon 2005 — *Cole P., Hermon G.* The typology of Malay reflexives // *Lingua*. 2005, 115. P. 627—644.
- Cole et al. 2001 — *Cole P., Hermon G., Huang C.-T. J.* Long distance reflexives: The state of the art // *Syntax and Semantics*. Vol. 33. Long-distance reflexives. New York, 2001. P. xiii—xlvi.
- Elbourne 2005 — *Elbourne P. D.* Situations and individuals. Cambridge, 2005.
- Elbourne 2009 — *Elbourne P. D.* Bishop Sentences and Donkey Cataphora: A Response to Barker and Shan // *Semantics and Pragmatics*. 2009, 2(1). P. 1—7.
- Enç 1989 — *Enç M.* Pronouns, licensing, and binding // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1989, 7(1). P. 51—92.
- Evans 1980 — *Evans G.* Pronouns // *Linguistic Inquiry*. 1980, 11(2). P. 337—362.
- Faltz 1985 — *Faltz L. M.* Reflexivization: A study in universal syntax. New York, 1985.
- Gast 2006 — *Gast V.* The grammar of identity: Intensifiers and reflexives in Germanic languages. Routledge, 2006.
- Geach 1962 — *Geach P.* Reference and generality. Cornell, 1962.
- Haegeman 2001 — *Haegeman L.* Antisymmetry and verb-final order in West Flemish // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 2001, 3(3). P. 207—232.
- Hardt 2008 — *Hardt D.* VP ellipsis and constraints on interpretation // *Topics in ellipsis* / Ed. *Johnson K.* Cambridge, 2008. P. 15—29.
- Heim 1982 — *Heim I.* The semantics of definite and indefinite Noun Phrases / University of Massachusetts, Amherst dissertation. Massachusetts, 1982.
- Heim 1993 — *Heim I.* Anaphora and semantic interpretation: A reinterpretation of Reinhart's approach // *SfS-Report*. Tübingen, 1993. P. 7—93.
- Heim, Kratzer 1998 — *Heim I., Kratzer A.* Semantics in generative grammar. Malden, 1998.
- Hellan 1980 — *Hellan L.* On anaphora in Norwegian // *Papers from the parasession on pronouns and anaphora* / Ed. *Kreiman J., Ojeda A. E.* Chicago, 1980. P. 166—182.
- Huang 2000 — *Huang Y.* Anaphora: A cross-linguistic study. Oxford, 2000.
- König, Siemund 2000 — *König E., Siemund P.* Intensifiers and reflexives: A typological perspective // *Reflexives: Forms and functions* / Ed. *Frajzyngier Z., Curl T. S.* Amsterdam, 2000. P. 41—74.
- Kornfilt 1997 — *Kornfilt J.* Turkish. Routledge, 1997.
- Kornfilt 2001 — *Kornfilt J.* Local and long-distance reflexives in Turkish // *Syntax and Semantics*. Vol. 33. Long-distance reflexives / Ed. *Cole P., Hermon G., Huang C.-T. J.* New York, 2001. P. 197—226.
- Krejdlin, Čexov 1988 — *Krejdlin G. E., Čexov A. S.* Sootnošenje semantiki, aktual'nogo mestoimenija gruppy *tot* // *Problemnaja grupa po eksperimental'noj i prikladnoj lingvistike. Predvaritel'nye publikacii*. Moscow, 1988.
- Ljutikova, Tatevosov 2005 — *Ljutikova E. A., Tatevosov S. G.* Event structure and binding // *Proceedings of the 12th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar*. Stanford, 2005. P. 25—29.
- L'utikova 1997 — *L'utikova E. A.* Refleksivy i emfaza [Reflexives and emphasis] // *Voprosy jazykoznanija*. 1997, 6. S. 49—74.
- Ljutikova 2000 — *Ljutikova E. A.* Reflexives and emphasis in Tsaxur (Nakh-Daghestanian) // *Reflexives: forms and functions* / Ed. *Frajzyngier Z., Curl T. S.* Amsterdam, 2000. P. 227—256.
- L'utikova 2002 — *L'utikova E. A.* Kognitivnaja tipologija: Refleksivy i intensificatory [Cognitive typology: reflexives and intensifiers]. Moscow, 2002.
- McCloskey 2002 — *McCloskey J.* Resumption, Successive Cyclicity, and the Locality of Operations // *Derivation and explanation in the minimalist program* / Ed. *Epstein S. D., Daniel T. S.* Malden; Massachusetts, 2002. P. 184—226.
- Nilsson 1978 — *Nilsson B.* Speaker, text and the Turkish reflexive *kendisi* // *Papers from the fourth Scandinavian conference of linguistics* / Ed. *Gregersen K.* Hindsgravl, 1978. P. 255—261.
- Nilsson 1987 — *Nilsson B.* Govor'aščij, tekst i tureckoe vozvratnoe mestoimenie *kendisi* // *Novoe v zarubežnoj lingvistike*. Vol. XIX. Problemy sovremennoj t'urkologii / Ed. *Barulin A. N.* Moscow, 1987. S. 444—454.
- Padučeva 1985 — *Padučeva E. V.* Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju [The utterance and its relationship to reality]. Moscow, 1985.
- Reinhart 1983 — *Reinhart T.* Anaphora and semantic interpretation. Chicago, 1983.
- Reinhart, Reuland 1993 — *Reinhart T., Reuland E.* Reflexivity // *Linguistic Inquiry*. 1993, 24 (4). P. 657—720.
- Rudnickaja 2001 — *Rudnitskaja E. L.* Lokal'nye i nelokal'nye refleksivy v korejskom jazyke s tipologičeskoj točki zrenija: Formal'noe ili pragmatičeskoe opisanie? [Local and nonlocal reflexives in Korean from typological perspective: Formal or pragmatic description?] // *Voprosy jazykoznanija*. 2001, 3. S. 83—95.
- Sæbø 2009 — *Sæbø K. J.* Self intensification and focus interpretation // *Oslo Studies in Language*. 2009, 1. P. 109—129.
- Testelec, Toldova 1998 — *Testelec Ja. G., Toldova S. Ju.* Refleksivnye mestoimenija v dagestanskix jazykax i tipologija refleksiva [Reflexive pronouns in Daghestanian languages and the typology of reflexives] // *Voprosy jazykoznanija*. 1998, 4. S. 35—57.

Toldova 1999 — *Toldova S. Ju. Mestoimennye sredstva podderžanija referencii* [Pronominal means of reference tracking] // *Elementy saxurskogo jazyka v tipologičeskom osveščanii* [Studies in Tsakhur: A typological perspective] / Ed. Kibrik A. E., Testelec Ja. G. Moscow, 1999. S. 629—674.

РЕЗЮМЕ

В данной работе рассматриваются синтаксические и семантические свойства турецкого морфологически сложного рефлексива *kendisi*. На основании новых данных даётся оценка существующих подходов к объяснению поведения *kendisi* и предлагается альтернативный анализ, согласно которому данное анафорическое средство входит в класс прономинатов и регулируется принципом В теории связывания.

SUMMARY

This article is dedicated to the study of Turkic morphologically complex reflexive *kendisi*. Based on the new data, we review the existing approaches to explaining the behaviour of *kendisi* and propose our own analysis. We suggest including this anaphoric means into the class of pronominals and explaining its behaviour by Principle B of the Binding Theory.

Ключевые слова: порождающий синтаксис, семантика, местоимения, турецкий язык

Keywords: generative syntax, semantics, pronouns, Turkish language

Yakut elements of Mongolic origin in Evenki

The Evenki language belongs among the Tungusic languages, which together with the Turkic and Mongolic languages form the Altaic language family. Researchers usually focus on the connections between two groups of languages: Turkic and Mongolic, or Mongolic and Tungusic. It is widely accepted that “ancient” Turkic elements entered Tungusic languages via Mongolic mediation, and the Tungusic languages were not exposed to a Turkic influence in ancient times [Doerfer 1985: 238—242; Doerfer 1985a: 138—142].

The only Turkic language with which Tungusic languages has direct contacts is Yakut. The linguistic contacts between Yakut and Evenki occurred in a “later” period. A large number of Yakut loanwords are present in those Evenki dialects which are spoken on Yakut territory. Their speakers have been living among the Yakuts for quite a long period, and they are bilingual.

Since Yakut itself contains a very large number of Mongolic elements, many Mongolic items have actually reached the different Evenki dialects through Yakut. This paper will discuss a special category of Mongolic elements in the Evenki language. While etymologizing them, I found several Evenki words which are of Mongolic origin, but which show Yakut peculiarities¹.

Before presenting the criteria which help to distinguish direct and indirect Mongolic elements in Evenki, I would like to give a brief introduction about the Evenkis and their language in Yakutia.

The Evenkis in Yakutia and their language

The Evenkis are one of the most numerous and widespread Tungusic peoples. They live in Russia and China, scattered over a vast territory². Most of the Evenkis live in different regions of Siberia in Russia, in small groups of few hundred people, very far from each other. They number overall approximately 10 000. 1 327 of them live in the Republic of Yakutia³. They live there compactly in the Ol'okma, Ust'-Maya, Olen'ok and Aldan Regions [Burykin, Parfenova 2003: 646].

The Evenki language belongs in the northern branch of the Tungusic languages, together with the Even (or Lamut) and the Negidal languages⁴. In Russia, Evenki has 51 sub-dialects. Six of them, Maja, Totti, Tokko, Tommot, Chulman and Uchur, are present in Yakutia⁵. The dialects of the Evenki language are divided into northern, southern and eastern groups. The main criterion used during the classification of the dialects is the fate of the consonant *s* in initial and intervocalic positions, which appear as *h*, *s* and *š*. Literary Evenki, which is based on the Poligus sub-dialect, belongs in the southern or sibilant (*s*-, *VsV*) group, while all six Evenki sub-dialects in Yakutia belong to the eastern or sibilant-spirant (*s*-, *VhV*) group⁶.

¹ The Yakuts have a special place among Turkic people from a geographical aspect: they live isolated from other Turkic people. Their language has a mixed character, and shows at least two migration waves of Turkic groups which left their traces in its phonetics, the older Mongolic and the later Russian influence, and an impact of Tungusic and Yeniseian substrate languages [Stachowski, Menz 1998: 416]. According to the classification of the Turkic languages [Johanson 1998: 83], the Yakut language belongs in the North Siberian group with Dolgan, and it has some distinct grammatical features that distinguish it from all other Turkic languages, e.g. the preservation of original long vowels, the shift **VδV > ViV* (e.g. *atax < adaq* ‘leg’), the disappearance of the initial **s*- (e.g. *än < *sen* ‘you’), the changing of the initial *y*- > *s*-, the loss of the Turkic locative, and the emergence of new cases, etc.

² Janhunen suggests differentiation of the Evenki people into two groups: the Siberian Evenki and the Manchurian Evenki. The first group live in Russia, the other group live in the north-eastern part of China, along the Rivers Mergel and Khailar, in the Khulun Buir Province. They represent four historically and linguistically distinct groups: the Solon Evenkis, the Khamnigan Evenkis, the Orochens and the Manchurian Reindeer Tungus or “Yakuts” [Janhunen 1997: 130].

³ For details see [Bulatova 2002: 268; Burykin, Parfenova 2003: 642].

⁴ For details on discussions of the classification of the Tungusic languages, see [Benzing 1955: 9—10; Vasilevič 1960; Doerfer 1978: 4—5; Janhunen 1996: 78; Atkine 1997: 111; Pakendorf 2007: 12—13].

⁵ The distribution of the Evenki dialects in Russia is illustrated in the appended map in the dictionary by Vasilevič [Vasilevič 1958], while that of the Evenki dialects in Yakutia is to be seen in the map in the work by Romanova and Myreeva [Romanova, Myreeva 1968: 6].

⁶ For details on the classification of the Evenki dialects, see [Vasilevič 1948: 10—16; Atkine 1997: 115; Bulatova 2002: 270—271].

The first linguistic material on the Evenki dialects in Yakutia appeared quite late. It was published in 1787 by Pallas in his Comparative Dictionary, initiated by the Russian Academy of Sciences to explore the ethnology and languages of the Siberian peoples [Atkine 1997: 111—112]. In the following century, Evenki words and phrases were noted down by travelling European scholars, including Spasskij and Middendorf [Vasilevič 1948: 7—8]. Some Evenki material was collected in 1903 by the Turkologist E. K. Pekarskij, who used it in his later works [Pekarskij 1911, 1913].

A new era in the studies of the Evenki dialects in Yakutia was opened by the Tungusist G. M. Vasilevič. She carried out fieldwork among the Evenkis in Yakutia between 1929 and 1947 [Vasilevič 1949]. This material was used in her Evenki dictionary [Vasilevič 1958] which lists even dialectical forms, in her comparative grammar of the Evenki dialects [Vasilevič 1948], and in her Evenki comparative folklore compilation [Vasilevič 1966]. On the basis of their fieldwork the native researchers A. V. Romanova and A. N. Myreeva, followers of G. M. Vasilevič, published some basic researches on the Evenki dialects in Yakutia. It is important to mention their grammatical sketches on the Tokko, Tommot [Romanova, Myreeva 1962], Uchur, May and Totti [Romanova, Myreeva 1964] dialects and the dialectological dictionary [Romanova, Myreeva 1968].

The linguistic contacts among the Evenkis, Yakuts and Mongols

When we speak about linguistic contacts among the Evenkis, Yakuts and Mongols, we have to distinguish the separate connections between the Evenkis and the Yakuts, the Yakuts and the Mongols, and the Evenkis and the Mongols.

The Yakut-Evenki contacts

The present territory of Yakutia was earlier the homeland of the Evenkis. There are no sources as to the time when the Yakuts arrived in this area, but their folklore texts called *oloŋxo* mention that their ancestors migrated here with their livestock from the south⁷ [Tokarev 1940: 12—13; Okladnikov 1955: 227—228; Konstantinov 2003: 70; Pakendorf 2007: 7—9].

The Yakut-Evenki contacts were very intensive, covering all aspects of the life of the Evenki people⁸. We find a strong Yakut influence on Evenki, whereas the Evenki impact on Yakut is much weaker⁹. Several Evenki groups are known to have changed their language to Yakut. Most of the Evenkis in Yakutia are in a stage of transition to adopting the Yakut language, and half of them have completely lost their native tongue [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 119].

A related case is that of Dolgan people, whose language is now Turkic, very close to Yakut. Originally, this ethnic group was formed by Evenki and Yakut tribes. They adopted an Old Yakut dialect in the second half of the 16th century and then, abandoned their homeland on the Vil'uj river and emigrated towards Taimyr in the first half of the 17th century [Stachowski 2005: 199].

The group of Manchurian Reindeer Tungus is of interest, they have been identified as Yakut Evenkis (*Yakute Ewenke*) living in the Manchurian Region of China. This Tungusic group of approximately 200 people is culturally close to the Orochen Evenkis and different from the Solon Evenkis. They migrated to Manchuria

⁷ Not only the adventures in stories refer to the “southern” world; this is also indicated by archaeological excavations, the Yakut names of plants and animals, and the origins of shamanistic cult objects, which are absent from their present territory. The traditional Yakut calendar does not correspond with the climatic and lifestyle conditions of the present-day Yakuts, e.g. the month April is called *mūs ustār* ‘ice melting’, but April in Yakutia is very cold (for details see [Okladnikov 1955: 228—235]).

⁸ One of the important factors seems to be the changing of the original Evenki lifestyle to one of Yakutic type. The Evenkis were primarily hunters and reindeer breeders. They led a nomadic lifestyle [Vasilevič 1969: 42—45], whereas the Yakuts had a sedentary lifestyle, bred livestock and lived compactly. Through marriages with Yakuts, some of the Evenkis gradually changed to a settled way of life. The language of interaction became Yakut, but they continued to speak Evenki with each other. Another reason for intensive Yakut-Evenki contacts was barter, which became stronger after the arrival of Russians in this territory. Russian historical documents often mention the commercial relations between the Yakuts and the Evenkis. In this way, many culture words were borrowed. In the 17th century, when the Russians arrived in this region, it was inhabited by Evenkis. In the next century, however, the number of Yakuts increased considerably [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 16—17, 25]. Accordingly, one of the factors for assimilation was the Yakut mainstream environment.

⁹ The strong Yakut influence on Evenki is confirmed by the present-day statistical data. 85% of the local Evenkis are fluent in Yakut, against the 12% who speak only Evenki (for the present language distribution of Evenki dialects in Yakutia, see [Atkine 1997: 119; Burykin, Parfenova 2003: 640—645]).

across the Amur River before 1830 because of the expansion of the Yakuts. Some of the nomadic Evenkis of Yakutia decided to look for better grounds for their reindeer herding and hunting [Janhunen 1996: 68, 110; Janhunen 1997: 132].

The linguistic interactions between the Yakut and Evenki languages were dealt with in detail by Romanova, Myreeva and Baraškov in 1975, in a book offering brief historical information and a comparative grammatical sketch [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 119]. The monograph deals primarily with the influence of Yakut phonetics, morphology and lexis on the Evenki language. The calques of Yakut idioms in Evenki epic literature are considered in one chapter. An appendix of great interest includes lists of Evenki elements in Yakut and of Yakut elements in Evenki.

Some grammatical Yakut interference in Evenki and Even was discussed by Malchukov [Malčukov 2006], who set out to determine which grammatical patterns, relative clauses and functional markers are copied from Yakut in Evenki. On the basis of the Shirokogoroff's Dictionary, published by Doerfer [Doerfer 2004], Knüppel wrote a series of papers on Yakut elements in Evenki dialects [Knüppel 2005, 2007, 2008, 2010]. Remarkable is the PhD dissertation of Pakendorf [Pakendorf 2007], which discusses linguistic and genetic connections of the Yakut with Mongolic and Tungusic.

Of course, the Yakut-Evenki linguistic contacts were not one-sided. Some Evenki elements appear in the Yakut language. Most of them are connected to reindeer-breeding or hunting terminology. The Tungusic influence on the Yakut dialects from phonetic, morphological and lexical aspects was discussed by Kałużyński¹⁰ [Kałużyński 1982] and Novgorodov [Novgorodov 1998]. The Evenki influence can also be observed in the Yakut folklore (for details see [Romanova, Myreeva 1971: 5—8] and lifestyle, e.g. the painting of Evenki tattoos on their faces or the use of Evenki ornaments on their clothing and ceramics [Okladnikov 1955: 282—289].

The Mongolic-Evenki contacts

The Tungusic and Mongolic peoples have had intensive linguistic contacts for centuries. In consequence of the close contacts with the Mongolic-speaking horse breeders, the Evenkis formed a group *murčēn* and copied a large number of lexical elements from the Mongols. Some Mongolic tribes played a role in the formation of some Evenki tribes, e.g. the Barguzin Evenkis, who show some names of Buryat clans. Vasilevich and Smol'ak [Vasilevič, Smol'ak 1956: 623] concluded that the Baikal region was where the processes of formation of the ancient Tungusic-speaking groups took place.

The Mongolic influence on the Evenkis is well characterized by the fact that some of them even changed their language to a Mongolic one, called Khamnigan, which preserves many archaic features¹¹ [Janhunen 2003].

A strong Mongolic influence is found on Barguzin Evenki. My own fieldwork in 2009 indicated that this Evenki dialect occupies a special position among the other dialects. This is reflected not only by the huge number of Mongolic elements, which are absent from other Evenki dialects, but also by the strong Mongolic impact on their lifestyle, culture and religion [Khabtagaeva: in print].

The Mongolic loanwords in Evenki were dealt with by Nicholas Poppe in two papers [Poppe 1966, 1972]. In 1985, there appeared the volume “Mongolo-Tungusica” by Doerfer, who examined the Tungusic-Mongolic linguistic contacts with statistical methods [Doerfer 1985]. I recently examined some criteria of the Mongolic elements in Barguzin Evenki [Khabtagaeva 2010].

The results of the researches show that most of the Mongolic elements in Evenki belong to the oldest layer. The time is indeterminable and these loanwords are “daguroid”¹². In spite of the fact that the Barguzin Evenkis have lived among Buryats for centuries, most of the Mongolic elements in their language exhibit the ancient “daguroid” peculiarities, not Buryat¹³.

From a linguistic point of view, the main phonetic criteria of the Mongolic elements in Evenki are as follows:

¹⁰ Etymological studies of the Yakut language were carried out also by him [Kałużyński 1995: 233—339].

¹¹ They live scattered across the Trans-Baikalian region in the Aga National District of Chita Province, in Khentei Province in the north-eastern part of Mongolia, and in Khulun Buir Province in the north-eastern part of China. The Khamnigan people living close to the Manchurian Khamnigan Mongol area have preserved their original Evenki variety as well [Janhunen 1991].

¹² This term was introduced by Doerfer [Doerfer 1985: 161—169] for loanwords which display features that resemble or are identical to modern Dagur.

¹³ Archive materials record that the Buryats who belonged among the western Ekhirit and Bulagat tribes moved into the Barguzin region from the western part of Baikal in 1740 [Vostrikov, Poppe 2007: 71]. This fact supposes an earlier presence of people speaking an archaic Mongolic language close to Modern Dagur on this territory.

- 1) the preservation of the Middle Mongolic initial *h-* [Poppe 1972: 98—100; Khabtagaeva 2010: 18], e.g. Evenki *helyē* ‘kite’ ← Middle Mongolic *hele* ‘e’; cf. LM *eliy-e*;
Evenki *hirugē-* ‘to bless’ ← Middle Mongolic *hirü* ‘e-’; cf. LM *irüge-*; Dagur *šurē-*;
Evenki *hukur* ‘cow’ ← Middle Mongolic *hüker*; cf. LM *üker*; Dagur *hukure* (← Turkic);
- 2) the intervocalic *VGV is preserved, while it contracted in a long vowel in Modern Mongolic [Poppe 1966: 189—191; Poppe 1972: 95—97; Khabtagaeva 2010: 19—20], e.g.
Evenki *emegen* ‘saddle’ ← Mongolic: cf. LM *emegel*; cf. Dagur, Buryat, Khalkha *emēl*;
Evenki *imagan* ‘goat’ ← Mongolic: LM *imayan*; cf. Dagur *imān*; Buryat, Khalkha *yamā(n)*;
Barguzin Evenki *kewer* ‘meadow, tundra’ ← Mongolic: LM *kegere* ‘steppe’; cf. Dagur *kēr*; Buryat *xēre*; Khalkha *xēr*;
- 3) the guttural *VGV* in the intervocalic position, which does not evolve a long vowel in Modern Mongolic, is unvoiced in Barguzin Evenki [Khabtagaeva 2010: 20], which demonstrates two different origins of the sequence *VGV* in Mongolic, e.g.
Evenki *dorokon* ‘hedgehog’ ← Mongolic: LM *doroyon* ‘badger’; cf. Buryat, Khalkha *dorgon*;
Evenki *unukān* ‘foal on his first year’ ← Mongolic: LM *unayan*; cf. Buryat, Khalkha *unaga(n)*;
Evenki *idokon* ‘shamaness’ ← Mongolic: LM *iduyan* ~ *uduyan*; cf. Dagur *yadagan*; Buryat *udagan*; Khalkha *udgan*;
- 4) the Mongolic sequence *si, which appears as *šV-* in the Modern Mongolic, is not developed [Khabtagaeva 2010: 17], e.g.
Evenki *sirga* ‘bay (horse)’ ← Mongolic: LM *sirya*; cf. Dagur, Buryat, Khalkha *šarga*;
Evenki *sile* ‘soup’ ← Mongolic: LM *siliü*; cf. Dagur *šil*; Buryat *šülen*; Khalkha *šöl*;
Evenki *sipke* ‘dung’ ← Mongolic: LM *sibke*; cf. Buryat *šebxe*; Khalkha *šivx*;
- 5) the change of the sequence *si to *či* in some Evenki dialects, which is evidence that *si had already become *š*, which points to the later layer [Poppe 1972: 101—102; Khabtagaeva 2010: 17], e.g.
Evenki *čiwkčün* ‘womancook’ ← Mongolic: LM *sibegčün* ‘maidservant’; Khalkha *šivegčün*;
Evenki *činehun* ‘Larch’ ← Mongolic: LM *sinesün*; cf. Buryat *šenehen*; Khalkha *šines(en)*;
Evenki *čiwuke* ‘awl, spike’ ← Mongolic: LM *sibüge*; cf. Dagur *šeuğu*; Buryat *šübge*; Khalkha *šövög*;
- 6) the preservation of the initial *č-* and *ǰ-*, which points to the Old-Mongolic layer, while in Modern Mongolic it is changed [Khabtagaeva 2010: 15], e.g.
Evenki *jalagan* ‘thick silk thread’ ← Mongolic: LM *jalaya(n)*; cf. Buryat *zalā*; Khalkha *zalā*;
Evenki *jalaw* ‘young’ ← Mongolic: LM *jalayu*; cf. Buryat *zalū*; Khalkha *zalū*;
Evenki *jula* ‘candle’ ← Mongolic: LM *jula*; cf. Buryat *zula*; Khalkha *zul*, etc.
- It is important to note that Evenki elements also appear in Buryat. Such words are usually absent from other Mongolic languages. Some Evenki elements of the Buryat social structure and language were discussed by Cydendambaev [Cydendambaev 1978].

The Mongolic-Yakut contacts

It is considered that the Yakuts migrated to the present region from Cis-Baikalia in the south. This is confirmed by the Mongolic names of Yakut tribes, e.g. Batuli, Khori, Tumat and Ergit, and the Yakut folklore material. It is presumed that the Turkic ancestors of Yakuts came from the region of Lake Baikal and are connected with the *Üč Quriqan* known from the Orkhon Turkic inscriptions, and different Chinese and Islamic sources [Okladnikov 1955: 310—318; Golden 1992: 415]. As noted above, the chronology of their migration is unclear. Some researchers suggest that it could be the period of the rise of Chinggis Khan, when the ancestors of the Buryats caused the displacement of the ancestors of the Yakuts northwards [Golden 1992: 415].

Okladnikov [Okladnikov 1955: 322] holds that the first Mongolic migrants came to the Baikal region in the early 11th century, when it was inhabited by Turkic and Tungusic tribes. The presence of Buryat tribes in this territory in the 13th century is well-known from the Mongolic chronicle “The Secret History of Mongols”. From this point, the historical migration of the Yakuts from the Baikal region is presumed to have maintained the early Yakut-Buryat language contacts. The Yakut tribes probably included the ancestors of the Western Buryats or another Mongolic tribe which spoke an archaic Mongolic language¹⁴.

¹⁴ The connections between the ancestors of the Buryats and the Yakuts are revealed by the coincidence of the folklore material, e.g. the Western Buryat legends on the owners of the River Lena, *Xara Ažirai* and *Xaramcai Mergen*, and the Yakut legends on the ancestors *Ellei* and *Omogoi*, who migrated to the present area from the south (for details see [Okladnikov 1955: 325]). Most Yakut legends mention *Omogoi* ~ *Onogoi*, one of the ancestors of Yakuts, as a man of Buryat origin who came from the land of the Buryats [Okladnikov 1955: 341—343].

The Mongolic elements in Yakut were mentioned for the first time in the 19th century, in the Yakut grammar by Böhrling [Böhrling 1851], and later in the Yakut dictionary by Pekarskij E. K., published between 1907 and 1930 [Pekarskij 1959]. Almost all aspects of the Mongolic influence on Yakut were discussed by Kałuzyński [Kałuzyński 1961], whose work deals in detail not only with phonetic, but also with morphological points. Even today, this is the best work on Mongolic-Yakut linguistic contacts. Besides that, Rassadin [Rassadin 1980: 65—90] briefly discussed the phonetic and morphological peculiarities of the Mongolic elements in Yakut. The paper of Stachowski [Stachowski 2005] offers a chronology of some linguistic changes in Yakut on the basis of its Mongolic elements.

The linguistic influence was rather one-sided, from Mongolic to Yakut. Only a few Mongolic elements are present in Yakut, characterized by Old Buryat peculiarities. Most of them are loanwords from an early period¹⁵. The main features of the Mongolic elements in Yakut are as follows:

1) the disappearance of the Middle Mongolic initial *h-* [Kałuzyński 1961: 57];

2) the development of Mongolic long vowels from the pattern *VgV* according to the Yakut phonetic rules [Kałuzyński 1961: 26—35], e.g.

Yakut *iäjägäi* ‘cottage cheese’ ← Mongolic: LM *egejegei*; cf. Buryat *ēzgei*; Khalkha *ēzgei*;

Yakut *süöm* ‘span’ ← Mongolic: LM *sögem*; cf. Buryat *höm*; Khalkha *söm*;

Yakut *uor* ‘anger, rage’ ← Mongolic: LM *ayur*; cf. Dagur *aur*; Buryat, Khalkha *ūr*;

3) the sporadic regressive assimilation of the Mongolic vowel *i* [Kałuzyński 1961: 20—23], e.g.

Yakut *jibar* ‘frost; cold weather’ ← Mongolic: LM *jibar* ‘cold air’; cf. Buryat *žabar*; Khalkha *jawar*;

Yakut *niräi* ‘newborn’ ← Mongolic: LM *nirai*; cf. Buryat *narai* ~ *ñarai*; Khalkha *narai*;

Yakut *žoruo* ‘ambler horse’ ← Mongolic: LM *žuruja*; cf. Dagur *žirō*; Buryat *žorō*; Khalkha *žorō*;

Yakut *surui-* ‘to write’ ← Mongolic: LM *žiru-*; cf. Dagur *žuri-*; Buryat *zura-*; Khalkha *jura-*;

4) the Mongolic sequence *si* has not yet developed to *ši*, as in Modern Mongolic languages [Kałuzyński 1961: 22, 49], e.g.

Yakut *sīyai-* ‘to chide’ ← Mongolic: LM *siqa-* ‘to press, oblige’; cf. Dagur *šaga-*; Buryat, Khalkha *šaxa-*;

Yakut *sīryan* ‘wound’ ← Mongolic: LM *sirqa*; cf. Buryat *šarxa*; Khalkha *šarx*;

Yakut *xamsik* ‘animal epidemic’ ← Mongolic: LM *yamsiy*; cf. Khalkha *gamšig*;

Yakut *tahiy-* ‘to beat, hit’ ← Mongolic: LM *tasi-*; cf. Buryat *taša-*; Khalkha *taši-*;

5) the preservation of the Mongolic initial consonants *č-* and *ǰ-*, or their development according to Yakut phonetic rules [Kałuzyński 1961: 45—48], e.g.

(a) Yakut *čayilyan* ‘flash of lightning’ ← Mongolic: LM *čakilyan* < *čakil-* < *čaki-*; cf. Dagur *čakilgān*; Buryat *saxilgān*; Khalkha *caxilgān*;

Yakut *jabaji* ‘corner of the mouth’ ← Mongolic: LM *jabaji*; cf. Dagur *jabji*; Buryat *žabaža*;

(b) Yakut *sāniä* ‘energy’ ← Mongolic: LM *činege*; cf. Dagur *činē*; Buryat *šenē*; Khalkha *činē*;

Yakut *süögäi* ‘sour cream’ ← Mongolic: LM *jögekei*; cf. Buryat *zōxei*; Khalkha *zōxi*.

Criteria

In the remaining part of my paper, I will present some linguistic criteria peculiar to the Mongolic elements of Evenki, which allow demonstration of the elements copied via Yakut and not directly from Mongolic languages. These loanwords can be distinguished by phonetic, morphological and lexical criteria which characterize Yakut linguistic rules and are typical only of Yakut.

Phonetic criteria

1) The Mongolic affricate *č*

(a) The change of the Mongolic initial *č-* → *s-* in Evenki as in Yakut, adapted according to Yakut phonetic rules. The Old-Turkic *č-* regularly changed to *s-* in Yakut, e.g.

Old Turkic *čäriğ* ‘army’ ~ Yakut *sārī* ‘war; battle; army’;

Old Turkic *čāğ* ‘time, a point in time, a period of time’ ~ Yakut *sax*;

Evenki¹⁶ (Uchur) *s’ēr* ‘rule, custom’ ← Yakut *siär* ‘id.’ ← Mongolic *čeger: cf. LM *čeger* ‘taboo, prohibition; abstinence; quarantine (due to epidemics)’; Dagur *čēr*; Buryat *sēr*; Khalkha *cēr*.

¹⁵ Stachowski [Stachowski 2005: 202] supposes the period of the Mongolic influence on Yakut from 16th until 19th centuries.

¹⁶ The Evenki data are quoted from the dictionaries [Vasilevič 1958; Romanova, Myreeva 1968] and the glossary in [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 179—206].

This change $\check{c}$ → s - is characteristic of Buryat, but the Mongolic $*\check{c}$ - with the vowel $-i$ - demonstrates the independent process in Evenki as in Yakut, because the Mongolic $\check{c}i$ - changed to $\check{s}V$ - in Buryat:

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) **sĭk** ‘humidity, dew’ ← Yakut *sĭk* ‘id.’ ← Mongolic $*\check{c}\check{i}g$ < $\check{c}igig$: cf. LM $\check{c}igig$ ‘dampness, moisture, humidity’; Buryat *šĭg*; Khalkha *čĭg*;

Evenki (Uchur) **simē-** ‘to decorate’ ← Yakut *simā-* ‘id.’ ← Mongolic $*\check{c}ime-$: cf. LM $\check{c}ime-$ ‘to adorn, decorate, bedeck, dress up’; Buryat *šeme-*; Khalkha *čime-*;

Evenki (Tokko, Chulman, Tommot, Uchur, Sakhalin, Urmi) **sitan-** ‘to fulfil; to make friends, to become friends’ ← Yakut *sitan-* ~ *satan-* (< $*sita-n$ - Yakut Reflexive) ‘to be successful, possible’ ← Mongolic $*\check{c}ida-$: cf. LM $\check{c}ida-$ ‘to be able, capable; to be able to overcome or vanquish’; Dagur *šada-*; Buryat *šada-*; Khalkha *čada-*.

(b) The replacement of the Mongolic initial $\check{c}$ - by $\check{j}$ - in Evenki, which is peculiar for some Mongolic elements in Yakut [Kałużyński 1961: 46], e.g.

Mongolic: LM $\check{c}ayarsun$ ‘paper’ → Yakut *jārsin* ‘book’;

Mongolic: LM $\check{c}oyčayi-$ ‘to rise, tower, loom up’ → Yakut *jogjoy-* ‘id.’;

Evenki (Tokko, Uchur, May, Urmi) **jenkir** ‘clear, transparent’ ← Yakut *jāņkir* ~ *čāņkir* ‘clear, transparent; boiled butter’ ← Mongolic $*\check{c}eņkir$: cf. LM $\check{c}eņkir$ ‘light blue, bluish’; Buryat *senxir*; Khalkha *cenxer*.

(c) The change of the Mongolic intervocalic $V\check{c}V$ to VhV through $*V\check{s}V > *VsV$, as in original Yakut words, e.g.

Old Turkic *ačĭg* ‘bitter’ ~ Yakut *ahī* ‘bitter, acrid’;

Old Turkic *bičaq* ‘knife’ ~ Yakut *bihax* ‘id.’;

Old Turkic *kiči-* ‘to itch’ ~ Yakut *kihy-* ‘id.’;

Evenki (Tommot, Uchur) **telgehe** ‘yard, courtyard’ ← Yakut *talgähä* ‘yard, lown, courtyard’ ← Mongolic $*delgeče$ < $delge-čA$: cf. LM *delgeče* ‘the act or process of *delge-*; a board for drying cottage cheese; tray for displaying merchandise’ < $delge-$ ‘to spread, display, lay out, unroll, unwrap; to open; to expand, stretch, elongate; to propagate’; Dagur *delge-*; Buryat *delgese* (Bokhan dial.) ‘the half of a strip (of ploughed land)’; Khalkha *delgec*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, Aldan, Urmi, Zeja, Sakhalin) **sehen** ‘story, tale; news; talk, conversation; gossip; proverb’ ← Yakut *sähän* ‘story, tale’ ← Mongolic $*sečen$: cf. LM *sečen* ~ *čečen* ‘wise, sage, intelligent; prudent’; Dagur *sečin*; Buryat *sesen*; Khalkha *cecen*.

2) The change of the Mongolic initial $\check{j}$ - → s - in Evenki as in Mongolic elements in Yakut [Kałużyński 1961: 47—48]. The Russian elements in Yakut suggest development through $*z$ -¹⁷, while in the direct Mongolic loanwords of Evenki this affricate is usually preserved [Khabtagaeva 2010: 15], e.g.

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Urmi, Sakhalin) **sorui-** ‘to charge, commission; to instruct; to send a request’ ← Yakut *soruy-* ‘to charge, commission; to instruct’ ← Mongolic $*jori-$: cf. LM *jori-* ‘to move in the direction of; to strive, intend, plan; to be resolved’; Dagur *jori-*; Buryat *zori-*; Khalkha *zori-* ← Turkic $*jori-$: cf. Old Turkic *yori-* ‘to walk, march’;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, May, Sakhalin, Urmi) **soruyan** ‘intentionally, deliberately; on purpose’ ← Yakut *soruyan* ‘on purpose’ ← Mongolic $*joriyan$ < $joriyun$ < $*jori-GUn$: cf. LM *joriyun* ‘stubborn, persistent; purposely, intentionally, especially’ < $jori-$ ‘to move in the direction of; to strive, intend, plan; to be resolved’; Buryat *zoryōn* ← Turkic $*jori-$: cf. Old Turkic *yori-* ‘to walk, march’;

Evenki (Uchur) **satayai** ‘light clothing’ ← Yakut *sataiyay* ‘open; empty; free’ ← Mongolic $*jadayai$ < $*jada+GAi$: cf. LM *jadayai* ‘open, loose; uncontrolled, unrestrained’; Buryat *zadagai*; Khalkha *zadgai* ← Turkic $*jadā-$: cf. Old Turkic *yād-* ~ *yāy-* ‘to spread out’;

Evenki (Tommot, Uchur, Tokko, Sakhalin, Urmi) **semelē-** ‘to censure, condemn; to reprimand’ ← Yakut *sämälä-* ‘id.’ ← Mongolic $*jemele-$ < $jeme + lA-$: cf. LM *jemele-* ~ *jimele-* ‘to chide, scold; to lecture; to accuse, blame, reproach’ < $jeme$ ~ $jime$ ‘conduct, manner of behaviour, procedure; blame, reprimand; fault’; Buryat *zemel-*; Khalkha *zemle-*.

3) The change of the Mongolic initial consonant y - → $\check{j}$ - in Evenki as in Yakut. This change is typical of Mongolic [Kałużyński 1961: 50] and Russian elements in Yakut¹⁸ [Kharitonov 1947: 63; Ubr’atova et al. 1982: 75]. This phonetic criterion points to the early layer of copying, cf. the Old Turkic initial y - which became s - in Yakut through $*\check{j}$ -, e.g.

Old Turkic *yan-* ‘to threaten’ ~ Yakut *sān-* (< $*jān-$);

Old Turkic *yē-* ‘to eat’ ~ Yakut *siä-* (< $*jē-$);

¹⁷ E.g. Russian *zakáz* ‘order, reservation’ → Yakut *sakās*; Russian *zavód* ‘factory’ → Yakut *sobuot* ‘hunting equipment’; Russian *zajávka* ‘application’ → Yakut *sayāpka*; Russian *zolutíxa* (med.) ‘scrofula’ → Yakut *solotuoxa*, etc.

¹⁸ E.g. Russian *jačmén* ‘barley’ → Yakut *ječimiän*; Russian *jármarka* ‘fair’ → Yakut *jārbān*; Russian *jáščĭk* ‘box’ → Yakut *jāhĭk*; Russian *júbka* ‘skirt’ → Yakut *jūppa*, etc.

Old Turkic *yūz* ‘the face’ ~ Yakut *sūs* (< *yūz) ‘forehead’;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, May, Totti, Urmi) *jadai-* ‘to grow poor’ ← Yakut *jaday-* ‘id.’ ← Mongolic **yada-*: cf. LM *yada-* ‘to have no strength or power; to exhaust; to be in need; to suffer; to unable’; Dagur, Buryat, Khalkha *yada-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *johun* ‘solid, important, serious’ ← Yakut *johun* ‘id.’ ← Mongolic *yosun: cf. LM *yosun* ‘rule, traditional custom, habit, or usage; etiquette; doctrine, dogma, principle; regime, system; policy; mode, manner, method’; Dagur *yos*; Buryat *yoho(n)*; Khalkha *yos(on)*.

4) The change of the Mongolic consonant cluster *-nj-* → *-nñ-* in Evenki as in Yakut. It is typical of Mongolic elements in Yakut [Kałużyński 1961: 64]. According to [Stachowski 2005: 195], this assimilation process in Yakut was finished by the 18th century, e.g.

Mongolic: LM *unji-* ‘to hang down, to droop’ → Yakut *unñuy-*;

Mongolic: LM *inji* ‘dowry, bridal gifts’ → Yakut *ännä*;

Mongolic: LM *sanji-* ‘to hang down, to dangle’ → Yakut *sannñiy-*;

Evenki (Tokko) *manña* ‘favor; pay, fee’ ← Yakut *manña* ‘id.’ ← Mongolic *manja: cf. LM *manja* ‘prepared tea (honorif. in reference to lamas)’; Khalkha *manj* ← Tibetan.

5) The unvoicing of the Mongolic initial consonant *g-* in Evenki as in Mongolic [Kałużyński 1961: 51—52] and Russian elements in Yakut¹⁹, while in direct Mongolic loanwords in Evenki this consonant is usually preserved²⁰:

Evenki (Tokko, Chulman) *kenen* ‘naive’ ← Yakut *känän* ‘simple, silly, naive, trustful’ ← Mongolic *genen: cf. LM *genen* ‘silly, doltish, careless, negligent; peevish, touchy; puerile, childish, naive; unexpected’; Buryat, Khalkha *genen*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, Aldan, Maja, Ol’okma, Stony Tunguska, Sakhalin, Urmi, Zeja) *kergen* ‘family, wife; home; children’ ← Yakut *kärgän* ‘family; family member; wife or husband’ ← Mongolic *gergen < *ger* + *GAn*: cf. LM *gergen* (pl.) < *gergei* ‘wife, married woman’ < *ger* ‘yurt; house, dwelling, domicile; home’; Buryat *gerge(n)*; Khalkha *gergē*;

Evenki (Tommot, Uchur, Chulman) *keräs* ‘precept; will, testament; oath’ ← Yakut *käriäs* ‘behest, bidding; will, testament’ ← Mongolic *geriyesün < *geriye* + *sUn*: cf. LM *geriyesün* ‘testament, last will’; Buryat *xerē*; Khalkha *gerē*;

Evenki (Tokko, Uchur) *kilej* ‘black ice’ ← Yakut *kiläj* ‘brightness, shine; black ice’ ← Mongolic *gilünj: cf. LM *gilüng* ‘shiny, smooth’; Buryat *geliger*; Khalkha *gilger* (< *gilüger*).

6) Whereas directly copied intervocalic consonants *VkV* and *VqV* in Mongolic loanwords in Evenki are usually preserved²¹, the Mongolic loanwords in Evenki that are borrowed from Yakut are regularly voiced. This feature characterized original Yakut words and Mongolic elements in Yakut, which proves the early layer of copying²². The regular voicing is typical of Yakut words with the final *-k*, when it takes a suffix with an initial vowel [Kharitonov 1947: 69; Baraškov 1951: 49], e.g.

Old Turkic *säkiz* ‘eight’ ~ Yakut *ayis*;

Old Turkic *öküz* ‘ox’ ~ Yakut *oγus*;

Old Turkic *yaqa* ‘the edge, or border’ ~ Yakut *saya*;

Mongolic (← Turkic): LM *ikire* ‘twins’ → Yakut *igire*;

Mongolic: LM *süke* ‘axe’ → Yakut *sügä*;

Yakut *balijim* ‘my fish’ < *balik* ‘fish’ + *im* (Possessive Sg.1);

Yakut *sittigim* ‘my pillow’ < *sittik* ‘pillow’ + *im* (Possessive Sg.1), etc.

Evenki (Tommot, Tokko, Uchur, May, Urmi) *bögö* ~ *bügü* ‘strong, solid’ ← Yakut *bögö* ‘id.’ ← Mongolic *böke: cf. LM *böke* ‘strong, solid, stalwart, firm, robust, vigorous, sturdy’; Dagur *buke*; Buryat *büxe*; Khalkha *böx*;

¹⁹ E.g. Mongolic: LM *göki* ‘hook, trigger’ → Yakut *köγö* ~ *köxö*; Russian *golos* ‘voice’ → Yakut *kuolas*; Russian *gorod* ‘town’ → Yakut *kuorat*; Russian *grabli* ‘rake’ → Yakut *kiräbil*; Russian *gräduš* ‘degree’ → Yakut *kirädis*, etc.

²⁰ E.g. Nercha Evenki *galaw* ‘goose’ ← Mongolic *yalayun: LM *yalayun*; Zeja, Upper Lena, Northern Baikal Evenki *goyo* ‘well dressed, elegant; beautiful’ ← Mongolic: LM *γoyo* ~ *youa*; Barguzin Evenki *gowohun* ‘wild garlic’ ← Mongolic *γoyosun: LM *γoyod* ‘the kind of onion’; Stony Tunguska, Erbogachon, Ilimpi, Barguzin, Nercha Evenki *gudigē* ‘peritoneum, stomach’ ← Mongolic *güdige: LM *güjege* ‘stomach’, etc.

²¹ E.g. Barguzin, Nercha Evenki *sukai* ‘Tamarisk’ ← Mongolic: LM *suqai*; Stony Tunguska, Barguzin, Nercha, Zeja, Uchur, Aldan, Urmi, Chumikan, Sakhalin Evenki *suke* ‘axe’ ← Mongolic: LM *süke*; Nercha Evenki *ukan* ‘awareness; clever’ ← Mongolic **uka-*: LM *uqa-* ‘to know, understand’ (← Turkic), etc.

²² This change is not typical of Russian elements in Yakut; the *VkV* is generally preserved, e.g. Russian *br’üki* ‘trousers’ → Yakut *bürükä*; Russian *bóčka* ‘barrel’ → Yakut *buočuka*; Russian *jákor* ‘anchor’ → Yakut *jäkür*, etc.

Evenki (Uchur) *čōgur* ‘variegated, spotted’ ← Yakut *čuogur* ‘id.’ ← Mongolic *čōkur: cf. LM *čoqor* ~ *čooqor* ‘variegated, dappled, spotted, motled; pock-marked’; Dagur *čōxor* ~ *čōkor*; Buryat *sōxor*; Khalkha *coxor*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *čugurui-* ‘to step back; to retreat, fall back’ ← Yakut *čuyuruy-* ‘to step back’ ← Mongolic **čukuri-*: cf. LM *čuquri-* ‘to step back, retire, retreat; to refuse to move forehead, resist by retreating (as a stubborn horse)’; Buryat *suxari-*;

Evenki (Tokko) *mugur* ‘blind gut, caecum; blunt’ ← Yakut *mugur* ~ *mujur* ‘blunt’ ← Mongolic *mukur: cf. LM *muqur* ‘blunt, blunted; cropped; hornless, tailless, bobtailed; amputated, maimed; rounded (as number); dead-end; blind (figuratively)’; Dagur *mogō*; Buryat *moxō*; Khalkha *muxar*;

Evenki (Tokko, Uchur, Tommot, Aldan, Maja, Sakhalin, Urmi) *togoi* ‘sandbank’ ← Yakut *toyoi* ‘bend in river’ ← Mongolic *tokoi: cf. LM *toqoi* ‘elbow, bend in river, ell, cubit, Chinese foot’; Buryat, Khalkha *toxoi*.

7) The change of the Mongolic intervocalic consonant *VgV* → *VηV* in Evenki, as in some Yakut words [Kharitonov 1947: 81]. This rare change in Yakut sporadically occurred in the 18th century [Stachowski 2005: 197]:

Yakut *māyī* ~ *māñī* ‘old, ancient’;

Mongolic: LM *jaγasun* ‘fish’ → Yakut *naγaha* ~ *nañaha* ‘small fish’;

Mongolic: LM *muqur* ‘blunt’ → Yakut *mugur* ~ *mujur*;

Mongolic: LM *nōgūge* ‘the other, opposite’ → Yakut *nōñüö*;

Russian *magazín* ‘shop’ → Yakut *mañahñ* ~ *mañahñ*;

Evenki (Uchur) *moñoi* ‘wisdom tooth’ ← Yakut *moñoi* ~ *moñoi* ‘snake, serpent’ ← Mongolic *moñoi: cf. LM *moyai* ‘snake, serpent’; Dagur *mog(o)*; Buryat, Khalkha *mogoi*.

8) The change of the Mongolic final consonant *-n* → *-η* in Evenki, as in some Mongolic loanwords in Yakut [Kałuzyński 1961: 56]:

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *buyaη* ‘abundance, plenty’ ← Yakut *buyaη* ~ *bīyaη* ‘id.’ ← Mongolic *buyan: cf. LM *buyan* ‘moral, merit, meritorious act, virtuous deed, virtue’; Dagur *boyin*; Buryat, Khalkha *buyan* ← Uighur ← Sanskrit;

Evenki (Tokko, Tommot, Chulman, Uchur, Maja, Sakhalin, Urmi, Zeja) *bödöη* ~ *büdüη* ‘large, big’ ← Yakut *bödöη* ‘big, powerful’ ← Mongolic *büdün: cf. LM *büdügün* ‘large, huge, big’; Dagur *budün*; Buryat, Khalkha *büdün*.

9) The change of the Mongolic initial dental consonants *d-* and *t-* → *č-* under the influence of the following consonant sequence with *-č-* in Evenki as in Yakut. This change is typical of the Mongolic [Kałuzyński 1961: 43] and Russian [Ubr’atova et al. 1982: 61] elements in Yakut, e.g.

Mongolic: LM *toγurčay* ‘bud of a flower; small cap with a button on top’ → Yakut *čuorčax* ‘a top on a cap’;

Russian *testo* ‘dough, pastry’ → Yakut *čīästä*;

Russian *točno* ‘exactly’ → Yakut *čuočuna*;

Russian *točenyj* ‘sharpened; turned’ → Yakut *čuočunay*.

The Evenki dialects in Yakutia were also exposed to this influence [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 69—70]:

Evenki (Uchur) *čopčuma* (< *čopču* + *ma*²³) ‘correctly; clearly’ ← Yakut *čopču* ‘definitely, exactly, precisely; straight’ ← Mongolic *tobči: cf. LM *tobči* ‘abbreviation, abridgment; outline; summary, resume; essence or point of a matter; abridged, abbreviated, brief’; Buryat *tobšo*; Khalkha *towč*;

Evenki (Tommot, Uchur) *čurumču* ‘muzzle of the calf, which prevents the calf from sucking the cow’ ← Yakut *čurupču* ~ *čurumču* ~ *čurapči* ‘a ring passed through the nose of a bull or a camel’ ← Mongolic *dörübči < *dörü* + *bči*: cf. LM *dörübči* ‘small rope for carrying smth. on shoulders’ Kow. 1942 < *dörü* ‘iron or rope nose-ring’; Buryat *düre*; Khalkha *dör*; *dörövä* ‘halter’.

10) The labialization of the Mongolic vowel *a* in an initial syllable in Evenki as in Yakut²⁴. This change is typical for original Yakut words [Kharitonov 1947: 80; Johanson 1998: 93] and Mongolic or Russian loanwords [Kałuzyński 1961: 15—16], in which labial vowels are present, e.g.

Old Turkic *qamiš* ‘reed, cane, rush’ ~ Yakut *xomus*;

Old Turkic *qamič* ‘ladle’ ~ Yakut *xomuos*;

Old Turkic *qātun* ‘lady’ ~ Yakut *xotun*;

²³ For details of the Evenki NN suffix + *ma*, + *mo* see [Vasilevič 1958: 769].

²⁴ According to [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 160—161], this phonetic change in Yakut developed under an Evenki influence. This may be true, since the pronunciation of *a* as *o* is typical of those Yakut dialects whose speakers inhabit regions where Yakuts live together with or close to Evenkis.

Mongolic: LM *sadur* ‘vile, immoral, lewd’ → Yakut *sodur* ‘dissolute’;

Mongolic: LM *lab* ‘sure, certain’ → Yakut *lop*;

Mongolic: LM *mangyus* ‘fabulous, monster’ → Yakut *moγus* ~ *moγus*;

Russian *kapústa* ‘cabbage’ → Yakut *xoppústa* ~ *xappústa*;

Russian *kamzól* ‘camisole’ → Yakut *xomuhol*;

Russian *makaróny* ‘pasta’ → Yakut *mokoruon*;

Evenki (Tokko, Uchur) **oburgu** ‘more’ ← Yakut *oburgu* ‘big, considerable’ ← Mongolic *aburgu: cf. LM *aburya* ~ *aburyu* ‘gigantic, colossal, huge, enormous, vast; giant; titan; highest rank of wrestlers; champion’; Buryat *abarga*; Khalkha *awraga*;

Evenki (Tokko) **orgūi** ‘quiet; slowly’ ← Yakut *orgūy* ‘id.’ ← Mongolic *argūl < *algūr: cf. LM *alyur* ‘slowly, quietly, calmly, leisurely, gradually’; Dagur, Khalkha *algūr*; cf. Ordos, Kalmuck *argūl*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) **čokūr** ‘flint’ ← Yakut *čokūr* ‘id.’ ← Mongolic *čakūr < *čaki-GUr*: cf. LM *čakiyur* < *čaki-* ‘to strike fire from a flint; to flash’; Buryat *sax’ūr*; Khalkha *caxiur* ← Turkic **čaqī-*: cf. Old Turkic *čaq-* ‘to strike fire (with flint and steel)’;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, Aldan, Maja, Totti, Sakhalin, Urmi) **dolbūr** ‘shelf for kitchen utensils’ ← Yakut *dolbūr* ~ *dalbūr* ‘shelf’ ← Mongolic *talbūr < *talbi-GUr*: cf. LM *talbiyur* ‘stand, rest; hanger; low table; board to put things on’ < *talbi-* ~ *tabi-* ‘to place, put, set, lay or put down; to install’; Dagur *tawi-* ~ *tali-*; Buryat *tabyūr*; Khalkha *tawiur*, *talbiur*.

11) The sporadic change of the Mongolic vowel *u* → *i* in Evenki²⁵ as *u* → *i* in Yakut. It is characteristic of original Yakut words [Stachowski 1993: 118] and Mongolic loanwords in different positions [Kałużyński 1961: 19—20]. This delabialization occurs in some Russian [Kharitonov 1947: 81] and Tungusic loanwords too, e.g.

Old Turkic *bulgā-* ‘to stir’ ~ Yakut *bulā-* ~ *bilā-*;

Mongolic: LM *umdayan* ‘drink’ → Yakut *imdān* ‘a drink from sour milk’;

Mongolic: LM *buǰar* ‘defiled; dirty, dishonorable’ → Yakut *bīǰar*;

Mongolic: LM *bulčirqai* ‘gland’ → Yakut *bilčarxay*;

Russian *komár* ‘gnat, mosquito’ → Yakut *kumār* ~ *kīmār*;

Tungusic: Evenki *bulē* ‘moore’ → Yakut *bilā* ‘mire, clay’;

Evenki (Uchur, May) **siwai** ‘black pudding’ ← Yakut *sibai* ~ *subai* ‘fresh blood of a slaughtered animal; black pudding; barren, sterile (cow or mare)’ ← Mongolic *subai: cf. LM *subai* ‘female animal (cow, mare) which has not borne a foal (or calf) during the year’; Dagur *sobō* ~ *sogō*; Buryat *subai*; Khalkha *suwai*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) **kaltī** ‘slightly, in passing’ ← Yakut *xaltī* ‘id.’ ← Mongolic *qaltu: cf. LM *qaltu* ‘carelessly, hardly, almost’; Buryat *xalta*; Khalkha *xalt*.

12) The sporadic regressive assimilation of the Mongolic vowel *i* in Evenki as in Yakut [Kałużyński 1961: 20—23], e.g.

Evenki (Tokko) **malāhin** ‘feast, banquet’ ← Yakut *malāhin* ‘id.’ ← Mongolic *milayasun < *milaya-sUn*: cf. LM *milaya-* ‘to anoint, smear with oil; to perform the ritual of anointing new-born children, new dwellings, and other newly perfected objects by smearing them with butter, milk, etc. for securing good fortune’; Buryat *milāñ* ‘the first birthday party of child’;

Evenki (Tokko, Maja, Sakhalin, Urmi) **čawurgai** ~ **čawurgäi** ~ **čawurkai** ‘temple’ ← Yakut *čabiryay* ‘id.’ ← Mongolic *čimarqai: cf. LM *čimarqai*; Buryat *sabirgai*; Khalkha *čamarxai*.

13) The behaviour of the Mongolic long vowels in some Evenki words demonstrates the Yakut borrowing. The long vowels in Mongolic loanwords in Yakut are preserved or became diphthongs [Kałużyński 1961: 28—35]. It is important to note that the Mongolic long vowels are secondary; they developed with the contraction of a former Vowel-Consonant-Vowel (VCV) pattern²⁶, as for the Yakut secondary long vowels²⁷. The Yakut long vowels and diphthongs can also be original²⁸. The Yakut long vowels of Mongolic origin in Evenki changed in two following ways.

²⁵ It is important to note that Evenki has no velar *i*, and has only one variant of palatal *i*.

²⁶ The development of long vowels in Modern Mongolic languages depends on the quality of the second vowel of the pattern, e.g. LM *ayula* ‘mountain’ ~ Khalkha *ūl*; Buryat *ūla*; LM *ebčigü* ‘sternum’ ~ Khalkha *öwčü*; Buryat *übsü*; LM *ulayan* ‘red’ ~ Khalkha, Buryat *ulān*.

²⁷ Old Turkic *aǰiz* ‘mouth’ ~ Yakut *uos* ‘lip, lips’; Old Turkic *baǰir* ‘the liver’ ~ Yakut *bīar*; Old Turkic *aǰir* ‘heavy’ ~ Yakut *iār*, etc.

²⁸ Old Turkic *āt* ‘name’ ~ Yakut *āt*; Old Turkic *qiz* ‘girl’ ~ Yakut *kīs*; Old Turkic *yüz* ‘the face’ ~ Yakut *sūs* ‘forehead’; Old Turkic *bāš* ‘five’ ~ Yakut *biās*; Old Turkic *ōn* ‘ten’ ~ Yakut *uon*; Old Turkic *köl* ‘lake’ ~ Yakut *küöl*, etc.

(a) The appearance of Mongolic long vowels as diphthongs, which points to a later layer. According to [Stachowski 2005: 196], the Yakut diphthongization must have taken place no earlier than in the second half of the 18th century, while the contraction of Mongolic *VGV* to the Yakut long vowel was completed at the turn of the 18th century:

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Aldan, Maja, Chumikan, Sakhalin, Urmi) *burui* ‘fault, guilt’ ← Yakut *buruy* ‘id.’ ← Mongolic **burū*: cf. LM *buruyu* ‘error, misconception, mistake, guilt; erroneous, false; unjust; wicked; contrary; left-hand side (of a person); right-hand side (of a riding animal)’; Dagur *borō*; Buryat, Khalkha *burū*.

(b) The appearance of Mongolic long vowels in Evenki is presumed to mirror the early development of Yakut diphthongs from long vowels, which are characteristic for Yakut elements in Evenki:

Evenki *sōl* ‘road’ ← Old Yakut **sōl*: cf. Modern Yakut *suol* (~ Old Turkic *yōl*);

Evenki *kōl* ‘lake’ ← Old Yakut **kōl*: cf. Modern Yakut *küöl* (~ Old Turkic *kōl*);

Evenki *kōk* ‘blue, green’ ← Old Yakut **kōk*: cf. Modern Yakut *küöx* (~ Old Turkic *kōk*).

The copying from Yakut, and not from Mongolic, is proved by other phonetic and lexical criteria, e.g.

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *dōrān* ‘echo; drone, hum’ ← Yakut *duorān* ‘echo’ ← Mongolic **dayurān* < *dayu yar-GAn*: cf. LM *dayuriyan* ‘echo, resonance’ < *dayu yar-* ‘to produce a sound; resound; to roll (as thunder)’ < *dayu* ‘sound, noise; voice; tone; musical sound; song’; Buryat *dūryān*; Khalkha *dūria*;

Evenki (Tokko, Uchur) *ōr* ‘anger, fury, rage; cruelty, brutality’ ← Yakut *uor* ‘id.’ ← Mongolic **ayur*: cf. LM *ayur* ‘anger’; Dagur *aur*; Buryat; Khalkha *ūr*;

Evenki (Tokko) *ōjōrdā-* ‘to inherit’ ← Yakut *ujuordā-* (< *ujuor* + *dā-*) ‘id.’ < *ujuor* ‘forefather, ancestor; descendant’ ← Mongolic **ujayur* < *ijayur*: cf. MNT *huja’ur*; Muq. *hija’ur*; Literal Mongolic *ijayur* ‘root, basis, foundation; origin, beginning; genesis, genealogy’; Dagur *hojōr*; Buryat *izagūr*; Khalkha *yazgūr*;

Evenki (Uchur, Maja) *sōhū* ‘cattle; livestock’ ← Yakut *sūöhū* ‘id.’ ← Mongolic **jōgesi* < *jōge-si*: cf. LM *jōge-* ‘to move something from one place to another, transport; to gather, collect; to acquire, possess’; Buryat *zōše* ‘property, household belongings’;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *ulōr* ‘healthy, sober’ ← Yakut *ölüör* ‘id.’ ← Mongolic **elegür*: cf. LM *elegür* ~ *eregül* ‘health; healthy, sound; sober, abstinent; untouched, unplayed, virgin (of soil)’; Buryat *elūr*; Khalkha *erül*.

In two cases, the borrowing from Yakut is proved not only by the phonetic change, but also by the lexical meaning, e.g.

Evenki (Uchur) *erček* ‘hinge, joint’ ← Yakut *iärčäx* ‘id.’ ← Mongolic **egerčeg* < *eger-čAG*: cf. LM *egerčeg* ~ *erčeg* ‘femoral bone; hip joint’ < *egere-* ‘to rotate, whirl, turn, revolve; to spin, twist; to surround, stand around; to gather in a pile’; Dagur *ēr-*; Buryat *ērseg*; Khalkha *ērčeg* ← Turkic **ägirč-*: cf. Old Turkic *ägir-* ‘to surround, encircle; to twist, spin’;

Evenki (Uchur) *čōlgan* ‘chimney’ ← Yakut *čuolhan* ‘chink; hole’ ← Mongolic **čoyulya* < *čoyu* + *l-GA*: cf. LM *čoyuly-a* ‘hole, opening; opening cut in the ice (as for fishing or watering cattle); a thawed patch on a snowy or icy surface’ < *čoyul-* ‘to pierce, puncture, make a hole, punch, perforate; to reveal, make known’ < *čoyu* ~ *čo* ‘through and through, completely’; Buryat *sōlgo*; Khalkha *cōlgo*.

Morphological criteria

The copying from Yakut into Evenki can also be explained by the appearance of typical Yakut suffixes, e.g.

1) The Yakut additional final sound *-y-* in Evenki verbs. The Yakut verbs originally ending in a short vowel receive an element *-y-* [Kharitonov 1947: 169; Ubr’atova et al. 1982: 103—107], e.g.

Old Turkic *ačī-* ‘to be bitter’ ~ Yakut *ahiy-*;

Old Turkic *isi-* ‘to be hot’ ~ Yakut *itiy-*;

Old Turkic *kiči-* ‘to itch’ ~ Yakut *kihij-*;

Old Turkic *udī-* ‘to sleep’ ~ Yakut *utuy-*;

Mongolic: LM *dorgi-* ‘to shake, tremble’ → Yakut *dorgui-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *čāčai-* ‘to choke over’ ← Yakut *čačay-* ‘id.’ ← Mongolic **čača-*: cf. LM *čača-* ‘to choke, swallow wrongly, get water or saliva in one’s windpipe; to have a fit of coughing’; Buryat *sasa-*; Khalkha *caca-*;

Evenki (Tommot, Uchur) *endei-* ‘to make mistakes, to be mistaken’ ← Yakut *ändäy-* ‘id.’ ← Mongolic **ende-*: cf. LM *ende-* ‘to err, fall into error, be mistaken, blunder; to go astray; to die’; Dagur, Buryat, Khalkha *ende-*;

Evenki (Uchur, Chumikan, Sakhalin, Urmi, Tokko, Tommot, Chulman, Aldan, Maja) *karai-* ‘to hide away, take good care’ ← Yakut *xaray-* ‘id.’ ← Mongolic **kara-*: cf. LM *qara-* ‘to look at, glance, watch, observe; to regard, consider; to look after; to face’; Buryat, Khalkha *xara-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Maja, Chumikan, Sakhalin, Urmi) *serei-* ‘to guess; to suspect’ ← Yakut *sāräy-* ‘id.’ ← Mongolic **sere-*: cf. LM *sere-* ~ *seri-* ‘to awaken, revive; to recover consciousness; to become sober; to keep vigil; to learn, find out; to mistrust’; Dagur *sere-*; Buryat *heri-*; Khalkha *sere-* ← Turkic **sēri-*: cf. Old Turkic *sēz-* ‘to perceive, feel, discern, understand, conjecture’;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Maja, Urmi) *jahai-* ‘to put in order; to manage, direct; to take care’ ← Yakut *jahay-* ‘to put in order; to manage, direct’ ← Mongolic **ĵasa-*: cf. LM *ĵasa-* ‘to put in order, fix, repair, correct, make corrections; to improve, to decorate; to castrate’; Dagur *dasa-*; Buryat *zaha-*; Khalkha *zasa-*.

2) The Yakut additional final consonant *-ŋ* ~ *-n* in Evenki nouns, which appears sporadically in the Mongolic loanwords of Yakut [Kałużyński 1961: 56], e.g.

Mongolic: LM *γolumta* ‘fireplace in a yurt’ → Yakut *xolumtan*;

Mongolic: LM *qayalya* ‘gate, door’ → Yakut *xalyan*;

Mongolic: LM *sirqa* ‘wound; sore’ → Yakut *siryān*;

Mongolic: LM *taγaburi* ‘guess, riddle’ → Yakut *tābirij*;

Evenki (Tokko, Uchur, Chulman, Aldan, Maja, Sakhalin, Urmi) *boronj* ‘grey, brown; whitish’ ← Yakut *boronj* ‘grey, brown’ ← Mongolic **boro-*: cf. LM *boro* ~ *bora* ‘grey, brown; dark, swarthy (face); plain, simple, ordinary; coarse, rough’; Buryat *boro*; Khalkha *bor* ← Turkic **borō-*: cf. Old Turkic *boz* ‘grey’;

Evenki (Uchur) *čölgan* ‘chimney’ ← Yakut *čuolyān* ‘chink; hole’ ← Mongolic *čoyulya < *čoyu* + *l-GA*: cf. LM *čoyuly-a* ‘hole, opening; opening cut in the ice (as for fishing or watering cattle); a thawed patch on a snowy or icy surface’ < *čoyul-* ‘to pierce, puncture, make a hole, punch, perforate; to reveal, make known’ < *čoyu* ~ *čö* ‘through and through, completely’; Buryat *sölgo*; Khalkha *cölgo*.

3) The Yakut productive denominal noun suffix + *LĀx* of Turkic origin²⁹ [Kharitonov 1947: 134—135; Ubr’atova et al. 1982: 163] in Evenki, which forms nouns designating an abundance of something, e.g.

Evenki (Uchur) *erčimnēk* ‘strong, energetic’ ← Yakut *ärčimnāx* ‘id.’ < *ärčim* ‘energy, strength’ ← Mongolic **erčim-*: cf. LM *erčim* ‘torsion, twist; intensity, energy, steadfastness’; Buryat *erše(m)*; Khalkha *erčim*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, Maja, Totti, Chumikan, Sakhalin, Urmi) *eyelēk* ‘peaceful; friendly’ ← Yakut *äyälāx* ‘id.’ ← Mongolic **eye-*: cf. LM *ey-e* ‘peace, accord; harmony, concord; amity, friendship, urbanity; comfortableness’; Buryat, Khalkha *eye*;

Evenki (Tokko, Tommot, Chulman, Sakhalin, Urmi) *jollōk* ‘happy’ ← Yakut *jollōx* ‘id.’ ← Mongolic **jol-*: cf. LM *jol* ‘good luck, fortune, good result, success’; Buryat *zol*; Khalkha *zol*.

4) The appearance of the Yakut reflexive suffix *-(X)n-* in Evenki³⁰ [Kharitonov 1963: 76—77; Ubr’atova et al. 1982: 259—260; Stachowski 1998: 425], which expresses a reflexive meaning, e.g.

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chumikan, Sakhalin, Urmi, Ilimpeja) *eren-* ‘to hope, rely upon’ ← Yakut *ärän-* ‘id.’ ← Mongolic **ere-*: cf. LM *ere-* ~ *eri-* ‘to seek, look for, search; to beg, request; to inquire (as after somebody’s health); to intercede on behalf of’; Dagur, Buryat *eri-*; Khalkha *ere-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *ergin-* ‘to trade, sell’ ← Yakut *ärgin-* ‘id.’ ← Mongolic **ergi-*: cf. LM *ergi-* ‘to turn or move around, revolve; to circumambulate (as an act of devotion or worship); to surround, encompass, encircle; to return, turn back; to visit regularly or repeatedly’; Dagur *hergi-* ~ *horgi-*; Buryat *er’ye-*; Khalkha *erge-* ← Turkic **ägir-*: cf. Old Turkic *ägir-* ‘to surround, encircle, to twist, spin’;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, Maja, Sakhalin, Urmi, Zeja) *maktan-* ‘to thank’ ← Yakut *maxtan-* ‘id.’ ← Mongolic **magta-*: cf. LM *mayta-* ‘to praise, eulogize, laud, extol, glorify’; Buryat, Khalkha *magta-*;

Evenki (Tokko, Chulman, Tommot, Uchur, Sakhalin, Urmi) *sitan-* ‘to fulfil; to make friends, to become friends’ ← Yakut *sitan-* ‘to be successful, possible’ ← Mongolic **čida-*: cf. LM *čida-* ‘to be able, capable; to be able to overcome or vanquish’; Dagur *šada-*; Buryat *šada-*; Khalkha *čada-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *telgen-* ‘to make a bed for oneself; to spread, creep; to be layed’ ← Yakut *tälgän-* ‘id.’ ← Mongolic **delge-*: cf. LM *delge-* ‘to spread, display, lay out, unroll, unwrap; to open; to expand, stretch, elongate; to propagate’; Dagur, Buryat, Khalkha *delge-*.

5) The appearance of the Yakut cooperative-reciprocal suffix *-(X)s-* in Evenki verbs³¹ [Kharitonov 1963: 19; Ubr’atova et al. 1982: 268], e.g.

Evenki (Tokko, Uchur) *jöreles-* ‘to coincide, to join, unite in pair’ ← Yakut *jüöräläs-* ‘to coincide, to join, unite in pair’ < *jüörälä-* (< **jüörälä-i-*) ‘to do alike, equal, the same’ < *jüörä* ‘resembling, alike, similar’ ← Mongolic **jüirle-* < *jüyi-r* + *lA-*: cf. LM *jüyirle-* ‘to be alike, equal, the same; to compare; to alliterate’ < *jüyir*

²⁹ For details on the Turkic productive suffix + *lIG* see [Erdal 1991: 139].

³⁰ For details in the Turkic Reflexive *-(X)n-* see [Erdal 1991: 634—638].

³¹ For details on the Turkic Cooperative-reciprocal suffix *-(X)s-* see [Erdal 1991: 574—583].

‘semblance, equality, similarity; comparison’ < *jüyi-* ‘to join together, put together from various pieces, add on material of the same kind in order to make something larger or longer’; Khalkha *zürle-*;

Evenki (Uchur) *kečes-* ‘to be obstinate, to persist’ ← Yakut *käčäs-* ‘id.’ ← Mongolic **keče-*: cf. LM *kečegü* (< **keče-GU*) ‘difficult, hard, vehement; bold, courageous; terrible, fierce; extremely’; Dagur *kečü*; Buryat *xesü*; Khalkha *xecü*;

Evenki (Tokko, Tommot, Chulman) *meljes-* ‘to deny, disavow, refuse to acknowledge’ ← Yakut *mäljäs-* ‘id.’ ← Mongolic **melje-*: cf. LM *melje-* ~ *melji-* ‘to make a bet, place a wager, argue as to the prospective winner; to try to overcome; to complete; to object to; to deny, repudiate one’s words’; Dagur *melji-*; Buryat *melze-*; Khalkha *melze-*.

6) The change of the original word classes in Evenki as in Yakut, e.g.

Adverb ← Verb:

Evenki (Tokko) *kolbū* ‘together’ ← Yakut *xolbū* ‘joint, combined; together’ < *xolbō-* (< **xolbo-i-*) ‘to connect, unite’ ← Mongolic **kolbo-*: cf. LM *qolbo-* ~ *qolba-* ‘to unite, combine, connect, incorporate; to link to; to unite in marriage’; Dagur, Buryat, Khalkha *xolbo-*;

Adverb ← Noun:

Evenki (Tokko) *maɣnai* ‘at first, in the beginning’ ← Yakut *maɣnai* ‘id.’ ← Mongolic **maɣnai*: cf. LM *mangnai* ~ *manglai* ‘forehead; front, vanguard; chief, leader; principal, advanced, foremost, supreme’; Dagur *mangil*; Buryat, Khalkha *magnai*.

Semantic criteria

From a semantic point of view, it is observable that some Mongolic loanwords in Evenki have the same meaning as the Yakut words which changed the original meaning, e.g.

Evenki (Tokko, Uchur) *beder* ‘lynx’ ← Yakut *bädär* ‘id.’ ← Mongolic **beder*: cf. LM *beder* ~ *bider* ‘stripes, specks, spots, mark on the skin of animals; ornament, pattern engraved on metal, stone, or wood’; Buryat *bedir* ~ *büder*; Khalkha *bider*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman, Aldan, Maja, Ol’okma, Stony Tunguska, Sakhalin, Urmi, Zeja) *kergen* ‘family, wife; home; children’ ← Yakut *kärgän* ‘family; family member; wife or husband’ ← Mongolic **gergen* < *ger* + *GAn*: cf. LM *gergen* (pl.) < *gergei* ‘wife, married woman’ < *ger* ‘yurt; house, home’; Buryat *gerge(n)*; Khalkha *gergē*;

Evenki (Uchur, May) *siwai* ‘black pudding’ ← Yakut *sibai* ~ *subai* ‘fresh blood of a slaughtered animal; black pudding; barren, sterile (cow or mare)’ ← Mongolic **subai*: cf. LM *subai* ‘female animal (cow, mare) which has not borne a foal (or calf) during the year’; Dagur *sobō* ~ *sogō*; Buryat *subai*; Khalkha *suwai*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Maja, Sakhalin, Urmi) *māni* ‘well dressed, elegant; educated; cultured; noble’ ← Yakut *māni* ‘honour, respect; contentment; dear; well dressed, elegant’ ← Mongolic **māni*: cf. LM *mani* ‘gem, jewel, precious stone; wish-granting stone or jewel, talisman, precious object’; Buryat *māni*; Khalkha *mān*’ ← Tibetan;

Evenki (Tokko) *manña* ‘favour; pay, fee’ ← Yakut *manña* ‘id.’ ← Mongolic **manja*: cf. LM *manja* ‘prepared tea (honorif. in reference to lamas)’; Khalkha *manj* ← Tibetan;

Evenki (Uchur) *moɣoi* ‘wisdom tooth’ ← Yakut *moɣoi* ~ *moɣoi* ‘snake, serpent’; cf. *silgī moɣoyo* ‘tusks of a horse’ [Pekarskij 1959: 1576] ← Mongolic **moɣoi*: cf. LM *moɣai* ‘snake, serpent’; Dagur *mog(o)*; Buryat, Khalkha *mogoi*;

Evenki (Tokko) *mugur* ‘blind gut, caecum; blunt’ ← Yakut *mugur* ~ *muɣur* ‘blunt’; cf. *mugur* ‘caecum’, *muɣur* ‘blind gut’ [Pekarskij 1959: 1617, 1631] ← Mongolic **mukur*: cf. LM *muqur* ‘blunt, blunted; cropped; hornless, tailless, bobtailed; amputated, maimed; rounded (as number); dead-end; blind (figuratively)’; Dagur *mogō*; Buryat *moxō*; Khalkha *muxar*.

Uncertain features

There are some phonetic features which are characteristic of both direct Mongolic loanwords and indirect copying via Yakut.

1) The preservation of the Mongolic initial *č-*, e.g.

Mongolic **čakir*: cf. LM *čakir* ‘very white, light, snow white; white spots on finger nails or on the feathers of a bird’

→ Yakut *čakir* ‘white (colour of horse)’;

→ Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *čakir* ‘white-coloured reindeer’;

Mongolic *čeber: cf. LM *čeber* ‘clean, pure; neat; immaculate; net (as profit)’

→ Yakut *čabār* ‘neat, tidy’;

→ Evenki (Tommot, Uchur) *čeber* ‘neat, tidy’;

Mongolic *čabirqai: LM *čimarqai* ‘temple’; cf. Buryat *sabirgai*

→ Yakut *čabiryay*;

→ Evenki (Tokko, Maja, Sakhalin, Urmi) *čawurgai* ~ *čawurgüi* ~ *čawurkai*.

However, in two cases the Yakut morphological and semantic criteria demonstrate incontrovertibly that the copying occurred from Yakut, e.g.

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *čačai-* ‘to choke over’ ← Yakut *čačay-* ‘id.’ ← Mongolic **čača-*: cf. LM *čača-* ‘to choke, swallow wrongly, get water or saliva in one’s windpipe; to have a fit of coughing’; Dagur *čači-*; Buryat *sasa-*; Khalkha *caca-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur) *čer* ‘scar’ ← Yakut *čär* ‘scar, callous’ ← Mongolic *čer: cf. LM *čer* ‘phlegm, sputum, mucus’; Buryat *ser* ‘callus, swelling’; Khalkha *cer*.

2) The preservation of the Mongolic initial *ǰ-*, e.g.

Mongolic *ǰoriya: cf. LM *ǰoriya* ‘ambling, fast amble; ambler’ (← Turkic)

→ Yakut *ǰoruo* ‘ambler (horse)’;

→ Evenki (Uchur) *ǰorō* ‘ambler’;

Mongolic *ǰibar: cf. LM *ǰibar* ‘cold air’

→ Yakut *ǰibar* ‘frost; cold weather’;

→ Evenki (Tokko) *ǰiwar* ‘cold weather in morning’;

Mongolic *ǰalayai: cf. LM *ǰalayai* ‘careless, negligent; carelessness, neglect’

→ Yakut *ǰalayai* ‘careless, inaccurate’;

→ Evenki (Tokko, Tommot, Chulman, Maja, Urmi) *ǰalayai* ‘absent-minded’.

In some cases, the borrowing from Yakut is proved by other phonetic and morphological criteria, e.g. the development of the Mongolic diphthong into a long vowel in Yakut, the Yakut suffix + *lāx*, the Yakut additional final verbal sound -*y-*:

Evenki (Tokko, Uchur) *ǰül* ‘law; sentence’ ← Yakut *ǰül* ‘law court, legal proceedings; investigation; sentence; sense, understanding’ ← Mongolic *ǰüil < *ǰüyl-l*: cf. LM *ǰüil* ‘kind, species, sort, category; article, item, paragraph, point; occurrence, instance’ < *ǰüyl-* ‘to join together, put together from pieces, add on material of the same kind in order to make something larger or longer; to piece’; Buryat *züil*; Khalkha *züil*;

Evenki (Tokko, Tommot, Chulman, Sakhalin, Urmi) *ǰollōk* ‘happy’ ← Yakut *ǰollōx* (< *ǰol* + *lōx*) ‘happy’ ← Mongolic *ǰol: cf. LM *ǰol* ‘good luck, fortune, good result, success’; Buryat *zol*; Khalkha *zol*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Maja, Urmi) *ǰahai-* ‘to put in order; to manage, direct; to take care’ ← Yakut *ǰahay-* ‘to put in order; to manage, direct’ ← Mongolic **ǰasa-*: cf. LM *ǰasa-* ‘to put in order, fix, repair, correct, make corrections; to improve, to decorate; to castrate’; Dagur *dasa-*; Buryat *zaha-*; Khalkha *zasa-*;

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Chulman) *ǰudei-* ‘to grow thin, lose weight’ ← Yakut *ǰüdäy-* ‘to grow thin, lose weight; to become worse; to go off’ ← Mongolic **ǰüde-*: cf. LM *ǰüde-* ‘to be tired, fatigued, or exhausted from work or pressure; to suffer hardship; to have difficulty in doing something’; Dagur *ǰude-*; Buryat *züde-*; Khalkha *züde-*.

3) The regular change in the Mongolic intervocalic *VsV* → *VhV* in both Evenki and Yakut. This change points to a later period of copying, because the Old Turkic *VsV* changed to *VtV* in Yakut³². However, in Modern Yakut, if a word with the final consonant -*s* takes a suffix with an initial vowel, the final -*s* regularly changes to *VhV* [Kharitonov 1947: 70; Baraškov 1951: 50; Ubr’atova et al. 1982: 60], e.g.

Yakut *ahā-* ‘to eat’ < *as* ‘food’ + *ā-* (Den. V.);

Yakut *ühüs* ‘third’ < *üs* ‘three’ + (*X*)*s* (the suffix of Ordinal Number);

Yakut *kuhu* < *kus* ‘duck’ + *u* (Accusative);

Yakut *bahim* ‘my head’ < *bas* ‘head’ + *im* (Possessive Sg.1), etc.

In the Mongolic [Kalužynski 1961: 49] and Russian elements in Yakut, the intervocalic consonant *VsV* regularly changes to *VhV* [Arakin 1953: 34], e.g.

Mongolic: LM *nüser* ‘cumbersome’ → Yakut *nühär* ‘solid, strong’;

Mongolic: LM *bos(o)-* ‘to rise, stand up’ → Yakut *bohoj-*;

Russian *časy* ‘clock’ → Yakut *čahi*;

Russian *nosilki* ‘stretcher’ → Yakut *nahilka*;

Russian *risúnok* ‘picture’ → Yakut *uruhünak*;

³² Cf. Old Turkic *asig̃* ‘profit, advantage’ ~ Yakut *atī* ‘trade, commerce’; Old Turkic *isi-* ‘to be hot’ ~ Yakut *itiy-*; Old Turkic *isir-* ‘to bite’ ~ Yakut *itir-*.

Russian *spasibo* ‘thank you!’ → Yakut *bahība*.

This change is also characteristic of original words of the Evenki dialects in Yakutia which belong to the eastern group (for details see [Romanova, Myreeva, Baraškov 1975: 69; Atkine 1997: 116—117], e.g.

Literary Evenki *ēsa* ‘eye’ ~ Eastern Evenki *ēha*;

Literary Evenki *usī* ‘halter, tether’ ~ Eastern Evenki *uhī*;

Literary Evenki *asī* ‘woman’ ~ Eastern Evenki *ahī*.

Mongolic **bayitasun*: cf. LM *bayitasu(n)* ~ *bayidasu(n)* ‘a three to four-year-old animal which has not yet born young; barren’

→ Yakut *baytahin* ‘barren mare’;

→ Evenki (Tokko, Maja, Urmi, Barguzin, Uchur) *baitahun* ‘barren mare’;

Mongolic **kese-*: cf. LM *kese-* ‘to be corrected’; Buryat *xehe-* ‘to break oneself; to improve; to repent’

→ Yakut *kähäy-* ‘to learn, be taught a lesson’;

→ Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, Sakhalin, Urmi, Zeja, Tungir, Jerbogachon, Ilimpi) *kehē-* ‘to be taught a lesson; to worry, feel unhappy, to suffer’.

In some cases, the Yakut borrowing is justified by Yakut grammatical features in Evenki words:

Evenki (Tokko, Tommot, Uchur, May, Urmi) *jahai-* ‘to put in order; to manage, direct; to take care’ ← Yakut *jahay-* ‘to put in order; to manage, direct’ ← Mongolic **jasa-*: cf. LM *jasa-* ‘to put in order, fix, repair, correct, make corrections; to improve, to decorate; to castrate’; Dagur *dasa-*; Buryat *zaha-*; Khalkha *zasa-*;

Evenki (Uchur, Maja) *sōhū* ‘cattle; livestock’ ← Yakut *süöhü* ‘id.’ ← Mongolic **jögesi* < *jöge-si*: cf. LM *jöge-* ‘to move something from one place to another, transport; to gather, collect; to acquire, possess’; Buryat *zōše* ‘property, household belongings’.

Conclusion

In this paper, I have presented some phonological, morphological and semantic criteria which characterize Yakut elements of Mongolic origin in Evenki. On the basis of these criteria, it is possible to distinguish the direct borrowings from Mongolic and the indirect borrowings via the Yakut language.

In spite of the fact that Evenki dialects in Yakutia and the Barguzin Evenki dialect in Buryatia belong to the eastern group of Evenki dialects, the phonetic features of their Mongolic elements demonstrate that the Mongolic sources of the two loanword groups and the periods of borrowing were different. The Mongolic elements of the Evenki dialects copied via Yakut belong to the early period, but they do not show “daguroid” peculiarities, e.g.

— the absence of the Middle Mongolic initial *h-*, which is typical for direct borrowings;

— the development of a long vowel in place of the Mongolic *VgV* sequence according to the Yakut phonetic rules, while it is preserved in direct borrowings;

— in the most cases the regressive assimilation of the Mongolic vowel *i* has not yet happened in both types of borrowings;

— the preservation of the Mongolic initial consonants *č-* and *ǰ-* in both types of borrowings;

— the Mongolic sequence *si* has not developed into *ši*.

Accordingly, at least two different Mongolic languages must be presumed in the region of the Baikal, where there were intensive linguistic contacts among the Turkic, Tungusic and Mongolic tribes.

Abbreviations

Den.V — Denominal Verb

LM — Literary Mongolian

MNT — Mongqol-un ni’uča tobčiyān

(The Secret History of the Mongols)

Muq. — Mukaddimat al-Adab

NN — Denominal Noun

pl. — Plural

Sg. — Singular

References

Arakin 1953 — Arakin V. D. Russkie zaimstvovannye slova v jakutskom jazyke // Akademiku V. A. Gordlevskomu / Ed. Baskakov N. A. Moskva, 1953. S. 25—34.

Atkine 1997 — Atkine V. The Evenki language from the Yenisei to Sakhalin // Northern minority languages: problems of survival / Ed. Shoji H., Janhunen J. Osaka, 1997. P. 109—121.

Baraškov 1951 — Baraškov P. P. Nekotorye svoystva jakutskix soglasnyx // T’urkologičeskij sbornik 1 / Ed. Kononov A. N. Moskva, 1951. S. 48—54.

- Bawden 1997 — *Bawden Ch.* Mongolian-English dictionary. London; New York, 1997.
- Benzing 1955 — *Benzing J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955.
- Böhtlingk 1851 — *Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten. Sankt-Petersburg, 1851.
- Bulatova 2002 — *Bulatova N. Ja.* Evenkijskij jazyk // Jazyki narodov Rossii. Krasnaja kniga: Enciklopedičeskij slovar'-spravočnik / Ed. *Neroznak V. P.* Moskva, 2002. S. 267—272.
- Burykin, Parfenova 2003 — *Burykin A. A., Parfenova O. S.* Evenkijskij jazyk // Pis'mennye jazyki mira: Jazyki Ros-sijskoj Federacii. Sociolingvističeskaja enciklopedija. T. 1—2 / Ed. *McConnell G. D., Mixalčenko V. Ju.* Moskva, 2003. S. 640—666.
- Cincius 1949 — *Cincius V. I.* Sravnitel'naja fonetika tunguso-man'čžurskix jazykov. Leningrad, 1949.
- Cincius 1975 — *Cincius V. I.* Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov. T. 1—2. Leningrad, 1975.
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An etymological dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
- Cydenambaev 1978 — *Cydenambaev C. B.* Ob evenkijskix elementax v etničeskom sostave i jazyke bur'at // Vzai-movlijanie jazykov v Bur'atii / Ed. *Šagdarov L. D.* Ulan-Ude, 1978. S. 79—95.
- Čeremisov 1973 — *Čeremisov K. M.* Bur'atsko-russkij slovar'. Moskva, 1973.
- Doerfer 1978 — *Doerfer G.* Classification problems of Tungus // Tungusica 1. Wiesbaden, 1978. P. 1—26.
- Doerfer 1985 — *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985.
- Doerfer 1985a — *Doerfer G.* The Mongol-Tungus connections // Language research. 1985, 21/2. P. 135—144.
- Doerfer 2004 — *Doerfer G.* Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialecte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim — Zürich — New York, 2004.
- Erdal 1991 — *Erdal M.* Old Turkic word formation: A functional approach to the lexicon. Wiesbaden, 1991.
- Janhunen 1991 — *Janhunen J.* Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki, 1991.
- Janhunen 1996 — *Janhunen J.* Manchuria. An ethnic history. Helsinki, 1996.
- Janhunen 1997 — *Janhunen J.* The languages of Manchuria in today's China // Northern minority languages: problems of survival / Ed. *Shoji H., Janhunen J.* Osaka, 1997. P. 123—146.
- Janhunen 2003 — *Janhunen J.* Khamnigan Mongol // The Mongolic languages / Ed. *Janhunen J.* London — New York, 2003. P. 83—101.
- Johanson 1998 — *Johanson L.* The history of Turkic // The Turkic languages / Ed. *Johanson L., Csató É. Á.* London — New-York, 1998. P. 81—125.
- Golden 1992 — *Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992.
- Grigor'ev 1951 — *Grigor'ev N. S.* O zakonomernosti vypadenija konečnogo -j v glagol'nyx osnovax jakutskogo jazyka // T'urkologičeskij sbornik 1 / Ed. *Kononov A. N.* Moskva, 1951. S. 80—84.
- Kalužyński 1961 — *Kalužyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.
- Kalužyński 1982 — *Kalužyński S.* Einige tungusische Lehnwörter im Jakutischen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982, 36/1—3. S. 261—269.
- Kalužyński 1995 — *Kalužyński S.* Iacutica. Prace jakutoznawcze. Warszawa, 1995.
- Khabtagaeva 2010 — *Khabtagaeva B.* The Mongolic elements in Barguzin Evenki // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010, 63/1. P. 9—25.
- Khabtagaeva: in print — *Khabtagaeva B.* Preliminary report on the Barguzin Evenki dialect // Ural-Altäische Jahrbücher (in print).
- Kharitonov 1947 — *Xaritonov L. N.* Sovremennyj jakutskij jazyk: Fonetika i morfologija. Jakutsk, 1947.
- Kharitonov 1963 — *Xaritonov L. N.* Zalogovye formy glagola v jakutskom jazyke. Moskva-Leningrad, 1963.
- Knüppel 2005 — *Knüppel M.* Jakutische Elemente in tungusischen Sprachen I: Jakutisches im Ost-Ewenki (nach S. M. Širokogorovs "Tungus Dictionary") // Turks and Non-Turks: Studies on the history of linguistic and cultural contacts / Ed. *Stachowski F. S., Siemieniec-Golaś E., Pomorska M.* Kraków, 2005. P. 191—202.
- Knüppel 2007 — *Knüppel M.* Jakutische Elemente in tungusischen Sprachen II: Jakutisches im Tumunchanskischen (nach S. M. Širokogorovs "Tungus Dictionary") // Strukturelle Zwänge — Persönliche Freiheiten. Osmanen, Türken, Muslime: Reflexionen zu gesellschaftlichen Umbrüchen. Gedenkband zu Ehren Petra Klapperts / Ed. *Fenz H.* Berlin, 2007. S. 235—247.
- Knüppel 2008 — *Knüppel M.* Jakutische Elemente in tungusischen Sprachen III: Jakutisches im Negidal (nach S. M. Širokogorovs "Tungus Dictionary") // Central Asiatic Journal. 2008, 52/1. P. 55—63.
- Knüppel 2010 — *Knüppel M.* Jakutische Elemente in tungusischen Sprachen IV: Jakutisches im Birare (nach S. M. Širokogorovs "Tungus Dictionary") // Trans-Turkic Studies: Festschrift in Honour of Marcel Erdal / Ed. *Kappler M., Kirchner M., Zieme P.* Istanbul, 2010. P. 463—471.
- Konstantinov 2003 — *Konstantinov I. V.* Proisxoždenie jakutskogo naroda i ego kul'tury. Jakutsk, 2003.
- Lessing 1996 — *Lessing F. D.* Mongolian-English dictionary. Bloomington, 1996.
- Malčukov 2006 — *Malčukov A. L.* Yakut interference in North-Tungusic languages // Turkic languages in contact / Ed. *Boeschoten H., Johanson L.* Wiesbaden, 2006. P. 122—138.
- Ned'alkov 1997 — *Ned'alkov I. V.* Evenki. London; New-York, 1997.

- Novgorodov 1998 — *Novgorodov I. N.* Tunguso-man'čžurskoe vlijanie na dialektnye zony jazyka saha // *Jakutskij jazyk. Dialektologija* / Ed. *Voronkin M. S.* Novosibirsk, 1998. S. 57—68.
- Okladnikov 1955 — *Okladnikov A. P.* Istorija Jakutskoj ASSR. T. 1. Jakutija do prisoedinenija k Russkomu gosudarstvu. Moskva-Leningrad, 1955.
- Pakendorf 2007 — *Pakendorf B.* Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): linguistic and genetic perspectives (PhD thesis). Leiden, 2007.
- Pekarskij 1911 — *Pekarskij E. K., Cvetkov V. P.* Prijanskije tungusy // *Živaja starina*. 1911, 20. Vyp. 3—4.
- Pekarskij 1913 — *Pekarskij E. K.* Očerki byta prijangskix tungusov. St.-Petersburg, 1913.
- Pekarskij 1959 — *Pekarskij E. K.* Slovar' jakutskogo jazyka. T. 1—3. Jakutsk, 1959.
- Poppe 1966 — *Poppe N.* On some ancient Mongolian loan-words in Tungus // *Central Asiatic Journal*. 1966, 11. P. 187—198.
- Poppe 1972 — *Poppe N.* On some Mongolian loanwords in Evenki // *Central Asiatic Journal*. 1972, 16. P. 95—103.
- Rassadin 1980 — *Rassadin V. I.* Mongolo-bur'atskie zaimstvovanija v sibirskix t'urkskix jazykax. Moskva, 1980.
- Romanova, Myreeva 1962 — *Romanova A. V., Myreeva A. N.* Očerki tokkingskogo i tommotskogo dialektov. Moskva-Leningrad, 1962.
- Romanova, Myreeva 1964 — *Romanova A. V., Myreeva A. N.* Očerki učurskogo, majnskogo i tottinskogo govorov. Moskva-Leningrad, 1964.
- Romanova, Myreeva 1968 — *Romanova A. V., Myreeva A. N.* Dialektologičeskij slovar' evenkijskogo jazyka: Materialy govorov evenkov Jakutii. Leningrad, 1968.
- Romanova, Myreeva 1971 — *Romanova A. V., Myreeva A. N.* Fol'klor evenkov Jakutii. Leningrad, 1971.
- Romanova, Myreeva, Baraškov 1975 — *Romanova A. V., Myreeva A. N., Baraškov P. P.* Vzaimovlijanie evenkijskogo i jakutskogo jazykov. Leningrad, 1975.
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Geschichte des Jakutischen Vocalismus. Kraków, 1993.
- Stachowski 2005 — *Stachowski M.* Chronology of some Yakut phonetic changes in the context of 18th century Mongolian loanwords into Yakut // *Rocznik Orientalistyczny*. 2005, 58/1. P. 194—203.
- Stachowski, Menz 1998 — *Stachowski M., Menz A.* Yakut // *The Turkic languages* / Ed. *Johanson L., Csató É. Á.* London-New-York, 1998. P. 417—433.
- Tokarev 1940 — *Tokarev S. A.* Očerki istorii jakutskogo naroda. Moskva, 1940.
- Ubr'atova 1960 — *Ubr'atova Je. I.* Jakutskij jazyk v ego otnošenii k drugim t'urkskim jazykam, a takže k jazykam mongol'skim i tunguso-man'čžurskim // http://altaica.ru/LIBRARY/Congress1960/ubriatova_yakut.pdf
- Ubr'atova et al. 1982 — *Ubr'atova, Je. I., Korkina Je. I., Xaritonov L. N., Petrov N. Je.* Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka: Fonetika i morfologija. Moskva, 1982.
- Vasilevič 1948 — *Vasilevič G. M.* Očerki dialektov evenkijskogo (tungusskogo jazyka). Leningrad, 1948.
- Vasilevič 1949 — *Vasilevič G. M.* Evenkijskaja ekspedicija // *Kratkie soobščeniya Instituta etnografii*. 1949, 5. S. 54—63.
- Vasilevič 1958 — *Vasilevič G. M.* Evenkijsko-russkij slovar'. Moskva, 1958.
- Vasilevič 1960 — *Vasilevič G. M.* K voprosu o klassifikacii tunguso-man'čžurskix jazykov // *Voprosy jazykoznanija*. 1960, 2. S. 43—49.
- Vasilevič 1966 — *Vasilevič G. M.* Istoričeskij fol'klor evenkov: Skazanija i predanija. Moskva — Leningrad, 1966.
- Vasilevič 1969 — *Vasilevič G. M., Smol'ak A. V.* The Evenks // *The peoples of Siberia* / Ed. *Levin M. G., Potapov L. P.* Chicago, 1969. P. 620—654.
- Vostrikov, Poppe 2007 — *Vostrikov A. I., Poppe N. N.* Letopis' barguzinskix bur'at: Teksty i issledovanija. Ulan-Ude, 2007. (Reprint of *Vostrikov A. I., Poppe N. N.* Letopis' barguzinskix bur'at: Teksty i issledovanija. Moskva; Leningrad, 1935.)

РЕЗЮМЕ

В данной статье сформулированы некоторые фонологические, морфологические и семантические критерии, характеризующие якутские элементы монгольского происхождения в эвенкийском языке. На основании этих критериев можно отличить непосредственные заимствования из монгольского от заимствований через якутский язык.

Несмотря на то, что эвенкийские диалекты в Якутии и баргузинский диалект эвенкийского в Бурятии относятся к восточной группе эвенкийских диалектов, фонетические характеристики монгольских заимствований в них показывают, что монгольские источники двух групп заимствований и периоды заимствования были разными. Монгольские элементы в эвенкийских диалектах, пришедшие через якутский, относятся к раннему периоду, но не демонстрируют типичных «дагурских» особенностей:

- отсутствует среднемонгольское начальное *h-*, характерное для прямых заимствований;
- развиваются долгие гласные на месте монгольской последовательности *VgV* в соответствии с фонетическими правилами в якутском, тогда как эта последовательность сохранена в прямых заимствованиях;
- в большинстве случаев регрессивная ассимиляция монгольского *i* еще не произошла в обеих группах заимствованных слов;

- сохранение монгольских начальных *č-* и *ǰ-* в обеих группах заимствований;
- монгольская последовательность *si* не переходит в *ši*.

Соответственно, следует предполагать существование как минимум двух различных монгольских языков в Байкальском регионе, где активно контактировали представители тюркских, тунгусских и монгольских племен.

SUMMARY

In this paper, I have proposed some phonological, morphological and semantic criteria which characterize Yakut elements of Mongolic origin in Evenki. On the basis of these criteria, it is possible to distinguish between direct borrowings from Mongolic and indirect borrowings via Yakut language.

In spite of the fact that Evenki dialects in Yakutia and the Barguzin Evenki dialect in Buryatia belong to the eastern group of Evenki dialects, the phonetic features of their Mongolic elements demonstrate that the Mongolic sources of the two loanword groups and the periods of borrowing were different. The Mongolic elements of the Evenki dialects borrowed via Yakut belong to the early period, but they do not show “daguroid” peculiarities, e.g.:

- the absence of the Middle Mongolic initial *h-*, which is typical for direct borrowings;
- the development of a long vowel in place of the Mongolic *VgV* sequence according to the Yakut phonetic rules, while the sequence is preserved in direct borrowings;
- in most cases the regressive assimilation of the Mongolic vowel *i* has not yet occurred in both groups of borrowings;
- the preservation of the Mongolic initial consonants *č-* and *ǰ-* in both groups of borrowings;
- the Mongolic sequence *si* has not developed into *ši*.

Accordingly, at least two different Mongolic languages must be presumed to have existed in the Baikal region, where intensive linguistic contacts among the Turkic, Tungusic and Mongolic tribes took place.

Ключевые слова: эвенкийский язык, якутский язык, монгольские языки, сравнительно-историческое языкознание, хронологизация языковых контактов

Keywords: Evenki language, Yakut language, Mongolian languages, comparative linguistics, chronology of language contacts

Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера
(Ленский район Архангельской области)

Подробный анализ комплекса русских лексем коми происхождения представлен в обобщающей работе Я. Калимы «*Sytjänisches Lehngut im Russischen*» [Kalima 1927], в которой с подробным изложением истории вопроса описывается несколько десятков слов. Впоследствии этот список был существенно пополнен исследователями финно-угорских лексических элементов в русском языке [Кривошекова-Гантман 1981; Аникин 2000; Мызников 2004: 320—324]. Наиболее полное представление о лексическом коми влиянии на русские диалекты удалось получить благодаря материалам, собранным Топонимической экспедицией Уральского государственного университета (территории Русского Севера, Урала и Сибири) и послужившим основой для ряда научных трудов исследователей Уральской топонимической школы [Востриков 1981; Матвеев 1959, 1964, 1991; Теуш 2002, 2007; МСФУЗ]. Однако отмечается то, что «поиск коми-зырянских заимствований на русском Севере по-прежнему актуален» [Матвеев 1991: 25], а «коми-русское взаимодействие (...) пока изучено крайне недостаточно» [Теуш 2007: 229].

Новые материалы, полученные в результате полевых работ Топонимической экспедиции Уральского университета летом 2008 года в Ленском районе Архангельской области, позволяют расширить имеющиеся представления о коми влиянии на севернорусскую диалектную лексику, а также внести коррективы в представленные в научном обороте данные и существующие этимологии. Предметом исследования в настоящей статье стали лексемы коми происхождения: а) впервые зафиксированные в результате полевых сборов; б) отмеченные ранее либо в ином фонетическом облике, либо имеющие семантические отличия от предшествующих данных, либо как бытующие на других территориях; в) фиксировавшиеся в XIX в. и пока не подтвержденные современными источниками; г) известные, но не рассматривавшиеся в качестве коми заимствований; д) позволяющие уточнить предложенные ранее этимологии.

(1) *áргать* ‘кричать, ругаться’, ср. *áргать* ‘рычать, ворчать (о собаке)’ (Влг: Кадн, Ярен), *áргаться* ‘ругаться, ссориться’ (Перм) [СРНГ, 1: 271]

< коми: нв. *аргыны*, вв. *аргини* ‘кричать, орать, вопить’, уд. *аргыны* ‘сильно блеять (об овцах, козах)’ [ССКЗД: 12].

А. К. Матвеев возводит к тому же источнику русск. перм. *аргаться* ‘блеять, реветь (об овце)’ [Матвеев 1964: 286]. Коми слово, возможно, родственно приб.-фин.; ср. фин. *äristä, ärätä, äräjää* ‘ворчать’, ‘брюзжать’ [SKES: 1876; SSA, 3: 499], к которым восходят русск. арх., влг. *áрандась, áрондась* ‘кричать, издавать громкие звуки’ [МСФУЗ: 28]. Коми этимология для вологодского и пермского слова приводится также А. Е. Аникиным в [РЭС, 1: 267—268], где этот материал объединяется с *áргать(ся)* в различных значениях с указанием на возможность русского происхождения. Не отрицая этой возможности, заметим, что фонетика (-з-), география и семантика *áргать(ся)* говорят в пользу заимствования из коми.

(2) *бáканцы, бáконцы, пáканцы* ‘игра в ляпки’, *бáкнуть* ‘ляпнуть’

< коми: нв. *бакавны*, л. *батымалны* ‘салить, осалить, пятнать, запятнать (в игре)’ [ССКЗД: 353]; л. *бакавны*, лет. *бакалны* ‘задыхаться, задохнуться’ [ССКЗД: 16].

Колебание звонких и глухих согласных, имеющееся в русских словах, известно севернорусским диалектам.

(3) *бáргать* ‘блеять’, *бя́ргать* ‘блеять’; ср. *баргать* ‘блеять’ (Перм) [СРНГ, 2: 111]

< коми: иж., нв., печ., уд. *баргыны* ‘блеять (об овцах, козах, бекасах, куропах)’ [ССКЗД: 16—17].

Коми лексема может быть сопоставлена с фин. *parkua*, карел.-ливв. *parkuo, parguo* ‘вскрикнуть, взвыть’, которые в SKES, однако, сравниваются только с коми *pargin* ‘жужжать’ [SKES, 3: 446]. А. Е. Аникин сопоставляет пермскую лексему с коми *баргыны* ‘много говорить, болтать, пустословить’, *паргыны* ‘жужжать’ [РЭС, 2: 210]. Данные ССКЗД семантически ближе, хотя, безусловно, все коми лексемы родственны.

(4) *бýргать* ‘говорить непонятно и быстро’, ‘ворчать’, ‘бурчать в животе’, *бýрганец* ‘разговорчивый человек’, *бýрганица* ‘женщина, которая быстро говорит’, *бýргало* ‘ворчун’, *бýргун* ‘неразборчиво говорящий человек’, *быр-быр-быр* шутол. ‘гороховый суп’, *бургуша* ‘гороховая каша’, *перебýргать* ‘переговорить’; ср. *бýргать* ‘пить, глотать с шумом’, ‘бросать быстрые, короткие взгляды’ (Перм) [СРНГ, 3: 347]

< коми: *быргыны* ‘жужжать (чаще о вертушке)’, ‘говорить быстро, без умолку, жужжать, трещать’, ‘взлететь, вспорхнуть’ [КРС: 74]; вым., иж., нв., скр., сс. *быргыны*, вв. *быргини* ‘тараторить, трещать, го-

ворить быстро, без умолку' [ССКЗД: 34]; ср. *бур-бор* 'ропот, шепот', *бур-боркерны* 'пробормотать, буркнуть' [КРС: 66].

(5) *в́аньгатъ* 'хныкать'; ср. *в́ангатъ* 'хныкать, ныть; говорить плаксивым голосом, капризничать' (Ср. Урал) [СРНГ, 4: 36]

< ? коми: *вангыны* 'разглагольствовать, болтать' [КРС: 80]; скр., сс. *вангыны*, вв. *валгини* 'говорить громко и без умолку' [ССКЗД: 37].

География в пользу заимствования из коми, однако ср. также приб.-фин.: фин. *vanquia* 'плакать, брюзжать, издавать звуки; просить в голос, выпрашивать', карел.-ливв. *vajkuo, vajguo* 'издавать звуки жалобно, просить в голос, громко выпрашивать', люд. *vanguda* 'выть, визжать' [SKES, 5: 1638], которые семантически ближе. Фонетически сходное *в́еньгатъ* 'хныкать, ныть', 'капризничать' и т. п. имеет иной прибалтийско-финский источник; см. подробнее [МСФУЗ: 81—82].

(6) *в́изеньга, в́изька, визю́ха* 'корова (или бык) с белой полосой на спине, реже — пестрая, разноцветная', *в́изий* 'имеющий белую полосу на спине (о корове)'

< коми: *визь* 'линия, черта', 'полоса', *визьö* 'кличка черно-пестрой коровы' [КРС: 101]; *визя* 'полосатый, в полоску', 'пестрый'; *визя мös* 'пестрая корова' [КРС: 102]; повс. *визь* 'линия, полоса, черта'; скр. *визьö*, вв., печ., сс. *визюк*, вым. *визьзяö* 'кличка черно-пестрой коровы'; вв., нв., печ., скр., сс., уд. *визя*, вс., вым. *визьзя* 'полосатый, в полоску' [ССКЗД: 50].

Коми лексемы являются общепермскими по происхождению, имеют удмуртские параллели [КЭСК: 56].

(7) *гóльгатъ* 'стучать зубами при ознобе', 'лязгать зубами', 'шумно глотать', 'смеяться, говорить со смехом', *гýль-гýль* 'стук дождя, града', *гýльгатъ* 'звенеть, стучать'; ср. *голгáтъ* 'говорить' (Вят) [СРНГ, 6: 288]

< коми: *гольгыны* 'брякать, звякать', 'перемещая что-л. или перемещаясь, издавать звонкие гулкие звуки', 'гулко сыпать что-л.', 'бойко читать' [КРС: 146]; вс., вым., скр. *гольгыны*, вв. *гольгини* 'издавать звонкие и гулкие звуки, звенеть; рассыпать со стуком, звоном, звуком'; сс. *гольгыны*, вв. *гольгини* 'читать, говорить быстро, без запинки' [ССКЗД: 82]; *гиль-голь* 'бряк, звяк'; *гиль-голькерны, гиль-гольмунны* 'звякнуть, брякнуть, задрезжать', 'разбиться, разлететься вдрызг' [КРС: 143]; вс. *гилскыны* 'скреести, шаркать, шоркать твердым предметом' [ССКЗД: 80]; вв., вым., иж., печ., скр., сс., уд. *гиль-голь*, вв. *голь-голь* 'изобразительное слово, выражающее бряканье, звяканье, дребезжанье, громкий звук (напр., от падения посуды, дров); такой, что вот-вот рассыплется с шумом'; печ., скр., сс. *гиль-голькерны*, вв. *гиль-голькерни* 'звякнуть, брякнуть, произвести звяканье, бряканье' [ССКЗД: 79]; иж., печ., скр. *гиль-гольмунны*, вв. *гиль-гольмунни* 'звякнуть, брякнуть, задрезжать, произойти громкому звуку; рассыпаться с шумом' [ССКЗД: 79—80]; скр. *гиля-голякыны*, вв. *гиля-голякылни*, вым., иж. *гиля-голякыны* 'звякать, брякать, дребезжать, греметь (о посуде)' [ССКЗД: 80]; *гýль-голь* 'бряк, звяк', *гýль-гольвöчны, гýль-голькерны* 'звякнуть, брякнуть', *гýлькыны* 'жадно пить, глотать с бульканьем' [КРС: 162].

Колебание вокализма первого слога присутствует уже в коми. Коми лексема сопоставляется с фин. *kolkaa* 'стучать, греметь (?)', однако отмечается, что «возможно, эти звукоподражательные слова в отдельных языках возникли самостоятельно» [КЭСК: 77].

(8) *гýрднүтъ* 'громыхнуть (о громае)'; ср. *гýргатъ* 'стучать, греметь' (Влг: Ярен), 'урчать' (Влг) [СРНГ, 7: 238]

< коми: *гургыны* 'катить (тащить, волочить) что-л. с шумом по неровной поверхности', 'гудеть', 'грохотать', диал. 'урчать (о желудке)' [КРС: 164]; вым., иж., л., нв., печ., скр., сс., уд. *гургыны*, вв. *гургини* 'катить (тащить, волочить) что-л. с шумом по неровной поверхности' [ССКЗД: 93].

Эти лексемы являются общепермскими по происхождению [КЭСК: 83]. В зафиксированном слове следует предполагать диссимиляцию: *гýргнүтъ* > *гýрднүтъ*.

Неясно, как с этим словом соотносятся *гýргатъ, гýргатъся, гýркатъ* 'издавать шум, стучать, греметь', *гýргатъ* 'болтать без умолку', *сгýргатъ* 'упасть с шумом'. Возможно, здесь представлено нередкое для звукоподражаний колебание вокализма; однако ср. также коми *гирзьыны* 'смеяться, хохотать' [КЭСК: 398].

(9) *гýргалка, гаргýшка* 'небольшая мельница' возможно, связано с предыдущим или с коми *гыр(-й-)* 'стула', которое сопоставляется с удм. *гыр* 'то же' и имеет общепермское происхождение [КЭСК: 85].

(10) *э́жньий (мешок)* 'узкий и длинный (мешок)'

< ? коми: *эжöд* 'верх (одежды)', 'чехол, наволочка', 'обивка, облицовка, покрывало', *эжöм* 'покрытие чего-л.', 'обивка, обшивка' [КРС: 767].

(11) *э́с* 'рыбная мелочь', *э́синка* 'малек', *э́скöвник* 'открытый пирог с мелкой рыбой', *я́скй, я́сккй* 'рыбная мелочь', *я́скöвник* 'мелкая жареная рыба', 'пирог с мелкой рыбой'

< коми: *эс* 'маленькая рыбка, рыбешка, малек', 'мелкая рыба, молодь' [КРС: 212]; вв., нв., печ., скр. *эс* 'рыбинка, рыбешка' [ССКЗД: 121]; вым., иж., уд. *эс* 'мелкая рыба, водящаяся у берегов рек; мальки, малявки' [ССКЗД: 12].

(12) *зэльгнуть* ‘упасть, звякнуть (о разбитом стекле)’

< коми: *зэль* ‘подражание звону стекла, металла’, *зэльодны* ‘звенеть, звякать’, ‘перебить (стекла)’, *зильгыны* ‘звенеть’, диал. ‘брюзжать, браниться’, ‘звонко лаять, заливаться’ [КРС: 229]; вым., л., нв., печ., скр., сс. *зильгыны*, скр., сс. *зэльгыны*, вв. *зэльгинізэльгыны* ‘звенеть, позванивать; разбить со звоном (напр., стекло)’ [ССКЗД: 130]. Коми слова исконны [КЭСК: 255].

(13) *зиб* ‘вершина горы’, ‘высокая гора’

< коми: *дзиб(-й-)* ‘возвышенность, холм, горка’, *дзиб йыв* ‘вершина холма’ [КРС: 178]; скр. *дзиб йыв*, нв. *дзиб йив*, вв., печ. *дзиб йил*, вв., вым. *дзиб йыы*, лл. *дзиб* ‘верхушка возвышения, гребень (холма, горы)’, ‘выпуклость щеки’ [ССКЗД: 103].

Коми *дзиб* ‘возвышенность, холм, горка’ является исконным по происхождению [КЭСК: 90]. Нехарактерная для русского языка палатальная аффриката, обозначенная как *дз*, закономерно упростилась в согласный звук [з]; ср. *зеліна* ‘прут, тонкая дранка, используемая для плетения’ < коми *дзав*, *дзал* ‘дранка, дрань’ [МСФУЗ: 118].

(14) *зёрька* ‘ловушка на рябчика’

< коми: *зор(-й-)* ‘дубина, кол’, ‘вага, рычаг’ [КРС: 231]; вв., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *зор*; вс. *зёр* ‘кол, дубина, дрючок, ослоп, орясина’ [ССКЗД: 131].

В этом случае следует предполагать, что конструкция представляет собой широко распространенную на Русском Севере ловушку с плашкой, которая падает при сдвигании насторожки.

(15) *зывгать* ‘качать люльку’

< коми: *зывгыны* ‘ныть’, ‘продолжительно болеть, недомогать’, диал. ‘идти вяло, неохотно’ [КРС: 234]; вс., печ. *зильгыны*, нв. *зальгыны* ‘слышаться продолжительному тихому звуку (напр., о слабо кипящем масле, о пиве, начавшем бродить, о тихом шуме мелкого дождя)’ [ССКЗД: 338].

Значение русского слова могло развиться на базе семы монотонности, продолжительности действия, присутствующей в семантике коми лексем.

(16) Лексему *кёрза* ‘кладка снопов перед просушкой в овине’ нельзя отделять от русск. *скирда*, однако упрощение начальной группы согласных свидетельствует в пользу обратного заимствования из коми; ср. коми уд. *кирді* ‘скирд, скирда’ [ССКЗД: 155]. Неясно появление *з*.

(17) *кóзос*, *кóзыс* ‘молодая шишка ели’

< коми: *коз(-й-)* ‘ель, елка’, ‘еловый’ [КРС: 281]; нв., уд. *коз оз*, вым., нв. *козаоз*, лл. *кольоз*, л. *кольоз*, вв., скр., сс. *коляоз* ‘северюха, мужское соцветие ели’ [ССКЗД: 163]; ср. повс. *коль* ‘шишка’ [ССКЗД: 162]; вв., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *коз*, *коз пу* ‘ель, елка’ [ССКЗД: 160]; вв., лл., печ., скр., сс., уд. *оз* ‘ягода, ягода сосны’ [ССКЗД: 257]. Коми *коз* ‘ель’ — финно-угорское по происхождению [КЭСК: 127].

(18) *кóтер* ‘бугор (о ягодах)’, *с кóтером*, *с кóтуром*, *с кóтюром* ‘с верхом’; ср. *кóтуром* ‘много’ (Костр) [СРНГ, 15: 114], *кóтюр* ‘груда, ворох’, ‘большой кусок жаркого; много хлеба, пирогов’ (Влг: Ярен), *кóтюрем* (Влг: В-Уст), *кóтюром* (Влг: Ярен) ‘с излишком, в большом количестве’ [СРНГ, 15: 118], *кóтером* ‘в беспорядке, в грязи’; напр.: *Вечно у них посуда котером, вымыть не могут* (Читин) [СРНГ, 15: 104].

< коми: *котыр* ‘гнездо (растений, ягод и т. п.)’, ‘выводок (птиц)’, ‘рой’, ‘семья’; *котыра* ‘гнездистый, урожайный’, ‘кустистый, ветвистый’, ‘обильный’, ‘значительный (по численности)’ [КРС: 298].

(19) *кóчкнуть* ‘стукнуть’

< коми: *котикыны* ‘стучать, стукнуть’, ‘стукнуть, заколоть, забить, убить’ [КРС: 298]; вс., вым., л., нв., печ., скр., сс., уд. *котикыны*, вв. *котикини* ‘стукнуть твердым по твердому, ударить (напр., по голове); стукать, постукивать, работать со стуком’ [ССКЗД: 167].

Неясно, как с этим соотносится вепс. *kotškeita* ‘ударять, бить’, которое авторы SKES производят от *kotšk* ‘угол, уголок’ [SKES, 2: 225]. Учитывая то, что русские слова *кóчкать*, *кóчкаться* в близких значениях широко распространены на Европейском севере России [СРНГ, 15: 134], нельзя исключать и возможность заимствования всех слов из вепсского языка.

(20) *кулькотать* ‘говорить невнятно, лепетать’, *скулькотать* ‘сказать невнятно, пролепетать’, *кулькóта* ‘ребенок, только начинающий говорить’, ‘человек, говорящий невнятно’

< коми: вс. *кулькйодлыны* ‘курлыкать (о журавле)’ [ССКЗД: 175].

(21) *кёрскать* ‘разгрызать что-л. зубами’, ‘стучать зубами’, *кёрчкать* ‘есть с хрустом что-л. твердое’, *кёршкасть* ‘кричать (о глухаре)’; ср. *кёрскать* ‘грызть что-л.’ (Коми АССР: Усть-Цилем), ‘скрежетать зубами’, ‘царапать (о животных)’ (Арх: Печор) [СРНГ, 16: 204]

< коми: *кирчкыны* ‘шелкать’, ‘скрипеть, скрежетать’, *пиньон кирчкыны* ‘скрипеть зубами’ [КРС: 274]; л. *кирскыны* ‘скрести; грызть (что-л. твердое)’ [ССКЗД: 91]; иж. *керчкыны*, вв. *кирчкини* ‘крякать (об утке); трещать (о дергаче)’, уд. *кирчкыны* ‘скрипеть, скрежетать зубами’ [ССКЗД: 78]; уд. *кырскыны* ‘скрести, шаркать, шоркать твердым предметом’ [ССКЗД: 80]. Ср. также приб.-фин.: фин. *kirskua*, *kirskaa*

‘скрипеть, хрустеть; брызгать’, карел. *kirskuo* ‘покрикивать на кого-л., кричать’, *kirsata, kirskada* ‘кричать, шуметь; брызгать, скрипеть’ [SSA, 1: 372].

География в пользу коми источника. Колебание *ск/ч* представлено уже в коми, *ш* на месте этих звуков может объясняться разрушением аффрикаты *ч*.

(22) *кыс, кысá* ‘шкура с нижней части ног лося, оленя, теленка (которой подбивали лыжи)’, *кысóвка, кысóлка* ‘рукавица’, *кысы́* ‘шкура с передних ног животного’, ‘лыжи, подбитые шкурой’, ‘рукавицы из шкуры’, ‘мужская обувь’, ‘ноги’ (*кысы волочь, шевелить кысами*), *кисá* ‘кожа с лодыжки оленя, используемая для изготовления обуви’, ‘кожа, которой подбивали лыжи’, *кисанки* ‘рукавицы из оленьей кожи’, *кисы́* ‘обувь, сделанная из шкуры’, ‘ меховые рукавицы’

Эти и другие производные формы фиксируются множеством источников в Вологодской области, на Урале и в Сибири [СРНГ, 16: 205—206].

Заемствование из коми установлено Я. Калимой [Kalima 1927: 25]: ср. *кыс* ‘шкура с ноги животного’, ‘обувь из шкур с ног животного’ [КРС: 337]; вв., вым., иж., л., нв., печ., скр., уд. *кыс* ‘шкура с ноги животного (лося, лошади, оленя)’ [ССКЗД: 189]. Не отмечавшимся ранее для слова *кысы́* является значение ‘ноги’, которое может быть как развившимся на русской почве, так и непосредственно заимствованным из коми. Ср.: *кыс нюжодны* ‘ноги протянуть’ [КРС: 337]; вв. *омелик сёян вылад регид кыстэ нюжедан* ‘на плохой пище скоро ноги протянешь (умрешь)’ [ССКЗД: 189].

(23) *кы́ска* ‘человек, отстающий от всех’, *кисá* ‘медлительный человек’, *киска́* ‘тот, кто приезжает последним на конюшню с телегой навоза’, ‘тот, кто медленно, плохо работает’

Колебание *ы/и* в первом слоге (как и в предшествующем случае) и особенности семантики и географии позволяют думать о связи с коми *кыскыны* ‘тащить, волочить, вытащить, оттащить, перетащить, тянуть’, ‘везти, вывезти’, ‘тянуть, влечь’, ‘попрекнуть, упрекнуть’ [КРС: 338]; *кыссыны* ‘тащиться, дотащиться, притащиться, плестись’, ‘ползти, приползти, отползти, ползать’ [КРС: 339]; л., нв., скр., уд. *кыскавны*, вс., лл., печ., сс. *кыскалны*, вв. *кыскалні*, вым., иж. *кыскооны*, вв. *кыскоони́* ‘таскать, волочить’, ‘возить’, ‘вытаскивать’, ‘выволакивать’, ‘вынимать’, ‘попрекать, укорять’; иж., скр., сс. *кыскассысь*, вс. *кысессысь* ‘возчик’; скр. *кыссыны*, вс., лл., печ., сс. *кыссині*, л., уд. *кысыны*, вым., иж. *кысыны*, уд. *кысыны* ‘тащиться, волочиться, тянуться, ползти; плестись’ [ССКЗД: 189]. Эти слова являются общепермскими по происхождению [КЭСК: 154—155].

Несомненна контаминация с русским существительным *киска* ‘кошка’, что может отражаться в подражании. Например, «*Пели: “киска-кау, киска-кау”. Этот киска-кау*». Здесь *кау* является междометием, которое ‘употребляется при подражании мяуканью кошки’ [КСГРС].

(24) *лабда́* ‘топкое, грязное место на болоте’, ‘болотная грязь’, *лобда́* ‘окно воды в болоте’, *ля́бда* ‘топкое болотистое место’; ср. *ла́бда* ‘подмытый берег реки, где любят гнездиться выдры и норки’ (Прикам) [СРНГ, 16: 214]

< коми: *лабда* ‘корни вывернутых деревьев’, диал. ‘низинный высокий ельник’ [КРС: 342]; вс., вым., л., сс. *лабда* ‘корни вывернутых деревьев в воде’, л. *лабда* ‘дикое, трудно проходимое сырое место, поросшее густыми елями’ [ССКЗД: 191].

Коми *лабда* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки, поросшее кустарником’, *лабжа* ‘низина’ являются общепермскими по происхождению и сопоставляются (под знаком вопроса) с фин. *lampi* ‘пруд, лесное озеро’ [КЭСК: 156]. С тем же источником связывают слова *ла́вда, ла́бза* и *ла́бжа* в близких значениях [Матвеев 1959: 28; Аникин 2000: 348—349]; лексемы по новым данным фонетически наиболее близки к коми.

(25) *ла́домос(т)ь* ‘глубокая яма, провал, рывина’, *как в ла́домос(т)ь упасть (провалиться)* ‘как сквозь землю провалиться’

< ? коми: лет. *лядз*, вв. *лядзмес* ‘пологий, отлогий, покаты́й, некрутой (берег, склон)’ [ССКЗД: 11]; *лядзмес* ‘то же’ [ССКЗД: 191]; нв. *лажмõс* ‘низкий, низменный; отлогий, пологий, покаты́й’ [ССКЗД: 192].

Несоответствия в фонетике могут объясняться русской адаптацией сложной консонантной группы *дзм* или же утратой фрикативного компонента аффрикаты *дз*, что свойственно некоторым диалектам коми языка [ССКЗД: 457].

(26) *ла́чка́ть* ‘шлепать по грязи’, ‘шлепать’, ‘чавкать’, ‘пачкать’, ‘лаять’, ‘невнятно говорить’, *ла́чкнуть* ‘шлепнуть’, *на́ла́чка́ть* ‘испачкать’, *ла́чкан* ‘быстро и невнятно говорящий человек’; ср. *лачкán* ‘баловник, шалун’ (Заурал) [СРНГ, 16: 298]

< коми: диал. *лачкыны* ‘сильно ударить’, ‘отряхнуть, вытряхнуть’, ‘лакать, вылакать’ [КРС: 346]; вв. *латикини́, илачкини́* ‘хрустнуть (в суставах)’ [ССКЗД: 202]; лет. *лачкõдны* ‘лакать, вылакать (о животных)’; вым., иж., уд. *лачкыны* ‘ударить’ [ССКЗД: 183]; скр., сс. *латикõбтыны*, вв. *латикебти́ни* ‘треснуть, сильно ударить’ [ССКЗД: 194]; л. *латикõtчыны* ‘пустословить, болтать, попусту много говорить’

громким голосом, разглагольствовать' [ССКЗД: 191]; вым. *латишкӧччыны* 'плюхнуться, грузно неловко сесть' [ССКЗД: 195].

(27) *лявгатъ* 'говорить, болтать', *полявгатъ, пролявгатъ* 'болтать'

< коми: вым., лет. *лявгыны* 'визжать, выть (о маленьких собаках)'; скр. *лявкнитны*, вв. *лявкнитни* 'тявкнуть (о собаке)', 'ляпнуть, неожиданно сказать, сболтнуть' [ССКЗД: 212]; *лявкнитны* 'тявкнуть (о собаке)', 'окликнуть', 'напомнить, намекнуть', 'ляпнуть, сболтнуть' [КРС: 378].

(28) *мӧйга* 'ляп в игре', 'пятно на лбу животных', 'пигментное пятно синего цвета у пожилых людей, предвещающее смерть', *остаться на мӧйге, осталась мӧйга* 'быть последним заляпанным', *отдать мӧйгу* 'заляпать', *мӧйган* 'ляп в игре', *мӧйганцы, мӧйгонец, мӧйгонцы, мӧйки* 'игра в ляпки', *мӧйгатъ* 'ляпать', *мӧйгнутъ* 'заляпать'; ср. *мӧйка* 'тот, кто водит в игре в пятнашки', *игра в мӧйки* 'игра в пятнашки' (Перм) [СРНГ, 18: 206]

< ? коми: *мовкӧдлыны* 'раскачивать из стороны в сторону, мотать, болтать', *мовкнитны* 'повесить что-л. так, что оно болтается, качается', 'хлестнуть', 'качнуть' [КРС: 396]; *мӧвкӧдлыны* 'качать, раскачивать что-л. (на весу, на воде и т. п.)', 'бросать с размаху'; *мӧвкӧйыны* 'широко размахиваться (делая что-л.)'; *мӧвкнитны* 'качнуть', 'размахнуться' [КРС: 399—400]; нв. *мовкнитны* 'хлестнуть', *мовкъявны* 'болтаться, мотаться из стороны в сторону' [ССКЗД: 221]; вв. *мӧлкӧедліні* 'болтать, мотать, колыхать, качать'; скр. *мӧвкӧйыны* 'быстро взмахивать, размахивать'; вв. *мӧвкъявни* 'ходить спеша, быстро размахивая руками' [ССКЗД: 224]; вс., сс. *мӧлкӧялны* 'ходить спеша, быстро размахивая руками'; *мӧлкӧялни* 'качаться, колыхаться, носиться (о вонии, зловонии)' [ССКЗД: 225]. Появление *й* на месте *л* возможно в «нуль-эловых» говорах коми [ССКЗД: 458].

(29) *мӧргатъ, мӧргатъ* 'мяукать'; ср. *мӧргатъ* 'мурлыкать (о кошке)' (Удм. АССР), 'мычать (о корове)' (Перм) [СРНГ, 18: 353]

< коми: *мургыны* 'мурлыкать', 'гудеть', 'бушевать', 'рокотать', диал. 'урчать (в желудке)', 'ссориться, поругиваться' [КРС: 407]; вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *мургыны*, вв. *мургини* 'слышаться далекому грому', лл. 'громко петь; шуметь (о моторе)' [ССКЗД: 227], вым. 'урчать (о желудке)' [ССКЗД: 93], вым. 'мурлыкать (о кошке)', л. 'ворковать (о голубе)' [ССКЗД: 180].

Эти изобразительные слова сопоставляются с аналогичными образованиями в других финно-угорских языках: ср. фин. *murata, murahtaa* 'ворчать', 'проворчать', *murista* 'ворчать, брюзжать'; саам. *morret* 'то же' [КЭСК: 179].

(30) *нӧрос* 'высокий берег на повороте реки', 'высохший водоем с топкой илистой почвой', 'топкое место на болоте'

< коми: *нӧрыс* 'возвышенность, холм, бугор, пригорок, кряж', *ю нӧрыс* 'высокий берег реки' [КРС: 437]; скр., сс. *нӧрыс*, вв. *нӧрис* 'небольшая возвышенность, холмик, бугор, увал'; уд. *нӧрыс*, лет. *нӧрӧс* 'излучина, крутой поворот, изгиб (реки)' [ССКЗД: 246].

Общепермское слово, которое имеет соответствия в мансийском языке [КЭСК: 195]. Второе и третье значения русского слова зафиксированы единично и, скорее всего, являются либо ошибкой собирателя, либо отражают неуверенное знание информантом реалии.

(31) *нӧлем* 'ключ, заваленный валежником'; ср. *нӧлем* 'скользящий берег после спада или спуска воды' (Арх: Вил) [КСГРС]

< коми: *нӧылӧм* 'жиропот (на овечей шерсти)', 'влажный налет (напр., на окнах)', 'пот, испарина' [КРС: 443]; вс., вым., л., лет., печ., скр., сс. *нӧылӧм*, вв., иж. *нӧылэм*, нв., уд. *нилӧм* 'пот, испарина'; вс., л., лет., печ., скр., сс. *нӧылӧм*, вв. *нӧылэм*, л. *нӧылым* 'органическая грязь в немойтой шерсти' [ССКЗД: 250]; л. *нӧылым, нӧылӧм* 'слизь (у рыб на чешуе)' [ССКЗД: 399].

Общепермское слово, которое имеет соответствия в мар. и морд. [КЭСК: 199]. Географическая семантика русского слова заставляет предполагать незафиксированное промежуточное значение 'почвенная влага, грязь'.

(32) *нӧргатъ, нӧргатъ* 'мурлыкать, мяукать'; ср. *нӧргатъ* 'мяукать' (Перм), 'говорить невнятно, бормотать' (Свердл), 'плакать, ныть, хныкать' (Свердл) [СРНГ, 21: 329]

< коми: *нӧргыны* 'хныкать, ныть' [КРС: 447]; иж., нв., уд. *нӧргыны* 'ныть, хныкать, жаловаться' [ССКЗД: 255]; печ. *нӧргыны*, уд. *нӧравны* 'негромко мычать (о корове)' [ССКЗД: 108].

А. К. Матвеев связывал свердл. *нӧргатъ* 'невнятно говорить' с коми *нӧркӧдны, нӧркӧдлыны* 'говорить нараспев' [Матвеев 1964: 300], но приведенные выше соответствия фонетически ближе. Близкие звукоподражания есть в приб.-фин.: фин. *nyristä*, карел.-ливв. *ñüristä* 'немного ворчать', эст. *nürada* 'ворчать (как кошка); ссориться' [SKES, 2: 408], карел. *ñurkuo* 'урчать, бурчать (в животе)', *ñurguo, ñurku* 'выпрашивать, клянчить, канючить', ливв. *ñurguo, ñurgoa* 'роптать, ворчать, клянчить, канючить, ныть', вепс. *ñurkta* 'надоедать, досаждать выпрашиванием, выклянчиванием', фин. *nurkuu* 'роптать, ворчать' [SKES, 2: 403]. С приб.-фин., вероятно, связаны распространенные на западе Русского Севера *нюр-*

гать ‘говорить в нос’ (Арх: Карг), ‘говорить невнятно, под нос’ (Влг: Кир), *нюргала* ‘невнятно говорящий человек’ (Влг: Кир), *нюргун* ‘человек, говорящий в нос’ (Арх: Карг), ‘невнятно говорящий человек’ (Влг: Кир) [КСГРС].

(33) *няргать* ‘мяукать’, ‘капризничать, стонать’, ‘непонятно говорить’, *няркасть* ‘мяукать’, ‘капризничать’, *няргунья* ‘мяукающая кошка’; ср. *няргать* ‘мяукать (о кошке)’ (Перм), ‘капризничать, хныкать, надоедливо просить о чем-л.’ (Перм, Свердлов, Ср. Урал), ‘жаловаться, плакаться, ныть’ (Перм, Коми АССР); *няркасть* ‘капризничать, хныкать, надоедливо просить о чем-л.’, ‘жаловаться, плакаться, ныть’ (Арх: Пин) и др. [СРНГ, 21: 334].

< коми: *няргыны* ‘хныкать, ныть’ [КРС: 450]; вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *няргыны*, вв. *няргини*, л. *нярготчыны*, уд. *нярьявны*, нв. *нярьясьны* ‘ныть, хныкать, жаловаться’ [ССКЗД: 255].

Соответствие между коми и русским словом было установлено в [Матвеев 1964: 300], однако автором предполагалась возможность обратного направления заимствования. Общепермский характер слова [КЭСК: 202] позволяет с уверенностью говорить о заимствовании русских лексем из коми. Для русских слов возможно сопоставление с фин. *närkästyä*, карел. *närkästüö* ‘раздражаться, сердиться, огорчаться, обижаться’ [SKES, 2: 415], однако семантика и география говорят в пользу коми источника.

(34) *орт*: *орт укусил* ‘о синих (реже — красных) пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти самого человека или его близких, плохому событию’; ср. *орд* ‘в суеверных представлениях — привидение, призрак’ (Влг: Ярен) [СРНГ, 23: 331]

< коми: *орт* ‘двойник, призрак, дух’, поэт. ‘тень’ [КРС: 460]; вв., нв., скр., сс. *орт*, вс. *óрт*, печ., уд. *орд* ‘привидение, тень, призрак покойника; дух, двойник человека, который, по поверьям, ходит среди людей перед смертью кого-л. и может кусать людей до синяков’ [ССКЗД: 261].

Это слово является общепермским и возводится к допермскому *orte [КЭСК: 208]. Этимология лексемы *орд* была установлена Я. Калимой [Kalima 1927: 35]. Новые данные интересны семантически, поскольку отражают уникальную, представленную только на Русском Севере, заимствованную идеограмму. Ср.: *мардас* (*мартас*) *выел* (*выкусил*) ‘о синих (реже — красных) пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти самого человека или его близких, плохому событию’ (Арх: Мез) (этимологию см. в [Кожеватова 1996: 94—96]); *мойга* ‘пигментное пятно синего цвета у пожилых людей, предвещающее смерть’; *смёртныя пятна* ‘синие пятна, появляющиеся у человека перед смертью’ (Арх: Лен) [КСГРС]. Ср. также фонетически и семантически близкое *óртик* ‘божество, идол у остяков’ (Сиб) [СРНГ, 23: 346] < хант. < коми [Аникин 2000: 429].

(35) *пóдчек* ‘участок леса, выжженный под поле для льна’; ср. *пóдчек*, *пóдчека* ‘вырубка леса под пашню’ (Киров), *пóдчека* ‘расчищенное под пашню место, подсека’ (Вят, Киров) [СРНГ, 28: 247]

< коми: уд. *потчек* ‘подсека, росчисть’, нв. *подсек* ‘то же’ [ССКЗД: 389]; иж. *пóчэха* ‘то же’ [ССКЗД: 301] (< русск. *подсека*).

Предположение об обратном заимствовании вятских слов из коми было высказано С. А. Мызниковым [Мызников 2004: 168—169].

(36) *пóноль* ‘ёлка с обрубленной верхушкой, которую втыкали в дно реки: натываясь на нее, рыба плыла в ловушку’, *пóнольник* (собр.) ‘ели, вбитые в дно реки и образующие подводную изгородь’

< коми: *понóль* ‘хвойная поросль’, ‘молодая елка, пихта (реже сосна)’ [КРС: 514]; печ., скр., сс. *понóль*, вв. *понэль*, вв., вым., уд. *помель*, иж. *помоль*, лет. *поноль*, л. *пониль* ‘еловая поросль; побеги, поросль (хвойных деревьев); вязка (еловые побеги, употребляемые для скрепления кольев в изгороди)’; вс., сс. *пониль* ‘молодые елочки, мелкая ель’ [ССКЗД: 292].

Эта лексема является общепермской по происхождению [КЭСК: 225].

(37) *ра́згать* ‘ударять, хлестать’, *ра́згнуть* ‘хлестнуть’, *нара́згать* ‘нахлестать’

< коми: *разгыны* ‘разбросать, раскидать, растряссти; разгребать’ [КРС: 556]; уд. *разгысны* ‘звякнуть, разбиться со звяканьем’; вс. *разгыны*, л. *разкнитны* ‘высыпать; высыпать с шумом, грохотом’ [ССКЗД: 316]; нв., уд. *разгыны* ‘хрустать, есть с хрустом, хряпать’ [ССКЗД: 36].

Эти слова, вероятно, родственны фин. *raskua* ‘стучать, трещать’, *raskuttaa* ‘стучать, хрустеть’, карел.-ливв. *raskuttoa* ‘то же’ [SKES, 3: 741].

(38) *сёрт* ‘труднопроходимое место в лесу с буреломом’

< коми: *сьóрт* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки’ [КРС: 627]; вв., вым., нв., печ., сс., уд. *сьóрт* ‘речная долина с густым еловым лесом’ [ССКЗД: 357].

Это слово, по-видимому, произведено от существительного *сьóр* ‘центр, средоточие, середина’ и первоначально означало ‘то, что в середине (в седловине, в долине реки)’, ‘то, что между двумя предметами’ [КЭСК: 271].

(39) *сисы́га* ‘обращение к маленькой девочке’, ‘маленькая птичка’

< коми: *сисы́ог* ‘дорогой, голубчик’ [КРС: 594]; скр. *сисег* (обращ.) ‘родненькая, милая’ [ССКЗД: 338].

Это слово образовано от *сись* ‘свеча’ и *-йог* ‘огонек’; ср. вым. *йог*, *би йог* ‘свет, огонь’ [КЭСК: 257].

(40) *сям* ‘толк, сноровка, умение’, *ся́мать* ‘понимать’, *семáть* ‘понимать, соображать, знать’, *не хватает сёму* ‘о бестолковом человеке’; ср. *семáть* ‘уметь; соображать’ (Влг: Ярен; Коми АССР), ‘догадываться, додумываться’ (Коми АССР) [СРНГ, 37: 144]; *сяма́ть* ‘смека́ть, понимать, разуме́ть, постига́ть’ (Влг) [Даль, 4: 384], *сям* ‘толк, умение’, *сямать* ‘понимать, разуме́ть, постига́ть’ (Перм) [Кривошекова-Гантман 1981: 57]

< коми: *сям* ‘характер, нрав, поведение’, ‘умение, толк’, ‘наклонности, замашки, повадки, привычка’, ‘склад’, ‘суть, сущность, природа’, ‘стиль, метод’ [КРС: 632—633]; вв., вс., вым., иж., л., нв., скр., сс., уд. *сям* ‘нрав, характер, поведение; умение; толк’ [ССКЗД: 361]; *сяммыны* ‘уметь, суметь’, ‘успевать, успеть, удосужиться’ [КРС: 633]; вс., вым., иж., лл., печ., скр., сс., уд. *сяммыны*, вв. *сяммині*, нв. *сянмыны* ‘уметь, суметь; научиться’ [ССКЗД: 362].

Эти слова являются общепермскими [КЭСК: 275—276]. Этимология глагола *сяма́ть* установлена Я. Калимой [Kalima 1927: 38], существительного *сям* — А. С. Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1981: 57]. Существительное *сям* на Русском Севере ранее не фиксировалось.

(41) *ти́чкать* ‘тискать’

< коми: *ти́чикыны* ‘хлопнуть, ударить кого-л.’, *ти́чкыны* ‘тикать (о часах)’, ‘стучать’, ‘бахнуть, хлопнуть (из ружья)’ [КРС: 642]; вс., вым., лет. *ти́чкыны*, лет. *ти́чкётчыны*, нв. *ти́чикыны* ‘тикать, постукивать (о часах)’ [ССКЗД: 373].

(42) *ту́пось, ту́посень, ту́пысь* ‘хлеб из ржаной муки’, *ту́пысь* ‘неудачно испеченный хлеб’; ср. *тупысь* ‘ситный хлебец’ (Влг) [Даль, 4: 443]

< коми: *тупо́сь* ‘круглый ржаной хлеб, каравай, коврига’ [КРС: 663]; скр. *тупо́сь*, вв. *тупесь* ‘коврига, каравай’; вс., вым., лл., нв., печ., сс., уд. *тупо́сь*, иж., уд. *тупесь*, скр. *тупо́сёк*, вв. *тупесёк* ‘небольшой круглый хлебец из ржаного теста’ [ССКЗД: 381].

Данная этимология предложена Я. Калимой [Kalima 1927: 39—40].

(43) *турта́ть* ‘кружить голову’, ‘толкать кого-л. (о детях)’; ср. *турта́ть* ‘утруждать, тревожить, беспокоить’ (Влг) [Даль, 4: 444]

< коми: *туртны* ‘биться, мучиться’, ‘трудиться через силу, биться’ [КРС: 664].

Данная этимология предложена Я. Калимой [Kalima 1927: 40]. Современные данные демонстрируют дальнейшее развитие значения.

(44) *ты́кала, ты́кало* ‘пересыхающий заболачиваемый залив’, ‘озеро с заболоченной водой’, *ты́кола* ‘топкое болото’, ‘рукав реки’, ‘пересыхающая старица’, ‘окно воды в болоте’, ‘засохшее болото’; ср. *ты́кола* ‘озерное место’ (Влг) [Опыт: 234], ‘многоозерное, озеристое место’ (Влг) [Даль, 4: 447]

< коми: вым., нв., скр., уд. *тыкóла*, вв., печ., уд. *тыкола*, иж. *тыкела* ‘небольшое озерко; сырое заболоченное место (на старицах, вокруг озера) с небольшими озерками’ [ССКЗД: 389].

На «зырянское» происхождение слова указывал В. И. Даль. Этимологию см. в [Kalima 1927: 40].

(45) *ты́ркаться* ‘трещать клювом (о птице)’

< коми: *тыркан* ‘черный дятел, желна’, диал. *тырлы-бырлы, тырлы-мырлы* ‘трещотка; болтунья, болтун’, ‘тарабарщина’ [КРС: 673].

М. Фасмер русск. *ты́ркнуть* ‘сунуть’ считает экспрессивным образованием от *торкать* [Фасмер, 4: 132]. Рассматриваемое слово следует в силу специфики семантики отделять от *ты́ркнуть*.

(46) *тю́лькать* ‘невнятно говорить’; ср. сев.-русск., череп. *тю́лькать* ‘ворчать, говорить невнятно’ [Фасмер, 4: 136]

< коми: уд. *тюльгыны, тюлькётчыны* ‘выть, скулить (о волке, собаке)’ [ССКЗД: 259]; нв. *тюльгыны* ‘щебетать, лепетать (о детях)’ [ССКЗД: 371]; нв. *тювгыны*, уд. *тюльгыны* ‘негромко мычать (о корове)’ [ССКЗД: 108]; вс. *тювкйодлыны* ‘аукать’ [ССКЗД: 392].

М. Фасмер рассматривает русское слово как независимое звукоподражание [Фасмер, 4: 136], однако география слова говорит в пользу заимствования.

(47) *у́ргать* ‘рычать’, ‘пилить’, ‘ворчать (о попугае)’

< коми: *ургыны* ‘урчать’, ‘гореть с шумом’; *уркйодлыны* ‘продувать’, ‘квакать (о лягушке)’; *уркнитны* ‘загрохотать’ [КРС: 688]; л., уд. *ургыны* ‘гореть с шумом’ [ССКЗД: 400], уд. ‘реветь, сильно мычать (о корове)’ [ССКЗД: 260]; уд. *уркайтны, уркóдны*, вым. *урвайтны* ‘сильно бить, ударять, колотить (напр., палкой)’ [ССКЗД: 400].

Это слово является звукоподражательным [КЭСК: 298].

(48) *чи́вгать* ‘стрекотать (о сверчках)’

< коми: *чивгыны* ‘щебетать, пищать (о птичках, животных)’ [КРС: 703]; вым., иж., л., нв., сс., уд. *чивгыны*, вв. *чивгині* ‘чивикать, чиликать, чирикать, щебетать; пищать, попискивать (напр., о мышах)’ [ССКЗД: 410].

(49) *чилькать* ‘доить корову’, ‘течь (о молоке)’

< коми: *чилскыны* ‘пустить струей (жидкость), брызнуть’, ‘отрезать, срезать, чикнуть’, ‘пить, выпивать’ [КРС: 705]; скр., сс. *чилскыны*, вв. *чилскини*, скр. *чилснитны* ‘брызнуть, пустить воду струей, брызгами (напр., из детской брызгалки)’ [ССКЗД: 411]; вс. *чилькӧдны* ‘доить, подоить, выдоить; доиться (о корове)’, *чилькӧччыны* ‘доить, заниматься доением’, *чилькӧдышны* ‘подоить немного’ [ССКЗД: 209].

В КЭСК вв. *чилькедиитни* ‘немного подоить, надоить немного молока (у коровы перед лактацией)’ представлено как общепермское по происхождению и сопоставляется (под знаком вопроса) с фин. и манс. [КЭСК: 306].

(50) *чушкать* ‘шаркать ногами’, *чушки* ‘старая стоптанная обувь’, *чушкун* ‘человек, который прихрамывает или шаркает ногами’, *зачушкать* ‘начать шаркать ногами’, *шушкать* ‘шаркать ногами’

< коми: *чушкыны* ‘жалить, ужалить’, ‘шаркать, волочить (по земле)’, ‘нюхать’, ‘сопеть, пыхтеть, тяжело дышать’, ‘шипеть’ [КРС: 722]; нв., печ., скр. *чушкыны*, уд. *чаškyны*, *чошкыны*, *шашкыны*, *шошкыны* ‘шаркать, производить шорох (напр., обувью)’ [ССКЗД: 423]. Общепермское ономапоэтическое слово [КЭСК: 314].

Л и т е р а т у р а

Востриков 1981 — *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 3—45. {Vostrikov 1981 — *Vostrikov O. V.* Finno-ugorskie leksičeskie elementy v russkix govorax Volgo-Dvinskogo meždureč'ja // *Etimologičeskie issledovanija*. Вып. 2. Sverdlovsk, 1981. S. 3—45.}

Кожеватова 1996 — *Кожеватова О. А.* К вопросу о трансформации лексических единиц в условиях языкового взаимодействия (на материале севернорусской лексики) // *Этимологические исследования: Материалы I—II науч. совещаний по русской диалектной этимологии* (Екатеринбург, 10—12 октября 1991 г.; 17—19 апреля 1996 г.). Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 88—96. {Koževatova 1996 — *Koževatova O. A.* K voprosu o transformacii leksičeskix edinic v uslovijax jazykovogo vzaimodejstvija (na materiale severnorusskoj leksiki) // *Etimologičeskie issledovanija: Materialy I—II nauč. soveščanij po russkoj dialektnoj etimologii* (Ekaterinburg, 10—12 okt'abr'a 1991 g.; 17—19 april'a 1996 g.). Вып. 6. Ekaterinburg, 1996. S. 88—96.}

Кривошекова-Гантман 1981 — *Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // *Этимологические исследования*. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 46—62. {Krivoščekova-Gantman 1981 — *Krivoščekova-Gantman A. S.* Komi-perm'ackie zaimstvovanija v russkix govorax Verxnego Prikam'ja // *Etimologičeskie issledovanija*. Вып. 2. Sverdlovsk, 1981. S. 46—62.}

Матвеев 1959 — *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. {Matveev 1959 — *Matveev A. K.* Finno-ugorskie zaimstvovanija v russkix govorax Severnogo Urala. Sverdlovsk, 1959.}

Матвеев 1964 — *Матвеев А. К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta Linguistica Acad. Sci. Hung.* T. XIV, f. 3—4. Budapest, 1964. S. 285—315. {Matveev 1964 — *Matveev A. K.* Zaimstvovanija iz permskix jazykov v russkix govorax Severnogo i Srednego Urala // *Acta Linguistica Acad. Sci. Hung.* T. XIV, f. 3—4. Budapest, 1964. S. 285—315.}

Матвеев 1991 — *Матвеев А. К.* Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах Русского Севера // *Русская диалектная этимология: Тез. докл. межвуз. науч. конф.*, 10—12 октября 1991 г. Свердловск, 1991. С. 25. {Matveev 1991 — *Matveev A. K.* Novye dannye o komi-zyr'anskix zaimstvovanijax v govorax Russkogo Severa // *Russkaja dialektnaja etimologija: Tez. dokl. mežvuz. nauč. konf.*, 10—12 okt'abr'a 1991 g. Sverdlovsk, 1991. S. 25.}

Мызников 2004 — *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: *Этимологический и лингвогеографический анализ*. СПб., 2004. {Myznikov 2004 — *Myznikov S. A.* Leksika finno-ugorskogo proisxoždenija v russkix govorax Severo-Zapada: *Etimologičeskij i lingvogeografičeskij analiz*. SPb., 2004.}

Теуш 2002 — *Теуш О. А.* Новые данные о коми заимствованиях в севернорусских диалектах // *Финно-угорское наследие в русском языке*. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 200—204. {Teuš 2002 — *Teuš O. A.* Novye dannye o komi zaimstvovanijax v severnorusskix dialektax // *Finno-ugorskoe nasledie v russkom jazyke*. Вып. 2. Ekaterinburg, 2002. S. 200—204.}

Теуш 2007 — *Теуш О. А.* Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // *Этимология (2003—2005)*. М., 2007. С. 228—239. {Teuš 2007 — *Teuš O. A.* Novye dannye o zaimstvovanijax iz komi jazyka v geografičeskoj terminologii Russkogo Severa // *Etimologija (2003—2005)*. М., 2007. S. 228—239.}

Kalima 1927 — *Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen // *FUF*, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1—56.

Сокращения

1. Словари

- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. {Anikin 2000 — Anikin A. E. Etimologičeskij slovar' russkix dialektov Sibiri. Zaimstvovanija iz ural'skix, altajskix i paleoaziatskix jazykov. M.; Novosibirsk, 2000.}
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 т.). М., 1955. {Dal' — Dal' V. I. Tolkovyj slovar' živogo velikorussskogo jazyka (v 4 t.). M., 1955.}
- КРС — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000. {KRS — Beznosikova L. M., Ajbabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-russkij slovar'. Syktyvkar, 2000.}
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета). {KSGRS — Kartoteka Slovar'a govorov Russkogo Severa (xranit's'a na kafedre russkogo jazyka i obščego jazykoznanija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta).}
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {KESK — Lytkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. M., 1970.}
- МСФУЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А—И / Ред. Матвеев А. К. Екатеринбург, 2004. {MSFUZ — Materialy dl'a slovar'a finno-ugro-samodijskix zaimstvovanij v govoraх Russkogo Severa. Vyp. 1. A—I / Red. Matveev A. K. Ekaterinburg, 2004.}
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря / Ред. Востоков А. Х., Коркунов А. М. СПб., 1852. {Opyt — Opyt' oblastnago velikorussskago slovar'a / Red. Vostokov A. X., Korkunov A. M. SPb., 1852.}
- РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1— М., 2007—. {RES — Anikin A. E. Russkij etimologičeskij slovar'. Vyp. 1— M., 2007—.}
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— / Сост. Филин Ф. П. М.; Л., СПб., 1965—. {SRNG — Slovar' russkix narodnyx govorov. Vyp. 1— / Sost. Filin F. P. M.; L., SPb., 1965—.}
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Ред. Сорвачева В. А. Сыктывкар, 1961. {SSKZD — Sravnitel'nyj slovar' komi-zyr'anskix dialektov / Red. Sorvačeva V. A. Syktyvkar, 1961.}
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973. {Fasmer — Fasmer M. Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. T. I—IV. M., 1964—1973.}
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1—7. (LSFU, XII). Helsinki, 1958—1981.
- SSA — Itkonen E., Kulonen U.-M. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1—3. SKST, 556. Helsinki, 1992—2000.

2. Языки и диалекты

арх.	— русские диалекты Архангельской области (губернии)	мар.	— марийский язык
вв.	— верхневычегодский диалект коми-зырянского языка	морд.	— мордовский язык
венг.	— венгерский язык	нв.	— нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
вепс.	— вепсский язык	перм.	— русские диалекты Пермской области
влг.	— русские диалекты Вологодской области (губернии)	печ.	— печорский диалект коми-зырянского языка
вс.	— верхнесысольский диалект коми-зырянского языка	приб.-фин.	— прибалтийско-финские языки
вым.	— вымский диалект коми-зырянского языка	русс.	— русский язык
выч.	— вычегодский диалект коми-зырянского языка	саам.	— саамский язык
иж.	— ижемский диалект коми-зырянского языка	свердл.	— русские диалекты Свердловской области
карел.	— карельский язык	сев.-русс.	— севернорусские диалекты
кя.	— коми-язьвинский диалект коми-зырянского языка	скр.	— присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
л.	— лузский диалект коми-зырянского языка	сс.	— среднесысольский диалект коми-зырянского языка
лет.	— летский диалект коми-зырянского языка	уд.	— удорский диалект коми-зырянского языка
ливв.	— ливвиковский диалект карельского языка	удм.	— удмуртский язык
лл.	— лузско-летский диалект коми-зырянского языка	фин.	— финский язык
люд.	— людиковский диалект карельского языка	хант.	— хантыйский язык
манс.	— мансийский язык	череп.	— русские диалекты Череповецкого уезда Вологодской губернии
		эст.	— эстонский язык

3. Географические названия

Арх	— Архангельская область (губерния)	Лен	— Ленский район Архангельской области
Вил	— Вилегодский район Архангельской области	Мез	— Мезенский район Архангельской области
Влг	— Вологодская область (губерния)	Перм	— Пермская область
В-Уст	— Великоустюжский район Вологодской области	Печор	— Печорский уезд Архангельской губернии
ти		Пин	— Пинежский район Архангельской области
Вят	— Вятская губерния	Прикам	— Прикамье
Забайк	— Забайкалье	Свердл	— Свердловская область
Заурал	— Зауралье	Сиб	— Сибирь
Кадн	— Кадниковский уезд Вологодской губернии	Ср. Урал	— Средний Урал
Карг	— Каргопольский район Архангельской области	Удм. АССР	— Удмуртская АССР
Кир	— Кирилловский район Вологодской области	Усть-Цилем	— Усть-Цилемский район Коми АССР
Киров	— Кировская область	Читин	— Читинская область
Костр	— Костромская область	Ярен	— Яренский уезд Вологодской губернии

4. Прочие

диал.	— диалектное
др.	— другие
напр.	— например
повс.	— повсеместно
поэт.	— поэтическое
см.	— смотри
собир.	— собирательное
ср.	— сравни
шутл.	— шутивное

РЕЗЮМЕ

Исследования коми заимствований имеют богатую историю, однако степень влияния коми языка на формирование лексики говоров Русского Севера оценена недостаточно. В статье предлагаются коми этимологии севернорусских лексем, зафиксированных в новых материалах Топонимической экспедиции Уральского университета.

SUMMARY

The history of the research of Komi borrowings in Russian is quite rich; however, the degree of Komi influence on the formation of the vocabulary in the dialects of Russian North is not fully investigated. In the article one can find Komi etymologies of Russian dialectal words newly recorded by the Toponymic Expedition of the Ural University.

Ключевые слова: этимология, лексика, коми, русские диалекты, контакты

Keywords: etymology, vocabulary, Komi language, Russian dialects, contacts

Очерки по фонетике исчезающих самодийских языков (энцы, нганасаны, селькупы): Анализ дистрибуции и фонемный состав. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010

Коллективная монография «Очерки по фонетике исчезающих самодийских языков (энцы, нганасаны, селькупы): Анализ дистрибуции и фонемный состав» представляет собой материал кандидатских диссертаций ее авторов: Я. А. Глухого (1978 г.), В. А. Сусекова (1978 г.), А. К. Столяровой (1980 г.) и С. В. Глушкова (2002 г.) — и посвящена проблемам фонетики лесного (бай) диалекта энецкого языка, нганасанского и селькупского языков. Выбор языков отражает круг научных интересов Кафедры (ранее — Лаборатории) языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, где эти диссертации были написаны и защищены. Ранее эти исследования не публиковались.

Конечно, приходится сожалеть, что исследования А. К. Столяровой, В. А. Сусекова и Я. А. Глухого по нганасанскому и энецкому языку не были опубликованы тогда, когда они появились (т. е. более 30 лет назад). Однако, несмотря на значительный объем новых данных по этим языкам, накопленный за прошедшие годы, в ряде аспектов эти работы интересны и по сей день. Кроме того, надо отметить, что специалисты по нганасанскому и энецкому языкам знали имена перечисленных исследователей и их работы, в том числе диссертации. Заслуга настоящей публикации в том, что эти работы стали теперь более доступны.

Что касается работы С. В. Глушкова по селькупской фонологии, то с момента ее написания прошло существенно меньше времени, а исследования по этой тематике в последние десять лет велись не очень активно, так что она успела попасть к читателям, не потеряв своей актуальности.

В книгу вошли те части диссертаций, которые посвящены описанию фонологических систем рассматриваемых языков. Фонологический статус звуков как фонем или аллофонов («оттенков», в терминологии авторов) определяется в соответствии с правилами Н. С. Трубецкого, на основе дистрибутивного анализа. Во всех главах приводятся обширные и подробные таблицы встречаемости звуков во всех позициях, которые могут быть релевантны.

Книга разделена на три части: энецкую, нганасанскую и селькупскую. Каждая часть предваряется обзором существующих источников по соответствующему языку. Правда, очерки истории изучения энецкого и нганасанского языков доведены (не считая упоминания одной работы 1989 г.) лишь до конца 1970-х гг.; очерк литературы по селькупскому языку, напротив, учитывает основные издания вплоть до 2010 г. и может иметь самостоятельную ценность для введения в изучение селькупского языка.

Энецкая и нганасанская части предваряются также краткими сведениями о методах инструментального исследования соответствующего языка.

Помимо вводных очерков энецкая часть содержит два собственно фонетических раздела, посвященных консонантизму (Я. А. Глухий) и вокализму (В. А. Сусеков). Подробно рассматривается дистрибуция согласных и гласных во всех возможных позициях: для согласных — в начале и конце слова, между гласными, перед звонкими, глухими и сонорными согласными и после них; для гласных — в начале и конце слова, перед и после каждой согласной. В конце раздела приводятся экспериментальные данные по гласным лесного энецкого языка: соотношение длительности кратких и долгих гласных, частоты первой и второй формант и соотношение энецких гласных с идеализированными гласными Г. Фанта.

Нганасанская часть содержит описание консонантизма (автор — А. К. Столярова). Анализ построен практически по той же схеме, что и в энецкой части, однако дополнительно различаются позиции перед передними и задними гласными.

Селькупская часть состоит из одного раздела (автор — С. В. Глушков), посвященного дистрибуции долгих и кратких гласных. Для анализа привлекаются данные всех трех основных селькупских диалектных ареалов — северного (тазовский диалект), центрального (в основном нарымский) и южного (кетский). Анализируется встречаемость долгих и кратких вариантов гласных в положении начала, середины и конца слова, в открытых и закрытых слогах, в позиции перед краткими и долгими (двойными) согласными и после них. На основании этого анализа делается вывод о фонологическом статусе долготы гласных во всех трех диалектах.

Можно отметить некоторые неточности в анализе (в некоторых случаях вызванные ошибками, допущенными не в собственной теме очерка, а в смежных областях). Так, на стр. 39 говорится, что в энецком языке «в финально-поствокальной позиции отмечаются случаи чередования гортанного звука $-ʔ$ со звонким щелевым δ , например: $taʔ / ta\delta$ ‘дай’, $muʔ / mi\delta$ ‘возьми’, $meʔ / me\delta$ ‘делай’». На самом деле $-ʔ$ и $-\delta(o)$ — разные окончания 2 л. ед. ч. императива: безобъектного спряжения в первом случае и объектного спряжения во втором (в русском переводе разницы между этими формами действительно нет). Фонологическое чередование $-ʔ$ и $-\delta$ в ауслaute в энецком языке, насколько нам известно, отсутствует.

На стр. 51—53 приводится анализ дифтонгов в энецком языке как бифонемных сочетаний на основании того, что во многих случаях между их элементами можно провести морфемную границу. Долгие монофтонги, однако, не считаются сочетаниями фонем, хотя в ряде случаев для них такой анализ тоже возможен: ср. на стр. 52 форму $r\theta aaʔ$ ‘мы все русские’, где $-aʔ$ — суффикс 1 л. мн. ч.; из такой записи, очевидно, следует, что автор не считает здесь a -а тождественным $\bar{a}$ в других словах. В более поздних исследованиях было показано, что долгие монофтонги в энецком языке также являются сочетаниями двух гласных.

Автор раздела про нганасанский консонантизм не использует при записи слов фонему ∂ (заменяя ее на a , o , e), что вызывает удивление, если учесть, что к моменту появления этого текста (1980 г.) уже имелся ряд работ Н. М. Терещенко, в которых ∂ по праву присутствует. Нетрадиционна трактовка $\bar{a}$ и a как разных фонем, на чем основано объединение в одну фонему $\acute{s}$ и s (см. стр. 79: вместо оппозиции $/sa/$ и $/\acute{s}a/$ предлагается постулировать $/sa/$ и $/\acute{s}\bar{a}/$). Поскольку темой исследования являются согласные, фонологическая трактовка гласных никак не аргументируется. Неясно, почему в этом случае нельзя объединить l и l' .

Тексты снабжены комментариями (написанными С. В. Глушковым), которые частично «актуализируют» и уточняют тексты очерков.

Резюмируя, можно сказать, что выводы «Очерков» о фонологических системах или их фрагментах в трех рассматриваемых самодийских языках были известны и ранее (в том числе благодаря неопубликованным версиям тех же самых работ), но в «Очерках» под эти выводы подведена более строгая основа, и это составляет очевидную ценность данной публикации.

Сорокина Ирина Петровна. Энецкий язык.
Санкт-Петербург: Наука, 2010

Выход монографии И. П. Сорокиной «Энецкий язык» представляет собой весьма значимое и, без преувеличения, долгожданное событие российской и мировой уралистики: наконец стало доступно первое детальное грамматическое описание одного из самых малоизученных и наиболее подверженных угрозе исчезновения уральских языков. Монография выполнена в основном на материале полевых данных, полученных автором в 1960—1980-е гг., что делает ее заведомо уникальным источником.

Книга «Энецкий язык» является третьей крупной, обобщающей многолетний труд публикацией И. П. Сорокиной по энецкому языку после сборника энецких текстов [Сорокина, Болина 2005] и энецкого словаря [Сорокина, Болина 2009]. Авторы настоящего обзора не сомневаются в том, что не только они, но и сообщество уралистов в целом приветствует появление этой книги и желает автору дальнейших творческих успехов.

Монография, имеющая традиционную для грамматических описаний структуру, состоит из «Введения» и двух частей — «Фонетика» и «Морфология».

Во «Введении» представлены общие сведения об энцах и их расселении в прошлом и в настоящее время, о двух диалектах энецкого языка и соотношении между ними, о других самодийских народах и языках и о месте энцев и энецкого языка в общесамодийской перспективе. Особенно детально обсуждаются фонетические соответствия между энецким и близкородственным ему ненецким языками.

В части «Фонетика» описываются системы гласных и согласных фонем энецкого языка, система чередований и частичной гармонии гласных, а также ставится проблема выпадения гласных — явления, еще ждущего своего детального исследования. В отдельный раздел автор выносит проблему гортанной смычной фонемы в энецком языке, где показывает, что фонологически речь идет об одной фонеме, а не двух, как иногда предлагается в литературе.

Часть «Морфология», представляющая собой самый большой раздел книги, состоит из восьми глав (по частям речи).

В первой главе «Имя существительное» приводится описание структуры именных основ, словоизменительной системы и словообразования существительных в энецком языке. Среди нетривиальных описательных решений автора отметим, во-первых, трактовку дестинативных (лично-предназначительных) форм как единого бенефактивно-партитивного падежа и невыделение в энецком языке генитива и аккузатива как отдельных падежей, а во-вторых, введение категории адъективной репрезентации существительного, позволяющей включить в словоизменительную систему существительного продуктивное адъективное словообразование.

Во второй главе «Послелого» дается инвентарь энецких послелогов и обсуждается остаточная падежная система энецких послелогов (лативная, локативная, аблативная и пролативная серии).

В третьей главе «Имя прилагательное» рассматриваются семантические группы энецких прилагательных и их словообразование.

Четвертая глава «Местоимения» разделена на небольшие части по разрядам местоимений. Особенно детально, в связи со сложной морфологической организацией, автор рассматривает энецкие личные местоимения. Оригинальным описательным решением является введение специального разряда «последложные местоимения» для посессивных форм послеложных основ.

Пятая глава «Числительные» содержит описание системы количественных, порядковых и собирательных числительных, а также средств выражения более периферийных значений, связанных с количественной семантикой.

В наиболее объемной шестой главе «Глаголы» представлено описание структуры глагольных основ, порядковой модели энецкой глагольной словоформы, словоизменительной системы финитных и нефинитных глагольных форм и словообразования глаголов в энецком языке, в том числе продуктивной внутрикатегориальной аспектуальной и актантажной деривации.

Седьмая глава «Наречия» содержит обзор семантических классов энецких наречий.

Восьмая глава «Служебные части речи» состоит из разделов «Союзы», «Частицы», «Модальные слова» и «Междометия», в которых перечисляются основные лексические единицы соответствующих классов; под «модальными словами» понимается подкласс частиц, имеющих модальную семантику.

Монография снабжена списком сокращений, подробной библиографией и оглавлением.

Л и т е р а т у р а

Сорокина, Болина 2005 — *Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкие тексты*. СПб., 2005. {Sorokina, Bolina 2005 — *Sorokina I. P., Bolina D. S. Eneckie teksty*. SPb., 2005.}

Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь*. СПб., 2009. {Sorokina, Bolina 2009 — *Sorokina I. P., Bolina D. S. Eneckij slovar'*. SPb., 2009.}

Урало-алтайская проблематика в исследованиях Александра Константиновича Матвеева. Памяти ученого

9 ноября 2010 года в возрасте 84-х лет ушел из жизни Александр Константинович Матвеев — выдающийся русский лингвист, член-корреспондент РАН, профессор Уральского государственного университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Имя ученого широко известно в нашей стране и за рубежом благодаря его масштабным и глубоким исследованиям в области теории языковых контактов, субстратной топонимии, древнейшей этнической истории Русского Севера, Урала и Сибири, финно-угорского языкознания, общей ономастики, этимологии, диалектологии, ономастической и диалектной лексикографии. Не менее известен А. К. Матвеев и как организатор науки — глава Уральской ономастической школы, создатель и руководитель Топонимической экспедиции Уральского университета, инициатор и ответственный редактор многих научных и словарных изданий.

А. К. Матвеев родился 8 июля 1926 г. в Свердловске в семье потомков мастеровых Екатеринбургского монетного двора (по отцовской линии). Отец его, Константин Константинович Матвеев, ученик и соратник В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана, известен на Урале как основатель Уральской минералогической школы, один из первых ректоров Уральского горного института (с 1947 г. — Свердловского горного института им. В. В. Вахрушева). Его мать, Ксения Михайловна, была из древнего, ведущего свою родословную с XIV в. дворянского рода Лёвшиных, получила классическое гимназическое образование, владела несколькими языками.

Оказавшись в военное лихолетье вместе с семьей на Дальнем Востоке, А. К. Матвеев в 1949 г. окончил факультет русского языка и литературы Хабаровского педагогического института, а с возвращением на Урал в 1952 г. начал свой путь исследователя и педагога. Проблематика научной работы определилась не сразу: известно, что аспирант А. К. Матвеев отверг 4 темы, предложенных ему для написания кандидатской диссертации, и в итоге выбрал свою — «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала». Очевидно, именно тогда и утвердилось жизненное кредо ученого, принятое им вслед за Данте: *Segui il tuo corso* «Следуй своим путем». Кандидатская диссертация была защищена в 1959 г.

В 1961 г. А. К. Матвеев принял заведование кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета, руководителем которой являлся до 2005 г. (а научным консультантом вплоть до своей кончины). Сотни людей — бывших и нынешних студентов, аспирантов, докторантов — знают его как блестящего лектора и талантливого педагога. Своим первым ученикам он читал курс латыни и античной литературы, затем вел занятия почти по всем дисциплинам историко-лингвистического цикла. Многим поколениям филологов Александр Константинович запомнился как интерпретатор курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание». В 70-е годы он первым в Уральском госуниверситете начал читать «Введение в славянскую филологию». Школой настоящей науки для многих студентов являлись разработанные А. К. Матвеевым спецкурсы: «Топонимия Урала», «Народы Урала и их языки», «Методы исследования субстратной топонимии», «Происхождение славян и славянских языков», «Меря и мерянский язык», «Индоевропейцы и индоевропейские языки» [Матвеев 1998б]. Его аспиранты и докторанты всегда находили в общении с руководителем не только строгий и справедливый анализ своих идей, но и заряд творческого вдохновения, столь важный в осуществлении любого исследования.

Под руководством молодого, энергичного ученого кафедра быстро превратилась в крупный центр лингвистических исследований, получивший известность в стране как Топонимическая школа Матвеева (впоследствии также Уральская топонимическая школа, Уральская этимологическая школа, Уральская ономастическая школа). Первыми — в уже далекие 60-е — были студенты кафедры, объединенные участием в «матвеевском» кружке сравнительно-исторического языкознания. По материалам докладов, сделанных участниками кружка, в 1962 г. в Свердловске вышел научный сборник «Вопросы топонимии» [Вопросы топонимии 1962].

Мищенко Ольга Валерьевна: Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, olgamishchenko@yandex.ru

Теуш Ольга Анатольевна: Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, olga.teush@yandex.ru

Трудно переоценить значение этой коллективной работы, осуществленной несколькими юными «первопроходцами» под руководством А. К. Матвеева: издание сборника стало традицией, с постепенным расширением круга авторов он стал межвузовским и в течение многих лет являлся едва ли не единственным в стране серийным изданием, посвященным проблемам ономастики (с 7-го выпуска под более общим названием — «Вопросы ономастики»). Продолжение издания оказалось возможным в 2004 г. в совместном проекте Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Института русского языка им. В. В. Виноградова (ИРЯ РАН). Первый в России ономастический журнал унаследовал название выходявшего ранее сборника («Вопросы ономастики»), и А. К. Матвеев с момента создания и до своей смерти являлся его главным редактором. Журнал «призван объединить ономатологов России, поддерживать связи российских ономатологов с зарубежными исследователями, знакомить читателей с актуальными проблемами ономастической науки и достижениями в ней» [Вопросы ономастики 2004: 5]. Первый выпуск журнала открыт статьей А. К. Матвеева «Апология имени» [Матвеев 2004а], название которой характеризует и цели журнала, и устремления его главного редактора. Десятый номер журнала «Вопросы ономастики» готовился при пристальном внимании А. К. Матвеева и выйдет в свет с именем главного редактора даже после его кончины.

К 1961 г. относится рождение Топонимической экспедиции Уральского госуниверситета. Сам А. К. Матвеев занимался сбором диалектных лексем и топонимии с 1955 г., но первый выезд экспедиции — небольшой группы студентов под его руководством — был совершен позже: на уральскую реку Чусовую летом 1960 г. В 1961 г. экспедиция получила официальный статус «Севернорусская Топонимическая экспедиция» и с того времени ни на год не прекращала своей работы. С расширением научной проблематики Уральской школы увеличивались масштабы полевых сборов, неуклонно совершенствовалась их методика. За годы существования экспедиции «полевую» лингвистическую практику получили сотни студентов. Руководимое А. К. Матвеевым экспедиционное сообщество освоило огромные территории Русского Севера, Урала и Сибири, накопило «миллионные» картотеки ономастических и лексических материалов (более 2 млн. единиц хранения). Сам А. К. Матвеев совершил 77 полевых выездов и лично руководил экспедицией вплоть до 1989 г., а позже являлся ее научным консультантом. О ценности собранных лингвистических материалов свидетельствуют хранящиеся с 1963—1965 гг. (экспедиция на Саяны) записи речи последней представительницы камасинцев (исчезнувшего южно-самодийского народа), лексемы и топонимы последних пелымских и вижайских манси (экспедиции конца 60—70-х гг.), уникальные русские лексические и ономастические материалы. С целью всестороннего изучения и обработки полевых материалов, а также привлечения молодых ученых к исследованию ономастики и диалектной лексики А. К. Матвеевым была создана единственная в стране учебно-научная Топонимическая лаборатория, которая работает по сей день.

С началом 70-х гг. связана инициатива организации первой и единственной в истории отечественной вузовской науки Всероссийской студенческой научной конференции по ономастике и диалектной лексике, в течение двух десятилетий регулярно собиравшей будущих ономастов и диалектологов, многие из которых стали известными учеными: Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева, Н. В. Лабунец, В. И. Супрун, Л. И. Шелепова и др. Желание объединить ономатологов, этимологов и диалектологов России и зарубежья реализовалось впоследствии в проведении многочисленных всероссийских и международных конференций: «Русская диалектная этимология» [РДЭ 1991, 1996, 1999, 2001], «Ономастика в кругу гуманитарных наук» [Ономастика 2005], «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» [ЭОЭ 2009] и др., — организатором которых выступил А. К. Матвеев. Своеобразным форумом для обсуждения результатов исследований в области диалектной лексики и ономастики стали серии сборников научных трудов, инициатором и главным редактором которых был А. К. Матвеев: «Этимологические исследования» [ЭРДС 1978; ЭИ], «Финно-угорское наследие в русском языке» [ФУНРС].

В 1970 г. А. К. Матвеев защитил докторскую диссертацию «Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР» [Матвеев 1970]. Идеи, разработанные в рамках диссертационного исследования, впоследствии легли в основу обобщающей трехтомной монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» [Матвеев 2001б, 2004б, 2007б]. Вклад ученого в разработку научного направления, посвященного проблеме субстратной топонимии севера Европейской России, чрезвычайно обширен.

Масштабное научное наследие А. К. Матвеева нашло отражение в комплексе идей теоретико-методологического характера, связанных с осмыслением базовых исследовательских позиций при этимологической интерпретации субстратной топонимии и с разработкой результативных методов ее анализа. Вместе с тем, опора на эти исследовательские положения привела ученого к значимым практическим выводам — лингвистическим, лингвоэтническим и историческим, — в частности, по отношению к территории Русского Севера.

В российской науке эта концепция не только открыла надежные пути смысловой и этноисторической интерпретации топонимов, но и впервые обозначила реальную возможность создания карты былого расселения народов по топонимическим данным. Интерпретационная сила концепции А. К. Матвеева была достижением молодой отечественной ономастики и обеспечила интерес и уважение коллег не только в России, но и в Европе, о чем говорит активная переписка А. К. Матвеева с германскими учеными В. Штейницем и В. Фенкером, шведом Б. Коллиндером, венгерскими финно-угроведами Б. Кальманом и Й. Ердеди, финном М. Лиимола и др.

А. К. Матвеев — автор более чем 270 научных работ и научный редактор более 70 трудов. Под руководством ученого защищены 6 докторских и более 30 кандидатских диссертаций [Матвеев 1996а, 2001в]. Немалое место в его деятельности занимала научно-организаторская работа: он был инициатором и руководителем комплексной программы Минвуза РСФСР «Духовная культура Урала» [Матвеев 1984а, 1986], а также директором Института русской культуры при Уральском университете, являлся членом Ученого Совета Уральского университета, членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Уральском университете и главным редактором гуманитарной серии «Известий Уральского университета». В 1988 г. А. К. Матвеев получил звание Заслуженный деятель науки РСФСР, а с 1991 г. являлся членом-корреспондентом Российской академии наук.

Научное наследие А. К. Матвеева многогранно, однако при решении как частных, так и общетеоретических проблем лексикологии и ономастики основным объектом внимания ученого являлось иноязычное (финно-угорское, самодийское, тюркское) наследие в русском языке.

Финно-угро-самодийские лексические заимствования в русском языке

Отправной точкой в сфере научных интересов А. К. Матвеева стало изучение заимствованной лексики. Именно этому материалу посвящалась первая научная статья ученого «К этимологии слова *ваньза*» [Матвеев 1958]. Происхождение диалектного слова, его индивидуальная история и судьба, его значимость для формирования наших представлений о жизни далеких предков — именно эти научные ориентиры, намеченные уже в первой статье, составляли неизменную основу лексикологических исследований А. К. Матвеева. С самого начала научных разысканий — и чем дальше, тем определеннее — формировался преимущественный интерес ученого к загадочной, древней и малоизученной лексике, исторически унаследованной русскими диалектами из живых и вымерших финно-угорских и самодийских языков.

В кандидатской диссертации и одноименной монографии А. К. Матвеева «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала» [Матвеев 1959] проанализировано около 200 лексем прибалтийско-финского, коми и обско-угорского происхождения. Здесь же очерчены основные принципы анализа заимствованной лексики, которые впоследствии уточнялись и дополнялись.

1. Решение вопросов, связанных с проблемой финно-угорского наследия в русском языке, зависит от успехов русских диалектологов в области сбора и лексикографического описания диалектной лексики. Недостаток данных по русским диалектам создает искаженное представление о глубине и интенсивности контактов с теми или иными языками. Написание диссертации потребовало от А. К. Матвеева 8 полевых выездов, материалы которых позволили адекватно представить картину взаимодействия языков на Урале.

В дальнейшем сбор диалектной лексики и издание областных словарей стали важнейшими приоритетами для А. К. Матвеева и его учеников. Будучи с первого тома одним из авторов-составителей «Словаря русских говоров Среднего Урала» [СРГСУ], с третьего тома А. К. Матвеев стал его ответственным редактором (выпущено семь томов, а в 1996 г. опубликованы обширные дополнения к словарю [Доп. СРГСУ]). С 2001 г. началась публикация «Словаря говоров Русского Севера» (вышли первые 4 тома: А—И) [СГРС], который по широте и системности отражения лексики отдельного диалекта не имеет в России аналогов.

Оба словаря ориентированы на максимально полное отражение диалектной терминологической лексики, фиксация которой оказалась возможна благодаря уникальной методике сбора, выработанной Топонимической экспедицией Уральского госуниверситета. Направленный опрос, идущий от понятия к слову, моделирование ситуаций, глубокое знакомство собирателя с традиционным хозяйством и бытом, запись не текстов, но слов с примерами их употребления (с обязательным определением и уточнением значения уже в ходе беседы), многократная проверка фактов — это те составляющие методики, которые обеспечили достоверную фиксацию тысяч диалектных лексем, не известных в других источниках. Установлено, что заимствования наиболее частотны именно в терминологии, что обусловило специфику словарей — отражение большого количества финно-угро-самодийских и других заимствований, которые собирались направленно, по особой методике и специально разработанным вопросникам.

2. Заимствованное слово является, прежде всего, элементом лексической системы русского языка. Детальное изучение процессов фонетической, морфологической, словообразовательной и семантической адаптации, условий и предпосылок заимствования определяет доказательность этимологии и представляет интерес не только для финно-угроведения или уралоистики в целом, но и для истории русского языка. Так, например, изучение морфологического освоения заимствований указывает на непродуктивный характер категории среднего рода в русском языке, а также на закономерную переработку иноязычных финалей — «подгонку» их к русским моделям на *-а* и согласный [Матвеев 1959: 115].

3. В полиэтническом регионе, где источником заимствования может выступать несколько родственных языков, слово часто может восприниматься в различных фонетических и семантических вариантах. С одной стороны, установление неоднократного заимствования лексемы из разных родственных языков способствует верификации этимологии, а с другой, заставляет учитывать возможности разнообразных контаминаций и взаимовлияний, уделять особое внимание лингвогеографии, семантике и формальной атрибуции. Противопоставленность ареалов лексем, представляющих собой заимствования из разных родственных языков, является одним из наиболее надежных критериев для доказательства присутствия того или иного этноса в отдельных регионах исследуемой территории. Вместе с тем, исследование фонетически и семантически близких лексем в смежных языках региона позволяет выявлять языковые микросоюзы, определять случаи языкового посредства при заимствовании, допуская возможность такого рода процессов и в далеком прошлом [Матвеев 1996б].

4. На территории Урала и Русского Севера совершенно необходимо учитывать возможность заимствований (субстратных включений) из вымерших финно-угорских языков. Если в уральских говорах такого рода элементы немногочисленны (к ним могут быть отнесены некоторые лексемы мансийского типа в Приуралье) [Матвеев 1959: 113], то в севернорусских диалектах специфические заимствования можно обнаружить чуть ли не в каждом более или менее изолированном «кусте» деревень. Эти лексемы имеют значительные фонетические, а часто и семантические отличия при сравнении с данными современных финно-угорских языков.

Интерпретация такого рода лексики позволяет восстанавливать характеристики вымерших языков, что представляет большой интерес как для решения вопросов русско-финно-угорского контактирования, так и для истории финно-угорских языков. Задача этимологического описания севернорусской заимствованной и субстратной лексики наиболее развернуто была поставлена А. К. Матвеевым в лексикографическом проекте «Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера», первый выпуск которого вышел в 2004 г. [МДСФУ].

5. Заимствованная и субстратная лексика и топонимия региона должны изучаться параллельно, тем самым создаются возможности для воссоздания древней лингвоэтнической картины региона. Исследования апеллятивной лексики позволяют компенсировать объективную неполноту ономастических данных и доказательно интерпретировать как форманты, так и основы субстратных топонимов [Матвеев 1973], а также предоставляют данные для стратификации субстратной топонимии [Матвеев 1995].

Изложенные принципы реализовались в многочисленных (более 50) публикациях А. К. Матвеева, посвященных этимологическому и ареальному анализу заимствованной лексики: среди них статьи о коми-зырянских, прибалтийско-финских, саамских, волжско-финских, мансийских и ненецких заимствованиях в русском языке, а также русских заимствованиях из древних, вымерших — трудно дифференцируемых — языков [Матвеев 1962, 1964а, 1973, 1984б, 1995, 1996в, 1997б, 2002 и др].

Теоретические и методологические принципы анализа субстратной топонимии

1. *Методы изучения топонимического субстрата.* Одним из дискуссионных вопросов отечественной лингвистики 60-х гг. XX в. был вопрос о возможностях и методах изучения топонимического субстрата. Основой дискуссии стало понимание несовершенства имеющихся методов анализа субстратной топонимии, базирующихся на этимологизации изолированных топонимов и характеризующихся в связи с этим «крайним субъективизмом» [Матвеев 1965], что вело к заблуждениям и не вызывающим доверия выводам. Серьезный вклад в объективацию методологии рассматриваемой научной области был внесен А. К. Матвеевым: по его мнению, методологическая объективация в данном случае предполагала необходимость выработки научного подхода к фактам топонимии как на формальном, предэтимологическом, этапе (определение наиболее важных принципов отбора и формальной, структурно-фонетической, классификации материала), так и на собственно этимологическом этапе, где объективация, среди прочего, связывалась исследователем с установлением надежных способов верификации топонимической этимологии [Матвеев 1964б, 1965].

Можно считать, что базой для нового подхода стали следующие исследовательские позиции: использование статистического метода, принципиальная ориентация на системный подход при анализе лингвистических фактов, понимание и обоснование необходимости широкого использования методов лингвистической географии, а также взгляд на топонимический субстрат не как на «застывший» лингвистический продукт, а как на феномен, отражающий когда-то живые процессы этноязыкового контактирования. Во всяком случае, названные принципы оказываются задействованными практически во всех методических находках ученого.

2. *Исследовательские принципы доэтимологического этапа анализа топонимического субстрата.* Говоря об исследовательских принципах, постулируемых А. К. Матвеевым в отношении доэтимологического этапа работы над топонимическим субстратом, прежде всего, следует упомянуть тезис о необходимости основываться на однородном языковом материале [Матвеев 1965: 7—9]. Под последним подразумевается функционально однотипный материал в рамках определенного синхронного среза, поскольку только в этом случае весь корпус материала может предстать как совокупность однопорядковых явлений, сформировавшихся в сходных лингвистических и экстралингвистических условиях, а значит, ко всему материалу могут применяться однотипные формальные процедуры анализа. Наиболее перспективным материалом такого рода, с точки зрения ученого, являются полевые данные по топонимии, преимущество которых в отражении живых, реально функционирующих фактов языка [Матвеев 1965: 8]. Чрезвычайно важным является факт ориентации полевого сбора на микротопонимию, поскольку в последней, как выяснилось, субстратный пласт топонимикона представлен очень широко.

Новацией формального — доэтимологического — этапа в анализе топонимии Русского Севера у А. К. Матвеева является очень детальный, можно сказать — филигранный подход к структурно-словообразовательной классификации топонимов, т. е. к формированию корпуса топонимических типов. В основе такой классификации лежит давно используемый в лингвистике прием выявления общих элементов топонимов (топоформантов и топооснов) с последующим их сопоставлением. Вместе с тем, уже в своих первых работах, посвященных проблеме севернорусского топонимического субстрата, А. К. Матвеев демонстрирует более продуктивные результаты лингвистического анализа: он выделяет обширный корпус топонимических типов (около 120), умело вычленив сложные по звуковому составу общие компоненты и обстоятельно аргументируя правомерность своих построений [Матвеев 1964б]. Ср., например, указание на то, что выявленные ранее форманты *-га* и *-ма* на самом деле соотносятся с различными дифференцирующими типами (*-ньга*, *-юга*, *-ома*, *-ежма* и др.), которые должны быть проанализированы по отдельности [Матвеев 1964б: 80]. Такая детальность формального этапа анализа достигается, среди прочего, использованием дополнительных аргументов: учетом ареальных характеристик топонимических типов, а также изучением фонетического состава топонимов по отдельным типам и территориям.

Говоря о важности ареального аспекта исследования, следует упомянуть об изначальной ориентации ученого на региональный подход, при котором топонимические типы следует искать внутри региона. Такого рода подход составлял резкий контраст с распространенными в 60-е гг. «трансконтинентальными», по выражению А. Е. Аникина [Аникин 2001: 8], сопоставлениями субстратных топонимов, когда на «априорных» основаниях, бездоказательно, соотносились, например, факты топонимического субстрата Русского Севера и Сибири. Понимая, что недооценка возможности случайного сходства подобных фактов может повлечь за собой неправильное выделение формантов и завести в область ошибочных интерпретаций, А. К. Матвеев показал продуктивность использования ареального метода в качестве инструментария, позволяющего избежать подобных просчетов при анализе топонимического материала.

Характер ареала, полученного при картографировании предполагаемого топонимического типа, обладает интерпретационным потенциалом: так, неопределенность ареала и наличие разбросанных зон уплотнения указывает на высокую вероятность различного происхождения исследуемых топонимических фактов и требует изначального исследования каждой из зон уплотнения по отдельности. Ср., например, именно такой подход исследователя к широко распространенным на территории России названиям на *-ньга*, каждая из зон сгущения которых, включая и Русский Север, требует отдельного изучения [Матвеев 1965: 6]. В целом было замечено, что показательной чертой топонимического типа является наличие ареала, поэтому «отсутствие выраженного ареала обычно позволяет достаточно эффективно отделять истинные форманты от ложных» [Матвеев 2001б: 76].

Что касается изучения фонетического состава топонимических типов, то оно также оказывается весьма продуктивным при решении вопроса об их корпусе. Выявленные факты наличия специфических фонетических закономерностей в топонимах того или иного типа (например, разницы в корпусе фонем или в их сочетаемостных возможностях) не только имеют самостоятельную ценность при решении лингвогенетических вопросов, но и подтверждают правильность осуществленной классификации, т. е. являются инструментом верификации (ср. использование этого приема в [Матвеев 1964б]).

3. *Исследовательские принципы этимологического этапа.* Одним из основополагающих исследовательских принципов при восстановлении внутренней формы субстратных топонимов явился для ученого «принцип семантической мотивированности топонимов» [Матвеев 1965: 14] — идея, ставшая, по существу, общетеоретической для топонимистики. По словам А. К. Матвеева, интуитивно эта идея учитывалась топонимистами давно [Матвеев 2001б: 63], эксплицитная же формулировка самого принципа, по-видимому, родилась у ученого как полемическая реакция на обоснованный В. А. Никоновым «принцип относительной негативности» в топонимии [Никонов 1964]. Общий смысл принципа сводился к тому, что выбор признака номинации напрямую связан с редкостью, раритетностью, специфичностью последнего в ряду других возможных признаков.

Соглашаясь с возможностью появления названия на базе редкого признака, А. К. Матвеев показал, что «закон негативной мотивированности» является лишь частным случаем общего принципа мотивированности топонимов [Матвеев 1965, 1969а] (см. также [Матвеев 2001б: 63]). Мотивированность географических названий может быть связана с разнообразными характеристиками объектов, так как, по словам исследователя, «топонимия объективно отражает окружающий мир» [Матвеев 2001б: 63]. При этом принципы номинации различных топообъектов поддаются научному осмыслению и систематизации; их изучение мыслится исследователем как одна из основных задач топонимики [Матвеев 1965: 14—15].

Знание общих и частных закономерностей топонимической номинации — это еще одно действенное средство этимологизации в топонимии; по словам ученого, это средство, способное открыть новые перспективы для исследования субстрата [Матвеев 1965: 14—15; Матвеев 2001б: 63]. Для этимологической практики в области субстратных топонимов важным, в частности, оказывается то соображение, что семантика топонимической лексики имеет ограничения, а это, в свою очередь, накладывает ограничения на возможные этимологические решения, заставляя исследователя учитывать степень «топонимичности» той или иной этимологической версии.

В рамках принципа семантической мотивированности очень продуктивным оказался и такой исследовательский прием, как подтверждение выявленной в ходе этимологического анализа семантики топонима / основы / топоформанта реальными физико-географическими характеристиками объектов.

Конституирующими для собственно этимологического этапа исследования стали методы, направленные на выявление системных отношений в субстратной топонимии. Системности фактов в концепции А. К. Матвеева уделяется особое внимание, поскольку системность оказывается и средством достижения результатов, и критерием их правильности и надежности [Матвеев 2001б: 80].

Одним из методов, позволяющих вскрыть системный характер топонимии, является изучение названий по микрорегионам, т. е. комплексное исследование топонимии отдельных небольших территорий. К субстратной топонимии Русского Севера до А. К. Матвеева этот прием, в сущности, не применялся. «При изучении названий по микрорегионам поиск системных связей основывается на предположении о генетической однородности смежных названий в пределах микрорегиона» [Матвеев 2001б: 84], а также на том обстоятельстве, что восстанавливается не совокупность разрозненных фактов, а некогда существовавшая топонимическая микросистема, в основе которой можно предполагать наличие семантических корреляций и иных закономерностей. При этом микрорегиональный принцип исследования находит историко-этнографическое обоснование в характере заселения Русского Севера (кустовой тип поселений и этническая пестрота в прошлом) [Матвеев 2001б: 82].

В монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» представлен анализ целого ряда микрорегиональных комплексов прибалтийско-финской и саамской субстратной топонимии: Нижняя Онега, Ундозеро, Лепшинские озера, оз. Мошинское и Воезеро, Кенозеро, оз. Кемское, оз. Ковжское, Сотозеро, озера юго-западного Белозерья (Андозеро, Новозеро, Ухтомьярское) [Матвеев 2004б: 114—187]; анализ Нижнеонежского региона см. также в [Матвеев 1989]. Перспективы анализа такого типа очевидны: возникает возможность создать подробную лингвоэтническую карту региона до его заселения русскими, обобщить полученные сведения о верхнем пласте субстратной топонимии и с учетом этой, детально систематизированной, информации перейти к анализу более глубоких слоев субстрата.

Еще одним аспектом реализации системного подхода к этимологическому изучению субстратных названий является «поиск коррелятивных членов в фонетике, семантике, словообразовании топонимов» [Матвеев 2001б: 84]. Наличие таких коррелятивных членов получает отражение в ареальных оппозициях. Так, интерпретация названий двух ручьев Нижнеонежского региона — *Ширвоя* и *Пенвоя* — из карельского языка выявляет факт наличия семантической корреляции ‘Большой ручей’ (ср. карел. *šuurī* ‘большой’) и ‘Малый ручей’ (ср. карел. *pieni* ‘малый’), а это является серьезным аргументом в пользу того, что поиск этимологии ведется в правильном направлении [Матвеев 2001б: 84; Матвеев 2004б: 125]. Ценность такого подхода состоит еще и в том, что он позволяет прогнозировать вид недостающего члена оппозиции и вести его направленные поиски.

В качестве иллюстрации к этому тезису в работах А. К. Матвеева приводится следующий пример. На основании ареального противопоставления саамских по происхождению основ *нюхч*- ‘лебедь’, *чехч*- ‘осенняя стоянка’ и *чухч*- ‘глухарь’ [Матвеев 2004б: 94—95, 100, 103—105], отмеченных на севере Архангельской области, и основ *чекш*- и *чукиш*-, зафиксированных в Белозерском крае, исследователем было высказано предположение о существовании в зоне бывшего расселения белозерских саамов топонимов с основой *нюкиш*-, которые затем и были обнаружены топонимической экспедицией (*Нюкша*, *Нюкшозеро*, *Нюкшаручей*) [Матвеев 1976б: 59; Матвеев 2001б: 85].

Важным вкладом ученого в разработку приемов этимологического анализа субстратной топонимии стал «метод моделирования компонентов топонимических систем» [Матвеев 1976б; Матвеев 2001б: 87—100]; это метод, в котором столь значимый для исследователя «системный» взгляд получил свое наиболее полное и разноаспектное выражение. В основе этого метода лежит ономаσιологический подход к этимологизируемым субстратным названиям, предполагающий движение исследовательской мысли от значения топонима к формам выражения этого значения, другими словами, исследование топонимического субстрата осуществляется на базе предварительно установленных ономаσιологических моделей.

Эта процедура включает в себя три этапа:

1) «моделирование словника важнейших семем, предположительно употребляемых в субстратной топонимии данной территории» [Матвеев 2001б: 92]. Моделирование осуществляется путем анализа топонимии того языка, который сменил язык субстратной топонимии на этой территории. В отношении Русского Севера таким языком является русский. Предполагается, что «смена этносов, конечно, сказывается на семантическом содержании топонимии, но основная реальная база (географическая среда, растительный и животный мир и т. п.) переходит в наследство от одного этноса к другому, поэтому выявленные в русской топонимии семантические закономерности с известными поправками {...} могут прилагаться и к субстратным названиям» [Матвеев 2001б: 64].

2) «перевод словника на язык-эталон» [Там же: 92]. Под языком-эталоном понимается язык сравнения, т. е. наиболее подходящий, по мнению исследователя, для этимологизации фактов субстрата.

3) «наложение полученной сетки языка-эталона на субстратную топонимию» [Там же: 92].

Если язык сравнения выбран правильно и соответствия находятся системно, то в результате на всех уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексическом и семантическом — моделируется часть системы языка-субстрата. Это позволяет выявить фонетические, словообразовательные и лексические оппозиции в пределах топонимии одного (языка субстрата) или нескольких языков (язык субстрата — язык сравнения; разные идиомы субстрата; язык субстрата на разных хронологических срезах и т. п.). Таким образом, в руках исследователя оказывается действенное средство (1) направленной этимологизации, (2) установления лингвоэтнической специфики внутри региона и (3) одновременной верификации полученного результата, поскольку отсутствие противоречий в организации корреляций на разных языковых уровнях и высокий процент найденных этимологий возможны лишь при правильно выбранном языке-эталоном. (В этом отношении весьма показателен предложенный в [Матвеев 1976б] разбор ситуаций правильно и неправильно выбранного языка-эталоном: результаты этимологического анализа очень четко указывают на верный/неверный ход исследовательской мысли [Там же: 71—73].)

Новизна метода заключалась, среди прочего, еще и в том, что самое пристальное внимание здесь уделялось этимологическому изучению основ — в противоположность прежней традиционной точке зрения, когда наиболее надежным материалом для решения этимологических задач считались форманты. Ученый показал перспективность и продуктивность исследования основ¹, поскольку такой подход позволяет с большей полнотой устанавливать системные связи между субстратными топонимами — в силу большей численности топооснов (по сравнению с формантами) и лучшей сохранности их фонетического облика [Матвеев 2001б: 90].

4. *Некоторые общие исследовательские принципы анализа субстратной топонимии.* Отличительной чертой творчества А. К. Матвеева является и целый ряд исследовательских принципов, которые сложно связать с каким-то одним конкретным этапом работы над проблемой этимологизации субстратных топонимов, — скорее, они отражают его взгляды на решение историко-лингвистических задач вообще.

Так, характерной чертой работ А. К. Матвеева с самого начала стало пристальное внимание к фонетической составляющей топонима. Ср. упомянутый выше важный этап доэтимологического анализа, предполагающий скрупулезное изучение фонетических особенностей у выявленных топонимических типов. К этому необходимо добавить, что обязательным параметром работы с фактами субстрата была для ученого ориентация на точное, а не приблизительное фонетическое соответствие топонима и предполагаемого этимона. При этом все отклонения от точного соответствия должны были быть осмыслены

¹ Конечно, не отрицая необходимости изучения формантов.

и объяснены: либо в рамках эксплицированных и доказанных в ходе этимологической работы языковых соответствий (язык субстрата — фонетические рефлексy в языке усвоения; язык субстрата — язык, на базе которого идет этимологизация; разные субстратные идиомы), либо в рамках адаптации и возможных комбинаторных фонетических изменений принимающего языка. Предположение о наличии последних также должно было быть доказано тем или иным способом с учетом фактора системности и статистических выкладок.

Очень показателен в этом отношении раздел монографии «Субстратная топонимия Русского Севера», посвященный фонетической адаптации топонимов: в частности, в разделе «Комбинаторные изменения» обсуждаются все выявленные варианты таких изменений по отдельности — с обоснованием фонетической позиции и фонетического механизма [Матвеев 2001б: 130—151]. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что возможность нерегулярных фонетических и морфологических изменений при адаптации субстратных топонимов языком-реципиентом рассматривалась исследователем как вполне естественное, закономерное отражение живых языковых процессов и активно учитывалась на самых разных уровнях анализа материала².

Вообще, в исследовательской практике А. К. Матвеева чрезвычайно значима была идея о том, что в субстратной топонимии Русского Севера получило отражение активное взаимодействие языков и что это обстоятельство необходимо учитывать при ее интерпретации. Показательно внимание ученого к типологии топонимических фактов, обнаруживающих языковое взаимодействие (различные формы калькирования, гибридные названия и пр.) [Матвеев 1972; Матвеев 2001б: 108—123], а также поиск лингвистических и психолингвистических механизмов появления того или иного типа топонимов.

Приведем один показательный пример такого рода. Интерпретируя топоним *Монепелды* ‘многие поля’ (< приб.-фин.) [Матвеев 2004б: 52], ученый замечает, что фиксация субстратного топонима в форме русского множественного числа свидетельствует о понимании значения слова, а это значит, что в качестве детерминатива, возможно, выступает заимствованный русскими географический термин, утраченный впоследствии русской апеллятивной лексикой [Матвеев 1972: 82; Матвеев 2001б: 119—120]. Ср. также факты обнаружения метонимических калек, например, предположение, что название реки *Коленьга* представляет собой «севернофинскую» кальку саамского по происхождению названия реки *Кулой* (р. Коленьга — самый крупный приток Кулоя (басс. Ваги)) [Матвеев 2001б: 180—181].

В целом, становится понятно, что усвоение «чужой» топонимии представляет собой процесс сложный и непрямолинейный, а без адекватной интерпретации фактов такого рода невозможно получить объективную картину этнического взаимодействия. В этой связи следует отметить также внимание исследователя, с одной стороны, к механизмам языкового контактирования (понятия субстрат, адстрат, субсубстрат и пр. стали для ученого базой, на которой строится анализ лингвистического материала), а с другой — к проблеме стратификации субстратной топонимии Русского Севера, которая решается им с привлечением к анализу топонимического материала данных об этнотопонимии и апеллятивных заимствованиях Русского Севера [Матвеев 2001б: 167—185].

На фоне сложной картины межэтнического взаимодействия особый статус получают топонимические компоненты — форманты и основы, — которые являются дифференцирующими по отношению к тем или иным языкам. Для А. К. Матвеева это было принципиальной позицией: «анализ должен основываться в первую очередь на выявлении и учете дифференцирующих моментов, тем более, что в древности родственные языки были значительно ближе друг к другу, чем в настоящее время. Это означает, что показательны прежде всего этимологически прозрачные дифференцирующие форманты и основы» [Матвеев 2001б: 78; Матвеев 1969б: 42—46]. Картографирование таких дифференцирующих компонентов позволяет выделять этноареалы, на базе которых затем возможно решать вопрос об этнолингвистическом статусе остального материала.

Для А. К. Матвеева важной составляющей топонимических исследований всегда было внимание к исторической и этнокультурной информации: обычной исследовательской практикой являлось для него обращение к данным памятников письменности, историческим документам, фактам материальной и духовной культуры создателей изучаемой топонимии. Интерес ученого был связан как с отражением в памятниках экстралингвистических (исторических и географических), так и лингвистических сведений (хронологически разные варианты одного названия, вышедшие из употребления топонимические факты и пр.).

Принцип взаимосвязи языка и культуры проявился как в исследованиях, посвященных восстановлению этнокультурной информации по данным топонимии, так и в обращении к такого рода информации для этнолингвистической интерпретации топонимического материала. Одним из видов этнокультурной

² Добавим к этому, что, помимо фонетических, также подробно выявлены и описаны закономерности морфологической адаптации субстратных топонимов Русского Севера [Матвеев 2001б: 151—158].

информации в контексте анализа субстратной топонимии Русского Севера могут считаться данные русской ономастики — этнотопонимы (*Лопариха, Чудская Стена*), топонимы, отражающие языческие представления аборигенного населения (см. ниже о *Синих Камнях*), коллективные прозвища (*зыряне, поганки* и т. п.). Значение таких фактов возрастает, когда они рассматриваются в комплексе со свидетельствами смежных наук или другими языковыми материалами [Матвеев 2001б: 70].

Топонимия Европейского севера России

1. Развивая высказанные ранее идеи А. И. Шёгрена, М. А. Кастрена, М. Фасмера, Я. Калимы, А. И. Попова и других ученых, А. К. Матвеев на огромном массиве новаторски осмысленного материала подтвердил и обосновал гипотезу о наличии в субстратной топонимии Русского Севера прибалтийско-финского и саамского компонентов; при этом он продемонстрировал несравненно большую доказательность своей гипотезы по сравнению с «угорской», «самодийской», «индоевропейской» и прочими.

2. Основываясь на данных топонимии (наличие большого пласта субстратной микротопонимии, характер отражения языкового взаимодействия в топонимии и пр.), А. К. Матвеев показал, что контакты русских пришельцев с местным населением, скорее всего, представляли собой более или менее мирное взаимодействие, а ассимиляция аборигенного населения русскими носила длительный и постепенный характер. Долгое время на Русском Севере сохранялся чересполосный тип заселения, и небольшие русские и финно-угорские поселения представляли собой в пределах региона сложную мозаику. Обрусение местного населения не было одновременным процессом, оно происходило на разных территориях в разное время и с разной интенсивностью. На это указывает наличие зон с хорошо сохранившейся субстратной микротопонимией и зон, где она практически полностью отсутствует.

3. А. К. Матвеев убедительно показал, что для субстратных языков Русского Севера нельзя предполагать полной аналогии с живыми финно-угорскими языками. Всегда следует быть готовым к тому, что вымершие языки могли иметь свою специфику на самых разных языковых уровнях. Это проявляется в наличии оригинальных индивидуальных языковых особенностей, в сохранении тех или иных древних состояний, в возможности существования языков промежуточного типа, в диалектном своеобразии языков субстрата. Необходимо учитывать также то обстоятельство, что древние языки были значительно ближе друг к другу, чем современные.

Ученым установлено, что древние саамские наречия Русского Севера демонстрируют некоторые архаичные фонетические черты, а также по ряду фонетических показателей оказываются наиболее близки диалектам кольских саамов, особенно кильдинскому. Это проявляется, например, в сохранении носовых в консонантных сочетаниях типа «носовой + гоморганный» (ср. зафиксированные в топонимии Русского Севера основы *лонд-* ‘птица’ (*Лонда, Лондушка*), *янг-* ‘болото’ (*Янгозеро, Янголохта*) при прасаам. *lontē, *jējkē, саам. Kld *lā'nd*, *jie'jg*, саам. сев. *lod'de*, *jæg'ge*), в переходе *k > *x* в сочетаниях звука *k* с губным согласным (ср. основы *нюхч-* ‘лебедь’ (*Нюхча*), *чухч-* ‘глухарь’ (*Чухча*) при саам. Kld *nuχč*, *čuχč*, но, например, Т *niukč*, сев. *njuk'čá*, *čuk'čá*) и в ряде других особенностей [Матвеев 2004б: 222—223].

В качестве наиболее специфичной черты саамской субстратной топонимии, отличающей ее от современных саамских диалектов, следует считать наличие согласного *ш* (< *š*) в соответствии с современным саамским *s* и финским *h*: см. основы *шуб-* ‘осина’ (*Шубач, Шубозеро, Шубручей*) ~ Псаам. *supē, фин. *haara*; *шид-* ‘поселение’ (*Шиднема, Шидозеро, Шидручей*) ~ Псаам. *sijte, фин. *hiisi*; *пыш-* ‘святой’ (*Пышега, Пышозеро, Пышручей*) ~ Псаам. *pešē, фин. *ruhä* [Матвеев 2004б: 220]. В рамках вопроса о диалектном членении саамских наречий Русского Севера выявлены фонетические показатели, дифференцирующие саамскую топонимию севера региона от топонимии, оставленной юго-западными (белозерскими) саамами: см. уже упоминавшееся соответствие сев. *нюхч-*, *чухч-* ~ белоз. *нюкиш-*, *чукиш-*.

Прибалтийско-финские субстратные языки Русского Севера также специфичны и неоднородны: выделены зоны с топонимией собственно карельского, вепсского, вепско-людиковского и некоторых других переходных типов. Прибалтийско-финская топонимия Русского Севера отражает хронологически разные периоды: так, прионежские топонимы демонстрируют явную близость к современным прибалтийско-финским языкам (что связано с поздним характером освоения территории), а прибалтийско-финская топонимия Подвинья сохраняет информацию о некоторых архаичных чертах местных диалектов. В частности, в придвинских топонимах представлен рефлекс сдвинутого назад прибалтийско-фин. *i*, нехарактерного для современных прибалтийско-финских языков, что является причиной корреляций типа прионеж. *линд-* (*Линдогора, Линдозеро*) ~ придвин. *лынд-* (*Лындевера, Лындога*) [Матвеев 2004б: 203].

Для прибалтийско-финских языков Подвинья отмечена также корреляция субстратного *a* ~ прибалтийско-фин. *e*, проявляющаяся как в апеллятивной лексике, так и в топонимии [Матвеев 2004б: 205—209]. Значительная специфика выявлена и для лексики придвинских наречий: «по составу лексики придвинские

наречия прибалтийских финнов были ближе к саамскому языку, чем современные прибалтийско-финские языки» [Матвеев 2004б: 204]. Аналогично, саамские наречия Русского Севера в лексическом отношении были более сходны с прибалтийско-финскими языками, чем современные саамские.

Исследование топонимического субстрата Русского Севера выявило еще одну группу субстратных языков, названных А. К. Матвеевым «севернофинскими» [Матвеев 1969б: 52]. К ним ученый относит языки гидронимии на *-Vh(b)za*, а также субстратные топонимические комплексы юго-восточной части Русского Севера. Предполагается, что севернофинские языки, проявляя некоторую близость к саамским, в целом демонстрируют состояние, промежуточное между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими языками как по своим фонетическим показателям, так и по инвентарю задействованных в топонимии лексем. Анализу севернофинского пласта посвящена третья часть монографии ученого «Субстратная топонимия Русского Севера» [Матвеев 2007б].

4. А. К. Матвеевым было предложено решение проблемы стратификации субстратной топонимии Русского Севера, которое нашло выражение также в серии лингвоэтнических карт региона [Матвеев 2001б: 167—185, 293—308, 339—345; Матвеев 2004б: 297—330]. В своих работах ученый очертил следующую ретроспективную последовательность этнических пластов: русский, прибалтийско-финский, саамский и севернофинский. Нижний пласт представлен саамской топонимией на северо-западе региона и севернофинской на юго-востоке.

Картографирование показывает, что саамская топонимия и севернофинские географические названия находятся в отношении дополнительной дистрибуции: граница между ними проходит по линии оз. Кубенское — оз. Воже — оз. Лача — и далее в направлении верховий Пинеги. Согласно выводам А. К. Матвеева, именно эти две значительные этнические общности формируют на Русском Севере главную лингвоэтническую оппозицию, а саамские легенды о чуди и войнах с ней позволяют ученому делать предположение, что именно «севернофинны» и могли представлять собой загадочную Заволочскую Чудь [Матвеев 2001б: 308].

Прибалтийско-финские топонимы на Русском Севере не образуют явственной оппозиции ни саамским, ни севернофинским названиям. Они отмечены за некоторым исключением практически по всему Русскому Северу: наибольшая плотность их наблюдается на западе региона, на северо-востоке и юго-востоке она значительно уменьшается. Это распределение указывает на более поздний, поверхностный характер топонимии прибалтийско-финского происхождения, распространявшейся с запада региона. Картографирование также свидетельствует, что «по крайней мере в поздний период своего обитания на Русском Севере саамы сосуществовали с прибалтийско-финским населением» [Матвеев 2001б: 307], что привело к образованию лингвоэтнического адстрата, представленного в топонимии региона.

Существует также целый ряд обстоятельств, указывающих на то, что определенную роль в формировании субстратной топонимии Русского Севера сыграли и родственные «севернофиннам» меряне, а также другие волжские финны [Матвеев 1996г, 1998а, 2001а]. При этом имеются основания полагать, что в намеченной последовательности были и нарушения, связанные с неравномерностью ассимиляционных процессов, поэтому русские могли в некоторых местах иметь непосредственный контакт и с саамским, и с мерянским, и с севернофинским населением, что подтверждается, в частности, соответствующими апеллятивными заимствованиями [Матвеев 2001б: 185].

Контакты русских с коми на востоке региона и с ненцами на крайнем северо-востоке, по-видимому, имели поздний адстратный характер и на лингвистическом уровне отразились прежде всего в апеллятивных заимствованиях [Матвеев 2001б: 183]. Кроме того, имеются некоторые данные о возможном проникновении древних пермян в юго-восточную часть региона: ср., например, отмеченное историческими источниками для этих мест название городка *Тоймокары*, возможно, с пермским формантом *кар* 'город' [Матвеев 2001б: 301].

5. Последние полтора десятка лет ученого активно занимала мерянская проблема, которая решалась им в свете сопоставления топонимических данных Русского Севера и исторических мерянских земель (Волго-Окское междуречье и Костромской край). С учетом археологических данных было сделано предположение о возможной миграции мери на северные территории, что подтвердили и данные топонимии.

Внимание к мерянской проблематике в 1990—2000-е гг. отразилось на страницах журнала «Вопросы языкознания» в виде серии статей [Матвеев 1996г, 1998а, 2001а]. В этих работах были обоснованы дифференцирующие показатели мерянской топонимии (*бол-* / *бал-* 'селение', *яxp-* 'озеро' и др.), доказан факт диалектной неоднородности мерянского языка (ср., например, выделение особого нижнеклязьминского ареала со специфичными показателями), раскрыта близость мерянского и севернофинских языков. При решении вопроса о лингвоэтническом статусе мерянского языка ученый вслед за М. Фасмером устранил ближайших родственников мери в марийцах.

Что касается расселения мерянских мигрантов на Русском Севере, то было предположительно выявлено несколько мерянских зон, по-видимому, довольно позднего заселения: бассейн Ваги (в частности р. Средняя Устья), район Кубенского озера и Белозерский край. Выводы сделаны как на основании переключки топонимии этих регионов с субстратной топонимией Волго-Окского междуречья, так и с учетом данных русской топонимии — этнотопонимов (*Мерский стан*, *Мерское болото* и т. п.) и культурно-маркированных топонимов. В частности, важский регион представляет собой ареал скопления топонимов *Синие Камни* (больше 10). Такая высокая плотность топонимов в рамках региона позволяет видеть в них обозначения мерянских мольбищ, что подтверждается известным у финно-угорских народов культом камней.

6. В заключительных разделах третьей части монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» А. К. Матвеевым была поднята проблема классификации финно-угорских языков в свете данных о языках субстратной топонимии Русского Севера [Матвеев 2007б: 215—235]. В полемике с Е. А. Хелимским ученым был сформулирован целый ряд проблем, без исследования которых невозможно решение обозначенного вопроса: проблема лингвистического статуса саамов Русского Севера по отношению к саамам Фенноскандии, проблема языкового членения в рамках севернофинских языков, поиски реликтов древних пермских языков на юго-востоке Русского Севера, а также вопрос о статусе мерянского языка.

В целом, для А. К. Матвеева всегда было очевидно огромное значение субстратной топонимии Европейского севера России для финно-угорского языкознания, поскольку в топонимическом субстрате он видел древнейший исторический памятник, который содержит сведения о вымерших финно-угорских языках и об архаичных состояниях живых языков.

Топонимия Урала и Западной Сибири

К моменту прихода А. К. Матвеева в науку топонимия Урала была зафиксирована геологами и собирателями, но совершенно не исследована лингвистически. Первые теоретические подходы и выводы были обозначены А. К. Матвеевым еще в рамках кандидатской диссертации, где топонимии была посвящена небольшая глава «Финно-угорская топонимика Северного и Среднего Урала» [Матвеев 1959: 105—115]. Изучение топонимов позволило выделить четыре дорусских топонимических пласта (древнеуральский, мансийский, коми-пермяцкий и тюркский), при этом древнеуральские элементы могут быть интерпретированы в связи с протосаамскими и протомадьярскими (о чем в дальнейшем ученый высказывался со значительно большей осторожностью, вместе с тем не отрицая наличия на Урале древнейших субстратных названий).

Топонимическое исследование Урала получило воплощение в цикле словарей А. К. Матвеева: «Географические названия Урала» [Матвеев 1987, 2008], «Географические названия Свердловской области» [Матвеев 2000, 2007а], «От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор» [Матвеев 1984в], «Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала» [Матвеев 1990]. В этих работах топонимия Урала предстает как сложный конгломерат разноязычных элементов, находившихся в постоянном взаимодействии друг с другом: северная часть (до уровня Екатеринбурга) издревле была населена финно-угро-самодийскими народами (ненцами, манси, хантами, коми); южнее представлена по преимуществу тюркская (татарская и башкирская) топонимия, которая, возможно, наложилась на иранский субстрат. Не остались в стороне и русские названия, возникшие в процессе поиска путей через Урал и освоения (прежде всего экономического) Зауралья.

На материале топонимии Урала ярко обозначилось явление калькирования в полиэтничном регионе: так, ненецкие названия Пай-Хоя и Полярного Урала переводились манси и ханты, а затем и коми, и в этом последнем варианте попадали в русский язык (поскольку коми нередко были проводниками русских экспедиций за Урал). Нередки и русские кальки тюркских названий на Южном Урале. Многообразие источников уральской топонимии позволило показать и специфику топонимической номинации разных народов: особенности образного восприятия, организация словообразовательной и синтаксической структуры топонима, сферы лексических ресурсов топонимии и т. п.

Необходимо отметить и историко-культурную ориентацию всех перечисленных исследований. Топонимия интерпретируется при полном учете нелингвистических данных (древних и современных): сообщений путешественников, геологов, краеведов, историков, картографов (О. О. Баклунда, В. А. Варсанюфьевой, В. И. Генина, И. Г. Георги, Э. К. Гофмана, П. С. Палласа, А. Регули, А. И. Шренка и др.). Те же установки реализовались в топонимическом словаре «Географические названия Тюменского Севера» [Матвеев 1997а].

Говоря о высоком, подлинно академическом уровне работ А. К. Матвеева, нельзя не отметить, сколь большое значение он всегда придавал связи науки с жизнью и, в частности, «просветительской» роли

топонимической науки. Особенно ярко это отразилось в трудах по топонимии Урала и Западной Сибири. Все топонимические словари А. К. Матвеева отличаются широкой адресностью, написаны по-научному точно, но и доступно для наиболее заинтересованных читателей — жителей региона. Это и упомянутые выше региональные топонимические словари, и целый ряд книг, созданных для всех, кто интересуется топонимией и историей: «Неройки караулят Урал: Путешествие в топонимию» [Матвеев 1976а], «Семь названий на карте Урала» [Матвеев 1979], «Вверх по реке забвения: Рассказы о географических названиях» [Матвеев 1992]. В этом ряду нужно назвать и цикл увлекательнейших топонимических этюдов, которые были написаны А. К. Матвеевым для периодических историко-краеведческих изданий.

В топонимии Урала, которая в данный момент является одной из наиболее подробно описанных в России (благодаря трудам ученого), и топонимии Западной Сибири осталось еще много загадок, которые А. К. Матвеев хотел бы разрешить. В день смерти ученого на его рабочем столе осталась практически законченная рукопись книги «Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала». Монография подготовлена по материалам экспедиций конца 60-х — 70-х гг. XX в. и завершается обобщающим очерком «Мансийская топонимия как лингвистический и историко-этнографический феномен». В настоящий момент книга готовится к публикации сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета.

В одном из юбилейных интервью на вопрос о том, «что хотелось, но не сбылось», Александр Константинович ответил: «Жалею только о том, что не успел собрать мансийскую топонимию на Уральском хребте к северу от истоков Печоры. А еще очень хочется написать книжку впечатлений-размышлений об экспедициях, о дорогах и встречах на Урале, Саянах, Русском Севере». К сожалению, не случилось...

Сокращения

карел. — карельский	Псаам. — прасаамский
русский	саам. — саамский
белоз. — белозерские говоры	сев. — северный диалект
придвин. — придвинские говоры	Kld — кильдинский диалект
прионеж. — прионежские говоры	T — Тер диалект
приб.-фин. — прибалтийско-финские	фин. — финский

Литература

- Аникин 2001 — Аникин А. Е. От чуди до мери (к 75-летию А. К. Матвеева) // ВЯ. 2001, 6. С. 3—12. {Anikin 2001 — Anikin A. E. Ot čudi do meri (k 75-letiju A. K. Matveeva) // VJa. 2001, 6. S. 3—12.}
- Вопросы ономастики 2004 — Вопросы ономастики. 2004, 1 / Ред. Матвеев А. К. Екатеринбург, 2004. {Voprosy onomastiki 2004 — Voprosy onomastiki. 2004, 1 / Red. Matveev A. K. Ekaterinburg, 2004.}
- Вопросы топонимастики 1962 — Вопросы топонимастики: Докл. кружка сравнительно-исторического языкознания. Вып. 1 / Ред. Матвеев А. К. Свердловск, 1962. {Voprosy toponomastiki 1962 — Voprosy toponomastiki: Dokl. kružka sravnitel'no-istoričeskogo jazykoznanija. Vyp. 1 / Red. Matveev A. K. Sverdlovsk, 1962.}
- Доп. СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Ред. Матвеев А. К. Екатеринбург, 1996. {Dop. SRGSU — Slovar' russkix govorov Srednego Urala. Dopolnenija / Red. Matveev A. K. Ekaterinburg, 1996.}
- Матвеев 1958 — Матвеев А. К. К этимологии слова *ваньза* // Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та. Вып. 16. Русский язык и языкознание. Свердловск, 1958. С. 225—230. {Matveev 1958 — Matveev A. K. K etimologii slova *van'za* // Uč. zap. Sverdl. gos. ped. in-ta. Vyp. 16. Russkij jazyk i jazykoznanie. Sverdlovsk, 1958. S. 225—230.}
- Матвеев 1959 — Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. УрГУ. Вып. 32. Языкознание. Свердловск, 1959. {Matveev 1959 — Matveev A. K. Finno-ugorskie zaimstvovanija v russkix govorax Severnogo Urala // Uč. zap. UrGU. Vyp. 32. Jazykoznanie. Sverdlovsk, 1959.}
- Матвеев 1962 — Матвеев А. К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.—Л., 1962. С. 127—142. {Matveev 1962 — Matveev A. K. Novye dannye o finno-ugorskix zaimstvovanijax v russkix govorax Urala i Zapadnoj Sibiri // Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija. M.—L., 1962. S. 127—142.}
- Матвеев 1964а — Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Acad. Sci. Hung. T. 14, f. 3—4. Budapest, 1964. S. 285—315. {Matveev 1964a — Matveev A. K.

Zaimstvovanija iz permskix jazykov v russkix govorax Severnogo i Srednego Urala // *Acta Linguistica Acad. Sci. Hung.* T. 14, f. 3—4. Budapest, 1964. S. 285—315.}

Матвеев 1964б — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ. 1964, 2. С. 64—83. {Matveev 1964b — *Matveev A. K.* Substratnaja toponimika Russkogo Severa // VJa. 1964, 2. S. 64—83.}

Матвеев 1965 — *Матвеев А. К.* Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии // ВЯ. 1965, 6. С. 3—15. {Matveev 1965 — *Matveev A. K.* Nekotorye voprosy lingvističeskogo analiza substratnoj toponimiki // VJa. 1965, 6. S. 3—15.}

Матвеев 1969а — *Матвеев А. К.* Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // *Этимология* 1967. М., 1969. С. 192—200. {Matveev 1969a — *Matveev A. K.* Značenie principa semantičeskoi motivirovannosti dl'a etimologizacii substratnyx toponimov // *Etimologija* 1967. M., 1969. S. 192—200.}

Матвеев 1969б — *Матвеев А. К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ. 1969, 5. С. 42—54. {Matveev 1969b — *Matveev A. K.* Proisxoždenie osnovnyx plastov substratnoj toponimii Russkogo Severa // VJa. 1969, 5. S. 42—54.}

Матвеев 1970 — *Матвеев А. К.* Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. докт. филол. наук (машинопись). М., 1970. {Matveev 1970 — *Matveev A. K.* Russkaja toponimija finno-ugorskogo proisxoždenija na territorii severa Evropejskoj časti SSSR. Dis. dokt. filol. nauk (mašinopis'). M., 1970.}

Матвеев 1972 — *Матвеев А. К.* Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972, 3. С. 76—83. {Matveev 1972 — *Matveev A. K.* Vzaimodejstvie jazykov i metody toponimičeskix issledovanij // VJa. 1972, 3. S. 76—83.}

Матвеев 1973 — *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 332—355. {Matveev 1973 — *Matveev A. K.* Etimologizacija substratnyx toponimov i apell'ativnyje zaimstvovanija // *Etimologija* 1971. M., 1973. S. 332—355.}

Матвеев 1976а — *Матвеев А. К.* Неройки караулят Урал: Путешествие в топонимию. Свердловск, 1976. {Matveev 1976a — *Matveev A. K.* Nerojki karaul'at Ural: Putešestvie v toponimiju. Sverdlovsk, 1976.}

Матвеев 1976б — *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976, 3. С. 58—73. {Matveev 1976b — *Matveev A. K.* Etimologizacija substratnyx toponimov i modelirovanie komponentov toponimičeskix sistem // VJa. 1976, 3. S. 58—73.}

Матвеев 1979 — *Матвеев А. К.* Семь названий на карте Урала. Свердловск, 1979. {Matveev 1979 — *Matveev A. K.* Sem' nazvanij na karte Urala. Sverdlovsk, 1979.}

Матвеев 1984а — *Матвеев А. К.* Духовная культура Урала: Программа исследований на 1986—1990 гг. Свердловск, 1984. {Matveev 1984a — *Matveev A. K.* Duxovnaja kul'tura Urala: Programma issledovanij na 1986—1990 gg. Sverdlovsk, 1984.}

Матвеев 1984б — *Матвеев А. К.* Еще об этимологии этнонима зырянин // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1984. С. 79—90. {Matveev 1984b — *Matveev A. K.* Ešče ob etimologii etnonima zyr'anin // *Etimologičeskije issledovanija*. Sverdlovsk, 1984. S. 79—90.}

Матвеев 1984в — *Матвеев А. К.* От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984. {Matveev 1984v — *Matveev A. K.* Ot Paj-Xoja do Mugodžar: Nazvanija ural'skix xrebtov i gor. Sverdlovsk, 1984.}

Матвеев 1986 — *Матвеев А. К.* Топонимия Урала: Комплексная программа «Духовная культура Урала» на 1986—2000 гг. Свердловск, 1986. {Matveev 1986 — *Matveev A. K.* Toponimija Urala: Kompleksnaja programma "Duxovnaja kul'tura Urala" na 1986—2000 gg. Sverdlovsk, 1986.}

Матвеев 1987 — *Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987. {Matveev 1987 — *Matveev A. K.* Geografičeskije nazvanija Urala: Kratkij toponimičeskij slovar'. Sverdlovsk, 1987.}

Матвеев 1989 — *Матвеев А. К.* Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989, 1. С. 77—85. {Matveev 1989 — *Matveev A. K.* Substratnaja mikrotoponimija kak ob'ekt kompleksnogo regional'nogo issledovanija // VJa. 1989, 1. S. 77—85.}

Матвеев 1990 — *Матвеев А. К.* Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990. {Matveev 1990 — *Matveev A. K.* Veršiny Kamennogo Pojasa: Nazvanija gor Urala. Čel'abinsk, 1990.}

Матвеев 1992 — *Матвеев А. К.* Вверх по реке забвения: Рассказы о географических названиях. Свердловск, 1992. {Matveev 1992 — *Matveev A. K.* Vverx po reke zabvenija: Rasskazy o geografičeskix nazvanijax. Sverdlovsk, 1992.}

Матвеев 1995 — *Матвеев А. К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // ВЯ. 1995, 2. С. 29—42. {Matveev 1995 — *Matveev A. K.* Apell'ativnyje zaimstvovanija i stratifikacija substratnyx toponimov // VJa. 1995, 2. S. 29—42.}

Матвеев 1996а — *Матвеев Александр Константинович.* Библиографический указатель трудов. Екатеринбург, 1996. {Matveev 1996a — *Matveev Aleksandr Konstantinovič.* Bibliografičeskij ukazatel' trudov. Ekaterinburg, 1996.}

Матвеев 1996б — *Матвеев А. К.* К лексикографическому описанию финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // *Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго науч. совещания* (17—19 апреля

1996 г.). Екатеринбург, 1996. С. 31—33. {Matveev 1996b — *Matveev A. K.* K leksikografičeskomu opisaniju finno-ugro-samodijskix zaimstvovanij v govoraх Russkogo Severa // Russkaja dialektnaja etimologija: Tez. dokl. Vtorogo nauč. soveščanija (17—19 aprel'a 1996 g.). Ekaterinburg, 1996. S. 31—33.}

Матвеев 1996в — *Матвеев А. К.* Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6. Материалы I—II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 1996. С. 72—79. {Matveev 1996v — *Matveev A. K.* Novye dannye o neneckix zaimstvovanijax v severnorusskix govoraх // Etimologičeskie issledovanija. Vyp. 6. Materialy I—II nauč. soveščanij po russkoj dialektnoj etimologii. Ekaterinburg, 1996. S. 72—79.}

Матвеев 1996г — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996, 1. С. 3—23. {Matveev 1996g — *Matveev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa i mer'anskaja problema // VJa. 1996, 1. S. 3—23.}

Матвеев 1997а — *Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. {Matveev 1997a — *Matveev A. K.* Geografičeskie nazvanija T'umenskogo Severa. Ekaterinburg, 1997.}

Матвеев 1997б — *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера I // Этимология 1994—1996. М., 1997. С. 125—134. {Matveev 1997b — *Matveev A. K.* Finno-ugorskie zaimstvovanija v govoraх Russkogo Severa I // Etimologija 1994—1996. M., 1997. S. 125—134.}

Матвеев 1998а — *Матвеев А. К.* Мерянская топонимия на Русском Севере — фантом или феномен? // ВЯ. 1998, 5. С. 90—105. {Matveev 1998a — *Matveev A. K.* Mer'anskaja toponimija na Russkom Severe — fantom ili fenomen? // VJa. 1998, 5. S. 90—105.}

Матвеев 1998б — *Матвеев А. К.* Программы специальных курсов для студентов филологического факультета. Екатеринбург, 1998. {Matveev 1998b — *Matveev A. K.* Programmy special'nyx kursov dl'a studentov filologičeskogo fakul'teta. Ekaterinburg, 1998.}

Матвеев 2000 — *Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000. {Matveev 2000 — *Matveev A. K.* Geografičeskie nazvanija Sverdlovskoj oblasti: Toponimičeskij slovar'. Ekaterinburg, 2000.}

Матвеев 2001а — *Матвеев А. К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // ВЯ. 2001, 5. С. 32—59. {Matveev 2001a — *Matveev A. K.* Mer'anskaja problema i lingvističeskoe kartografirovanie // VJa. 2001, 5. S. 32—59.}

Матвеев 2001б — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. {Matveev 2001b — *Matveev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa. Č. I. Ekaterinburg, 2001.}

Матвеев 2001в — Указатель трудов А. К. Матвеева (1996—2001) // Изв. Урал. гос. университета. Вып. 4 (2001, №20). Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2001. С. 266—268. {Matveev 2001v — *Ukazatel' trudov A. K. Matveeva (1996—2001) // Izv. Ural. gos. universiteta. Vyp. 4 (2001, №20). Gumanitarnye nauki. Ekaterinburg, 2001. S. 266—268.}*

Матвеев 2002 — *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера II // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 44—49. {Matveev 2002 — *Matveev A. K.* Finno-ugorskie zaimstvovanija v govoraх Russkogo Severa II // Finno-ugorskoe nasledie v russkom jazyke. Vyp. 2. Ekaterinburg, 2002. S. 44—49.}

Матвеев 2004а — *Матвеев А. К.* Апология имени // Вопросы ономастики. 2004, 1. С. 7—13. {Matveev 2004a — *Matveev A. K.* Apologija imeni // Voprosy onomastiki. 2004, 1. S. 7—13.}

Матвеев 2004б — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004. {Matveev 2004b — *Matveev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa. Č. 2. Ekaterinburg, 2004.}

Матвеев 2007а — *Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2007. {Matveev 2007a — *Matveev A. K.* Geografičeskie nazvanija Sverdlovskoj oblasti: Toponimičeskij slovar'. Ekaterinburg, 2007.}

Матвеев 2007б — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург, 2007. {Matveev 2007b — *Matveev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa. Č. 3. Ekaterinburg, 2007.}

Матвеев 2008 — *Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2008. {Matveev 2008 — *Matveev A. K.* Geografičeskie nazvanija Urala: Toponimičeskij slovar'. Ekaterinburg, 2008.}

МДСФУ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А—И / Ред. *Матвеев А. К.* Екатеринбург, 2004. {MDSFU — *Materialy dl'a slovar'a finno-ugro-samodijskix zaimstvovanij v govoraх Russkogo Severa. Vyp. 1. A—I / Red. Matveev A. K.* Ekaterinburg, 2004.}

Никонов 1964 — *Никонов В. А.* Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 58—86. {Nikonov 1964 — *Nikonov V. A.* Puti toponimičeskogo issledovanija // Principy toponimiki. M., 1964. S. 58—86.}

Ономастика 2005 — Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20—23 сентября 2005 г.) / Ред. *Рут М. Э.* Екатеринбург, 2005. {Onomastika 2005 — *Onomastika v krugu gumanitarnyx nauk: Materialy Meždunar. nauč. konf. (Ekaterinburg, 20—23 sent'abr'a 2005 g.) / Red. Rut M. E.* Ekaterinburg, 2005.}

РДЭ 1991 — Русская диалектная этимология: Тез. докл. Межвуз. науч. конф. (10—12 октября 1991 г.) / Ред. Рум М. Э. Свердловск, 1991. {RDE 1991 — Russkaja dialektnaja etimologija: Tez. dokl. Mežvuz. nauč. konf. (10—12 okt'abr'a 1991 g.) / Red. RUM M. E. Sverdlovsk, 1991.}

РДЭ 1996 — Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго науч. совещания (17—19 апреля 1996 г.) / Ред. Рум М. Э. Екатеринбург, 1996. {RDE 1996 — Russkaja dialektnaja etimologija: Tez. dokl. Vtorogo nauč. soveščanija (17—19 apr'el'a 1996 g.) / Red. RUM M. E. Ekaterinburg, 1996.}

РДЭ 1999 — Русская диалектная этимология: Тез. докл. и сообщ. Третьего науч. совещания (21—23 октября 1999 г.) / Ред. Рум М. Э. Екатеринбург, 1999. {RDE 1999 — Russkaja dialektnaja etimologija: Tez. dokl. i soobšč. Tre't'ego nauč. soveščanija (21—23 okt'abr'a 1999 g.) / Red. RUM M. E. Ekaterinburg, 1999.}

РДЭ 2001 — Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 22—24 октября 2001 г.) / Ред. Рум М. Э. Екатеринбург, 2001. {RDE 2001 — Russkaja dialektnaja etimologija: Materialy IV Meždunar. nauč. konf. (Ekaterinburg, 22—24 okt'abr'a 2001 g.) / Red. RUM M. E. Ekaterinburg, 2001.}

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1— / Ред. Матвеев А. К. Екатеринбург, 2001—. {SGRS — Slovar' govorov Russkogo Severa. T. 1— / Red. Matveev A. K. Ekaterinburg, 2001—.}

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1—7 / Ред. Костина Н. П. (т. 1—2), Матвеев А. К. (т. 3—7). Свердловск, 1964—1987. {SRGSU — Slovar' russkix govorov Srednego Urala. T. 1—7 / Red. Kostina N. P. (t. 1—2), Matveev A. K. (t. 3—7). Sverdlovsk, 1964—1987.}

ФУНРС — Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1—2 / Ред. Матвеев А. К. Екатеринбург, 2000—2002. {FUNRS — Finno-ugorskoe nasledie v russkom jazyke. Vyp. 1—2 / Red. Matveev A. K. Ekaterinburg, 2000—2002.}

ЭИ — Этимологические исследования. Вып. 1—7 / Ред. Матвеев А. К. Свердловск—Екатеринбург, 1981—2001. {EI — Etimologičeskie issledovanija. Vyp. 1—7 / Red. Matveev A. K. Sverdlovsk—Ekaterinburg, 1981—2001.}

ЭОЭ 2009 — Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8—12 сентября 2009 г.) / Ред. Березович Е. Л. Екатеринбург, 2009. {EOE 2009 — Etnolingvistika. Onomastika. Etimologija: Materialy Meždunar. nauč. konf. (Ekaterinburg, 8—12 sent'abr'a 2009 g.) / Red. Berezovič E. L. Ekaterinburg, 2009.}

ЭРДС 1978 — Этимология русских диалектных слов / Ред. Матвеев А. К. Свердловск, 1978. {ERDS 1978 — Etimologija russkix dialektnyx slov / Red. Matveev A. K. Sverdlovsk, 1978.}

Дмитрий Михайлович Насилов
(к 75-летию со дня рождения)

Спасибо судьбе, что наш дорогой коллега Д. М. Насилов встретил свой юбилей, будучи в добром здравии, хоть и предельно загруженным научной и научно-организационной работой. И та же судьба когда-то определила причудливую траекторию его жизненного пути, снабдив его многообразной одаренностью, добротой и душевной открытостью...

Дмитрий Михайлович родился 18 марта 1935 г. в Зарайске, небольшом городке на окраине Московской области, славным разве что своей историей и выходцами из него, которые стали известными лингвистами: это русист Виктор Владимирович Виноградов и востоковед Владимир Михайлович Насилов. В 1953 г. Д. М. Насилов поступил на восточное отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, где специализировался по тюркским языкам — современным (турецкий, узбекский) и древним. Впереди для него была очевидная аспирантура, но в отечественном вузовском востоковедении произошла очередная реформа. В воздухе повисла судьба не только Д. М. Насилова, но и самой кафедры тюркской филологии, так как востоковедению задавался практический профиль — преподавание зарубежных восточных языков.

Однако в 1958 г. Дмитрий Михайлович все же получил направление в Узбекистан, в Самаркандский университет. Фундаментальность образования Д. М. Насилова, которое он получил в Московском университете (знания по общей тюркологии, теории языка, умение работать с памятниками), позволила ему создать курс по древнетюркским памятникам, опубликовать несколько статей о древнетюркском глаголе, а также поработать в области сопоставительной грамматики узбекского и русского языков. И еще одна удача: он попал в научную среду. Д. М. Насилов с благодарностью вспоминает как узбекскую профессуру Самаркандского университета, так и тех ученых, которые нашли приют в Узбекистане во время Великой Отечественной войны и еще продолжали работать там; контакты с этими людьми способствовали его научному росту.

Отъезд в Москву через два года (в 1960 г.) не был бегством: отложенная аспирантура должна была осуществиться, и это был (тоже удача) Институт языкознания АН СССР. Защитив в 1964 г. кандидатскую диссертацию по временам глагола в древнеуйгурском языке [Насилов 1964], Д. М. Насилов вошел в число специалистов, для перечисления которых могло хватить пальцев одной руки. Этой сфере тюркской древности он надолго сохранил верность и является сейчас в Москве единственным специалистом по древнеуйгурскому языку и истории его письменности.

В 60-х гг. ленинградские тюркологи предприняли важную инициативу — издание древнетюркского словаря с учетом материалов словаря В. В. Радлова, продолженного, но не законченного С. Е. Маловым [Радлов 1893]. По приглашению руководства сектора алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Д. М. Насилов переезжает в Ленинград и включается в работу и как автор статей, и как один из четырех редакторов «Древнетюркского словаря» [ДТС 1969]. Этот труд остается до сих пор настольной книгой отечественных и зарубежных тюркологов.

Впоследствии Д. М. Насилов войдет также в коллектив «Этимологического словаря тюркских языков» [ЭСТЯ 1989, 1997, 2000, 2003], работа над которым после смерти его основателя Э. В. Севортына была продолжена группой учеников и коллег (во главе с Л. С. Левитской). Д. М. Насилов принял участие в разработке словарных статей [ЭСТЯ 2003] — таким образом, контакты ученого с московскими коллегами не прерывались.

На наш взгляд, ленинградский период в жизни Д. М. Насилова стал наиболее значимым прежде всего в сфере теоретической тюркологии. В Ленинградском отделении Института языкознания он работал в течение 30 лет, вплоть до 1993 г., из них 10 лет — сотрудником Отдела теоретической грамматики и типологических исследований. Научное окружение (достаточно назвать имена С. Д. Кацнельсона, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, В. С. Храковского, В. М. Павлова и др.) способствовало реализации его теоретических идей.

В этот период выходят в свет публикации Д. М. Насилова (некоторые в соавторстве с В. Г. Гузевым), в которых предлагается новый взгляд на категорию множественного числа в тюркских языках, уточняется понятие грамматической категории, нулевой формы имени существительного, типов изафета в этих языках и др. Его интерес к теории языка особенно проявился в использовании идей функциональной

грамматики при исследовании тюркского глагола. Можно сказать, что в лице Д. М. Насилова формировался новый тип тюрколога, который в границах частного языкознания творчески использовал и внедрял в языковедческий анализ идеи общей лингвистики.

Кроме того, вместе с ленинградскими учеными он участвовал в создании книги «Грамматические концепции в языкознании XIX века» (им написаны разделы о теоретических взглядах О. Н. Бётлингга и В. В. Радлова) [Грамматические концепции 1985]. Здесь следует подчеркнуть, что все историографические статьи Д. М. Насилова соединены между собой идеями о своеобразии становления и последующего развития тюркологии в ее контактах с общим языкознанием, в том числе западноевропейским.

В работах Д. М. Насилова тема глагольных категорий возникла в связи с категорией времени в памятниках, и не только в морфологическом аспекте (что было характерно для описательных грамматик), но и в плане их функционирования в текстах определенной исторической эпохи. В дальнейшем анализ значений глагольных форм с позиций ономаσιологического подхода обнаружил целый ряд проблем, для решения которых ученому потребовалось почти 20 лет исследовательской работы.

Традиционно возник вечный для описательных грамматик тюркских языков вопрос о виде, аналога которого (подобного славянскому виду) в этих языках нет, однако есть признаки, которые связываются с понятием аспекта в общей лингвистике. В работе Д. М. Насилова «О способах выражения видовых значений в алтайских языках» [Насилов 1971] была впервые заявлена тема, связанная с видовыми значениями, и представлено ее типологическое рассмотрение. Очевидно, что следовало найти новый подход для понимания проблемы вида в тюркских языках и рассмотреть систему семантических признаков, скрытых в значении глагольной лексемы.

На материале тюркских языков Д. М. Насилов реализовал концепцию семантического поля аспектуальности, взаимодействия разноуровневых средств в границах поля, специфики их формального выражения (аффиксальные и аналитические). Кроме того, были разграничены собственно видовые по существу значения (предельности и фазовости) и акциональные (способы глагольного действия). В последних были показаны различия качественной и количественной акциональности.

Разным аспектам проблемы видовых значений Д. М. Насилов посвятил около 30 публикаций, и лишь в 1989 г. все это нашло выражение в монографии «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность» [Насилов 1989], на настоящий день наиболее значимой теоретической работе по проблеме вида (аспекта, акционсарта) в тюркских языках. Это исследование стало основой докторской диссертации Д. М. Насилова. В дальнейшем это направление исследования приобрело и типологический характер (сопоставление алтайских языков), что нашло отражение в работе «Акциональность в алтайских языках: типология и “детерминанта”» [Насилов 2006].

Общие проблемы алтаистики также являются важным направлением научной работы Д. М. Насилова: это серия исследований по истории алтаистической концепции — «Проблемы алтаистики и монголоведения» [Проблемы 1975], вопросам алтайской языковой общности — «Тюркологические сборники» [Тюркологический сборник 1974, 1975, 1977, 1978] и «Залоговость в алтайских языках» [Насилов 1999]. Столь же значимыми являются работы Д. М. Насилова типологического направления, включенные в типологические серии: «Результатив в узбекском языке» [Насилов 1983], «Типология итеративных конструкций» [Насилов 1997а], «К типологии уступительных конструкций в узбекском языке» [Насилов 2003], «Эвиденциальность в тюркских языках» [Насилов и др. 2007], «Таксис в тюркских языках» [Насилов и др. 2009] и др.

Значительное место в научных интересах Д. М. Насилова занимают проблемы сравнительно-исторического языкознания, реконструкции, выполненные на материале исследования отдельных категорий, а также целых пластов языка: он участвует в шеститомной плановой работе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», сделанной тюркологами Института языкознания РАН [СИГТЯ 1984, 1987, 1989, 2000, 2002, 2006].

В серии работ, посвященных новым подходам и направлениям в лингвистике в свете задач теоретической тюркологии, ясно проступает определенная «просветительская» цель теоретических исследований Д. М. Насилова. Назовем некоторые из них: «О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков» [Насилов 1997б], «К понятию грамматической категории» [Насилов 1980], «Уровни семантических абстракций и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике» [Насилов 1985], «К соотношению объективной действительности, логики и языка» [Насилов, Маслиева 1985], «По поводу термина “функция” в функциональной грамматике» [Насилов 1995].

Немногие из тюркологов так внимательно, как Д. М. Насилов, изучают жизнь и научное наследство своих предшественников: это А. Н. Кононов, Г. Ф. Благова, Ф. Д. Ашнин. Дмитрию Михайловичу принадлежат публикации о В. В. Радлове, А. Н. Самойловиче, С. Е. Малове, О. Н. Бётлингке, П. М. Мелиоранском, Е. Д. Поливанове, А. Н. Кононове, Н. А. Баскакове, Г. П. Мельникове. В этом ряду две работы Д. М. Насилова имеют совершенно особое значение: это «Репрессивная тюркология» (в соавторстве с Ф. Д. Ашниным и В. М. Алпатовым) [Репрессивная тюркология 2002] и книга-памятник А. Н. Са-

мойловичу [Самойлович 2005], в которой воссозданы и снабжены комментариями основные работы одного из ведущих тюркологов отечественной науки первой трети XX в., отправленного в небытие «репрессивной машиной» и возрожденного из этого небытия Г. Ф. Благовой и Д. М. Насиловым.

После переезда в Ленинград, наряду с работой в Ленинградском отделении Института языкознания АН, Д. М. Насилов преподает на восточном факультете ЛГУ (вплоть до отъезда в Москву) такие спецкурсы, как «Древнетюркские памятники», «Древнеуйгурский язык», «Введение в алтаистику», «Сравнительная грамматика тюркских языков».

В 1993 г. в судьбе Д. М. Насилова вновь происходит перелом: теперь он оставляет Петербург с устроенной и налаженной жизнью и переезжает в Москву — он снова в Московском университете, круг замкнулся. Но не только в университете. Д. М. Насилов начинает работать в новом Институте языков народов России, который был открыт в конце 1992 г. (его возглавлял тогда В. П. Нерознак). В этом Институте при участии Д. М. Насилова был подготовлен и издан энциклопедический справочник «Красная книга языков народов России» [Красная книга 1994], в нем перу Дмитрия Михайловича принадлежит описание языков нескольких малочисленных тюркских народов Сибири и Алтая: как живых, правда, в основном в сфере бытового общения (языки телеутов, челканцев, тувинцев-тоджинцев), так и тех, которые находятся в «группе риска», то есть прямого исчезновения (шорский, чулымский). Д. М. Насилов принял участие и в следующем, связанном с «Красной книгой» издании — «Государственные и титульные языки России» [Языки России 2002], — где представлены сделанные им очерки тувинского, алтайского и хакасского языков.

Этими проблемами Д. М. Насилов занимается и в настоящее время, сотрудничая с Институтом национальных проблем образования при Министерстве образования и науки РФ, который в 1950-е гг. явился одним из организаторов Института национальных школ АПН РСФСР (с 1 августа 1966 г. — АПН СССР), в 1974 г. переименованного в Институт проблем образования. В 1999—2005 гг. Д. М. Насилов руководил секцией Федерального экспертного совета по учебникам родного языка для национальных школ при Министерстве образования.

Был и очень насыщенный, «неспокойный» этап в научном творчестве Д. М. Насилова, когда он участвовал в целом ряде проектов: «Госпрограмма по сохранению языков», «Цели образования в полиэтническом пространстве», «Формирование единого (общего) образовательного пространства», «Концепция модели этнической школы», «Направления модернизации национальной школы регионов Севера», «Проблемы составления типовых программ “Родной язык”», «Проблемы и перспективы развития школьного учебника по родным языкам народов России» и др.

Из недавно вышедших работ Д. М. Насилова хотелось бы выделить «Очерки истории исламской цивилизации» (в соавторстве с И. Г. Добродомовым и А. И. Чайковской) [Очерки 2008], в которых показано влияние арабской лингвистической традиции на грамматические труды тюркского средневековья.

Внимательно разбирая список работ Д. М. Насилова (а их число приближается к тремстам), задумываешься, что выделить, ведь все важно и актуально: и отклики на новые работы коллег, и обзоры происходящих конгрессов и конференций, в которых он регулярно участвует, и отклики на юбилейные даты уже давно ушедших из жизни ученых, в чьем творчестве он всегда усматривает нечто значимое для современной науки, то есть те нити, из которых сплетается традиция и преемственность. Отзывчивость Д. М. Насилова по отношению ко всему, что связано с языком в любом из его проявлений, соотносится с общей талантливостью, склонностью не к «теоретизированию», но уяснению сути любого объекта.

Отличное знание тюркологической проблематики, открытость для обсуждения, способность и готовность делиться своими знаниями обусловили несомненный научный авторитет Д. М. Насилова. Как ученый и главный редактор журнала «Российская тюркология» он стал одной из ведущих фигур отечественной тюркологии. По важности места, которое он занимает в современной отечественной тюркологии, его хотелось бы сравнить, например, с Э. В. Севортьяном, который, кажется, даже не подозревая того, определил в свое время путь в науку для многих молодых коллег.

Когда Дмитрий Михайлович входит в кабинет кафедры тюркской филологии в ИСАА (при МГУ), тут же разливается свет доброты, покоя и мягкой усмешливости. Судьба не ошиблась, снова приведя его в Московский университет, хотя, может быть, на этот раз подумав не о нем, а о нас... Пожелаем дорогому Дмитрию Михайловичу здоровья, благополучия и творческого долголетия.

Литература

Самойлович 2005 — А. Н. Самойлович. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Отв. ред. Благова Г. Ф., Насилов Д. М. М., 2005. {Samojlovič 2005 — A. N. Samojlovič. T'urkskoe jazykoznanie. Filologija. Runika / Otv. red. Blagova G. F., Nasilov D. M. M., 2005.}

Грамматические концепции 1985 — Грамматические концепции в языкознании XIX века / Отв. ред. *Кацнельсон С. Д.* Л., 1985. {Grammatičeskie koncepcii 1985 — Grammatičeskie koncepcii v jazykoznanii XIX veka / Otv. red. *Kacnel'son S. D.* L., 1985.}

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Л., 1969. {DTS 1969 — Drevnet'urkskij slovar' / Red. *Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Teniŝev E. R., Ŗĉerbak A. M.* L., 1969.}

Красная книга 1994 — Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / Ред. *Нерознак В. П.* М., 1994. {Krasnaja kniga 1994 — Krasnaja kniga jazykov narodov Rossii: Enciklopedičeskij slovar'-spravočnik / Red. *Neroznak V. P.* M., 1994.}

Насилов 1964 — *Насилов Д. М.* Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. Дис. канд. филол. наук. М., 1964. {Nasilov 1964 — *Nasilov D. M.* Struktura vremen indikativa v drevneujgurskom jazyke. Dis. kand. filol. nauk. M., 1964.}

Насилов 1971 — *Насилов Д. М.* О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 366—376. {Nasilov 1971 — *Nasilov D. M.* O sposobax vyraženiĵa vidovyx značeniĵ v altajskix jazykax // Problemy obščnosti altajskix jazykov. L., 1971. S. 366—376.}

Насилов 1980 — *Насилов Д. М.* К понятию грамматической категории. 1980. {Nasilov 1980 — *Nasilov D. M.* K pon'atiju grammatičeskoj kategorii. 1980.}

Насилов 1983 — *Насилов Д. М.* Результатив в узбекском языке. 1983. {Nasilov 1983 — *Nasilov D. M.* Rezul'tativ v uzbekskom jazyke. 1983.}

Насилов 1985 — *Насилов Д. М.* Уровни семантических абстракций и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 120—132. {Nasilov 1985 — *Nasilov D. M.* Urovni semantičeskix abstrakcij i sootnoŝenie jazykovoĵ i vneĵazykovoĵ semantiki v funkcional'noj grammatike // Problemy funkcional'noj grammatiki. M., 1985. S. 120—132.}

Насилов 1989 — *Насилов Д. М.* Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л., 1989. {Nasilov 1989 — *Nasilov D. M.* Problemy t'urkskoĵ aspektologii: Akcional'nost'. L., 1989.}

Насилов 1995 — *Насилов Д. М.* По поводу термина «функция» в функциональной грамматике. 1995. {Nasilov 1995 — *Nasilov D. M.* Po povodu termina "funkcija" v funkcional'noj grammatike. 1995.}

Насилов 1997а (1989?) — *Насилов Д. М.* Типология итеративных конструкций. 1997. {Nasilov 1997a — *Nasilov D. M.* Tipologija iterativnyx konstrukcij. 1997.}

Насилов 1997б — *Насилов Д. М.* О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3. М., 1997. С. 70—77. {Nasilov 1997b — *Nasilov D. M.* O dvyx podxodax k kontrastivnoj grammatike t'urkskix jazykov // Voprosy t'urkskoĵ filologii. Vyp. 3. M., 1997. S. 70—77.}

Насилов 1999 — Залоговость в алтайских языках. 1999. {Nasilov 1999 — *Zalogovost' v altajskix jazykax.* 1999.}

Насилов 2003 — *Насилов Д. М.* К типологии уступительных конструкций в узбекском языке. 2003. {Nasilov 2003 — *Nasilov D. M.* K tipologii ustupitel'nyx konstrukcij v uzbekskom jazyke. 2003.}

Насилов 2006 — *Насилов Д. М.* Акциональность в алтайских языках: типология и «детерминанта» // Вопросы тюркской филологии. Вып. 6. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2006. С. 80—90. {Nasilov 2006 — *Nasilov D. M.* Akcional'nost' v altajskix jazykax: tipologija i "determinanta" // Voprosy t'urkskoĵ filologii. Vyp. 6. Materialy Dmitrievskix čtenij. M., 2006. S. 80—90.}

Насилов и др. 2007 — *Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. В., Шенцова И. В.* Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 469—518. {Nasilov i dr. 2007 — *Isxakova X. F., Nasilov D. M., Nevskaja I. V., Ŗencova I. V.* Evidencial'nost' v t'urkskix jazykax // Evidencial'nost' v jazykax Evropy i Azii. SPb., 2007. S. 469—518.}

Насилов и др. 2009 — *Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. В.* Таксис в тюркских языках // Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 750—802. {Nasilov i dr. 2009 — *Isxakova X. F., Nasilov D. M., Nevskaja I. V.* Taksis v t'urkskix jazykax // Tipologija taksisnyx konstrukcij. M., 2009. S. 750—802.}

Насилов, Маслиева 1985 — *Маслиева О. В., Насилов Д. М.* К соотношению объективной действительности, логики и языка // Логика и язык. М., 1985. С. 96—101. {Nasilov, Maslieva 1985 — *Maslieva O. V., Nasilov D. M.* K sootnoŝeniju ob'ektivnoj dejstvitel'nosti, logiki i jazyka // Logika i jazyk. M., 1985. S. 96—101.}

Очерки 2008 — *Добродомов И. Г., Насилов Д. М., Чайковская А. И.* Очерки истории исламской цивилизации. 2008. {Očerki 2008 — *Dobrodomov I. G., Nasilov D. M., Čajkovskaja A. I.* Očerki istorii islamskoĵ civilizacii. 2008.}

Проблемы 1975 — Проблемы алтаистики и монголоведения / Ред. *Цинциус В. И.* М., 1975. {Problemy 1975 — Problemy altaistiki i mongolovedeniĵa / Red. *Cincius V. I.* M., 1975.}

Радлов 1893 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Гласные. М., 1893. {Radlov 1893 — *Radlov V. V.* Opyt' slovar'a t'urkskix narėčij. T. I. Glasnye. M., 1893.}

Репрессированная тюркология 2002 — *Алпатов В. М., Ашнин Ф. Д., Насилов Д. М.* «Репрессированная» тюркология. М., 2002. {Repressirovannaja t'urkologija 2002 — *Alpatov V. M., Aŝnin F. D., Nasilov D. M.* "Repressirovannaja" t'urkologija. M., 2002.}

СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1984. {SIGTJa 1984 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Fonetika / Red. *Tenišev E. R. M.*, 1984.}

СИГТЯ 1987 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1987. {SIGTJa 1987 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Sintaksis / Red. *Tenišev E. R. M.*, 1987.}

СИГТЯ 1989 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1989. {SIGTJa 1989 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Red. *Tenišev E. R. M.*, 1989.}

СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2000. {SIGTJa 2000 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Red. *Tenišev E. R. M.*, 2000.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002. {SIGTJa 2002 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Red. *Tenišev E. R. M.*, 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Ред. *Тенишев Э. Р.*, *Дыбо А. В. М.*, 2006. {SIGTJa 2006 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Red. *Tenišev E. R.*, *Dybo A. V. M.*, 2006.}

Тюркологический сборник 1974 — Тюркологический сборник — 1974. Памяти А. Н. Самойловича / Ред. *Кононов А. Н. М.*, 1978. {T'yrkologičeskij sbornik 1974 — T'yrkologičeskij sbornik — 1974. Pam'ati A. N. Samojloviča / Red. *Kononov A. N. M.*, 1978.}

Тюркологический сборник 1975 — Тюркологический сборник — 1975. Памяти С. Е. Малова / Ред. *Кононов А. Н. М.*, 1978. {T'yrkologičeskij sbornik 1975 — T'yrkologičeskij sbornik — 1975. Pam'ati S. E. Malova / Red. *Kononov A. N. M.*, 1978.}

Тюркологический сборник 1977 — Тюркологический сборник — 1977 / Ред. *Кононов А. Н. М.*, 1981. {T'yrkologičeskij sbornik 1977 — T'yrkologičeskij sbornik — 1977 / Red. *Kononov A. N. M.*, 1981.}

Тюркологический сборник 1978 — Тюркологический сборник — 1978 / Ред. *Кононов А. Н. М.*, 1984. {T'yrkologičeskij sbornik 1978 — T'yrkologičeskij sbornik — 1978 / Red. *Kononov A. N. M.*, 1984.}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Ред. *Севортян Э. В.*, *Левитская Л. С. М.*, 1989. {ESTJa 1989 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Ž”, “Ž”, “J” / Red. *Sevort'an E. V.*, *Levitskaja L. S. M.*, 1989.}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 1997. {ESTJa 1997 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “K”, “Q” / Red. *Levitskaja L. S. M.*, 1997.}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 2000. {ESTJa 2000 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Q” / Red. *Levitskaja L. S. M.*, 2000.}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 2003. {ESTJa 2003 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “L”, “M”, “N”, “P”, “S” / Red. *Levitskaja L. S. M.*, 2003.}

Языки России 2002 — Государственные и титульные языки России / Ред. *Нерознак В. П. М.*, 2002. {Jazyki Rossii 2002 — Gosudarstvennye i titul'nye jazyki Rossii / Red. *Neroznak V. P. M.*, 2002.}

Людмила Васильевна Хомич

23 февраля 2011 г. на 90-м году ушла из жизни Людмила Васильевна Хомич — известный сибиревед, выдающийся исследователь, один из крупнейших в стране (и, пожалуй, в мире) специалистов по проблемам этнической истории и культуры ненцев. Однажды смерть уже хотела забрать ее — в экспедиции на Ямале Людмила Васильевна чуть не утонула в Оби. Ненцы удивлялись, как *ид'ерв* («хозяин воды») отпустил ее.

Людмила Васильевна Хомич (урожд. Васильева) родилась в 1921 г. в местечке Парголово под Петроградом в семье библиотекаря и воспитательницы детского дома. Вскоре их семья переехала в Петроград и поселилась на набережной р. Мойки, в старом доме, примыкавшем к бывшему дворцу князей Юсуповых. Атмосфера живой старины, создаваемая Юсуповским дворцом и другими памятниками в самом сердце города, рядом с которыми росла Людмила Васильевна, сыграла немалую роль в формировании личности будущего ученого.

Л. В. Хомич — одна из последних участников зарождения советского североведения. В 1939 г. после окончания школы она поступила в Ленинградский государственный университет. Первоначально в ее планах была сдача экзаменов на английское отделение филологического факультета, но на «Дне открытых дверей» под влиянием выступлений заведующего этнографическим отделением И. Н. Винникова и североведа Г. Н. Прокофьева она изменила свое решение. Выбор был сделан в пользу специальности «этнография народов Севера» (в 1939 г. на этнографическое отделение принимали только по специальностям «народы Севера» и «народы Средней Азии»). Именно тогда Л. В. Хомич выбрала народы Севера, о чем, по ее словам, впоследствии никогда не жалела.

Ненецкому языку, не только обиходно-разговорному, но и грамматике, студентов-этнографов обучали Г. Н. Прокофьев и Г. Д. Вербов (в то время язык изучаемого народа входил в список обязательных предметов на отделении этнографии). Г. Д. Вербов великолепно знал разговорный ненецкий язык и затратил немало труда, чтобы его студенты овладели им как можно лучше. Сам этнограф по специальности, он написал грамматический очерк лесного диалекта ненецкого языка на основе собранного экспедиционного материала. Сравнительную грамматику самодийских языков преподавал Г. Н. Прокофьев.

Их ученица Л. В. Хомич так легко пользовалась разговорным ненецким языком, что ее стали называть «этнографом из Ленинграда, говорящим по-ненецки». Студентам курса, на котором она училась, читали лекции такие преподаватели этнографического отделения, как С. В. Иванов, А. А. Попов, И. Н. Винников, В. В. Гинзбург, Д. К. Зеленин и др., уже тогда бывшие известными учеными, сотрудниками Института этнографии АН СССР.

На лето 1942 г. Г. Д. Вербов планировал поездку со студентами в тундру — для обучения их работе в полевых условиях. Но в июне 1941 г. началась война, а осенью Ленинград оказался во вражеской блокаде. Г. Д. Вербов ушел добровольцем на фронт, некоторое время продолжались занятия с Г. Н. Прокофьевым, которого не взяли на фронт из-за астмы, — он не поехал в эвакуацию с семьей.

Дневник, который вела Людмила Васильевна в это время, сохранил свидетельства стойкости и мужества студентов блокадного Ленинграда: «19 октября 1941. Я все дежурю в университете и занимаюсь. Заниматься трудно. Не потому, что холодно и мы сидим в аудиториях в пальто, часто с пустыми желудками, что в чернильницах замерзают чернила, что половины предметов мы не слушаем, потому что преподаватели на фронте или в ополчении. Трудно потому, что нам все время кажется, что мы делаем не то, что сейчас нужно... Вчера, когда мы заговорили об этом с деканом, он сказал резко: “Считайте себя мобилизованными на учебу. Когда война кончится, с вас спросят за эти годы”... Дежурства у нас ночные. В одной из комнат первого этажа главного здания стоят наши койки. Тут спят те из нас, кто свободен от непосредственного дежурства на боевом посту... Мы на казарменном положении» [Хомич 2005б: 68].

«30 ноября 1941. Хлеба стало по 125 граммов. Неужели нам придется умереть от голода? Вообще возможностей умереть больше, чем нужно: налеты каждый день, обстрелы — тоже... На днях ходили на раскопки нашего общежития на Васильевском. Весь корпус разрушен... Много жертв. Мы почти до ночи копали» [Хомич 2005б: 70].

В январе 1942 г. от голода скончался Г. Н. Прокофьев, а в марте университет был эвакуирован в Саратов. Из-за болезни матери Людмила Васильевна, сама страдавшая цингой и дистрофией, уехать не смогла. Она поступила работать в 5-й детский дом Октябрьского района (на Театральной площади), где работала ее мать. С работой в блокадном детском доме связаны тяжелые испытания и воспоминания. В июне 1942 г. детдом, а вместе с ним Людмила Васильевна и ее мать были эвакуированы в Куйбышевскую область. В эвакуации они прожили до лета 1944 г., а потом переехали в Самарканд, где проходил службу ее отец.

В 1944 г. университет вернулся в Ленинград, возобновились занятия. Стали очевидны невосполнимые потери среди преподавателей (в числе погибших на фронте был Г. Д. Вербов) и студентов, многие из которых погибли на фронте, умерли в блокаду или поменяли специальность. Из студентов, занимавшихся этнографией самодийских народов, к занятиям приступила одна Л. В. Хомич.

Оставшиеся позади испытания в блокадном Ленинграде и близившееся окончание войны вызывали тогда во многих людях прилив энтузиазма, жажду жизни и трудовых свершений на благо своей страны, что во многом предопределило их дальнейшую судьбу. Тогда Л. В. Хомич решила продолжить дело, не заверенное Г. Н. Прокофьевым и Г. Д. Вербовым, — написать обобщающую работу о ненцах.

Людмила Васильевна вернулась на третий курс, год занималась селькупским языком с вдовой Г. Н. Прокофьева — Е. Д. Прокофьевой. По ненецкому языку она консультировалась у Н. М. Терещенко, читала литературу, работала в архивах, знакомилась с коллекциями музеев. В 1947 г. Л. В. Хомич окончила восточный факультет университета (после войны отделение этнографии перешло к восточному факультету) и осталась в аспирантуре.

Будучи аспиранткой, в 1949 г. она впервые поехала на Север, в Малоземельскую тундру, вместе с Зинаидой Николаевной Куприяновой, известным специалистом по ненецкому фольклору. В поселке Нельмин Нос экспедиция записывала фольклорные тексты, Л. В. Хомич также собирала материал по культуре и быту малоземельских ненцев для своей работы, посвященной положению ненецкой женщины и освещению ее роли в хозяйственной, общественной и семейной сферах до и после революции. Кандидатскую диссертацию на эту тему Л. В. Хомич защитила в марте 1951 г. [Хомич 1951], уже работая преподавателем этнографии народов Севера и ненецкого языка в Педагогическом институте им. А. И. Герцена.

В эти годы (1950—1953 гг.) она, не оставляя своей юношеской мечты о писательском творчестве, посещала в Доме писателя литературный семинар Вс. А. Рождественского, на котором бывали также В. Пикуль, А. Володин, В. Каневский, С. Воронин и др. Справляться с такой большой нагрузкой — писать диссертацию, преподавать, воспитывать маленькую дочь, родившуюся в 1951 г., и посещать литературный семинар — помогали Людмиле Васильевне ее целеустремленность и упорство.

В 1950—1956 гг. Л. В. Хомич работала на отделении народов Крайнего Севера Педагогического института им. А. И. Герцена. Позднее она говорила, что работа в пединституте дала ей очень много — она занималась со студентами, приехавшими из разных районов (Ненецкий округ, север Ямала, низовья Енисея), носителями разных говоров ненецкого языка. И хотя иногда бывало трудно, ведь ненецкий язык для Л. В. Хомич не был родным, она ладила со студентами и курсантами (тогда при институте было подготовительное отделение для 8-го, 9-го и 10-го классов), которые узнавали от нее, часто впервые, о грамматике ненецкого языка, учились грамотно писать на родном языке и делать переводы произведений русских писателей на ненецкий. Сама же она совершенствовала разговорную ненецкую речь и уточняла особенности разных говоров.

В годы работы Л. В. Хомич в пединституте учились многие ненцы, которые стали впоследствии писателями, работниками просвещения, общественными деятелями и музейными сотрудниками; многие из них защитили кандидатские и даже докторские диссертации: это Василий Ледков, Алексей Пичков, Александр Канюков, Елена Сусой, Мария Бармич, Геннадий Пуйко, Елена Талеева (Ледкова), Валентина Ханзерова, Лидия Яндо (Яр), Мирон Ямкин, Вера Саблина (Ямкина), Людмила Бобрикова, Любовь Комарова-Ненянг, Петр Лаптандер и др.

Помимо ненцев, практически владевших родным языком, приезжали из городов и селений ненецких округов учащиеся, не говорившие по-ненецки — ненцы, коми и русские. С ними Людмила Васильевна не только занималась грамматикой, но и разбирала основы разговорной речи, а без хотя бы элементарных пособий по грамматике и лексике ненецкого языка сделать это было невозможно. Первым самостоятельным опытом Л. В. Хомич в этой области явился составленный ею маленький ненецко-русский словарь для начальной школы [Хомич 1954]. Примерно в это же время началась работа авторского коллектива, в состав которого входила и Л. В. Хомич, над учебным пособием по ненецкому языку для педагогических училищ [Ненецкий язык 1957].

С октября 1953 г. до конца 1954 г., заменяя Л. В. Беликова, освобожденного для работы над диссертацией, Л. В. Хомич исполняла обязанности декана факультета народов Севера. В том же 1954 г. ей было присвоено звание доцента.

В 1956 г. Л. В. Хомич перешла на работу в Институт этнографии АН СССР, где проработала в секторе этнографии Сибири 35 лет — вплоть до выхода на пенсию в 1991 г. Ее коллегами по сектору были Л. П. Потапов, А. А. Попов, С. В. Иванов, И. С. Вдовин, Е. Д. Прокофьева, Е. А. Алексеенко, В. П. Дьяконова, Г. Н. Грачева, Ч. М. Таксами, Г. М. Василевич и др. В Институте этнографии Л. В. Хомич работала над монографическим исследованием «Ненцы», которое было призвано охватить основной круг вопросов, связанных с историей и современной жизнью ненцев, ведь, несмотря на имеющуюся литературу по различным вопросам, сводной работы еще не было.

Написанию этого труда предшествовала большая собирательская работа на местах. В 1958 г. Л. В. Хомич поехала в новые для себя районы: на полуостров Канин Нос и в Тиманскую тундру, в поселки Шойна, Кия, Несь, Индига и Нижняя Пёша. В сборе материала ей помогала Л. Ф. Бобрикова, тогда студентка ЛГПИ им. А. И. Герцена, уроженка этих мест.

Параллельно с написанием текста монографии Л. В. Хомич продолжала собирать материал и в других районах расселения ненцев. В 1962 г. состоялась экспедиция в Ямало-Ненецкий округ, где она посетила Тазовский район. Во время этой экспедиции Л. В. Хомич пользовалась поддержкой студентов ЛГПИ им. А. И. Герцена Мирона и Веры Ямкиных, уроженцев этих мест. Затем на пароходе она поднялась вверх по реке Пур для знакомства с группой лесных ненцев (*пян хасава*), в Тарко-Сале ей оказали большую помощь работавшие в то время там Елена Сусой и Леонид Лапцуй. Затем Людмила Васильевна поехала в Надымский район, где изучала особенности культуры надымских ненцев; содействие в этом ей оказала Н. К. Салиндер. В 1964 г. состоялась поездка в Нарьян-Мар и западную часть Большеземельской тундры.

Оленеводы, рыбаки, домохозяйки, старые и молодые ненцы всюду доброжелательно относились к работе Л. В. Хомич — рассказывали о своей жизни, щедро делились своими знаниями, разрешали зарисовывать и фотографировать предметы быта, сами соглашались фотографироваться. Все это впоследствии способствовало достоверному иллюстрированию текста монографии. Ненцев, конечно, привлекало и то, что Л. В. Хомич говорила на их родном языке.

В 1966 г. состоялась экспедиция на Ямал (населенные пункты Яр-Сале, Новый Порт, Аксарка, Белоярск, Ныда), в которой помимо Л. В. Хомич участвовали также этнограф Г. Н. Грачева и археолог Л. П. Хлобыстин. В этом же году вышла в свет работа Л. В. Хомич «Ненцы. Историко-этнографические очерки» [Хомич 1966]. В этом обобщающем труде впервые были собраны воедино сведения, касающиеся не только расселения и численности различных групп ненцев, их хозяйственных занятий и материальной культуры, но и их общественных отношений, духовной культуры и религиозных представлений.

В этой книге Л. В. Хомич подробно описала весь комплекс занятий, связанных с оленеводством, охотой и рыболовством: привела половозрастную классификацию оленей, коснулась круглогодичного оленеводческого хозяйственного цикла, проанализировала разные способы ловли зверей, птиц, морских животных и рыб (с приведением соответствующих названий на ненецком языке). Кроме того, Л. В. Хомич сделала описание орудий и «техники» в домашнем производстве, жилища и домашней утвари, пищи и посуды ненцев, а также привела исчерпывающие сведения, касающиеся ненецких средств передвижения. В работе также подробно проанализированы особенности женской, мужской и детской, зимней и летней одежды, украшений ненцев.

В работе «Ненцы. Историко-этнографические очерки» [Хомич 1966] Л. В. Хомич рассмотрела также брачные и семейные отношения ненцев, описала их космогонические и анимистические представления,

религиозные обряды и культовые действия, тотемизм и шаманство, охарактеризовала отношения христианства и традиционных верований. Интерес представляют также собранные ею данные по традиционной этике, изобразительному искусству и фольклору ненцев.

Кроме того, в своем обобщающем труде Л. В. Хомич выделила «южные» и «северные» компоненты в ненецкой традиционной культуре, коснулась проблемы этногенеза ненцев, иноэтнического влияния и арктического субстрата. Она впервые затронула вопрос о связи традиционной культуры ненцев и современности, формировании национального самосознания на рубеже веков, а также упомянула о проблеме сохранения традиционной культуры ненцев в условиях промышленного освоения Севера, проблеме школы и вопросах, связанных с языковой ситуацией в регионе.

Работа Л. В. Хомич «Ненцы. Историко-этнографические очерки» [Хомич 1966] является по существу «энциклопедией» кочевой жизни ненцев-оленьеводов. В ней наряду с систематизацией имеющихся в литературе сведений содержатся новые полевые данные по культуре ненцев, затронуты современные, актуальные проблемы этого народа.

Уже 40 лет студенты-ненцы пользуются этой работой, приступая к изучению истории и этнографии своего народа. О востребованности книги и ее качестве говорит факт переиздания отредактированного и дополненного варианта спустя 30 лет (в 1995 г.) — «Ненцы. Очерки традиционной культуры» [Хомич 1995] (издание осуществлено при поддержке Управления культуры при Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа). Почти одновременно вышел научно-популярный вариант для школ и научно-просветительских учреждений — «Ненцы» [Хомич 1994]. В 2003 г. издательство учебной литературы «Дрофа (СПб.)» выпустило доработанную книгу еще раз [Хомич 2003а].

В 1976 г. вышла вторая книга Л. В. Хомич «Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев» [Хомич 1976]. Материал для этого исследования собирался во время экспедиций и поездок: в 1968 г. в поселки Нельмин Нос и Красное; в 1971 г. в оленсовхоз в районе Воркуты, на Ямал, в северные районы Коми АССР (на р. Усть-Усу, р. Колву); в 1973 г. в Ловозерский район Мурманской области; в 1975 г. в некоторые районы Ненецкого автономного округа.

Научная деятельность Людмилы Васильевны была очень многогранна и плодотворна, ее работы стали отечественной классикой в области этнографии. В «доброй сотне» научных публикаций Л. В. Хомич всесторонне рассматриваются духовная и материальная культура, образ жизни, история, этногенез и межэтнические взаимодействия ненцев. Немало внимания уделено социальной жизни и демографии ненцев, вопросам социалистического строительства на территориях их проживания, проблемам регионального развития, становления школьного и просветительского дела у ненцев [Хомич 2002в].

Л. В. Хомич интересовали и языковые проблемы, особенно вопросы, связанные с созданием ненецкого литературного языка и его использованием [Хомич 2003б]. При этом она опиралась как на традиции народа, так и на творческий потенциал ненцев [Хомич 2003б: 14—16; Хомич 2003в: 39—42].

Еще в 30-е гг. XX в. известным тюркологом-«полевиком» Н. К. Дмитриевым было установлено, что полевой сбор диалектного материала младописьменных языков по своей методике тесно связан с аналогичным изучением фольклора [Дмитриев 1934; Благова 2001: 244]. Этот факт подтверждается и полевой практикой Л. В. Хомич: она выступает и как собиратель «широкого профиля», и как публикатор-комментатор фольклорных текстов в таких фундаментальных изданиях, как академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Хомич 2001].

Значимы труды Л. В. Хомич по этнографическому описанию ряда народов Севера и Западной Сибири. Помимо глав в разделе «Ненцы» (в томе «Народы Западной Сибири») [Хомич 2005а] ее перу принадлежат монографии «Саамы» [Хомич 1999] и «Нганасаны» [Хомич 2000], выпущенные издательством «Просвещение». Кроме того, Л. В. Хомич — автор статей о коми, лесных ненцах и селькупях; она участвовала в создании коллективного труда «Тазовские селькупы» [Тазовские селькупы 2002].

В поле зрения Л. В. Хомич находилась история этнографии Сибири, в частности, ею опубликованы воспоминания об известных ученых, с которыми свела ее судьба в студенческие годы, на педагогическом поприще или во время работы в Институте этнографии АН СССР: А. А. Попове, Г. Н. Прокофьеве, Е. Д. Прокофьевой [Хомич 2002а], Г. Д. Вербове [Хомич 2004б: 75—82], — а также очерк о Н. А. Котовщиковой, погибшей на Ямале в 1928 г. [Хомич 2002б]. Заслуги ученого-североведа Л. В. Хомич признаны в России и за рубежом, ее вклад в науку трудно переоценить¹.

В последние годы жизни Л. В. Хомич воплотила мечты о литературном творчестве: это воспоминания о ее предвоенной и военной юности, наблюдения этнографа [Хомич 2003г; Хомич 2006]. Людмила Васильевна была творческим человеком: она сполна реализовала себя в науке, обществе, семье и даже в литературе. Она не просто изучала этнографию народа, она «обожала своих ненцев», жила их жизнью, и

¹ Список опубликованных работ Л. В. Хомич дан в статьях [Список 2002] и [Степанова 2006].

они отвечали ей взаимностью: издания ее последних книг, в том числе художественных, финансировались Администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа.

В предисловии к книге «Любовь и смерть шли рядом» [Хомич 2005б] сказано: «Ученый, столько сделавший для изучения Севера, показала нам, что талантливый человек талантлив во всем»...

Спасибо Вам, Людмила Васильевна.

© 2011

Отдел Сибири МАЭ РАН,
Институт народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена,
отдел «Языки народов России» ИЛИ РАН

Фотографии публикации взяты из архива МАЭ РАН,
использованы материалы интервью с Л. В. Хомич [Степанова 2006].

Литература

Благова 2001 — Благова Г. Ф. Научное наследие Н. К. Дмитриева в архиве РАН (обзор) // Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М., 2001. С. 227—254. {Blagova 2001 — Blagova G. F. Naučное nasledie N. K. Dmitrieva v arxive RAN (obzor) // Nikolaj Konstantinovič Dmitriev: K 100-letiju so dn'a roždenija. M., 2001. S. 227—254.}

Дмитриев 1934 — Дмитриев Н. К. О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора // Экономика и культура Крыма. 1934, 9—12. С. 28—41. {Dmitriev 1934 — Dmitriev N. K. O metodike izučenija krymsko-tatarskix dialektov i fol'klora // Ekonomika i kul'tura Kryma. 1934, 9—12. S. 28—41.}

Ненецкий язык 1957 — Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ / Ред. Куприянова З. Н., Щербакова А. М., Хомич Л. В. Л., 1957. {Neneckij jazyk 1957 — Neneckij jazyk: Učebное posobie dl'a pedagogičeskix učilišč / Red. Kuprijanova Z. N., Ščerbakova A. M., Xomič L. V. L., 1957.}

Ненецкий язык 1985 — Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ / Ред. Куприянова З. Н., Бармич М. Я., Хомич Л. В. Л., 1985. {Neneckij jazyk 1985 — Neneckij jazyk: Učebное posobie dl'a pedagogičeskix učilišč / Red. Kuprijanova Z. N., Barmič M. Ja., Xomič L. V. L., 1985.}

Список 2002 — Список основных работ к. и. н. Л. В. Хомич (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2002, 1. С. 188—190. {Spisok 2002 — Spisok osnovnyx rabot k. i. n. L. V. Xomič (k 80-letiju so dn'a roždenija) // Etnografičeskoe obozrenie. 2002, 1. S. 188—190.}

Степанова 2006 — Степанова О. Б. Мы — поколение энтузиастов: к 85-летию Л. В. Хомич // Культурологические исследования в Сибири. 2006, 3 (20). С. 5—10. {Stepanova 2006 — Stepanova O. B. My — pokolenie entuziastov: k 85-letiju L. V. Xomič // Kul'turologičeskie issledovanija v Sibiri. 2006, 3 (20). S. 5—10.}

Тазовские селькупы 2002 — Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры / Ред. Хомич Л. В. СПб., 2002. {Tazovskie sel'kupy 2002 — Tazovskie sel'kupy: Očerki tradicionnoj kul'tury / Red. Xomič L. V. SPb., 2002.}

Хомич 1951 — Хомич Л. В. Ненецкая женщина до и после Великой Октябрьской социалистической революции. Дис. канд. истор. наук. М., 1951. {Xomič 1951 — Xomič L. V. Neneckaja ženščina do i posle Velikoj Okt'abr'skoj socialističeskoj revol'ucii. Dis. kand. istor. nauk. M., 1951.}

- Хомич 1954 — Хомич Л. В. Ненецко-русский словарь: для начальной школы. Л., 1954. {Хомич 1954 — Хомич L. V. Nenecko-russkij slovar': dl'a načal'noj školy. L., 1954.}
- Хомич 1966 — Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. Л., 1966. {Хомич 1966 — Хомич L. V. Nency: Istoriko-etnografičeskie očerki. L., 1966.}
- Хомич 1976 — Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. {Хомич 1976 — Хомич L. V. Problemy etnogeneza i etničeskoj istorii nencev. L., 1976.}
- Хомич 1994 — Хомич Л. В. Ненцы. СПб., 1994. {Хомич 1994 — Хомич L. V. Nency. SPb., 1994.}
- Хомич 1995 — Хомич Л. В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. {Хомич 1995 — Хомич L. V. Nency: Očerki tradicionnoj kul'tury. SPb., 1995.}
- Хомич 1999 — Хомич Л. В. Саамы. СПб., 1999. {Хомич 1999 — Хомич L. V. Saamy. SPb., 1999.}
- Хомич 2000 — Хомич Л. В. Нганасаны. СПб., 2000. {Хомич 2000 — Хомич L. V. Nganasany. SPb., 2000.}
- Хомич 2001 — Хомич Л. В. Фольклор ненцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23. Новосибирск, 2001. {Хомич 2001 — Хомич L. V. Fol'klor nencev // Pam'atniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 23. Novosibirsk, 2001.}
- Хомич 2002а — Хомич Л. В. Е. Д. Прокофьева — исследователь культуры и быта селькупов: О формировании селькупов и их культуры // Тазовские селькупы. СПб., 2002. {Хомич 2002а — Хомич L. V. E. D. Prokof'eva — isledovatel' kul'tury i byta sel'kupov: O formirovanii sel'kupov i ix kul'tury // Tazovskie sel'kupy. SPb., 2002.}
- Хомич 2002б — Хомич Л. В. Н. А. Котовщикова — исследователь культуры и быта ненцев // Этническое единство и специфика культур: Материалы первых Сибирских этнографических чтений. СПб., 2002. С. 127—130. {Хомич 2002б — Хомич L. V. N. A. Kotovščikova — issledovatel' kul'tury i byta nencev // Etničeskoe edinstvo i specifika kul'tur: Materialy pervyx Sibirskix etnografičeskix čtenij. SPb., 2002. S. 127—130.}
- Хомич 2002в — Хомич Л. В. Традиционная культура и современность // Научный вестник. Вып. 9. Актуальные проблемы археологии и этнологии Ямала. Салехард, 2002. С. 31—32. {Хомич 2002в — Хомич L. V. Tradicionnaja kul'tura i sovremennost' // Naučnyj vestnik. Вып. 9. Aktual'nye problemy arheologii i etnologii Jamala. Salexard, 2002. S. 31—32.}
- Хомич 2003а — Хомич Л. В. Ненцы: Народы Севера Российской Федерации. СПб., 2003. {Хомич 2003а — Хомич L. V. Nency: Narody Severa Rossijskoj Federacii. SPb., 2003.}
- Хомич 2003б — Хомич Л. В. Создание и использование ненецкого литературного языка // Материалы научно-практической конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа». Нарьян-Мар, 2003. С. 14—16. {Хомич 2003б — Хомич L. V. Sozdanie i ispol'zovanie neneckogo literaturnogo jazyka // Materialy naučno-praktičeskoj konferencii "Neneckaja pis'mennost' i razvitie nacional'nyx tradicij naroda". Nar'jan-Mar, 2003. S. 14—16.}
- Хомич 2003в — Хомич Л. В. О некоторых проблемах, связанных с развитием творческого потенциала ненцев // Творческий потенциал народов Севера в XXI веке: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2003. С. 39—42. {Хомич 2003в — Хомич L. V. O nekotoryx problemax, sv'azannyx s razvitiem tvorčeskogo potenciala nencev // Tvorčeskij potencial narodov Severa v XXI veke: Materialy Vserossijskoj naučno-praktičeskoj konferencii. SPb., 2003. S. 39—42.}
- Хомич 2003г — Хомич Л. В. Страницы блокадного дневника // Из истории Кунсткамеры (1941—1942 гг.). СПб., 2003. С. 191—201. {Хомич 2003г — Хомич L. V. Stranicy blokadnogo dnevnika // Iz istorii Kunstkamery (1941—1942 gg.). SPb., 2003. S. 191—201.}
- Хомич 2004а — Хомич Л. В. Рецензия на: Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири // Этнографическое обозрение. 2004, 12. {Хомич 2004а — Хомич L. V. Recenzija na: Koz'min V. A. Olenevodčeskaja kul'tura narodov Zapadnoj Sibiri // Etnografičeskoe obozrenie. 2004, 12.}
- Хомич 2004б — Хомич Л. В. Г. Д. Вербов — исследователь традиционной культуры и языка ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы пятых Сибирских чтений (Санкт-Петербург, 2002). Ч. 1. СПб., 2004. С. 75—82. {Хомич 2004б — Хомич L. V. G. D. Verbov — issledovatel' tradicionnoj kul'tury i jazyka nencev // Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy p'atyx Sibirskix čtenij (Sankt-Peterburg, 2002). Č. 1. SPb., 2004. S. 75—82.}
- Хомич 2005а — Хомич Л. В. Ненцы: Материальная культура. Семейная обрядность. Мировоззрение и культы. Духовная культура // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 425—450, 460—485. {Хомич 2005а — Хомич L. V. Nency // Narody Zapadnoj Sibiri. M., 2005. S. 425—450, 460—485.}
- Хомич 2005б — Хомич Л. В. Любовь и смерть шли рядом. Салехард, 2005. {Хомич 2005б — Хомич L. V. L'ubov' i smert' šli r'adom. Salexard, 2005.}
- Хомич 2006 — Хомич Л. В. В те далекие годы (воспоминания преподавателя) // Север. Северяне. Североведы. СПб., 2006. {Хомич 2006 — Хомич L. V. V te dalekie gody (vospominanija prepodavatel'a) // Sever. Sever'ane. Severovedy. SPb., 2006.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Приводимый на с. 122—123 список сокращений относится **ко всему журналу** (соответственно, эти сокращения не нужно расшифровывать в отдельных статьях).

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or *spacing* for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.
Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

The list of abbreviations on p. 122—123 is valid **for the entire volume** (so they have not to be itemised in the reference lists of the individual articles).

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gesamplemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helinski 2007 — *Helinski E.* База данных энецкого языка // www.helinski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб
  - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб
  - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб
  - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб
- Агентствам предоставляется скидка 20%

Для частных лиц

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €
  - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €
  - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €
  - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:**for CIS countries:**

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB.
  - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB.

  - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB.
  - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB.

- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB.
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries:

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €
  - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €

  - price for a single printed issue without subscription is 49 €
  - Price for a single electronic issue without subscription is 29 €
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €.

- price for a single printed issue without subscription is 39 €.
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		

Редактор
М. К. Амелина

Переводчик
Е. Ю. Лысова

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, комн. 44

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editorial staff
Maria Amelina

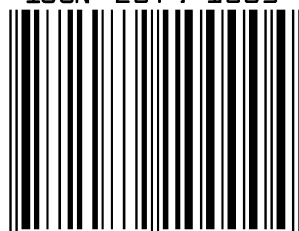
Translations
Ekaterina Lysova

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editors' address
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, off. 44

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >